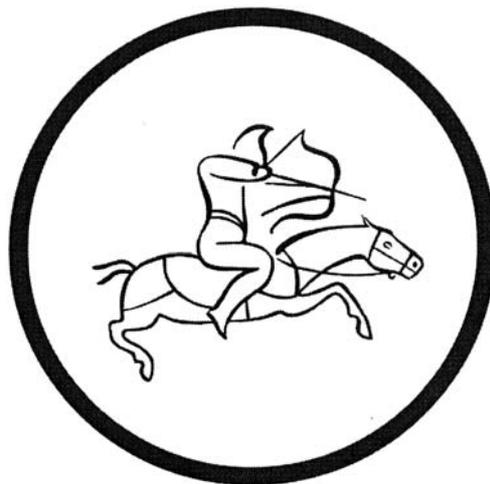

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
Выпуск 10

**ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ
АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-КАМЬЯ**

**Сборник статей
к 70-летию П.Н.Старостина**

Казань 2009

ББК 63.4

Др 72

Серия «Археология евразийских степей»

Выпуск 10

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук *Д.Г.Бугров* (отв. редактор)
кандидат исторических наук *С.В.Кузьминых*
кандидат исторических наук *А.Г.Ситдиков*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *И.Р.Газимзянов*
кандидат исторических наук *Е.М.Черных*

Редакционный совет серии:

Ситдиков Айрат Габитович (Казань) – сопредседатель, *Хузин Фаяз Шарипович* (Казань) – сопредседатель, *Артемьева Надежда Григорьевна* (Владивосток), *Афанасьев Геннадий Евгеньевич* (Москва), *Байпаков Карл Молдахметович* (Алматы, Казахстан), *Белорыбкин Геннадий Николаевич* (Пенза), *Боталов Сергей Геннадьевич* (Челябинск), *Волков Игорь Викторович* (Москва), *Гмыря Людмила Борисовна* (Махачкала), *Евглевский Александр Викторович* (Донецк, Украина), *Кляшторный Сергей Григорьевич* (С.-Петербург), *Кызласов Игорь Леонидович* (Москва), *Мухамадиев Азгар Гатауллович* (Казань), *Мыц Виктор Леонидович* (Симферополь, Украина), *Нарожный Евгений Иванович* (Армавир), *Овсянников Владимир Владиславович* (Уфа), *Руденко Константин Александрович* (Казань), *Савинов Дмитрий Глебович* (С.-Петербург), *Табалдиев Кубатбек Шакиевич* (Бишкек, Киргизия), *Татауров Сергей Филиппович* (Омск), *Тихонов Сергей Семенович* (Омск), *Тишкин Алексей Алексеевич* (Барнаул), *Фодор Иштван* (Будапешт, Венгрия), *Худяков Юлий Сергеевич* (Новосибирск).

Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н.Старостина. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 184 с.

Сборник, посвященный юбилею известного казанского археолога П.Н.Старостина, включает публикации материалов новых археологических памятников эпохи камня, бронзы, раннего железа и раннего средневековья на территории Нижнего Прикамья и сопредельных регионов – Поволжья, бассейнов рр. Вятки и Белой, а также статьи, обобщающие результаты исследований предшествующих лет.

Книга предназначена для специалистов-археологов, историков, этнографов, музейных работников и краеведов.

ISBN 978-5-94981-147-4

© Институт истории АН РТ, 2009

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемый сборник посвящается пришедшему на 2006 г. семидесятилетнему юбилею видного ученого, известного казанского археолога Петра Николаевича Старостина*, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, лауреата Государственной премии РТ в области науки и техники.

Сфера научных интересов П.Н.Старостина очень широка: от исследования памятников эпохи неолита до изучения истории позднесредневековых татарских поселений и раскопок русского посада Казани. Основные усилия Петра Николаевича направлены на исследование археологических культур I тыс. н.э. – пьяноборских памятников рубежа нашей эры в Иско-Бельском междуречье, могильников азелинской культуры III-IV вв. н.э. в приустьевой части Камы, а главное – древностей именьковской культуры IV-VII вв. н.э. Публикации и обобщающие работы П.Н.Старостина по праву являются «настолярными книгами» всех исследователей I тыс. н.э. в Волго-Камском регионе.

Сборник открывается автобиографией юбиляра, дополненной списком его опубликованных работ, составленным С.В.Кузьминых и Д.Г.Бугровым, и статьей Т.Б.Никитиной о роли П.Н.Старостина в археологическом изучении Марийского края.

Серия работ, посвященных археологии каменного века и эпохи раннего металла, объединяет публикации материалов Меллятамакского III могильника на востоке Татарстана (Е.П.Казак) и стоянки Новая деревня в Чувашии (Н.С. и А.Ю.Березины), а также обзор кремневых охотничьих орудий с памятников энеолита Иско-Бельского междуречья (А.В.Шипилов). Особняком в этой группе стоит статья А.М.Губайдуллина, в которой рассматривается ранний этап развития фортификации в Поволжском регионе, относящийся, по мнению исследователя, к периоду позднего неолита – бронзового века.

А.А.Чижевский публикует результаты полевых исследований 2003 г. на известном Тетюшском могильнике, завершающих многолетние работы целого ряда исследователей по изуче-

нию этого многослойного памятника. Материалы его раскопок в основном относятся к эпохе финальной бронзы и раннего железа (маклашевской и постмаклашевской культурам), представлены также находки периода поздней бронзы и средневековья.

Совместная статья Д.Г.Бугрова и А.А.Чижевского «Мензелинский могильник» представляет собой полную публикацию материалов нового памятника ананьинской культуры шнуговой керамики. Могильник, затопленный в настоящее время Нижнекамским водохранилищем, датируется V в. до н.э. и является вторым после исследованного еще в 1958 г. Подгорно-Байларского могильника ананьинским погребальным памятником в Восточном Закамье.

Результаты исследований еще одного погребального памятника эпохи раннего железа (финального ее этапа) опубликованы в статье А.В.Михеева. Климкинский курганно-грунтовой могильник, расположенный в Горно-Марийском районе Марий Эл, входит в круг памятников андреевско-писеральского типа и датирован автором первыми веками н.э.

А.А.Краснопёров в статье «К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа» обращается к давно назревшей проблеме уточнения хронологических рамок пьяноборской культуры. Автор вполне обоснованно выдвигает тезис об отсутствии в пьяноборских могильниках комплексов III-II вв. до н.э., а, возможно, и I в. до н.э. Верхняя дата культуры, предложенная А.А.Краснопёровым (III в. н.э.), на наш взгляд, еще требует уточнения.

В ряде представленных работ рассматриваются древности Волго-Камья II-V вв. н.э. В статье Н.С.Мясникова и Е.Л.Ефимова публикуются новые находки с Таутовского могильника в Чувашии, датированные авторами II – началом IV в. н.э. Памятники азелинской культуры Волго-Вятского междуречья рассматриваются в статье Н.А.Лещинской «Заметки об азелинских древностях (в связи с исследованиями П.Н.Старостина)» и в историографическом обзоре Р.В.Матвеева. В статье Д.А.Сташенкова и Р.Ф.Шарифуллина «Раннесредневековый керамический комплекс из раскопок Болгарского городища (новый памятник киевского круга в Поволжье)» анализируются находки из сооружения №48 раскопа СХХIII, которое авторы датируют в пределах III-IV вв. н.э., связывают его с кругом памятников киевской культуры и интерпретируют как погребальный комплекс (по-

* В силу обстоятельств выпуск сборника, сформированного, в общем, в течение 2006 г., задержался, вследствие чего ряд статей был снят авторами с печати, и редакция заменила их другими, а часть оставшихся работ содержит несколько устаревшие данные или формулировки.

гребение по обряду кремации). В заметке С.И.Валиулиной обстоятельно и с различных точек зрения (внешних аналогий, химического состава, технологии изготовления) рассматривается редкий для Прикамья артефакт – стеклянный сосуд из Тураевского курганного могильника.

Памятникам именьковской культуры посвящены обзорная статья А.В.Расторопова и публикация А.А.Чижевским материалов раскопок 1990 г. на Степановском городище на Свияге.

В статье Л.И.Липиной рассматривается сложное и неоднозначное семантическое содержание прикамских раннесредневековых арочных шумящих подвесок с изображением медведя, увязываемое исследователем с целой группой сюжетов индо-иранской и финно-угорской мифологии.

А.Г.Петренко в статье «Остеологические материалы из раннебулгарских археологических памятников Среднего Поволжья» на материале ритуальных комплексов могильников и кухонных остатков единственного на настоящий момент исследованного раннебулгарского поселения первой половины X в. – Малоиерусалимского (раскопки П.Н.Старостина 1991-1993 гг.) – анализирует особенности животноводства ранних булгар.

Завершается сборник двумя проблемными статьями, охватывающими значительные отрезки истории населения Волго-Камья. В работе В.И.Завьялова, Л.С.Розановой и Н.Н.Тереховой

«Основные этапы в истории кузнечного ремесла финно-угров (к проблеме этнокультурных контактов)» на обширном аналитическом материале, относящемся к хронологическому отрезку в два тысячелетия (VIII-VII вв. до н.э. – IX-XIII вв. н.э.) и происходящем с территории от Верхнего Прикамья и бассейна Вычегды до Тверского Поволжья и бассейна Оки, определяются этапы, виды и направления распространения форм и технологических приемов изготовления кузнечных изделий.

Еще более обширный отрезок истории – от каменного века до этнографической современности – рассматривается в статье А.А.Краснопёрова «Формирование удмуртского народного костюма: этапы и направления костюмных связей (основные тенденции)». Анализируя ситуацию в археологической/исторической костюмологии региона и отмечая сложившиеся во взглядах на развитие традиционного костюма удмуртов устойчивые стереотипы, зачастую основанные на весьма сомнительных реконструкциях, автор предлагает свое видение этапов развития костюма населения Прикамья, соотнося их с этапами этнической истории региона и выделяя для каждого этапа источники заимствований элементов костюмного комплекса в различной этнокультурной среде – у иранских, тюркских, славянских народов, даже у восточногерманского населения периферии Римской империи.

МОЯ БИОГРАФИЯ

Я родился 24 июля 1936 года в семье потомственных крестьян в д.Верхний Пинжинерь Мари-Турекского района Марийской АССР (ныне республика Марий Эл). Рано, когда мне было четыре года, у меня не стало родителей. Отец скончался в 1936 году, вскоре после моего рождения, а мать – в 1941 году. Я и моя сестра Фаина воспитывались у деда, Михаила Михайловича Старостина, и бабушки, Елизаветы Георгиевны. Дед, 1881 года рождения, был в округе известным кузнецом. Он иногда говорил, что основные годы его жизни прошли в кузнице и в войнах. Его призывали на Русско-японскую войну; участвовал он и в Первой мировой войне, был ранен под Варшавой; после лечения деда вновь призвали на фронт, но в санитарную роту. В 1919 году он принимал участие в гражданской войне. Вернувшись домой, дед по-прежнему занимался хлебопашеством. Чуть раньше, в 1912 г., община поручила ему съездить на Алтай и достоверно узнать, какие там земли, леса, речные угодья. Вернувшись с Алтая, дед начал готовиться к отъезду, но родители были против. Некоторые односельчане уехали. Писали письма. В двадцатые годы кто-то из переехавших приезжал в родную деревню.

1921 год был неурожайным. Наступал посев озимых, но семян не было. Пришлось продавать лошадь, лучшую в округе, чтобы приобрести семена и засеять озимые. В памяти населения голодный год сохранился и поныне. К голоду добавилась и эпидемия «испанки». Поколение первой половины XX столетия хорошо помнило эти суровые годы. В конце 20-х – начале 30-х годов началась компания раскулачивания. Безалаберные и бесхозяйственные люди стали «лучшими». У зажиточных и трудолюбивых крестьян отбирали вещи, скот, одежду, зерно. Дед предупреждал своих братьев, что нужно переезжать в другие места, лучше уйти на заводы.

В 1943 году я пошел в начальную школу д.Пинженерь. В 1947 году продолжал учиться в Куршановской семилетней школе (в трех километрах от нашей деревни). У меня сохранились в памяти очень хорошие воспоминания об этой школе. Несмотря на тяжелое время, учителя много занимались с учениками: организовывали чтение художественной литературы и ее обсуждение, разгадывание кроссвордов, решение трудных задач, разучивание песен и т.д. Директор школы Федорова Валентина Александровна, пре-

Петр Николаевич Старостин. 2009 г.

подававшая географию, каждого ученика спрашивала на уроке. Особое внимание она уделяла знанию карт. Очень дотошно в школе занимались русским языком. На каждом уроке по русскому учительница Клабукова Татьяна Федоровна проверяла знания каждого ученика, правила правописания. Много занималась по математике со школьниками Татьяна Алексеевна Попова. Тем ученикам, которые справлялись с заданиями, она дополнительно давала решать примеры и задачи. Это развивало интерес к предмету.

В школе организовывались чтения новых вышедших книг. Вслух прочитали книги «Молодая гвардия» А.Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б.Полевого и другие.

После окончания школы я поступил в педучилище. Приемные экзамены я не сдавал: семилетнюю школу я окончил с отличием. На первом курсе учился в Мари-Билиморском педучилище. В 1951 году это училище было ликвидировано, и нас перевели в Парангинское педучилище, которое я закончил с отличием. Затем год работал в Сенданской школе Мари-Турекского района, преподавал в 5 и 6 классах математику.

В 1955 году я поступил в Марийский пединститут на исторический факультет. В институте были преподаватели высокого уровня: В.М.Тарасова, Л.А.Витухновская, Г.И.Кириллов, А.В. Хлебников и другие. В институте царил атмосфера тяги к знаниям и интереса к учебе.

В 1956 году Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Совете Министров Марийской АССР организовал Марийскую археологическую экспедицию с целью изучения древней и средневековой истории Марийского края и происхождения марийского народа. Руководителем этой экспедиции был приглашен А.Х.Халиков – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. Альфред Хасанович обратился с просьбой в Марийский пединститут о выделении студентов для работы в Марийской археологической экспедиции. В эту группу были включены студенты Г.Н.Айплатов, Ф.П.Павлов и П.Н.Старостин. Организационную подготовку к экспедиции в Йошкар-Оле вел Геннадий Андреевич Архипов, работавший в то время в МарНИИ. Он подготовил всю документацию для зачисления нас, студентов, для работы лаборантами экспедиции, познакомил с особенностями работы в ней и техникой безопасности.

Началась работа Марийской археологической экспедиции 10 мая 1956 года. Кроме А.Х.Халикова и Г.А.Архипова, в том году в МАЭ принимали участие аспирант ИЯЛИ КФАН В.Ф.Геннинг, позже ставший известным археологом; В.Е.Стоянов – студент исторического факультета Казанского университета, позднее работавший в Государственном музее ТАССР и Уральском университете в Свердловске; научный сотрудник ИЯЛИ КФАН Т.А.Хлебникова; Б.В.Бабушкин – заместитель директора Марийского республиканского краеведческого музея, а также студенты Казанского университета. В последующие годы в этой экспедиции принимали участие студенты казанских вузов: Е.П.Казаков, Р.Г.Фахрутдинов, Д.К.Валеев, а также студенты из Горького.

Основная моя работа в Марийской археологической экспедиции была связана с проведением археологических разведок. Почти каждый день уходили по маршруту, осматривали обнажения, распаханые края надлуговых террас. В селах проводили опрос населения о находках древних вещей, местонахождениях кремня, необычных местах. Уже в первые два года нам удалось обнаружить новые археологические памятники.

Прошли десятилетия. Оглядываясь назад, можно полагать, что работать могли бы более результативно. Об этом свидетельствует пер-

вый выпуск «Археологической карты Марийской АССР», подготовленный А.Х.Халиковым и Г.А.Архиповым. Лесные зоны в бассейнах рек Илети, Большой и Малой Кокшаги отмечены в ней лишь отдельными археологическими объектами. Мы как археологи-разведчики поначалу были слабо подготовленными. Только к 1958 году нам удалось освоить методику поиска памятников в лесных районах. Результатом стало открытие многих древних поселений в западной части Марийской АССР, в Горьковской и Кировской областях.

Позднее, в 1970–1980-е годы, под руководством В.В.Никитина были проведены разведки в бассейнах рек Большой и Малой Кокшаги, Илети, когда были открыты многочисленные поселения эпох камня и бронзы, а также памятники раннего железного века и средневековья.

В 1960 г. после окончания пединститута я стал работать в Марийском республиканском краеведческом музее. В это время было построено новое здание музея. В 1960 и 1961 гг. я в основном занимался построением экспозиции по древней и средневековой истории Марийского края. Большую помощь в этой работе мне оказывали Г.А.Архипов, В.Д.Бусыгин, Б.В.Бабушкин, Н.В.Иванов. Экспозиция функционировала несколько десятков лет, привлекая внимание жителей и гостей республики. К сожалению, прошло уже немало лет, как ее разобрали. И, увы, новой экспозиции в Национальном музее Республики Марий Эл нет до сих пор.

В 1961 – первой половине 1962 г. я работал ассистентом на кафедре истории Марийского государственного педагогического института.

Летом 1962 г. поступил в аспирантуру по специальности «археология» в Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. Моим научным руководителем стал А.Х.Халиков. У меня тогда сложился интерес к эпохе камня: мною в Горьковской области, Марийской АССР и Чувашии были открыты многие памятники эпохи неолита. Но Альфред Хасанович настоял на том, что наиболее актуальной является тема, связанная с памятниками именниковского круга. Во второй половине июля 1962 г. я сдал вступительные экзамены в аспирантуру в ИЯЛИ КФАН по специальности «археология». После зачисления в аспирантуру через пять дней выехал в экспедицию (был один день в Балымерах, затем экспедиция перебазировалась в Танкеевку, где проводились раскопки знаменитого раннеболгарского могильника). Там я вновь встретил Е.П.Казакова, Р.Г.Фахрутдинова, Е.А.Халикову и познакомился с Р.С.Габяшевым. Через три дня я выехал в разведку по верховьям Ахтая, затем по Малому Черемшану.

16-23 августа 1962 г. я обследовал Больше-тарханское городище и его округу на правом берегу реки Волги, в лесу. В послевоенные годы данный памятник визуально осматривался А.Х.Халиковым. Он утверждал, что это городище относится к именьковскому кругу. Мне удалось тогда снять его план. Городище занимает три мыса, между которыми глубокие овраги. Поверхность мысов и оврагов сплошь покрыта лесом. На дне оврагов бьют родники. С napольной стороны мысы ограждаются валами, рвами; отсюда же к городищу примыкала полоса «волчьих ям». В осыпях около ручьев мне удалось собрать значительную коллекцию керамики (именьковскую, болгарскую). Стационарное исследование данного памятника не предпринималось. Этот памятник и поныне имеет хорошую сохранность.

В 1963 году я проводил раскопки на Маклашеевском II городище в низовьях реки Утки, левого притока реки Волги. Уже в то время значительная часть данного городища была размыта водохранилищем Куйбышевской ГЭС. На сохранившейся части городища был зафиксирован культурный слой. В его верхних горизонтах встречены остатки болгарской керамики. Основную часть выявленных объектов составляют остатки именьковских построек (пять жилищ – землянок и полуземлянок; хозяйственные ямы-кладовки; очаги в виде глиняных обожженных площадок, по-видимому, предназначенных для подсушки зерна). В культурном слое была найдена серебряная серьга с красными стеклянными вставками, датруемая V в.

Во второй половине лета 1963 г. я проводил разведки в зоне затопления Нижнекамской ГЭС (от г.Набережные Челны до пос.Актаныш) по левому берегу р.Камы и левому берегу р.Белой. Хотя этот регион обследовался в археологическом отношении, но нам удалось обнаружить новые стоянки и селища около деревни Дубовая Грива, у сел Игим, Русский и Татарский Азибей и др. Проведенные разведки дали возможность целенаправленно и стационарно исследовать эти памятники при развертывании работ Нижнекамской археологической экспедиции в 1968–1973 гг.

В разведке 1963 г. принимали участие студенты Ю.Колчин и М.Косменко. На залесенной террасе у д.Дубовая Грива я заметил большие ямы – котлованы, покрытые деревьями и кустарниками. Мы уже устали и М.Косменко и Ю.Колчин стали мне говорить, что котлованы очень большие. Мы прошли еще километра полтора, и в густом лесу я снова заметил систему котлованов. Марк стал говорить, что здесь не может быть древних остатков. Но на втором штыке шурфа пошли фрагменты приказанской керамики. Юра

и Марк стали мне говорить о том, что надо вернуться к окраине деревни Дубовая Грива и провести шурфовку. Через два дня из деревни Кырныш мы вернулись, заложили шурфы на окраине Дубовой Гривы и зафиксировали стоянку с хорошим непотревоженным слоем. Она раскапывалась позднее мною и Р.С.Габяшевым, который вел основные стационарные исследования памятников, открытых у деревни Дубовая Грива, в годы работ Нижнекамской экспедиции.

В начале сентября 1964 г. в низовьях р.Бездны, левого притока р. Волги, мною было открыто Щербетьское I островное селище на останце надлуговой террасы левого берега Бездны. Большая часть культурного слоя поселения оказалась размытой. На вышедшей из-под воды поверхности были найдены слитки металла, узколезвийные железные топоры, а также фрагменты именьковской керамики. Весной 1965 г., когда вода значительно спала, были зафиксированы остатки жилищных котлованов, ям-кладовок, остатки двух мастерских для плавки металла. В заполнении мастерских найдено большое количество обломков глиняных конусовидных тиглей, литейная глиняная форма для отливки пряжек и другие предметы. Слитки были найдены в районе остатков мастерских. Анализ металла слитков, проведенный в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР, показал, что это латунь.

Обследование Щербетьского I островного селища дало возможность собрать большое количество керамических предметов именьковской культуры (сосудов, крышек, пряслиц, льячек, фигурок животных и др.), изделий из железа (ножи, топоры, удила, серпы, обломки кос-горбуш) и других находок.

Позднее я проводил небольшие работы на Троицко-Урайском I городище в Рыбно-Слободском районе на правом берегу р.Камы. Удалось установить, что культурные остатки этого городища относятся к ананьинской, именьковской и болгарской эпохам. Основная часть находок связана с именьковской культурой, причем в заполнении одной из ям обнаружены две сасанидских серебряных монеты середины VI в.

В 1970-е годы мне удалось провести раскопки городища «Девичий городок» в низовьях р.Ахтай в Спасском районе Татарстана. Данное городище было известно давно. У него было четыре башни, а со стороны реки также возведен вал. После напoлнения Куйбышевского водохранилища памятник интенсивно разрушался. К 1970-м годам значительная часть городища с северной стороны была обрушена. Именно здесь был вскрыт участок площадки городища. Основную часть находок составили фрагменты

керамики именьковского облика и отдельные болгарские фрагменты.

Второй раскоп на памятнике был заложен на одном из земляных возвышений – башен. При вскрытии насыпи зафиксированы остатки деревянных столбиков, которые были закреплены в земляной насыпи. Под насыпью вскрыт слой, в котором найдены болгарские вещи, в том числе бронзовый наконечник ремня и фрагменты керамики позднего домонгольского облика. Судя по остаткам, здесь могла существовать деревянная башня, построенная на земляном возвышении. Возвышения – основания башен – были расширены по углам оборонительной системы. Укреплений раннеболгарского времени на данном поселении не существовало. Обычно на именьковских городищах фиксируется большое количество ям-кладовок, но на площадке городища ям-кладовок было очень немного. В середине I тыс. н.э. укреплений на данном поселении не существовало.

Первые погребения носителей именьковской культуры были зафиксированы около с.Рождественно Лаишевского района на р.Меше Н.Ф.Калининым в 1946 г., но значительные раскопки этого могильника проводил В.Ф.Генинг в 1950-е гг. На этом могильнике вскрыто 123 погребения, совершенных по обряду кремации на стороне с помещением остатков сожжения в небольшие ямы и наличием в ямах глиняных сосудов, не являющихся урнами.

Погребальный обряд носителей именьковской культуры, впервые изученный по материалам Рождественского II могильника, не признавался некоторыми исследователями, в том числе известным археологом А.П.Смирновым. Он утверждал, что данный могильник не связан с Рождественским селищем, примыкающим к могильнику.

Более 15 лет я предпринимал поиски новых могильников именьковской культуры. Лишь в 1977 г., осматривая обнажения правого берега р.Брыски между бывшим селом Богородицкое и селом Именьково, в обнажении берега удалось заметить ямку, заполненную золой, углистыми включениями и обожженными человеческими костями. Среди остатков была найдена оплавленная в огне стеклянная бусина. В августе того же года здесь был заложен раскоп и выявлен новый именьковский могильник, на котором удалось вскрыть 17 погребений, аналогичных захоронениям Рождественского II могильника. Во многих погребениях были найдены глиняные сосуды. По размерам, форме и примесям в тесте, фактуре поверхности найденные сосуды аналогичны сосудам Рождественского II могильника.

Позднее в районе бывшей деревни Маклашеевки Спасского района РТ на правом берегу р.Утки, левого притока р.Волги были зафиксированы остатки еще двух могильников – Маклашеевского IV и Маклашеевского V. В последние годы Е.П.Казаковым в низовьях р.Ахтай (левого притока р.Камы) ведутся раскопки Коминтерновского II могильника, на котором основная часть погребений совершена по обряду кремации, но значительное число захоронений проведено по обряду ингумации. Последние сопровождалась остатками лошадей (череп и кости нижнего отдела ног). В погребениях находились украшения, оружие, глиняная посуда, обычные для именьковской культуры.

Носители именьковской культуры контактировали с населением Средней Камы и бассейна р.Белой.

Другая группа памятников, близкая именьковским, находится на Самарской Луке. Судя по имеющимся материалам, она раньше памятников именьковского типа Нижнего Прикамья. Возможно, что позднее население Самарской Луки могло отойти в более северные лесостепные районы.

Чуть раньше, в III-V вв., Нижнее Прикамье было заселено носителями азелинской культуры, оставившими поселения (городища и селища), могильники и отдельные вещи. Материалы этого круга памятников были известны еще в конце XIX столетия. В XX веке собраны основные коллекции. В изучении азелинских памятников Нижнего Прикамья внесли свой вклад М.Г.Худяков, Н.Ф.Калинин, В.Ф.Генинг, А.Х.Халиков, Е.П.Казаков, В.Н.Марков. В послевоенные годы в зоне Куйбышевского водохранилища были открыты новые группы азелинских поселений и могильников на территории Нижней Камы и прилегающих частях Волги. Выявлены и раскапывались такие азелинские могильники, как Рождественский V, Нармонский, Усть-Брыскинский, Гремячкинский и другие. К сожалению, пока удалось опубликовать лишь небольшую часть этих памятников.

К концу 1970-х годов были, в основном, завершены работы, связанные с составлением археологической карты ТАССР. Залесенные же территории Татарстана, хотя и небольшие, но практически и поныне не пройдены. На этих территориях могут быть открыты новые оригинальные археологические объекты. Во многих регионах нужно проводить периодическое обследование, особенно в зонах водохранилищ.

Мне посчастливилось в разные годы вести археологические раскопки на территории Болгарского городища с целью поисков ранних напластований. Т.А.Хлебникова, возглавившая

здесь работы после А.П.Смирнова, поручала мне проведение археологических раскопок на территории Коптелова бугра, которая исследовалась еще в предвоенные годы. В 1960-е годы мною также велись небольшие раскопки на территории этой же части Болгарского городища. Были зафиксированы остатки именьковского слоя, остатки земляных ям-хранилищ, а также остатки землянки золотоордынского времени.

В начале 1980-х годов Т.А.Хлебникова предложила мне провести раскопки на останце культурного слоя на правом берегу Малого Иерусалимского оврага: случилось так, что строители снесли значительную площадь культурного слоя около Святого родника. Сохранилась лишь небольшая площадь культурного слоя. Удалось вскрыть останец культурного слоя, на котором зафиксированы следы жилища с остатками очагов, устроенных из песчаников. В заполнении жилища найдены фрагменты керамики рубежа X–XI вв.

Во время работы на этом останце я осматривал осыпи обнаженного левого берега оврага и собрал фрагменты лепной круглодонной посуды с примесями в тесте толченых раковин, украшенных по горловинам оттисками шнура, близкие по профилировке и характеру орнамента керамики из погребений Танкеевского могильника. Осмотрев подъемный материал, Т.А.Хлебникова лично осматривала остатки культурного слоя на левом берегу Малого Иерусалимского оврага. Она подтвердила наличие здесь остатков селища раннеболгарского времени.

Позднее при стационарных исследованиях зафиксированы остатки пяти жилищ, множество хозяйственных ям-кладовок. В культурном слое, в том числе в заполнении жилищных и хозяйственных построек, найдены остатки железных изделий (обломки ножей, серпов, топор, гвоздей), серебряные монеты X в., а также лепная и круговая глиняная посуда. Вещевой материал из культурного слоя, и в первую очередь керамика, аналогичен материалам Танкеевского могильника и датируется X в.

После переезда в Казань в 1962 г. меня приютил с жильем Р.С.Габяшев, проживавший в маленькой комнатухе на улице Татарстан. Он оказался очень добрым, чутким, отзывчивым, справедливым человеком. Я часто выезжал с ним в экспедиции.

Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР в 1962–64 гг. был довольно беспокойным. Руководство Института, профком, партбюро, партком постоянно проводили собрания, на которых рассматривали обстановку в ИЯЛИ КФАН СССР. Ряд сотрудников не прошли аттестацию и ушли на другие

места работы. Большую роль в стабилизации обстановки сыграл М.К.Мухарямов, ставший директором в 1964 г. Это был авторитетный человек, справедливый, объективный. Комиссия Академии наук СССР, проводившая в 1977 г. аттестацию ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, особо отметила роль директора М.К.Мухарямова.

При всех обстоятельствах наука развивалась, проводились экспедиции, конференции, готовились монографии, принимались аспиранты.

В начале 1960-х годов пришли в аспирантуру А.Г.Петренко, Р.Г.Фахрутдинов, Е.П.Казаков. Археологи и этнографы входили в один сектор (археологии и этнографии). В институте часто проводились научные конференции. В группу археологов входили А.Х.Халиков, Т.А.Хлебникова, лаборантами группы были Р.С.Габяшев и Г.Р.Ишмуратова. В группу этнографов сектора археологии и этнографии входили Н.И.Воробьев, Г.М.Хисамутдинов, Р.Г.Мухамедова, Ф.Х.Валеев, А.Г.Загидуллин, Р.К.Уразманова, Ю.Г.Мухаметшин.

Еще в 1945 г. Президиумом АН СССР перед Казанским филиалом была поставлена задача – в течение пяти лет провести обследование территории Татарской АССР в археологическом отношении и составить археологическую карту республики. К сожалению, в столь сжатые сроки выполнить эту задачу не удалось (хотя основа карты была сделана), и она решалась вплоть до 1980-х годов. Большие разведочные работы проводил в 1960–1970-е гг. Р.Г.Фахрутдинов. Но и поныне остались почти не обследованными в археологическом отношении лесные территории Республики.

Уже в 1950-е годы начинались обследования археологических памятников в зоне Куйбышевского гидроузла. С начала 60-х годов под общим руководством А.Х.Халикова начали проводиться исследования на археологических памятниках в зоне водохранилища Куйбышевской ГЭС. На V Уральском археологическом совещании, проходившем в конце декабря 1964 г., в принятой резолюции было отмечено: «Одобрить опыт работы казанских археологов в зоне водохранилища Куйбышевского гидроузла».

Десятки лет в зоне Куйбышевского водохранилища работали археологи Р.С.Габяшев, Е.П.Казаков, М.Г.Косменко, В.Н.Марков, К.А.Руденко, А.А.Чижевский, М.Ш.Галимова, Д.Г.Бугров и другие исследователи. Археологические объекты, находившиеся в зонах Нижнекамского и Куйбышевского водохранилищ, и поныне периодически обследуются. Это позволит сохранить многие археологические объекты. Хотя огромные масштабы разрушений древних и средневековых памятников в зонах этих водо-

хранилищ требует создания специальной и действенной службы надзора и мониторинга.

В 1990-е годы я принимал участие в изучении древнейшего города Казани, проводил раскопки на территории Кремля и прилегающих к ней территориях. Общее руководство полевыми работами в Казани осуществлял Ф.Ш.Хузин. Интересные в научном отношении материалы получены мною около круглой башни. Были выявлены остатки ремесленной мастерской, связанной с меднолитейным делом. В раскопе встречено большое количество слитков бронзы, бронзовых шлаков, а также остатки горна для плавки меди. Возможно, здесь отливались украшения, принадлежности костюма, посуда и другие предметы.

В 1989-1990 гг. я работал в Казанском пединституте заведующим кафедрой и проректором. Это были трудные годы: студенты часто устраивали собрания, их волновала ситуация в пединституте, городе и стране. Особенно тяжелой была обстановка в общежитиях. Удалось убедить студентов организовать дежурство и не допускать посторонних в общежития. Не все преподаватели, к сожалению, воспринимали си-

туацию в студенческих общежитиях. Чтобы ознакомиться с обстановкой в студенческих общежитиях, был организован выезд группы преподавателей в общежитие медицинского института на ул. Губкина. Когда мы пришли в общежитие, там не было коменданта, дежурных на вахте; на первом этаже в коридоре не было пола; в длинном коридоре второго этажа была лишь одна лампочка. На втором этаже, где были умывальники, до потолка был мусор. Все трубы были перекорезены. Туалеты были забиты мусором. Участники нашей поездки были удивлены, что там живут студенты-медики, о которых никто не заботится. Данная поездка убедила, что о студентах нужно заботиться не только администрации, но и преподавателям. Общими усилиями обстановка в общежитиях пединститута сдерживалась. Возвращаться домой мне приходилось обычно около 10 часов.

Основные годы моей жизни и трудовой деятельности связаны с академическими коллективами Института истории, языка и литературы им. Г.Ибрагимова КФАН СССР и Института истории Академии наук Татарстана.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ П.Н.СТАРОСТИНА

1961

1. Результаты археологических разведок левобережья Волги от пос.Дубовский до с.Кокшамары // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. С.165–180 (ТМарНИИЯЛИ. Вып.16).

1962

2. Археологические памятники левобережья Волги между г. Козьмодемьянском и с. Кокшайском // Аннотированный перечень докладов и сообщений, поступивших на учредительный съезд Историко-археологического общества. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962. С.65–66.

1964

3. О так называемых позднегородецких памятниках Среднего Поволжья // Вопросы истории, археологии и этнографии Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. С.191–208 (ТМарНИИЯЛИ. Вып.19).

1965

4. Балымерский «Шелом»-городище // Вопросы истории и литературы народов Среднего Поволжья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1965. С.59–68.

1966

5. Новый памятник предбулгарского времени на Нижней Каме // Пленум Института археологии 1966 г. Секция «Ранний железный век»: ТД. [Ч.3]. М.: ИА АН СССР, 1966. С.19.

6. К истории животноводства и охоты племен именьковской культуры / П.Н.Старостин, А.Г.Петренко // Сборник аспирантских работ Казанского государственного университета (Естественные науки. Биология). Казань: КГУ, 1966. Ч.2. С.101–114.

1967

7. Верхний слой Пичкаского «Кургана» // Тез. докл. научной конференции молодых ученых. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1967. С.81–82.

8. Новые памятники на территории Чувашии // АО-1966. М.: Наука, 1967. С.93–94.

9. Археологические работы на Куйбышевском водохранилище / П.Н.Старостин, А.Х.Халиков // Там же. С.91–93.

10. Жилища поселения Курган // УЗПГУ. 1967. №148. С.110–115 (Труды IV Уральского археологического совещания).

11. Изучение археологических памятников Нижнего Прикамья в пределах Куйбышевского водохранилища в 1965–1966 гг. / П.Н.Старостин, А.Х.Халиков, Т.А.Хлебникова // V Уральское археологическое совещание: ТДС. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. С.111–114.

12. Обсуждение докладов и сообщений. Ответы на вопросы // Происхождение марийского народа: Материалы научной сессии, проведенной МарНИИЯЛИ (23–25 дек. 1965 г.). Йошкар-Ола: Мар.кн. изд-во, 1967. С.298–300.

13. Памятники именьковской культуры // САИ. 1967. Вып. Д1–32. 95 с.

Рец.: Краснов Ю.А., Смирнов А.П. // СА. 1969. №2. С.291–296.

14. Именьковские племена Нижнего Прикамья: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Йошкар-Ола: МарГУ, 1967. 19 с.

1968

15. Маклашеевское II городище именьковской культуры // УЗПГУ. 1968. №191. С.221–229.

16. Новый памятник предбулгарского времени на Нижней Каме // СА. 1968. №1. С.251–255.

17. Куйбышевская экспедиция / А.Х.Халиков, М.Г.Косменко, П.Н.Старостин, Р.Г.Фахрутдинов // АО–1967. М.: Наука, 1968. С.100–104.

1969

18. Работы в зоне Куйбышевского водохранилища / Р.С.Габяшев, Е.П.Казаков, П.Н.Старостин // АО–1968. М.: Наука, 1969. С.131–132.

19. Работы Татарского отряда Нижнекамской экспедиции / А.Х.Халиков, Р.С.Габяшев, Е.П.Казаков, М.Г.Косменко, П.Н.Старостин // Там же. С.135–137.

20. Исследования Биляра / А.Х.Халиков, П.Н.Старостин, Р.Г.Фахрутдинов // Там же. С.168–169.

21. Финно-угры Поволжья и их южные соседи середины I тыс. н.э. // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: ТДС. Йошкар-Ола: ИЯ АН СССР, МарНИИ, 1969. С.145–147.

22. Этнокультурные связи населения Башкирского Приуралья и Нижнего Прикамья в I тысячелетии нашей эры // Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа: БФАН, 1969. С.69–71.

1970

23. Работы Татарского отряда Нижнекамской экспедиции Института археологии АН СССР / О.Н.Евтюхова, Р.С.Габяшев, Е.П.Казаков, М.Г.Косменко, П.Н.Старостин // АО–1969. М.: Наука, 1970. С.137.

24. Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетского поселения / В.Н.Сидоров, П.Н.Старостин // СА. 1970. №4. С.233–237.

25. Туган ягыбызның ерак үткәне // Казан утлары. 1970. №7. Б.169 (Рец.: А.Х.Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 395 с.) (на тат. яз.).

1971

26. Работы в зоне Куйбышевского водохранилища / П.Н.Старостин, Е.А.Халикова, А.Х.Халиков // АО–1970. М.: Наука, 1971. С.142–143.

27. Исследования Татарского отряда Нижнекамской экспедиции / Р.Н.Багаутдинов, Р.С.Габяшев, Е.П.Казаков, М.Г.Косменко, П.Н.Старостин // Там же. С.146–147.

28. Остатки древних погребений в городе Уржуме / Н.Н.Арбузова, П.Н.Старостин // Новые страницы в истории Марийского края. Йош-

кар-Ола: МарНИИ, 1971. С.255–259 (ТМарНИИЯЛИ. Вып.23).

29. О романовских и именьковских памятниках // АЭБ. 1971. Т.4. С.148–150.

30. Десять лет работы на Куйбышевском водохранилище / Р.С.Габяшев, Г.Р.Ишмуратова, Е.П.Казаков, М.Г.Косменко, П.Н.Старостин // Тез. докл. II научной конференции молодых ученых. Казань ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С.66–68.

31. Некоторые итоги и задачи исследования памятников предбулгарского времени Среднего Поволжья // Там же. С.73–76.

32. Итоги трехлетних работ Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции АН СССР / П.Н.Старостин, Р.С.Габяшев, Е.П.Казаков, М.Г.Косменко // Тез. докл. итоговой научной сессии за 1970 г. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С.92–95.

33. Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С.37–54 (Археология и этнография Татарии. Вып.1).

34. Сай туналтыш [Хорошее начало] // Ончыко [Вперед]. 1971. №3. С.112. (на мар. яз.).

1972

35. Работы Татарского отряда Нижнекамской экспедиции / Р.Н.Багаутдинов, Р.С.Габяшев, А.М.Захаров, Е.П.Казаков, М.Г.Косменко, П.Н.Старостин // АО–1971. М.: Наука, 1972. С.186–187.

36. Работы в зоне Куйбышевского водохранилища / М.Г.Косменко, П.Н.Старостин, А.Х.Халиков // Там же. С.202–204.

37. Кумысские стоянка и могильник / В.Ф.Геннинг, П.Н.Старостин // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. М.: Знание, 1972. Вып.1. С.87–104.

38. Деуковский II могильник / Е.П.Казаков, П.Н.Старостин, А.Х.Халиков // Там же. С.105–121.

39. Археологические разведочные работы Татарского отряда Нижнекамской экспедиции / Е.П.Казаков, М.Г.Косменко, П.Н.Старостин // Там же. С.143–47.

40. V Рождественский могильник // Тез. докл. на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. Археологические секции. М.: ИА АН СССР, 1972. С.82.

1973

41. Работы в зоне Куйбышевского водохранилища / П.Н.Старостин, М.Г.Косменко, А.Х.Халиков, Е.П.Казаков // АО–1972. М.: Наука, 1973. С.189–190.

42. Игимский могильник / П.Н.Старостин, Е.П.Казаков, Р.С.Габяшев // Сов. Татария. 1973. 14 февр.

43. Игимский могильник / П.Н.Старостин, Е.П.Казаков, Р.С.Габяшев // СА. 1973. №1. С.260–264.

44. Новые памятники предбулгарского времени и их место в материальной культуре древнего населения Нижнего Прикамья // Тез. докл. итоговой научной сессии за 1972 г. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1973. С.132–133.

1974

45. Тайна Широкой Горы // Сов. Татария. 1974. 27 июля. №175 (16751).

46. Ред.: Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание (тезисы) / А.Х.Халиков, П.Н.Старостин, Р.К.Уразманова. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР; ВООПИК, Тат. отд-ие, 1974. 79 с.

47. Из опыта работы на функционирующих водохранилищах Волжско-Камского каскада / Р.С.Габяшев, П.Н.Старостин, Е.П.Казаков, А.Х.Халиков // Там же. С.4–5.

48. Изучение памятников предбулгарского времени в Нижнем Прикамье в 1973–1974 гг. // Там же. С.30–31.

49. Работы в зоне затопления Куйбышевского водохранилища в пределах Татарии / Р.С.Габяшев, Е.П.Казаков, М.Г.Косменко, П.Н.Старостин, С.В.Кузьминых // АО–1973. М.: Наука, 1974. С.141.

50. Памятники эпохи раннего железа в Нижнем Прикамье / Г.Р.Ишмуратова, П.Н.Старостин // Там же. С.156.

51. Разведки по малым рекам Татарии / Е.П.Казаков, М.Г.Косменко, П.Н.Старостин // Там же. С.157.

52. Ответ А.П.Смирнову / А.Х.Халиков, Е.А.Халикова, П.Н.Старостин, А.Г.Петренко // СА. 1974. №1. С.265–274.

1975

53. Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание / П.Н.Старостин, Р.К.Уразманова // СЭ. 1975. №4. С.145–148.

54. Разведки в бассейне Большой Кокшаги / В.В.Никитин, П.Н.Старостин // АО–1974. М.: Наука, 1975. С.166.

55. Изучение азелинских могильников в Нижнем Прикамье // Там же. С.177–178.

56. О некоторых особенностях азелинских могильников Нижней Камы // Новейшие открытия советских археологов: ТД. Киев: 1975. Ч.3. С.102–103.

57. Погребение с остатками кремации в низовьях Камы // СА. 1975. №2. С.266–268.

1976

58. I Поволжское археолого-этнографическое совещание / П.Н.Старостин, Р.К.Уразманова // СА. 1976. №3. С.355–357.

59. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища / Р.С.Габяшев, Е.П.Казаков, П.Н.Старостин, А.Х.Халиков, Т.А.Хлебникова // Из археологии Волго-Камья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С.3–34.

1977

60. Раскопки могильника Старый Чекмак / Р.С.Габяшев, П.Н.Старостин, Р.М.Фаттахов // АО–1976. М.: Наука, 1977. С.136.

61. Разведки в Ульяновской и Пензенской областях / Е.П.Казаков, В.И.Ледяйкин, П.Н.Старостин, А.Х.Халиков // Там же. С.154.

62. Работы на памятниках предбулгарского времени / П.Н.Старостин, Р.С.Габяшев // Там же. С.179.

63. Работы казанских археологов на водохранилищах Волго-Камского каскада / А.Х.Халиков, М.Г.Косменко, П.Н.Старостин // Развитие гуманитарных наук в Татарии. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1977. С.77–82.

64. О роли А.П.Смирнова в изучении истории финно-угорских народов Поволжья / Г.А.Архипов, П.Н.Старостин // Древности Волго-Камья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1977. С.15–20.

65. Работы на Троицко-Урайском I городище в 1973 г. // Там же. С.31–41.

1978

66. Работы в Нижнем Прикамье / Р.С.Габяшев, П.Н.Старостин, Г.Т.Юсупова // АО–1977. М.: Наука, 1978. С.164.

67. О памятниках волосовско-турбинского типа в Икско-Бельском междуречье / Р.С.Габяшев, П.Н.Старостин // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С.148–159 (АЭМК. Вып.3).

68. Жилища эпохи бронзы второй Дубовогривской стоянки / Р.С.Габяшев, П.Н.Старостин // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1978. С.109–120 (Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР. Вып.2. Работы Татарского отряда).

69. Первый Меллятамакский могильник // Там же. С.126–142.

70. Из опыта работы по составлению общей и тематических археологических карт (по материалам Среднего Поволжья) / П.Н.Старостин, А.Х.Халиков // О научной конференции по памятникам археологии. М., 1978. С.10–12.

71. Материалы к археологической карте Марийской АССР: (Каталог памятников) / В.В.Никитин, П.Н.Старостин. Йошкар-Ола: МарНИИ; ВООПИК, Мар. отд-ие, 1978. Вып.2. 104 с.

72. Погребение литейщицы из пятого Рождественского могильника / П.Н.Старостин, С.В.Кузьминых // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С.168–172.

73. Елена Александровна Халикова: [1930–1977. Некролог] / Г.А.Архипов, Е.П.Казаков, Р.Г.Кузеев, П.Н.Старостин, А.Х.Халиков // СА. 1978. №1. С.316.

1979

74. Исследования «Девичьего городка» / В.Н.Марков, П.Н.Старостин // АО–1978. М.: Наука, 1979. С.187.

75. Работы на Рождественском комплексе / П.Н.Старостин, Р.С.Габяшев // Там же. С.201.

76. Памятники болгарского времени // Сов. Татария. 1979. 1 февр. №28 (18125).

77. Об этнокультурных компонентах азелинской культуры // Вопросы финно-угроведения: Тез. докл. на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1979. Ч.2. С.70–71.

1980

78. Раскопки в Болгаре / Г.Ф.Полякова, М.Д.Полубояринова, П.Н.Старостин, Т.А.Хлебникова // АО–1979. М.: Наука, 1980. С.169–170.

79. Работы в низовьях р.Камы // Там же. С.173–174.

1981

80. Исследования памятников именьковской культуры в Татарии // АО–1980. М.: Наука, 1981. С.154–155.

81. Об интерпретации некоторых проблем ремесла у племен азелинской культуры // Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. С.102.

82. Железообработка у племен именьковской культуры / П.Н.Старостин, Л.С.Хомутова // СА. 1981. №3. С.208–217.

83. Памятники предболгарского времени Нижнего Прикамья // Плиска – Преслав: прабългарската култура: (Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976). София: Изд-во БАН, 1981. Т.2. С.82–91.

84. [Историко-археологический очерк: конец эпохи раннего железа] // Археологическая карта Татарской АССР: Предкамье. М.: Наука, 1981. С.15–16.

85. [Историко-археологический очерк: культуры предболгарского времени (III–VII вв.)] // Там же. С.16–18.

86. [Реестр памятников конца эпохи раннего железа и начала эпохи средневековья] / В.Ф.Генинг, П.Н.Старостин // Там же. Рис.5–6, табл. XII–XIV.

87. [Основная карта] / П.Н.Старостин, Р.С.Габяшев, Т.А.Хлебникова // Там же. Рис.1.

88. Иманлейская и Уразаевские стоянки эпохи бронзы / П.Н.Старостин, Р.Н.Багаутдинов // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С.25–40.

89. Гремячкинский могильник // Там же. С.110–114.

1982

90. Исследование памятников пьяноборского и предболгарского времени в 1968–1981 гг.

// Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1982. С.24–28.

1983

91. Работы в зоне Куйбышевского водохранилища / Е.П.Казаков, П.Н.Старостин // АО–1981. М.: Наука, 1983. С.151–152.

92. Исследования могильников именьковской культуры в Татарии // Там же. С.174.

93. Раннесредневековое поселение «Курган» // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. С.6–19.

94. Богородицкий могильник // СА. 1983. №1. С.193–203.

1984

95. Исследование памятников середины I тысячелетия н.э. в Татарии // АО–1982. М.: Наука, 1984. С.178.

96. О погребениях с остатками коня Рождественского V могильника / П.Н.Старостин, А.Г.Петренко // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984. С.91–112 (АЭМК. Вып.8).

97. Ред.: А.Г.Петренко. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

1985

98. Исследования могильника Маклашеевский IV // АО–1983. М.: Наука, 1985. С.178–179.

99. Об остатках башен «Девичьего городка» // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С.34–41.

100. Finno-ugrians of the Lower Kama area in the mid-1st millennium A.D. // VI Международный конгресс финно-угроведов (Сыктывкар, 24–30.VII.1985): Этнография, археология, антропология: ТДС. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. Т.4. С.168.

101. [Историко-археологический очерк: предболгарская эпоха] // Археологическая карта Татарской АССР: Предволжье. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С.11–12.

102. [Реестр памятников предболгарской эпохи] // Там же. Рис.1, табл. V.

103. Не только для археологов // Вечерняя Казань. 1985. 5 марта. №54 (1854). (Ред.: Археологические памятники Нижнего Прикамья: Сб. статей. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. 125 с.)

1986

104. Исследования на нижней Каме // АО–1984. М.: Наука, 1986. С.153–154.

105. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Куйб. гос. ун-т, 1986. С.90–104.

106. Ред.: Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье. Часть I. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 111 с.

107. [Историко-археологический очерк: пьяноборско-азелинское время и предболгарский

период] // Там же. С.9.

108. [Реестр памятников эпохи раннего железа] / С.В.Кузьминых, П.Н.Старостин, А.Х.Халиков // Там же. Рис.1, 5.

109. [Реестр памятников пьяноборско-азелинского времени и предбулгарского периода] // Там же. Рис.1, 6–7.

110. Об истории татарского народа // Вечерняя Казань. 1986. 21 марта. №67 (2167). (Рец.: К вопросу этнической истории татарского народа: Сб. статей. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 133 с.)

1987

111. Работы Предболгарской экспедиции // АО–1985. М.: Наука, 1987. С.208.

112. Предболгарские памятники на территории Болгарского городища // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987. С.89–98.

113. Археологические памятники Татарской АССР / Е.П.Казаков, П.Н.Старостин, А.Х.Халиков. Казань: Тат. кн. изд-во, 1987. 240 с.

1988

114. Сабля с рунической надписью из села Именьково Казанской губернии // Истоки татарского литературного языка. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С.14–16.

115. Исследования Болгара / Н.Д.Аксенова, М.М.Кавеев, М.Д.Полубояринова, П.Н.Старостин, Т.А.Хлебникова, Р.Ф.Шарифуллин // АО–1986. М.: Наука, 1988. С.147–148.

116. Работы Раннеболгарской экспедиции / Е.П.Казаков, П.Н.Старостин // Там же. С.171–172.

117. [Реестр памятников азелинской и именьковской культур] // Археологические памятники Центрального Закамья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. Рис.1, 7.

118. Именьковская культура и волжские болгары // Ранние болгары в Восточной Европе: Научная конференция, посвященная 100-летию Н.Ф.Калинина: ТД. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С.19–20.

119. Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара / М.М.Кавеев, М.Д.Полубояринова, П.Н.Старостин, Т.А.Хлебникова, Р.Ф.Шарифуллин // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 58–71.

120. Ред.: Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. 130 с.

1989

121. [Историко-археологический очерк: пьяноборская и именьковская культуры] // Археологические памятники Восточного Закамья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. С.11–12.

122. [Основная часть реестра археологических памятников в низовьях рр.Ик и Белая] // Там же. Рис.1, 8.

1990

123. [Реестр памятников именьковской культуры] // Археологические памятники бассейна р. Черемшан. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. Рис.1, 4.

124. Нижнее Прикамье в середине I тыс. н.э. // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum: Summaria dissertationum. Debrecen, 1990. С.206.

125. Надпись на глиняном сосуде // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1990. С. 19.

1991

126. Работы в городе Болгар / М.Д.Полубояринова, Г.Ф.Полякова, П.Н.Старостин, Р.Ф.Шарифуллин // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1991. С.142–144.

127. Памяти Александры Михайловны Ефимовой / Н.А.Кокорина, С.В.Кузьминых, П.Н.Старостин, Т.А.Хлебникова // СА. 1991. №2. С.300–301.

1992

128. Болгарское поселение в урочище «Чакма» / П.Н.Старостин, Е.П.Казаков // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С.125–142 (АЭМК. Вып.21).

129. Срубные погребения «Девичьего городка» / Е.П.Казаков, П.Н.Старостин, Г.Т.Обыденнова // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа: Изд-во БГУ, 1992. С.45–56.

130. Ред.: Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. 143 с.

1993

131. Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1993. С.53–63.

132. Видный археолог-булгаровед (к 65-летию Т.А.Хлебниковой) / П.Н.Старостин, Ф.Ш.Хузин, Р.Ф.Шарифуллин // Там же. С.129–136.

133. О турбаслинском компоненте в именьковской культуре // Тез. докл. краеведческих чтений «Народы Среднего Поволжья: история, культура»: Секция археологии. Казань: ГОМ РТ, 1993. С.3–4.

134. Маклашеевский V могильник / П.Н.Старостин, А.А.Чижевский // Древние памятники приустьевского Закамья: Материалы Новостроечной экспедиции Министерства культуры Республики Татарстан. Казань: Изд-во КГУ, 1993. Вып.1. С.20–42.

135. Ред.: Л.Ш.Арсланов, Е.П.Казаков, К.И.Корепанов. Финно-угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н.э. – XIV в. н.э.). Опыт археолого-топонимического изучения этнокультурной истории региона. Елабуга, 1993. 140 с.

1994

136. Работы на Болгарском городище / Г.Ф.Полякова, П.Н.Старостин, Р.Ф.Шарифуллин, В.С.Баранов, Н.А.Кокорина // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С.113–115.

137. Археологическое изучение Болгара / П.Н.Старостин, Т.А.Хлебникова, Р.Ф.Шарифуллин // Город Болгар и его округа: ТДНК, посвященной 25-летию БГИАЗ. Болгар: БГИАЗ, 1994. С.8–10.

138. Исследования на северо-восточной части Болгарского городища в 1988, 1990–1993 гг. // Там же. С.20–21.

139. Ред.: Памятники древней истории Волго-Камья: Сб. статей. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1994. 137 с. (Вопросы археологии Татарстана. Вып.1).

140. Ташкирменский могильник // Там же. С.123–133.

141. Познание высоты, или что делать археологу под облаками? // Казань. 1994. №5-6. С.52–53.

142. Памяти А.Х.Халикова / П.Н.Старостин, Р.С.Габяшев, Е.П.Казаков // ФУ. 1994. №1. С.160–163.

1995

143. О новых ранних поселениях болгар на Волге // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.: Тез. докл. Международной научной археологической конференции. Самара: СОИКМ, 1995. С.81–83.

144. О поздних болгарских селениях Заказанья // Заказанье: проблемы истории и культуры: МК. Казань: Изд-во «Заман», 1995. С.39–40 (История и культура Заказанья. Вып.1).

145. Роль Н.Ф.Калинина в изучении археологических памятников Заказанья // Там же. С.86–89.

146. Финно-угры Нижней Камы в середине I тыс. н.э. // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1995. С.83.

147. Именьковцы, кто они? // Древние народы и города Поволжья. Пенза: ПГПУ, 1995. С.24–35.

148. Михаил Георгиевич Худяков // Там же. С.83–84.

149. Болгарская экспедиция / В.С.Баранов, И.Р.Газимзянов, П.Н.Старостин, Р.Ф.Шарифуллин // АО–1994. М.: ИА РАН, 1995. С. 184–186.

150. Исследования на разрушающихся памятниках в Татарстане / И.Р.Газимзянов, М.Ш.Галимова, А.М.Губайдуллин, С.И.Валиулина, Г.И.Дроздова, Н.Г.Набиуллин, П.Н.Старостин, Ф.Ш.Хузин, Е.П.Казаков // Там же. С. 193–200.

1996

151. О памятниках эпохи бронзы в Заказанье // Эпоха бронзы Нижнего Прикамья: ТНК.

Казань: НЦАИ, 1996. С.8–9.

152. Племена именьковской культуры и население Прикамья и Приуралья // XIII Уральское археологическое совещание: ТД. – Уфа: Вост. ун-т, 1996. Ч.2. С.115–116.

153. Ред.: Новые материалы по мезолиту Волго-Уралья. Казань: Фест, 1996. 106 с.

1997

154. Об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в первой половине I тыс. н.э. // ФУ. 1997. №1. С.25–32.

155. На заре истории Нижнего Прикамья // История Лаишевского края. [Лаишево: Администрация Лаишевского района РТ], 1997. С.8–31.

156. Тайны Именьковского кургана // Там же. С.32–46.

157. Археологическое наследие Татарстана и вопросы его сохранения // Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана»: Матер. пленар. заседания. Казань: ГОМ РТ, 1997. С.34–40.

158. Роль А.Х.Халикова в сохранении и использовании памятников истории и культуры // Древняя Алабуга: проблемы изучения, сохранения и музеефикации археологических памятников: ТМНПК. Елабуга: ЕГИАХМЗ, 1997. С.6–9.

159. Елабужский край в середине I тыс. н.э. // Там же. С. 56–57.

160. Ранние напластования в северо-восточной части Болгарского городища // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: ТМК (Казань, 1992). М., 1997. Т.3. С.108–110.

161. Именьковцы и болгары // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников: ТНК (Билярск, сентябрь 1997 г.). Казань: ИИ АНТ, 1997. С.80.

1998

162. О времени возникновения ранних поселений болгар на Средней Волге // Проблемы хронологии волжских болгар: ТНК. Казань: НЦАИ, 1998. С.8–9.

163. Ред.: Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья: 60 лет археологического изучения: итоги и перспективы: ТНК. Болгар: БГИАЗ, 1998. 64 с.

164. Итоги и задачи исследования Болгара / Д.Г.Мухаметшин, П.Н.Старостин, Т.А.Хлебникова, Р.Ф.Шарифуллин // Там же. С.4–11.

165. Об особенностях именьковских памятников низовий р. Камы // Там же. С.19–20.

166. 70-летию Т.А.Хлебниковой // ТА. 1998. №1 (2). С.121–122.

167. Конференция «Биляр и Волжская Булгария» // Там же. С.123–126.

168. К 110-летию Н.Ф.Калинина // ТА. 1998. №2 (3). С.135–39.

169. Рец.: Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. н.э. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с. // FU. 1998. №1 (2). С.76–78.

1999

170. Виктор Федорович Смолин // Татарский энциклопедический словарь. Казань: Ин-т татар. энциклопедии АН РТ, 1999. С.523.

171. Рец.: Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П. Смирнова: ТНК. Болгар: БГИАЗ, 1999. 117 с.

172. А.П.Смирнов и Татарстан // Там же. С.7–9.

173. Нижнее Прикамье и северные соседи в середине I тыс. н.э.: проблемы взаимовлияний // Европейский Север в культурно-историческом процессе: (К 625-летию города Кирова): ММК. Киров: КОКМ, 1999. С.93.

174. О раннем Болгаре // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Сборник тезисов докладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Алексея Петровича Смирнова. М.: ГИМ, 1999. С.99–101.

175. О нижней дате городов Булгара и Биляра // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков: ММС. Казань: Мастер Лайн, 1999. С.270–272.

176. Рец.: Проблемы первобытной и средневековой археологии: Тезисы докладов Первых Халиковских чтений (12–13 окт. 1999 г.). Казань: ИИ АНТ, ИА РАН, КСНД, 1999. 108 с.

177. Основные вехи творческого пути А.Х.Халикова / С.В.Кузьминых, П.Н.Старостин, Ф.Ш.Хузин // Там же. С.3–7.

178. А.Х.Халиков // ТА. 1999. №1-2 (4-5). С.15–22.

179. Халиков А.Х. и его роль в финно-угроведении // FU. 1999. №1 (3). С.79–83.

180. Альфред Хасанович Халиков. Очерк жизни и научной деятельности / С.В.Кузьминых, П.Н.Старостин, Ф.Ш.Хузин. Казань: ИИ АНТ, ИА РАН, КСНД, 1999. 60 с.

181. Калинин Николай Филиппович (1888–1959) / П.Н.Старостин, А.Г.Ситдиков // Жить историей. 60 лет историческому факультету Казанского университета. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1999. С.132–138.

182. Рец.: Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань: Мастер Лайн, 1999. 176 с.

183. Введение // Там же. С.3–5.

184. А.Х.Халиков и проблемы именьковской культуры // Там же. С.25–35.

2000

185. Елабужский край в эпоху первобытности // Древняя Алабуга. Елабуга: Мастер Лайн, 2000. С.81–129.

186. Казанский период жизни и научной деятельности В.Ф.Генинга // Российская археоло-

гия: достижения XX и перспективы XXI вв.: ММНК. Ижевск, 2000. С.194–196.

187. К 110-летию В.Ф.Смолина // ТА. 2000. №1–2 (6–7). С.204–211.

188. Цветная металлургия населения азелинской культуры // Этнокультурные факторы в становлении и развитии металлургии и обработки цветных металлов у народов Поволжья в средние века: Тезисы Российской научной конференции. Йошкар-Ола: МарГУ, 2000. С.9.

189. В незапамятные времена / Е.П.Казаков, П.Н.Старостин // Алексеевский район: история и современность. Казань, 2000. С.65–71.

2001

190. Именьковская культура и ее окружение // Поволжье в средние века: Тез. докл. Всерос. науч. конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000). Н.Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. С.118–120.

191. Рец.: Очерки по археологии Татарстана: Учебное пособие. Казань: РИЦ «Школа», 2001. 256 с.

192. Об особенностях и задачах археологической науки // Там же. С.4–16.

193. Пьяноборская культура // Там же. С.84–91.

194. Азелинская культура // Там же. С.92–99.

195. Именьковская культура // Там же. С.100–118.

196. Зулейха Асфандиаровна Акчурина. Страницы биографии // Краеведческие среды. Материалы заседаний, прошедших в ГОМ РТ в 2000 году. Казань: ГОМ РТ, 2001. С.71–74.

197. Памяти Т.А.Хлебниковой // ТА. 2001. №1–2 (8–9). С.229–232.

198. Итоги исследований Юго-Восточной башни Казанского кремля в 2000 году // АО в Татарстане: 2000 год. Казань: Мастер Лайн, 2001. С.27–29.

199. Вспоминая Виктора Федоровича Смолина (по поводу двух юбилейных дат) / С.В.Кузьминых, Е.П.Михайлов, П.Н.Старостин // XV Уральское археологическое совещание: ТД МНК. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2001. С.10–13.

2002

200. Нармонский могильник. Казань: РИЦ «Школа», 2002. 62 с.

201. О топографии могильников именьковской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань: Мастер Лайн, 2002. С.40–45.

202. Рец.: Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья: Материалы Вторых Халиковских чтений (29–30 мая 2002 г.). Казань: НЦАИ, 2002. 216 с.

203. От редактора // Там же. С.3.

204. Праславянские племена в Поволжье / С.Г.Кляшторный, П.Н.Старостин // История татар с древнейших времен. Т.1. Народы степ-

ной Евразии в древности. Казань: Рухият, 2002. С.210–217.

205. Итоги исследований у Северо-Восточной башни Казанского кремля (раскоп XXXVI) // АО в Татарстане: 2001 год. Казань: РИЦ «Школа», 2002. С.14–17.

206. Николай Филиппович Калинин / А.Г.Ситдииков, П.Н.Старостин. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 24 с.

207. Она не любила кланяться. Поклонимся ей // Казань. 2002. №2. С.30.

208. Ред.: А.М.Губайдуллин. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: Изд-во ИИ АНТ, 2002. 232 с.

2003

209. Несколько слов об А.М.Ефимовой // Краеведческие чтения и среды. Вып.3. Материалы заседаний, прошедших в НМ РТ в 2002–2003 гг. Казань: НМРТ, 2003. С.21–23.

210. Именьковская культура и ее окружение // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СО-ИКМ им. П.В.Алабина и Международной конференции. Самара, 2003. С.94–95.

211. Виктор Федорович Смолин: основные вехи жизненного и творческого пути / С.В.Кузьминых, Е.П.Михайлов, С.Н.Савенко, П.Н.Старостин // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: ММНК. Чебоксары, 2003. С.35–46.

212. Вспоминая Отто Николаевича Бадера // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: ММНК (6–10 окт. 2003 г.). Пермь: ПГУ, 2003. С.31–32.

213. Об итогах и проблемах развития археологической науки Татарстана // Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. М. – Казань: Gumanitarya (Изд-во ТГГИ), 2003. С.47–54 (Древности. Вып.36).

214. Ред.: Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань: НЦАИ, 2003. 258 с.

215. Введение // Там же. С.3–6.

216. Ред.: Р.С.Габяшев. Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до н.э. Казань: Изд-во «Фэн», 2003. 226 с.

217. Ред.: А.М.Губайдуллин. Фортификационный словарь. Казань: Изд-во ИИ АНТ, 2003. 104 с.

2004

218. Памяти Т.А.Хлебниковой // Восток – Запад: диалог культур Евразии. Вып.4. Культурные традиции Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии. Казань, 2004. С.434–435.

219. Роль А.Х.Халикова в изучении памятников археологии в зонах водохранилищ // Древность и средневековье Волго-Камья: Материалы Третьих Халиковских чтений (27–30 мая 2004 г.). Казань–Болгар: НЦАИ, 2004. С.186–187.

220. Труженик науки // Казаков Евгений Петрович: Сб. материалов к 70-летию со дня рождения. Казань: РИЦ «Школа», 2004. С.3–15.

221. Список научных трудов В.Ф.Смолина / Составители: С.В.Кузьминых, Е.П.Михайлов, П.Н.Старостин // С.В.Кузьминых. Виктор Федорович Смолин (1890–1932). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С.23–26.

2005

222. Памяти Владимира Николаевича Маркова / С.В.Кузьминых, Б.С.Соловьев, П.Н.Старостин, А.А.Чижевский // ФУ. 2005. №2. С.161–170.

2006

223. Роль А.Х.Халикова в изучении памятников археологии в зонах водохранилищ // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Казань: РИЦ «Школа», 2006. С.17–22.

224. Работы на Гулькином бугре (по материалам исследований 1965 г.) / П.Н.Старостин, А.В.Шипилов // Там же. С.132–145.

225. Раскопки Маклашеевского V могильника и Маклашеевского селища в 1990 г. / П.Н.Старостин, А.А.Чижевский // Там же. С.162–193.

2008

226. Ред.: Город Болгар: Культура, искусство, торговля. М.: Наука, 2008. 276 с.

227. От редколлегии / П.Н.Старостин, М.Д.Полубояринова, Р.Ф.Шарифуллин // Там же. С.3–4.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П.Н.СТАРОСТИНА

1. Айплатов Г., Никитин В. Петру Николаевичу Старостину – 60 лет // ФУ. 1996. №4. С.130–133.

2. Старостин Петр Николаевич // ТЭС. 1999. С.538.

3. Старостин Петр Николаевич // Археологи Волго-Уральского региона: Справочник. Уфа: Гилем, 2002. С.76–77.

4. Старостин Петр Николаевич // Исследователи этнографии и археологии Чувашии. Библиографический словарь. Чебоксары, 2004. С.259–261.

5. Старостин Петр Николаевич // Национальный центр археологических исследований. Библиография трудов научных сотрудников (1987–2006 гг.). Казань: ИИ АН РТ, 2007. С.106.

Составители: Д.Г.Бугров, С.В.Кузьминых

Т.Б.Никитина

*Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В.М.Васильева, г.Йошкар-Ола*

РОЛЬ П.Н.СТАРОСТИНА В РАЗВИТИИ АРХЕОЛОГИИ В МАРИЙСКОМ КРАЕ

Петр Николаевич Старостин родился 24 июля 1936 г. в д.Пинжинерь Мари-Турекского района Марийской АССР. После окончания Куршаковской семилетней школы учился в Параньгинском педагогическом училище. В 1955-1960 гг. обучался на историко-филологическом факультете Марийского государственного педагогического института им. Н.К.Крупской (МГПИ).

В 1956 г. в Марийской АССР была создана Марийская археологическая экспедиция (МарАЭ), которая развернула интенсивные полевые исследования на территории республики и в смежных с ней районах Горьковской (ныне Нижегородской) и Кировской областей, а также Татарской и Чувашской АССР (ныне Республики Татарстан и Чувашия). Студенты МГПИ, проходившие производственную практику и просто увлеченные историей края, приняли самое активное участие в работе МарАЭ. Среди них и был П.Н.Старостин. Именно тогда состоялось его первое знакомство с археологией как наукой. В эти годы он познакомился с такими молодыми, но энергичными и талантливыми исследователями, впоследствии ведущими российскими учеными, как А.Х.Халиков, В.Ф.Генинг, Т.А.Хлебникова, В.Е.Стоянов, тесное сотрудничество с которыми определило профессиональный выбор Петра Николаевича.

В 1956 г. первая археологическая разведка студента Старостина проходила совместно с Г.А.Архиповым в низовьях р.Илети (по левому ее берегу), в этот же год он принял участие в раскопках Нартасских курганов абашевской культуры. Вооруженные только скопированными от руки картами местности, они очень часто полагались в разведке больше на свою интуицию и энтузиазм, но получили неплохие результаты. Уже в первый год работы экспедиции П.Н.Старостин проявил себя увлеченным исследователем и талантливым разведчиком. Поэтому не удивительно, что в 1957-58 гг. П.Н.Старостин уже являлся руководителем одного из разведочных отрядов МарАЭ (Халиков, Архипов 1959. С.110; Архипов, Халиков. 1960. С.4)

После окончания МГПИ П.Н.Старостин работает научным сотрудником Марийского республиканского научно-краеведческого музея (ныне Национальный музей Республики Марий Эл). Под его руководством в 1960 г. археологи-

ческим отрядом музея было проведено разведочное обследование левого берега р.Волги в пределах Горно-Марийского и Звениговского районов Марийской АССР. Обследованием была охвачена надлуговая терраса левого берега р.Волги между д.Отары Горномарийского и д.Кокшамары Звениговского района. До начала проведения этих работ на данной территории были известны только два археологических памятника: Отарский могильник XVI-XVII вв. и Кокшайская стоянка. В результате исследования, проведенного П.Н.Старостиным, были обнаружены 15 новых археологических памятников и зафиксировано 25 отдельных местонахождений (Старостин, 1961. С.165-166).

За один год работы в музее Петр Николаевич создал научную археологическую экспозицию по древней истории Марийского края, которая экспонировалась без изменений 35 лет и была демонтирована только в 1996 г. в связи с реконструкцией музея. Несмотря на то, что последующая профессиональная научная деятельность Петра Николаевича связана с изучением древней истории Республики Татарстан, в душе он сохраняет привязанность к Марийскому Республиканскому музею до настоящего времени. В частности, на конференции, посвященной происхождению марийского народа в 1965 г. он, уже не являясь работником музея, в своем выступлении акцентировал внимание на проблеме хранения материалов в Марийском Республиканском научно-краеведческом музее и обратился с этой просьбой в Министерство культуры Республики (Происхождение марийского народа, 1967. С.300). В 1996 г. на полевым семинаре, посвященном 40-летию Марийской археологической экспедиции, в докладе о принципах музеефикации археологических материалов и проблемах сохранения археологического наследия, он снова возвратился к проблеме сохранения и совершенствования экспозиции отдела археологии Республиканского Национального музея (Зенкин, Никитин, 1996. С.148-149). Этот же вопрос он поднимал недавно, на IV Халиковских чтениях, проходивших в августе 2006 г. в Республике Марий Эл в поселке Юрино.

В 1962 г. Петр Николаевич поступил в очную аспирантуру Казанского филиала АН СССР по специальности «археология», где обучался до

1965 г., а в 1967 г. защитил под научным руководством А.Х.Халикова кандидатскую диссертацию «Именьковские племена Нижнего Прикамья». Вся последующая трудовая деятельность Петра Николаевича связана с отделом археологии Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова КФАН СССР, а в 1995 г. он возглавил Национальный центр археологических исследований ИЯЛИ Академии наук Татарстана. Несмотря на это, П.Н.Старостин не прерывал связи с Марийской Республикой и профессиональные контакты с Марийской археологической экспедицией.

В 1963 г. он сообщил данные о разрушающемся могильнике у д.Шор-Унжа Моркинского района Марийской АССР. В результате последующего изучения этого памятника Г.А.Архиповым в 1963 г. и А.И.Шадринным в 1988 г. были получены уникальные материалы по истории края VI-VII вв.

В 1970-е гг. в работе МарАЭ начинается новый этап, связанный со сплошным археологическим обследованием территории Марийской АССР. В сентябре 1974 г. Марийский научно-исследовательский институт совместно с Марийским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры провели археологическую разведку в бассейне р.Большая Кокшага в пределах Килемарского, Медведевского и Звениговского районов Марийской АССР. Для руководства разведывательным отрядом был приглашен старший научный сотрудник ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова кандидат исторических наук П.Н.Старостин, на имя которого был запрошен открытый лист на проведение разведочных работ. Данная территория оставалась белым пятном на археологической карте Марийской республики. Разведкой 1974 г. было выявлено 14 памятников, относящихся в основном к эпохе камня и бронзы (поселения на озерах Мазарском, Шушер, Мариер и др.) (Никитин, Старостин, 1975. С.166.) Результаты разведки вошли во второй выпуск «Материалов к археологической карте Марийской АССР», подготовленный с участием П.Н.Старостина в качестве одного из соавторов издания (Никитин, Старостин, 1978). Опыт разведок П.Н.Старостина по левому берегу Волги показал достаточно плотное освоение этой территории с эпохи камня вплоть до позднего средневековья и послужил хорошим импульсом для последующих разведочных работ. Поиски древнейших поселений (по опыту П.Н.Старостина) в поймах рек и на пойменных террасах позволили молодым марийским археологам В.В.Никитину, Т.Б.Шикаевой, Б.С.Соловьеву и др. в 1970-е гг. обнаружить и нанести на археологическую карту рес-

публики сотни поселений, стоянок, городищ и селищ. Начатый Петром Николаевичем еще в 1960 г. маршрут от п.Дубовский до с.Кокшамары в 1980-е гг. продолжил в сторону с.Арда В.В.Никитин, которым дополнительно открыто более 30 археологических памятников эпохи камня и бронзы. Детальные разведки в левобережье Чебоксарского водохранилища, начатые П.Н.Старостиным, в настоящее время продолжают чувашские исследователи Н.С. и А.Ю.Березины (Березина, Березин, 2003. С.89-171).

Круг научных интересов П.Н.Старостина связан с изучением истории населения Поволжья и Прикамья в период I тыс. н.э.: позднеродецких, именьковских, азелинских племен и ранних булгар. В орбиту его исследований попадали и раннесредневековые древности Марийско-Чувашского Поволжья. В частности, разделяя точку зрения А.П.Смирнова о возможности существования локальных вариантов позднеродецкой культуры (Смирнов, 1956. С.21), П.Н.Старостин наполняет ее конкретным содержанием, рассматривая две группы памятников 1) на территории Марийско-Чувашского Поволжья и 2) на территории Нижней Камы и прилегающих районов р.Волги. При характеристике памятников Марийско-Чувашского Поволжья I тыс. н.э. он еще в 1964 г. отметил ряд особенностей в топографии, слабый культурный слой, своеобразие оборонительных сооружений, погребального обряда и т.д. Значительный интерес представляют наблюдения относительно керамического комплекса городищ Марийско-Чувашского Поволжья I тыс. н.э. Рассматривая местную керамику в сравнении с посудой именьковских племен, П.Н.Старостин подчеркивал ряд характеристик технологического и морфологического характера (Старостин, 1964. С.191-208), которые подтверждаются по мере накопления массового материала.

При работе над материалами азелинских памятников Прикамья П.Н.Старостин также регулярно обращается к синхронным материалам Марийского Поволжья, предлагая собственные трактовки отдельных вопросов. В частности, он предлагает свое видение возникновения обряда погребения с остатками коня у носителей азелинской культуры, выводя его от племен андреевско-писеральского круга (Старостин, 2002. С.25).

Постоянный интерес к древностям Марийско-Чувашского Поволжья, к археологическим и этнографическим исследованиям, проводимым на территории Марийского края, сделали П.Н.Старостина участником почти всех научных конференций по древней и средневековой истории, проходивших в Республики Марий Эл,

на которых он выступал с интересными докладами и принимал активное участие в научных дискуссиях.

Список литературы

Архипов Г.А., Халиков А.Х. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1960.

Березина Н.С., Березин А.Ю. Археологические памятники эпохи камня и раннего металла Чувашского Заволжья (по материалам археологических разведок 1999-2000 гг. // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары, 2003.

Зенкин А., Никитин В. Полевой семинар, посвященный 40-летию Марийской археологической экспедиции // Финно-угроведение. 1996. № 4.

Никитин В.В., Старостин П.Н. Разведки в бассейне Большой Кокшаги // АО 1974 года. М., 1975.

Никитин В.В., Старостин П.Н. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Вып.2. Йошкар-Ола, 1978.

Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23-25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола, 1967.

Смирнов А.П. Железный век Поволжья // Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. М., 1956.

Старостин П.Н. Результаты археологических разведок левобережья Волги от пос.Дубовский до с.Кокшамары // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Йошкар-Ола, 1961 / ТМарНИИЯЛИЭ. Вып.16.

Старостин П.Н. О так называемых позднегородецких памятниках Среднего Поволжья // Вопросы истории, археологии и этнографии Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1964 / ТМарНИИЯЛИЭ. Вып.19.

Старостин П.Н. Нармонский могильник. Казань, 2002.

Халиков А.Х., Архипов Г.А. Марийская археологическая экспедиция 1957 года // История, археология, этнография. Йошкар-Ола, 1959 / ТМарНИИЯЛИЭ. Вып.14.

*Е.П.Казаков**Национальный центр археологических исследований Института истории
им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, г.Казань***КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ КАМНЯ НА ВОСТОКЕ ТАТАРСТАНА**

В 1982 г. у с.Меллятамак Муслюмовского района Татарстана был выявлен новый могильник эпохи камня – Меллятамакский III. Погребения этого времени в восточных районах республики впервые были изучены при работах 1975 г. в Муслюмовском и Актанышском районах (Казаков, 1978. С.165-177).

Памятник располагается на одном из возвышений правого берега р.Ик, левого притока р.Камы, в 1,5 км к северо-востоку от с.Меллятамак. Глинисто-песчаные отложения в этой части берега, несколько возвышаясь над пойменной частью, создали незаливаемую водой платформу, на которой с глубокой древности селились люди. Здесь на сравнительно небольшой (300x200 м) площади зафиксированы памятники от неолита до позднего средневековья (Археологические памятники..., 1989. С.58).

Памятник выявлен в юго-восточной части возвышения при осмотре берегового обрыва, под которым были разбросаны разбитые кости человека. Стратиграфия по обрыву следующая: дерн – 10 см, наносной песок – 30-40 см, гумусированная супесь – 30-40 см, ниже идут плотные песчано-глинистые коричнево-серые (до 40 см) и подстилающие серые материковые отложения.

В 1988 г. Раннеболгарской экспедицией на некрополе изучены еще два захоронения, в 1989 г. – еще два сильно разрушенных погребения. В 1995 г. К.А.Руденко исследовал здесь еще одно захоронение (Руденко, 2003. С.34-39).

Из всех вышеотмеченных комплексов наиболее выразительный материал предоставило погребение №1, изученное в 1982 г. Поскольку захоронения обнаружены на разрушаемой ветром и водой уступчатой части берега, фиксация его глубины затруднительна. Возможно, она составляла около 100 см, не считая наносного песка. При расчистке обломков костей выявлено коллективное погребение. Могильная яма плохо прослеживалась по плотному слабо гумусированному песчаному пятну с нечеткими очертаниями на месте погребения. Вскрыто два взрослых и один детский скелеты (рис.1; 2).

В северной половине захоронения находился костяк взрослого человека, ориентированный головой на восток. Позвоночник его сильно изогнут, череп лежал на левом боку. Руки согнуты в локтях, кисти уложены перед лицевой частью черепа. Кости ног ниже колен отсутствуют. Судя по тазу, погребенный лежал на спине, однако вер-

хняя половина его тела была повернута на левый бок. Справа от черепа у лопатки находилась разломанная трубчатая кость человека(?) и около нее кремневый скобель (рис.3, 3). У коленного сгиба правой ноги встречен нуклеус (рис.3, 5), а в 20 см к юго-западу от него – обломок костяного вкладышевого орудия (рис.3, 2).

К югу от погребенного расчищены остатки скелета взрослого человека, ориентированного головой на запад. Судя по сохранившимся *in situ* костям ног, таза, лучевым костям и некоторым ребрам, он лежал на правом боку. Ноги слегка согнуты в коленях и обращены ступнями на юг. Череп и кости грудной клетки сохранились фрагментарно. Среди них находился кремневый скребок (рис.3, 6). Большая часть разбитых костей верхней части скелета находилась во вторичном залегании ниже по склону (рис.2).

На бедренной кости правой ноги погребенного расчищен скелет ребенка, также ориентированный головой на запад и обращенный спиной вверх. Череп и кости рук сохранились плохо. Ноги слегка согнуты и повернуты коленями на юг. На месте живота погребенного находился костяной нож с кремневыми вкладышами (рис.3, 1), а между бедренными костями ног – кремневая проколка (рис.3, 4) и скребок (рис.3, 7).

Среди разбросанных по склону берега костей из разрушенной западной части погребения встречены обломки обработанной пластинчатой поделки из кости. На костях скелетов сохранились следы охристой подсыпки.

Инвентарь погребения представлен двумя костяными вкладышевыми и пятью кремневыми орудиями. Последние изготовлены из плотного серого пятнистого или с разводами, так называемого яшмовидного кремня. Исключение составляет проколка, выполненная из темного, почти черного кремня (рис.3, 4). Единичные фасетки сколов фиксируются с брюшка ее на острие и боковой стороне. На спинке сохранился кусок светлой шершавой желвачной корки. Такая же корка сохранилась на крупном скребке, рабочая часть которого обработана со стороны спинки (рис.3, 6).

Скребок, встреченный у ног детского скелета (рис.3, 7), так же, как и проколка, обработан с брюшка редкими мелкими фасетками. Таковую же обработку имеет скобель (рис.3, 3), тщательно выполненный на длинной и узкой пластине длиной 5,5 и шириной до 0,8 см.

Костяной нож с обломанным концом имеет длину 7,4 и ширину до 1,5 см (рис.3, 1). Четко выделяется черенок. Длинные (до 2,5 см) вкладыши в обоюдосторонних пазах изделия изготовлены из черного кремня. На одной из сторон вдоль продольных краев нанесен тонкий резной орнамент из перекрещивающихся прямых линий.

Второе, также сломанное изделие из кости длиной 9,5 и шириной 1-1,5 см имеет паз только с одной стороны (рис.3, 2).

Определение хронологической и культурной принадлежности памятника в силу сравнительно малой выразительности инвентаря и отсутствия керамики представляет определенные затруднения. В этом отношении некоторую помощь может оказать то обстоятельство, что могильник располагался на возвышении в заливаемой водой пойме реки и на 1,5-2 км от него не было другого места, где могли бы селиться люди. Скорее всего, члены коллектива, совершавшие захоронения, и жили здесь же на стоянке, в этом своего рода изоляте.

В ходе ведущихся здесь в течение ряда лет работ собран довольно большой материал эпохи неолита и энеолита. При этом в раздувах обнаружены целые развалы сосудов из слоя Меллятамакской II стоянки.

Орудия со стоянки изготовлены преимущественно из плотного с густой пестриной яшмовидного кремня (рис.4, 4, 6-8); реже встречается черный кремень (рис.4, 1,2).

Керамика представлена несколькими группами посуды: серой с примесью раковины, орнаментированной гребенкой (рис.4, 11; 5; 6) и красно-коричневой с примесью обожженной глины в тесте, орнаментированной наколами и гребенкой (рис.4, 9,10).

Группа керамики с примесью раковины в тесте имеет аналогии преимущественно в памятниках широкой общности лесного энеолита второй половины III – первой половины II тыс. до н.э.

Подобные сосуды изучены Р.С.Габышевым на Игимской, Русско-Азибейской III и других стоянках, они так же имеют заглаженную щепкой внутреннюю поверхность, налепы, иногда уплощенное дно (Габышев, Старостин, 1978. С.148-159). Такая керамика может иметь восточные истоки (Габышев, 2003. С.78). Данная посуда, судя по котловидности верхней части тулова, отсутствию шейки, скошенному внутри венчику, наличию толченой раковины в тесте и отсутствию ямок в орнаментации, может относиться к позднему неолиту или энеолиту. Об этом свидетельствует развал одного из сосудов (рис.6), который можно сопоставить с волосовскими экземплярами. Помимо отмеченного памятника, подобная керамика встречена еще на

ряде памятников в низовьях р.Мелля (Катмышская стоянка и др.).

Группу керамики с обожженной глиной в тесте и заглаженной внутренней поверхностью (рис.4, 9, 10) можно сопоставить с неолитической посудой Южного Урала (Крижевская, 1973. С.126 и др.). Возможно, с ней и связано данное захоронение. Было бы соблазнительно соотносить это погребение с комплексами меллятамакского типа (Русско-Шуганский и Меллятамакский V могильники – Казаков, 2003. С.81-84). Однако наличие костяных вкладышевых орудий, в отличие от представленных в массе роговых вкладышевых орудий меллятамакского типа, свидетельствует об их разнокультурной основе.

По данным антропологов, сохранившийся череп из погребения №1 принадлежал мужчине зрелого возраста. Он отличается большими размерами, мезокранный, со средневыраженным микрорельефом. Лицо широкое, но малой высоты. В целом, при общей массивности отличается широколицемостью при сильной уплощенности лицевой части (Рудь, Яблонский, 1991. С.207-208). Подобные черты отмечены и на черепе из погребения №6 (Руденко, 2003. С.39). Эти моменты также отличают население, представленное в Меллятамакском III некрополе от грацильных европеоидов из памятников меллятамакского типа.

В то же время архаичный облик инвентаря, наличие микропластинчатых вкладышей позволяют видеть в этом комплексе элементы мезолита.

Список литературы

Археологические памятники Восточного Закамья. Казань, 1989.

Габышев Р.С. Итоги раскопок III Русско-Азибейской стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.

Габышев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V-III тыс. до н.э. Казань, 2003.

Габышев Р.С., Старостин П.Н. О памятниках волосовско-турбинского типа в Иско-Бельском междуречье // АЭМК. 1978. Вып.3.

Казаков Е.П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. 1978. №2.

Казаков Е.П. Памятники меллятамакского типа на востоке Татарстана // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара, 2003.

Крижевская Л.Я. Неолитические племена Южного Предуралья // МИА. 1973. № 172.

Руденко К.А. Неолитическое погребение у с.Меллятамак // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003.

Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Новые материалы к антропологии древнейшего населения Среднего Поволжья // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991.

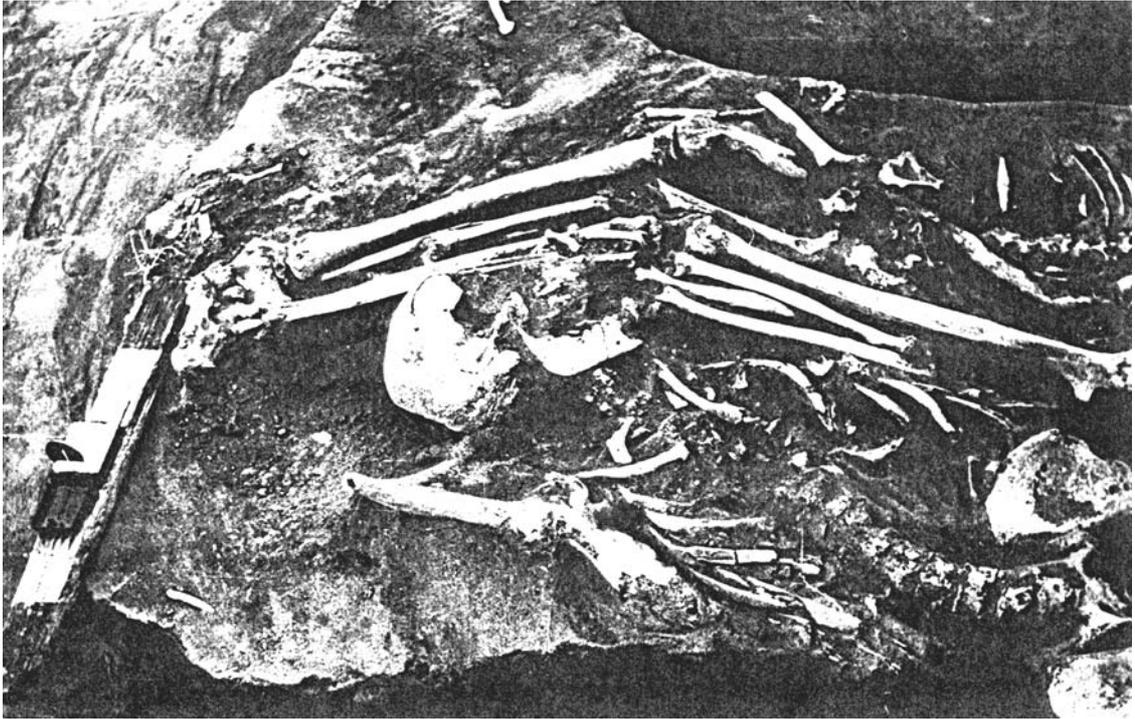

Рис. 1. Меллятамакский III могильник.
Погребение №1 (фото).

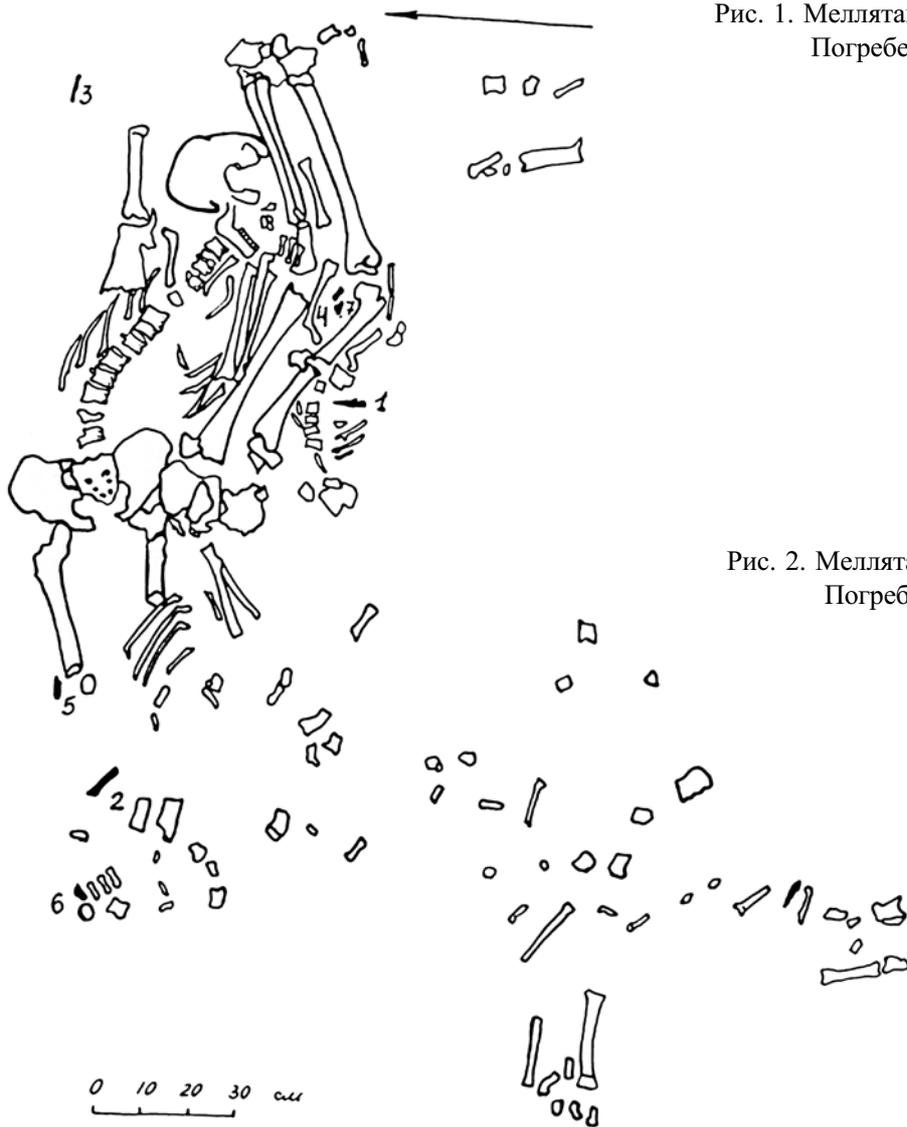

Рис. 2. Меллятамакский III могильник.
Погребение №1 (план).

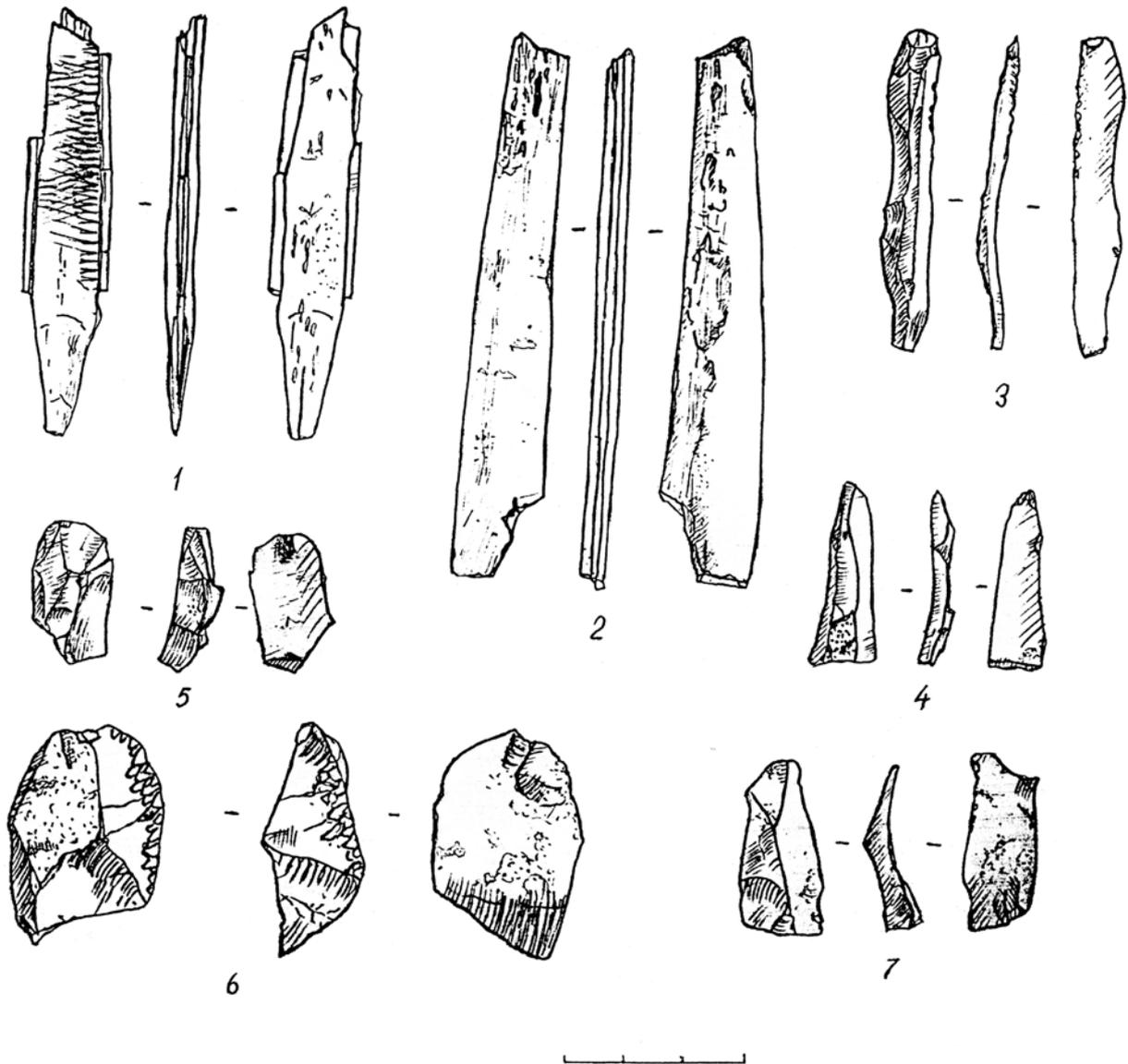

Рис. 3. Меллятамакский III могильник. Материал погребения №1:
1 – кость, кремьень, 2 – кость, 3-7 – кремьень.

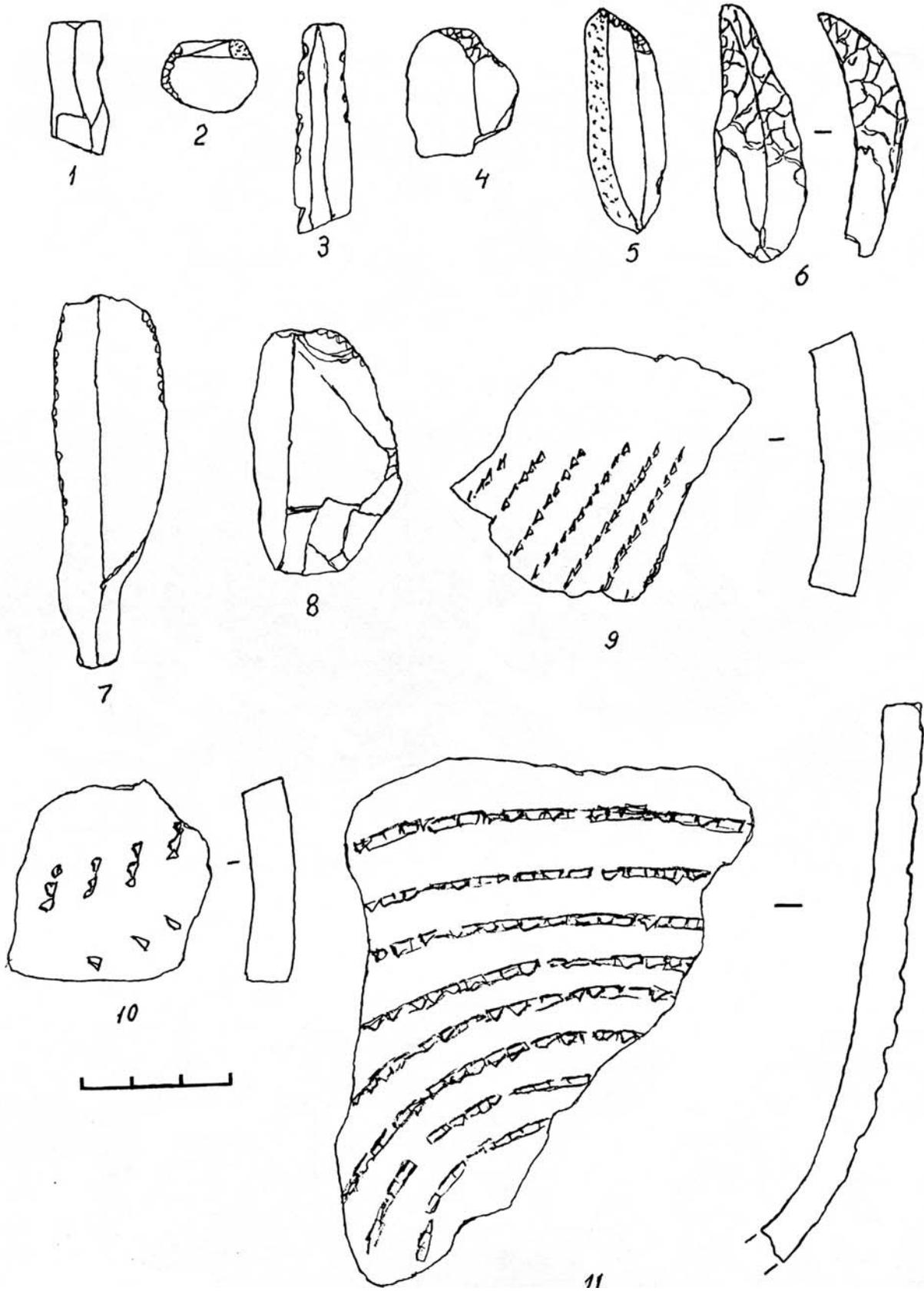

Рис. 4. Материал Меллятамакской II стоянки: 1-8 – кремьнь, 9-11 – керамика.

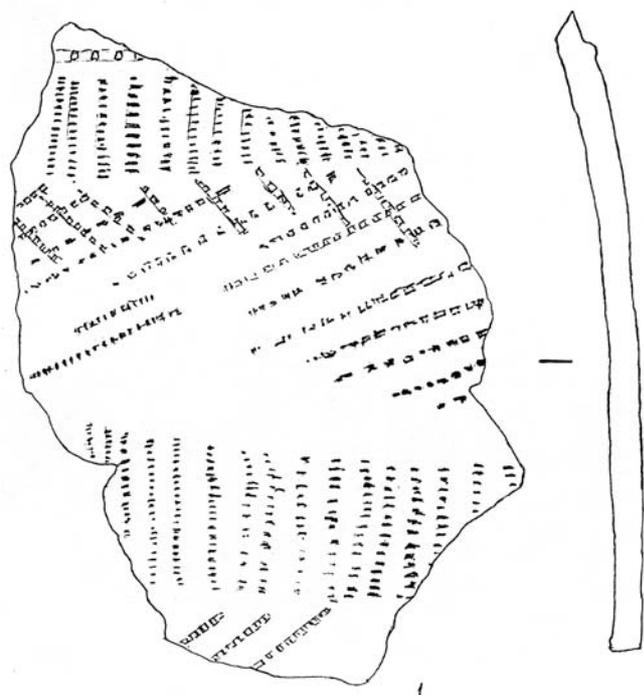

Рис. 5. Керамика Меллятамакской II стоянки.

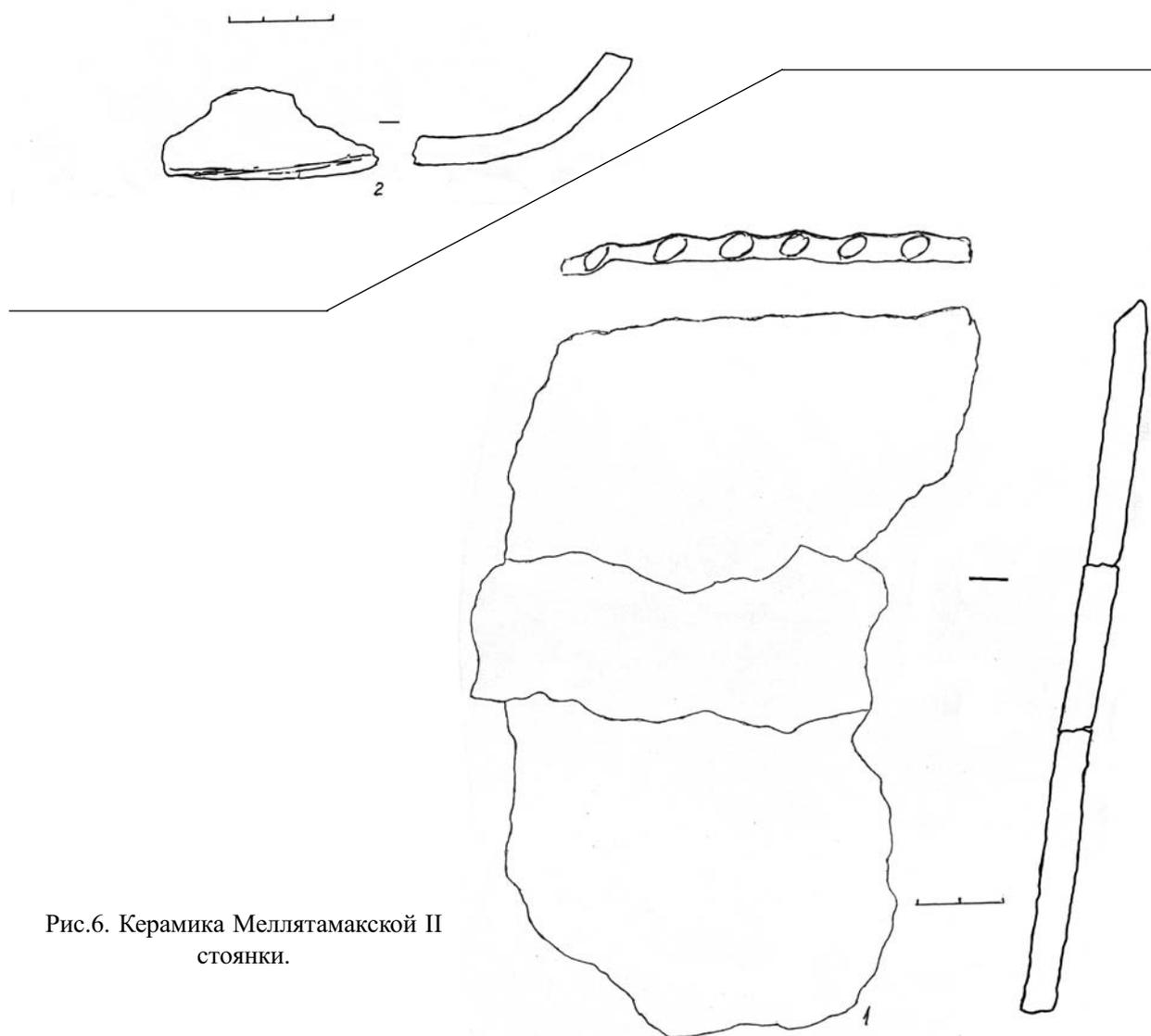

Рис.6. Керамика Меллятамакской II стоянки.

*Н.С.Березина**Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г.Чебоксары**А.Ю.Березин**Чувашское естественно-историческое общество «Terra Incognita», г.Чебоксары*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ НОВАЯ ДЕРЕВНЯ НА р.ЦИВИЛЬ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Петр Николаевич Старостин внес ощутимый вклад в изучение археологии Чувашии. Его трудолюбие и научная проницательность позволила ему в ходе проведенных разведок в 1960 и 1966 гг. открыть несколько десятков разновременных памятников от стоянок эпохи камня до позднесредневековых поселений и могильников (Старостин, 1961; 1966). Эти исследования никогда не потеряют своей значимости и актуальности, а оценки данные им на основании немногих предметов из разведочных шурфов, до сих пор являются для нас ценным научным ориентиром.

Стоянка Новая деревня была открыта и обследована в 1966 г. археологическим отрядом Казанского ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова под руководством младшего научного сотрудника П.Н.Старостина в ходе разведки по р.Цивиль. Им было отмечено шесть жилищных западин, обнаружены кремневые отщепы, сколы, обломки ножевидных пластин, а также кремневая провертка и обломки орудий с ретушью. Здесь же были найдены фрагменты толстостенной лепной керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом, датированной исследователем эпохой неолита (Старостин, 1966).

В 2001 г. в ходе археологической разведки (Березина, 2001) на стоянке был заложен разведочный шурф 1х2 м, ориентированный по сторонам света, на краю грунтовой автомобильной дороги, рядом со 2-й западиной. Шурфом было выявлено наличие культурного слоя, содержащего кремневые изделия, сколы и отщепы. Фрагментов керамики нами обнаружено не было.

В июне-июле 2005 г. совместной экспедицией Чувашского государственного института гуманитарных наук, Национального центра археологических исследований Института истории АН Татарстана и Чувашского естественно-исторического общества «Terra incognita» были проведены охранные раскопки стоянки Новая деревня в Цивильском районе Чувашской Республики.

Памятник расположен на песчаном останце древней аллювиальной террасы правобережной поймы р.Большой Цивиль, на юго-восточной окраине д.Новая Деревня Цивильского района. Геология этого места интересна: здесь Большой и Малый Цивили сливаются в единую реку, которая имеет мощную разработанную долину до

3 км шириной. Вдоль песчаной террасы, на которой располагается памятник, сохранились следы древнего русла в виде старичных озер.

Выбор расположения раскопа определялся целью спасения разрушающейся части стоянки, а именно на грунтовой автомобильной дороге, в той ее части, где нами наблюдалась наибольшая концентрация подъемного материала. Нами был заложен раскоп общей площадью 172 кв. м.

Планиграфически удалось зафиксировать культурный слой частично разрушенного дорогой жилища №1. Хорошо прослежен лишь западный борт его котлована. Также в пределы раскопа попала северо-западная часть жилища №2, которое расположено глубже относительно жилища №1. Это жилище не затронуто разрушением, вызванным дорогой. Контур котлована жилища №2 отчетливо фиксировались на горизонтальных и вертикальных зачистках (рис.1).

Характер стратиграфических горизонтов, по нашему мнению, отражает геологические процессы данной местности и антропогенное влияние. Культурный слой включает в себя несколько стратиграфических горизонтов: плохо выраженный дерн и поддерновый слой, местами полностью отсутствующий; под слоем дерна просматривается небольшая прослойка черного оторфованного слоя с включениями органики и углей; бурый рыхлый песок; слой серой плотной супеси современного происхождения с мусором; все оттенки серого и черного углистого песка с находками (собственно культурный слой) и материк – желтый рыхлый песок; глинистые прослойки пронизывающие культурный слой и материк книзу становятся толще, превращаясь в глинистый горизонт. Переслаивание песка и глины характерны для строения надпойменных террас Поволжья. Стратиграфические наблюдения позволили нам сделать вывод о наличии нескольких культурно-хронологических слоев.

Коллекция стоянки насчитывает 4250 предметов, среди которых 2004 каменных предмета (из них: 436 орудий, 85 нерегулярных пластин) и 1342 фрагментов лепной керамики (900 из них – мелкие обломки размером 1-3 см). Найдены также медные изделия, капли-сплески меди и мелкие обломки глиняных тиглей, а также сверленная подвеска из янтаря.

Каменное сырье, расщеплявшееся обитателями стоянки, представляет собой местный желвачный красно-коричневый и пестроцветный пластовый кремнь, встречающийся в пермских известняках и четвертичных лессовидных суглинках в месторождениях, расположенных рядом. Единичны предметы из сливного песчаника (кварцита), выходы которого в виде окатанных галек палеогенового возраста распространены в Чувашии на водоразделах, а также в волжских обрывах.

Все найденные нуклеусы использовались для снятия коротких сколов и отщепов. Пластины нерегулярные (всего 46 шт.), большинство из них (как целых, так и сечений) использовались в виде вкладышей в ножах, резчиках и резцах. Большая часть орудий выполнена на отщепах, сколах и кусках кремня случайной формы без вторичной обработки, но со следами износа (Березина и др., 2006).

Из морфологически выраженных орудий выделяется представительная серия из 25 наконечников стрел и их обломков. Короткие листовидные кремневые наконечники с зауженным основанием, оформленные уплощающей двусторонней ретушью (3 шт.) (рис.2, 6, 7, 9). Листовидных средних наконечников 2 экз. Один из них из белого кремня, обработан двусторонней уплощающей и полукрутой ретушью, кончик пера сломан с намеченным черешком (рис.2, 8). Вторично использовался в качестве развертки. Второй наконечник выполнен из черного кремня (рис.3, 3) обработан двусторонней пильчатой неравномерной ретушью. Возможно, это неудачное орудие.

Короткие ромбические наконечники (5 шт.) все небольшого размера. Один выполнен на плоском отщепе (рис.2, 10), оформлен уплощающей невысокой ретушью, основание заужено, конец насада сломан. Второй с зауженным основанием (рис.2, 13), оформлен полукрутой ретушью, относительно толстый – при ширине 8 мм его толщина 5 мм. Третий выполнен из пестрого кремня, с зауженным основанием (рис.2, 14), оформлен уплощающей двусторонней высокой ретушью. Четвертый – с усеченным основанием, его длина чуть больше ширины (рис.3, 15). Пятый – с зауженным основанием, выполнен из белого кремня, с двусторонней уплощающей ретушью, относительно толстый, его толщина 6 мм (рис.2, 16).

Ромбические средние наконечники (6 шт.). Первый наконечник выполнен на светло-коричневом кремне, основание заужено, оформлен двусторонней уплощающей высокой ретушью (рис.2, 1). Второй также с зауженным основанием (рис.2, 3), оформлен двусторонней упло-

щающей высокой ретушью. Третий выполнен на отщепе двусторонней уплощающей ретушью (рис.2, 5), имеет следы пребывания в огне; насад заужен и частично разрушен. Четвертый наконечник крупный, был сломан на три части, которые были найдены недалеко друг от друга, но в разных квадратах в секторе 7 (рис.3, 1). Он выполнен на кремневой плитке толщиной до 7 мм, имеющей с двух сторон корку. Оформлен двусторонней уплощающей, но не высокой ретушью. Основание усеченное, возможно, сломанное. Пятый наконечник выполнен из белого кварцита, оформлен двусторонней уплощающей высокой ретушью, насад заужен (рис.3, 2). Шестой наконечник также выполнен из белого кварцита, он относительно массивный, его толщина 9 мм, (рис.3, 4).

Треугольно-черешковые короткие наконечники (5 шт.). Первый с зауженным черешком, оформлен уплощающей и полукрутой ретушью (рис.2, 2). Второй наконечник выполнен на отщепе, оформлен полукрутой и уплощающей ретушью насад закруглен (рис.2, 4). Третий наконечник выполнен на плоском отщепе, края оформлены двусторонней мелкой полукрутой ретушью (рис.2, 11), насад, возможно, сломан. Четвертый наконечник выполнен на отщепе с широким и коротким черешком, оформлен полукрутой и уплощающей ретушью, с одной стороны имеет шип (рис.2; 12). Пятый наконечник выполнен на отщепе, оформлен полукрутой двусторонней ретушью, в продольном сечении асимметричен, перо изогнуто, черешок широкий и короткий (рис.3, 5).

Следует упомянуть об одном наконечнике – небольшом, но имеющем законченную форму усеченного сегмента (рис.2, 17), края его оформлены полукрутой ретушью.

Наконечники стрел листовидной, ромбической и треугольно-черешковой форм, в том числе и из кварцита, характерны для всех этапов волосовской культуры (Никитин, 1991. С.31-33).

Имеется серия каменных перфораторов (8 шт.), это сверла, развертки и проколки. Выделяются небольшие асимметричные сверла (3 шт.), выполненные на отщепах с одним плечиком (рис.3, 7). Жало и прилегающие грани оформлены односторонней противоположающей крутой ретушью. Длина жала у всех около 1 см. Как правило, это были дублированные орудия. Боковые грани отретушированы и использовались как скребок, нож или скобель. Вторая группа – сверла на крупных трехгранных продольных сколах (4 шт.). Жало оформлено двусторонней ретушью, ретушью оформлялись также и боковые грани, которые выполняли дублирующие функции скребков (рис.3, 6, 8, 10). Одно сверло исполь-

зовалось без ретуширования жала. В коллекции имеется одна проколка, выполненная на широком отщепе с треугольным острием, которое несет следы заполировки.

Ножи (10 шт.) выполнены на пластинах (рис.4, 7), длинных сколах и отщепах. В коллекции имеется нож-ложжарь на крупном отщепе (рис.3, 9), рабочие края которого обработаны односторонней полукрутой короткой ретушью. Один нож с обушком выполнен на крупном длинном кварцевом треугольном сколе; рабочий край его обработан односторонней полукрутой ретушью, острый конец использовался в качестве сверла. На остальных ножах вторичной обработки нет, присутствуют лишь следы сработанности.

Многочисленные скребки (28 шт.) выполнены на массивных первичных длинных (3 шт.) и коротких (1 шт.) сколах с желвачной коркой, нуклеидных кремнях (2 шт.); скребки прямоугольных очертаний – на коротких сколах с полукрутой и крутой ретушью на рабочем лезвии и боковых гранях (6 шт.) (рис.4, 4, 9), концевые – на длинных сколах (2 шт.), боковые – на коротких сколах (8 шт.) с крутой, полукрутой и уплощающей ретушью; два скребка прямоугольной формы с ретушью по всем граням, на одном – подтеска с бруска. Один скребок выполнен на широкой пластине из серого кремня хорошего качества, конец и боковые грани оформлены полукрутой и уплощающей ретушью, заходящей на спинку.

Скобели (12 шт.) выполнены на коротких сколах и отщепах, имеют рабочий край с вогнутым лезвием со следами сработанности без вторичной обработки ретушью.

Имеется небольшая группа угловых резцов (4 шт.), выполненных на углу сломанных пластин и сколов.

Деревообрабатывающие орудия представлены несколькими экземплярами. Среди них целая маленькая стамеска (рис.4, 3), выполненная из окремнелого известняка; лезвие и спинка пришлифованы. Рабочий край округлый, лезвие острое, брушко плоское, спинка высокая, в поперечном сечении треугольная. Интересен обломок обуха тесла (рис.4, 8), выполненного из окремнелого известняка, полностью отшлифованный, брушко почти плоское или слегка линзовидное, спинка высокая, в сечении треугольная или трапециевидная (сломана), обух заужен. В коллекции имеются также стамески, выполненные на сколах с рабочим краем, оформленным полукрутой ретушью.

Интересна находка фигурного кремня – лунницы (рис.4, 1); она небольшого размера, выполнена из белого кварцита полукрутой и уплощающей ретушью, с обоих концов обломана.

Была найдена янтарная подвеска каплевидной формы (рис.4, 10), еще в древности сломанная по сверлине, расположенной в верхней сужающейся части подвески. Янтарные украшения широко распространены на волосовских могильниках Верхней Волги и Оки. На Средней Волге волосовских могильников не известно, а на поселениях эти изделия встречаются, но очень редко. В нашем случае янтарная подвеска была найдена в пятне с черным углистым заполнением, которое прослеживалось в нескольких горизонтах в жилище №1. Возможно, это было погребение внутри жилища. По мнению В.В.Никитина такие «клады» без костяка можно интерпретировать как погребальные комплексы (Никитин, 1991. С.81-83).

Имеется пять заготовок бифасов небольшого размера из кремня и кварцита (рис.4, 6).

Из металлических изделий были найдены: фрагмент медного (бронзового) шила длиной около 2 см, обломанный и Г-образно изогнутый, сохранившаяся часть позволяет реконструировать его 4-хгранное квадратное сечение; фрагмент изделия длиной 13 мм, шириной 1,5-4 мм, прямоугольного в сечении, в широком конце имеющего закругление и две параллельные бороздки, опоясывающие изделие; медное изделие – пластина прямоугольной формы размером 23x12x2,5 мм. Также были найдены несколько капель меди (бронзы) – мелких круглых, около 5 мм в диаметре, и крупных в форме капель и лепешек, размером до 26 мм. Имеются небольшие (2-3 см) фрагменты глиняных тиглей со следами медных вкраплений.

В археологической коллекции имеются 1342 фрагмента лепной керамики. В керамике выделяются две отчетливые группы: первая малочисленная группа фрагментов с ямочно-гребенчатым орнаментом (рис.5). Фрагменты эти разрозненные, от нескольких сосудов. Имеются два фрагмента округлых донца. Тесто плотное, без видимых примесей, цвет фрагментов светло-коричневый, толщина стенок 7-10 мм. Орнаментальные мотивы простые: прямо- или косопоставленные ряды гребенчатых оттисков разделены одним, реже двумя рядами конических ямок. Гребенчатые штампы использовались прямые; как короткие овальные 3-4-зубые, так и длинные многозубчатые. Эта керамика характерна для раннего этапа льяловской культуры, датированного первой половиной 4 тыс. до н.э.

Несмотря на многочисленный каменный инвентарь типологически выделить орудия льяловской культуры сложно, т.к. источник сырья был один, к тому же между льяловской и волосовской культурами существовала преемственность. С этой группой керамики связаны, вероятно,

небольшая целая стамеска и обломок тесла с высокой трапециевидной спинкой из кремневого известняка и, возможно, группа листовидных наконечников стрел.

Вторая группа керамики – пористая, с содержанием органики (пуха, скорлупы, растительной трухи). Эта группа неоднородна, в ней выделяется керамика развитого и позднего этапа волосовской культуры.

Керамика развитого этапа волосовской культуры, который может быть датирован серединой и второй половиной 3 тыс. до н.э., представлена разрозненными фрагментами (рис.6). По имеющимся фрагментам можно судить о формах сосудов: это открытые сосуды с округлым донцем (плоских донце найдено не было), венчики прямые или с незначительным отгибом наружу, срез венчиков плоский или округлый. Тесто рыхлое с большой примесью органики (скорлупа, пух и др.). Толщина стенок варьирует от 8 до 18 мм. Обжиг костровой, неравномерный, цвет фрагментов от светло-коричневого, красноватого до серого. Орнаментировалась вся или большая часть поверхности сосудов, иногда и срез венчиков. Орнамент состоял из оттисков гребенчатого штампа, реже ямочных вдавлений, прочерченных линий. На большинстве сосудов наблюдается горизонтальная зональность орнамента. Возможно, были неорнаментированные или слабо орнаментированные сосуды, так как имеются фрагменты стенок без орнамента. Соотнести их с различными этапами развития волосовской культуры проблематично, к тому же из-за разрушенных слоев разделить их стратиграфически почти невозможно.

Керамика позднего этапа волосовской культуры, относящаяся, вероятно, к 1-ой трети 2 тыс. до н.э., планиграфически связана с жилищем №2. Она отличается относительной тонкостенностью, большой пористостью и в большинстве не орнаментирована. Тесто, также имеет в своем составе органическую примесь (пух, скорлупу и др.), но в большем количестве, чем вышеописанная керамика. Обжиг костровой, цвет фрагментов в основном серый, на изломе черный. Толщина стенок колеблется в пределах 5-7 мм. Полных развалов не встречено, но имеются несколько фрагментов, позволяющих реконструировать форму сосудов: банки и горшки с плоским донцем (донце примерно такой же толщины, что и стенки). Венчики прямые и плав-

но или Г-образно отогнутые наружу. Найден один фрагмент прямого венчика сосуда с налепом в виде тонкого изогнутого валика (рис.7, 1). Орнамент располагается в верхней и нижней части сосудов. Он состоит из зубчатых оттисков и небольших прямоугольных и треугольных вдавлений, образующих разреженные бедные композиции в виде двойного горизонтального ряда крупных зигзагов, оттисков косо поставленного штампа, двойных и тройных рядов вдавлений (рис.7, 2). Данный тип керамики находит параллели с материалами Мольбищенской III стоянки Марийского Поволжья (Шадрин, 1989. С.67-79).

Стоянка Новая деревня является многослойным поселением периода неолита-энеолита. К сожалению, часть культурного слоя была разрушена дорогой, но нам удалось выявить следы двух жилищ волосовской культуры развитого и позднего этапов, первое из которых, вероятно, разрушило находившееся здесь более раннее жилище льяловской культуры.

Список литературы

Березина Н.С. Отчет о работах в Чебоксарском, Цивильском и Алатырском районах Чувашской Республики в 2001 г. Чебоксары, 2001 / НОА ИА РАН.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш. Предварительные итоги изучения каменного инвентаря стоянки Новая деревня на р.Цивиль // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения): Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 2007.

Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола, 1991.

Старостин П.Н. Результаты археологических разведок левобережья Волги от пос.Дубовский до с.Кокшамары // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Йошкар-Ола, 1961 / ТМарНИИЯЛИЭ. Вып.16.

Старостин П.Н. Отчет о результатах археологической разведки на территории Чувашской АССР, проведенной летом 1966 г. Казань, 1966. / НА ЧГИГН. Отд.П. Ед.хр. 2314.

Шадрин А.И. Позднеэнеолитическое поселение Мольбище III // АЭМК. Вып.15. 1989.

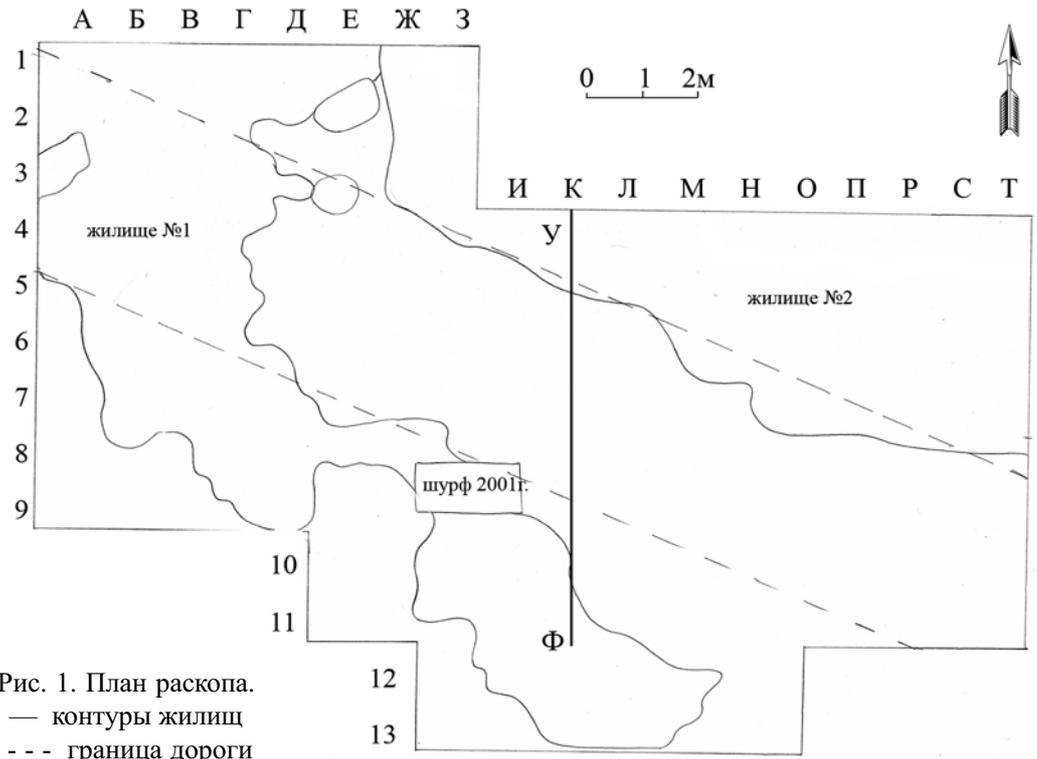
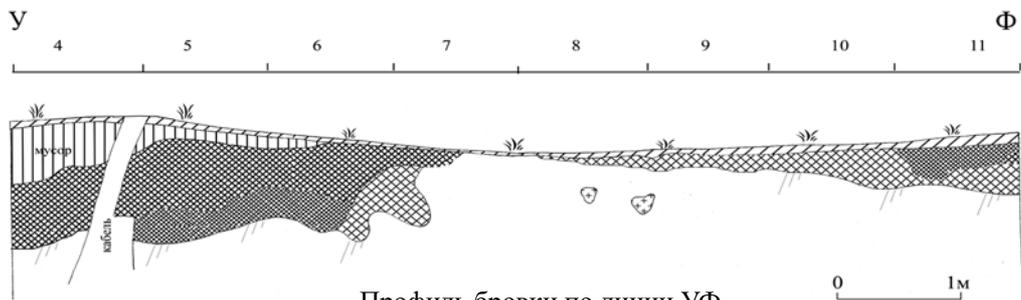

Рис. 1. План раскопа.
 — контуры жилищ
 - - - граница дороги

Профиль бровки по линии УФ.

Рис. 1а. Фото зачистки стенки бровки в квадратах 4,5,6,7 по линии УФ.
 Отчетливо заметен северный борт котлована жилища №2.

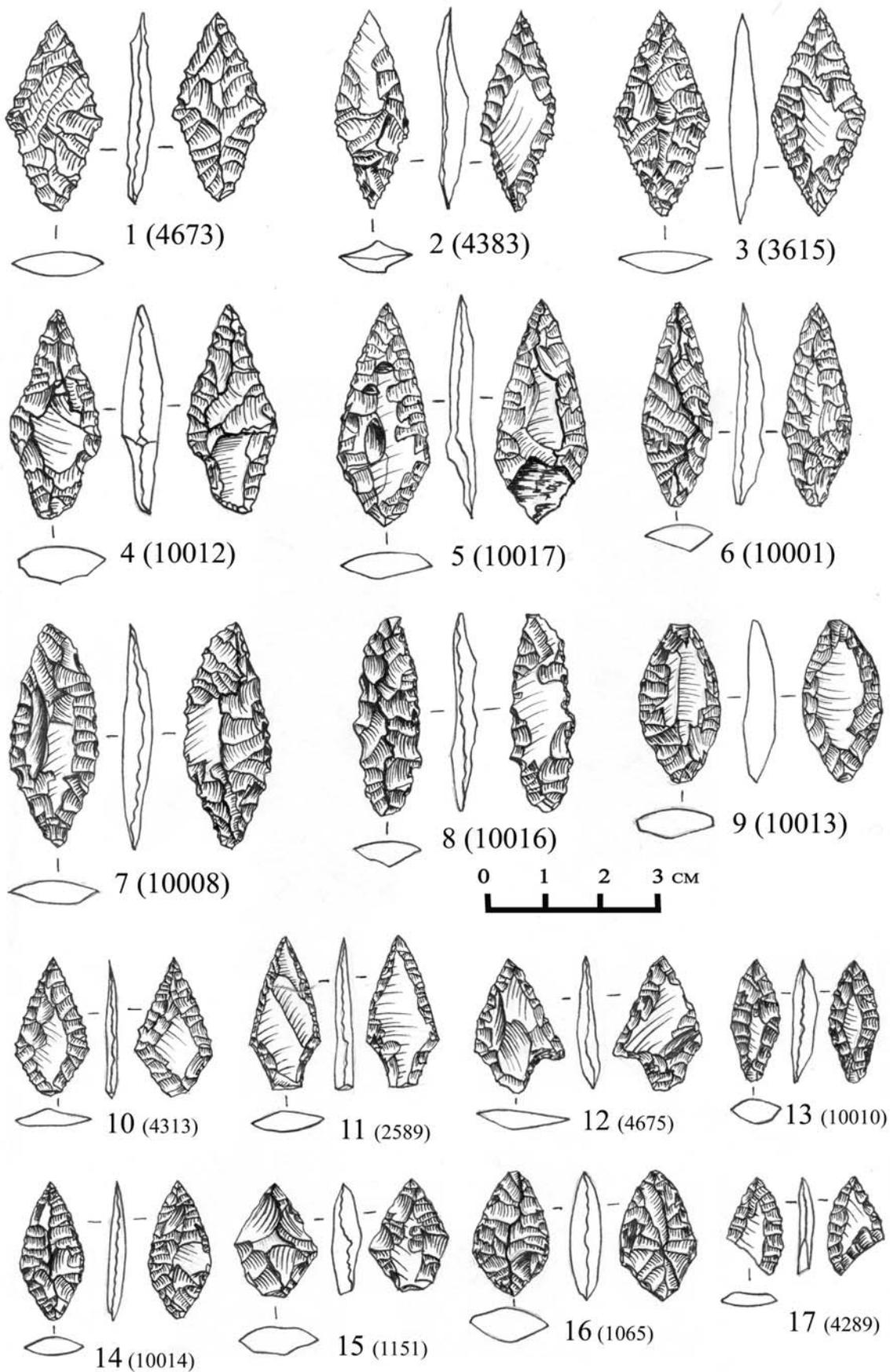

Рис. 2. Стоянка Новая деревня. Орудия: наконечники стрел, 1-17 – кремнь.

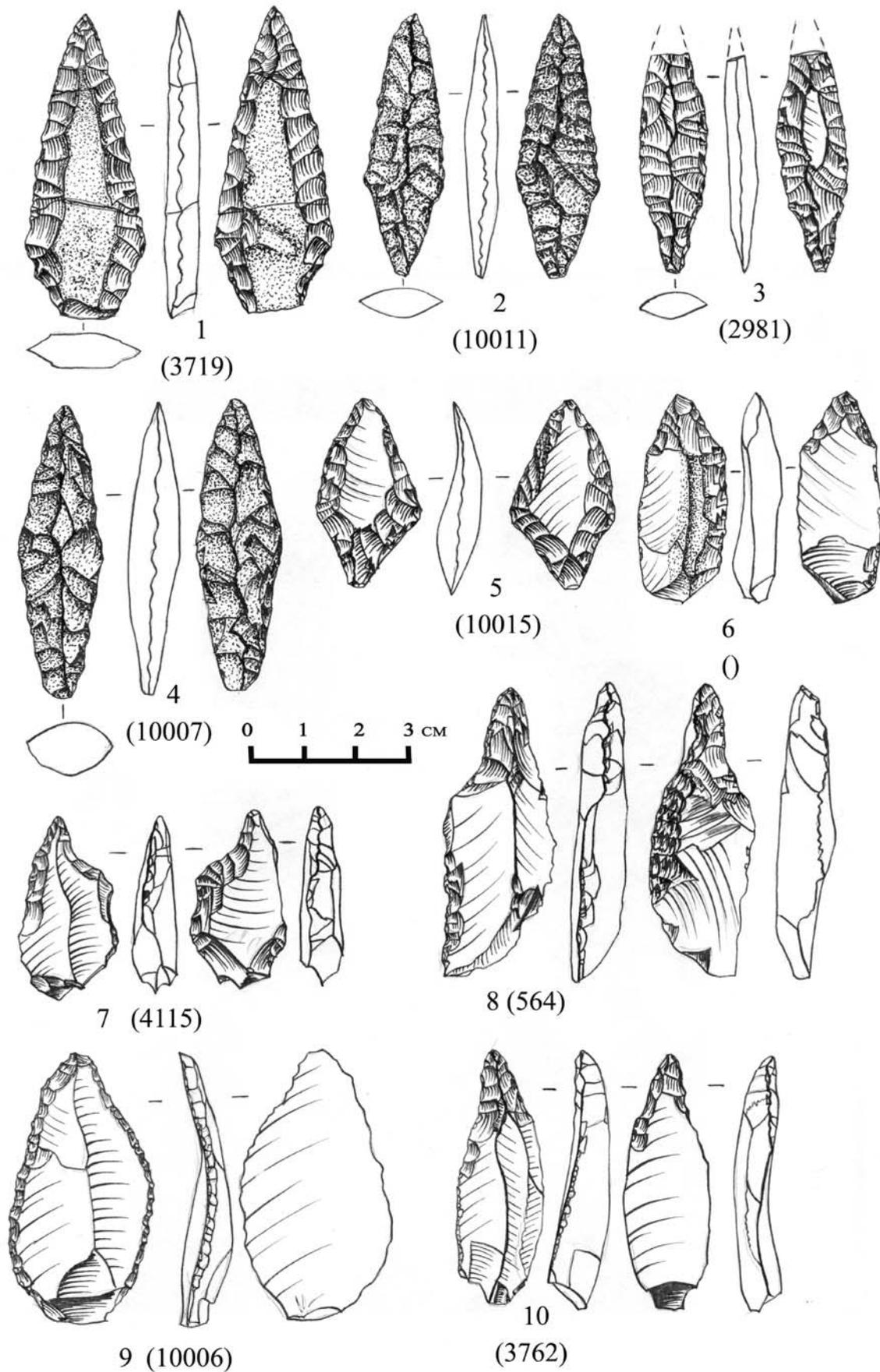

Рис. 3. Стоянка Новая деревня. Орудия: наконечники стрел, перфораторы, 1, 3, 5-10 – кремень, 2,4 – кварцит.

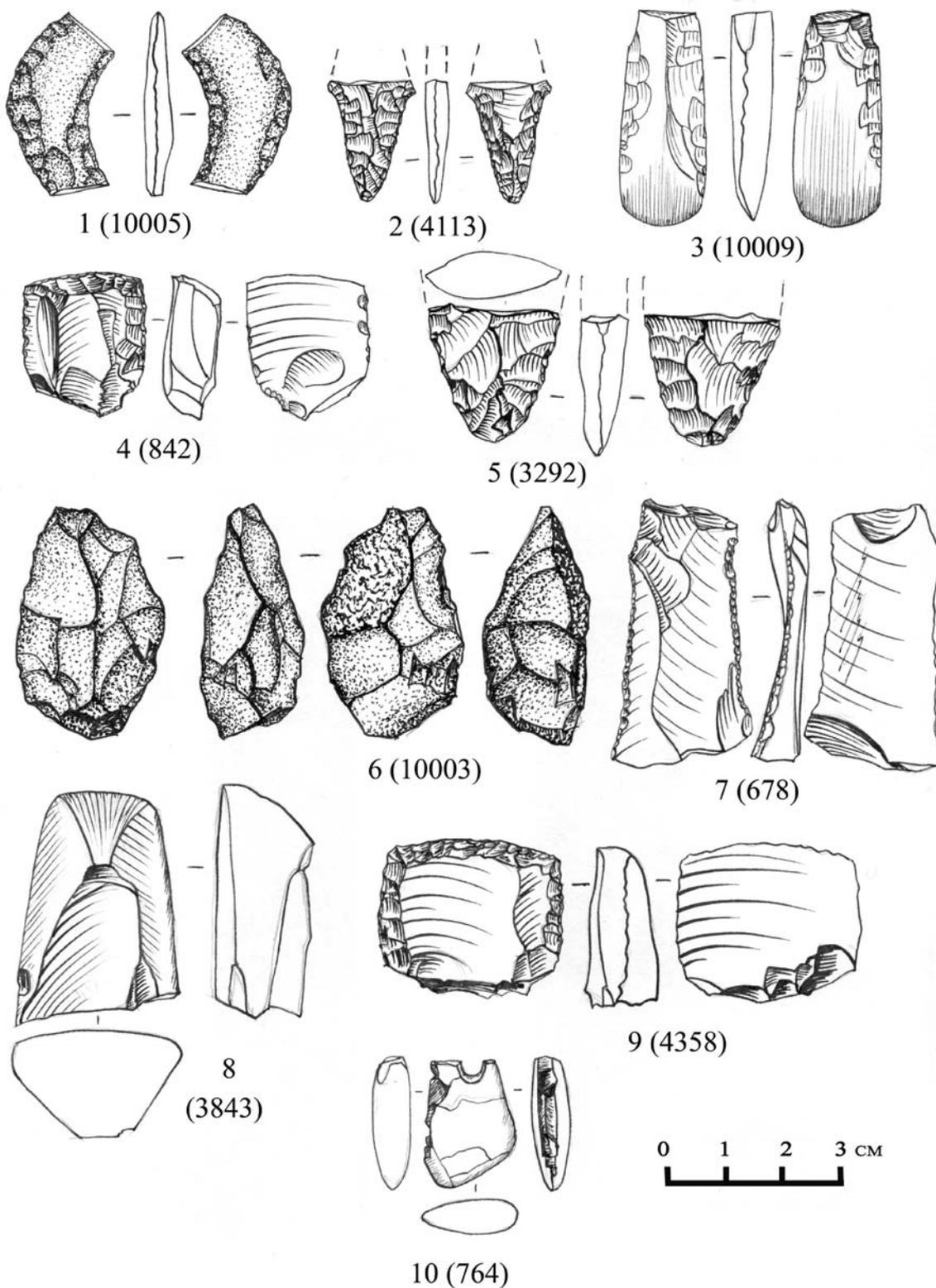

Рис. 4. Стоянка Новая деревня. Орудия и изделия. 1 – лунница, 2 – обломок черешка наконечника, 3 – стамеска, 4, 9 – скребки, 5 – фрагмент орудия, 6 – заготовка бифаса, 7 – нож, 8 – обломок обуха тесла, 10 – подвеска (1, 6 – кварцит, 10 – янтарь, 2, 3, 4, 5, 7-9 – кремний).

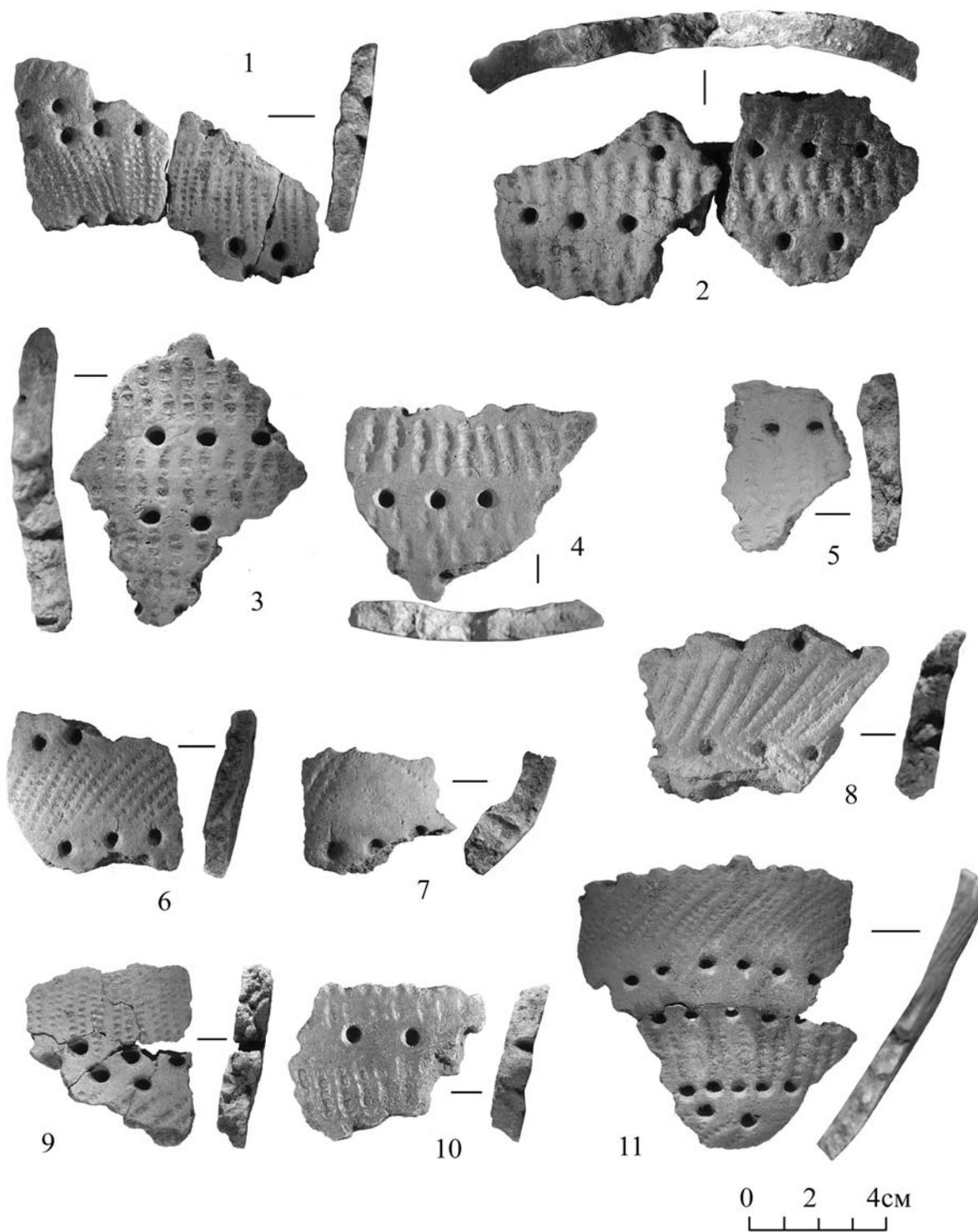

Рис. 5. Стоянка Новая деревня. Фото фрагментов керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом.

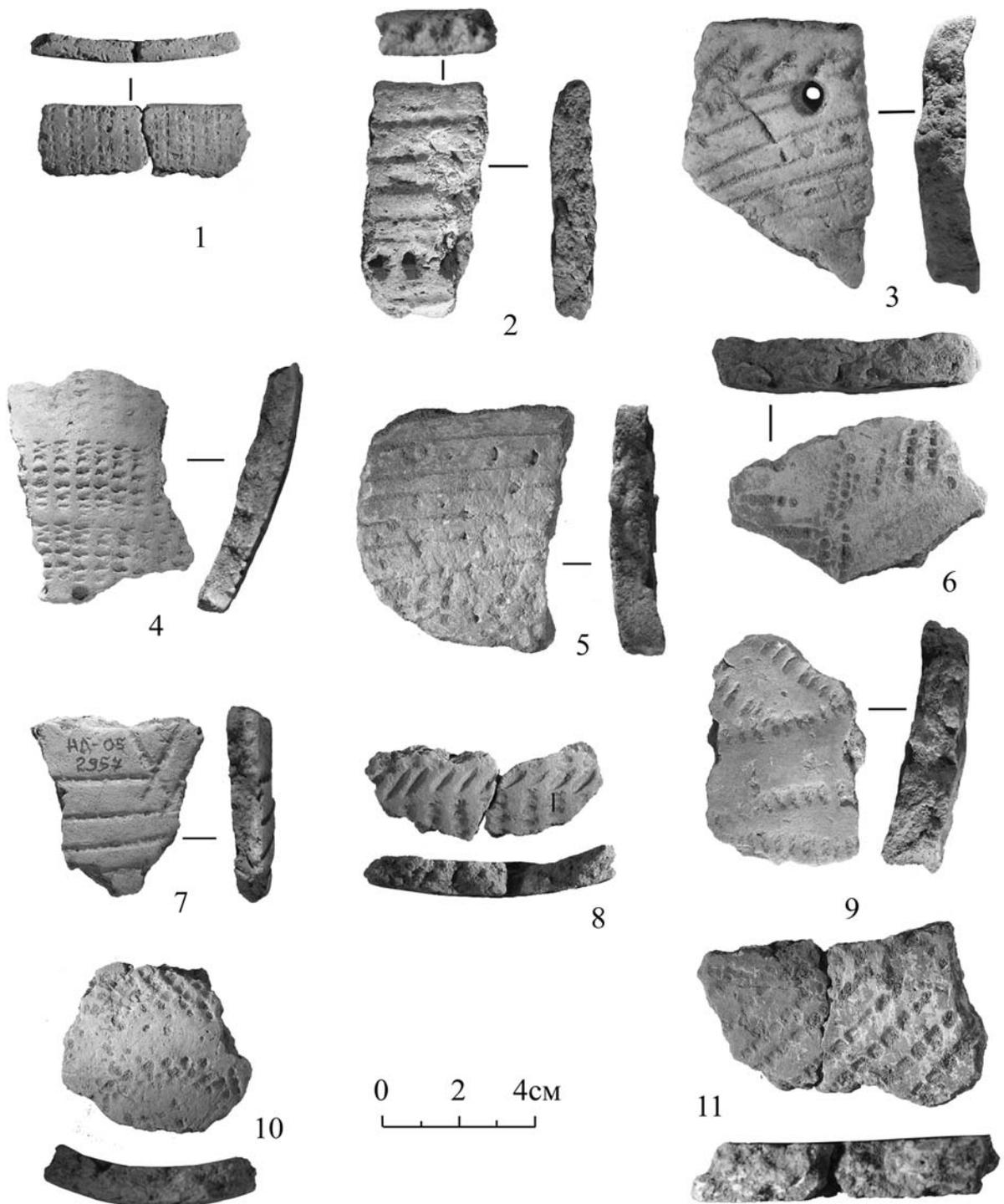

Рис. 6. Стоянка Новая деревня. Фото фрагментов керамики развитого этапа волосовской культуры.

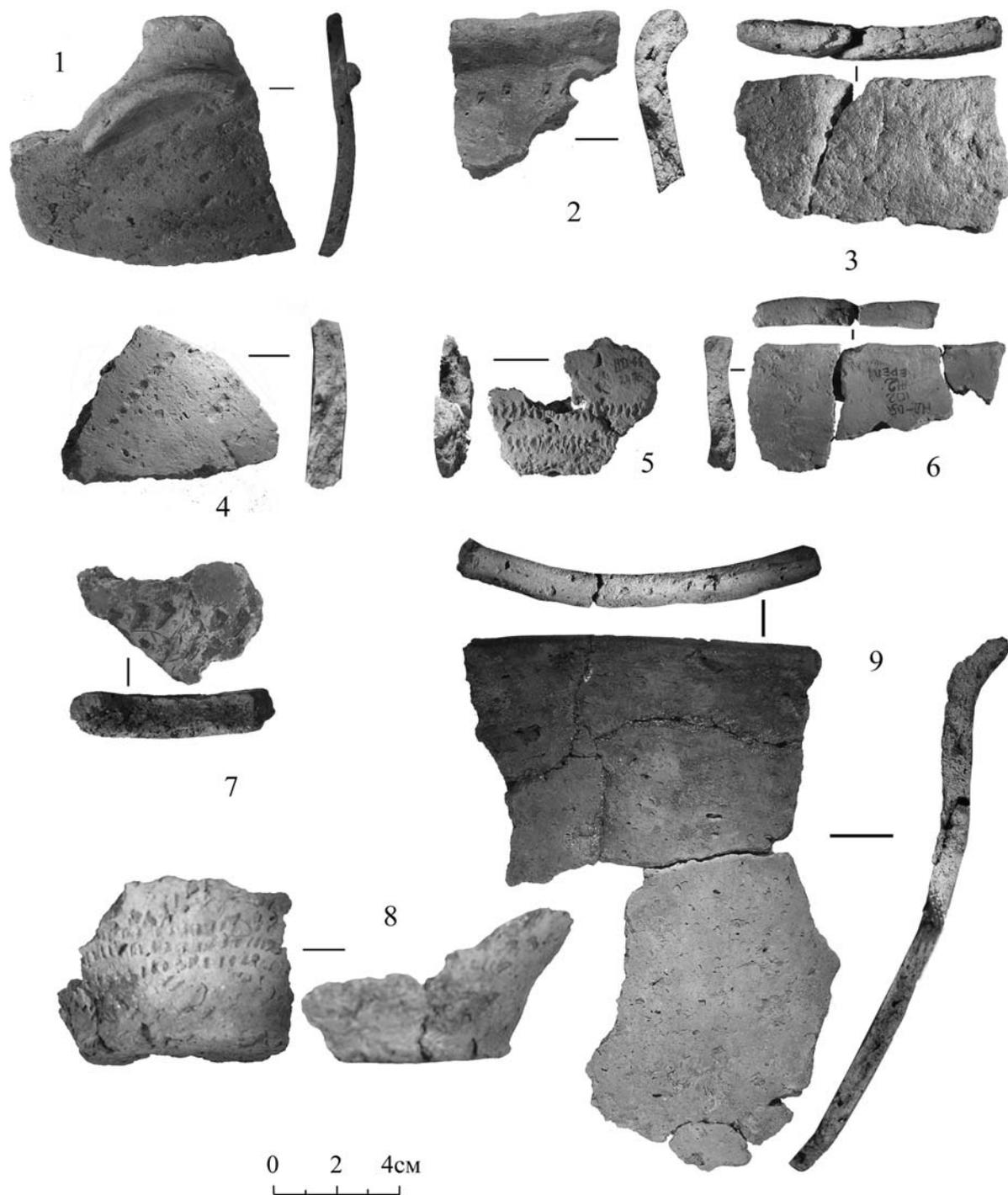

Рис. 7. Стоянка Новая деревня. Фото фрагментов керамики позднего этапа волосовской культуры.

А.В.Шипилов

*Национальный центр археологических исследований Института истории
им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, г.Казань*

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ОРУДИЙ ОХОТЫ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В ИКСКО-БЕЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Орудия охоты в рассматриваемом регионе представлены наконечниками стрел и дротиков. Не считая сильно фрагментированных обломков и заготовок, в ходе исследований в Икско-Бельском междуречье получено 17 наконечников.

Каменные и, в частности, кремнёвые наконечники являются одной из существенных категорий инвентаря для стоянок эпохи неолита и раннего металла. Отметим, что разделение их на наконечники стрел и дротиков основано на определении степени их массивности и в известной мере является условным, а потому они рассматриваются нами в рамках одной классификации.

По форме пера наконечники можно разделить на четыре типа: листовидные, подтреугольно-черешковые, миндалевидные и подромбические.

Листовидные наконечники (рис.1, 1-5, 9-12; 2, 2, 10, 11) представлены 12 экземплярами и 1 заготовкой (рис.2, 9). Они преимущественно изготовлены на кремневых отщепках белого, светло-серого и светло-коричневого цвета. Пять экземпляров следует отнести к категории дротиков (рис.1, 9-12; 2, 10, 11), два из них сохранились фрагментарно (рис.1, 10, 12). В обработке наконечников использовалась техника двухстороннего скалывания и отжимной ретуши.

Среди них можно выделить два лавролистных наконечника (рис.1, 9, 12). Один был обнаружен в ходе исследования Игимской стоянки (рис.1, 9). Он изготовлен на отщепе светло-серого цвета и имеет тщательную двухстороннюю обработку способом отжимной ретуши. Его длина составила 6,5см, а ширина 2,7см.

Второе орудие дошло до нас во фрагментированном виде и происходит с Дубовогривской II стоянки (рис.1, 12). По классификации Н.Н.Гуриной и Р.В.Козыревой (Гурина, 1978. С.57-70; Козырева, 1986. С.149-153) его следует отнести к категории лавролистно-черешковых наконечников. Оно изготовлено на отщепе светло-коричневого цвета и имеет тщательную двухстороннюю обработку. Длину рассматриваемого наконечника установить не представилось возможным, но ширина пера у основания составила 2,5см.

Исходя из параметрических данных, эти орудия, на наш взгляд, можно интерпретировать как наконечники дротиков. Основанием для отнесения их к энеолиту послужили стратиграфичес-

кие наблюдения, позволившие установить их залегание в культурных напластованиях совместно с керамикой волосово-гаринского типа, а также приведённый круг аналогий.

К лавролистным следует отнести фрагментированный наконечник стрелы со стоянки Золотая Падь II (рис.1, 4). Он изготовлен на кремнёвом отщепе красноватого цвета и имеет длину 4см.

Кроме вышеописанных листовидных наконечников стрел, обнаруженных в Икско-Бельском междуречье, заслуживают внимания так называемые иволистные обоюдоострые, в количестве 5 экземпляров. Они обнаружены в ходе исследования Игимской (рис.2, 2), Каентубинской островной (рис.1, 1), Золотая Падь II (рис.1, 2, 3), и Татарско-Азиевской II (рис.1, 5) стоянок. Кроме наконечников стрел, к данной разновидности следует отнести четыре наконечника дротиков, которые также происходят с Каентубинской (рис.1, 11), Дубовогривской II (рис.2, 11), Золотая Падь II (рис.1, 10) и Татарско-Азиевской II (рис.2, 10) стоянок. Все орудия изготовлены на кремневых отщепках белого и светло-серого цвета и имеют обработку с двух сторон разной степени качества: от грубой оббивки до тщательного отжимного ретуширования. Наконечники этой разновидности встречаются как на ранних стоянках с ямочно-гребенчатой керамикой по всей лесной зоне, начиная с IV тысячелетия до н.э., так и на поздних, заходя в эпоху бронзы (Синюк, Клоков, 2000. С.117).

Самые ближайшие аналогии листовидным обоюдоострым наконечникам, которые можно было бы связать с эпохой энеолита, прослеживаются в марийском Поволжье, на Майданском, Уржумкинском и Руткинском поселениях (Никитин, 1987. Рис.3, 2,30,35,37). Имеются они и в материалах стоянки Володары, где наконечники были обнаружены в составе ритуальных кладов кремневых орудий. И.К.Цветкова отмечала, что все изделия, обнаруженные в них, характерны для волосовской культуры, и датировала их концом III-началом II тыс. до н.э. (Цветкова, 1975. С.102). Близкие по облику наконечники фиксируются в кремнёвом инвентаре Вашутинской стоянки в Ярославской области, также отнесённой И.К.Цветковой к волосовской культуре (Цветкова, 1960. С.50-51, рис.1, 2,3).

Необходимо заметить, что в поздненеолитических поселениях листовидные наконечники является единственным типом, поэтому мы склонны рассматривать их как древнейшие в Икско-Бельском междуречье и в то же время как наиболее характерные для рассматриваемой эпохи.

К категории **миндалевидных** наконечников относится лишь один, происходящий с Игимской стоянки (рис.2, 1). Он изготовлен на кремнёвом отщепе серого цвета и имеет двухстороннюю обработку по всей поверхности способом отжимной ретуши. Подобный наконечник был получен в ходе исследований стоянки Сауз II из заполнения жилища волосово-гаринского времени (Выборнов и др., 1985. Рис.17, 1,4,6).

Двумя экземплярами представлены обоюдоострые **ромбические** наконечники стрел (рис.2, 7, 8). Одна находка была сделана в ходе раскопок Татарско-Азибейской II стоянки (рис.2, 8). Орудие изготовлено на отщепе тёмно-серого цвета, по всей поверхности с двух сторон имеет тщательную струйчатую ретушь. Второй наконечник дошёл до нас во фрагментированном виде. Он изготовлен на кремнёвом отщепе и обнаружен в ходе исследования Русско-Азибейской стоянки (рис.2, 7). По своим типологическим признакам данный артефакт следует также связать с обоюдоострыми ромбическими наконечниками стрел.

Подобные наконечники стрел прослежены на Чирковском поселении в Среднем Поволжье (Никитин, 1987. Рис.3, 22,23,38,39). В целом обоюдоострые подромбические наконечники стрел получают широкое распространение на памятниках лесной зоны, датируемых IV-III тыс. до н.э.

Не меньшего внимания заслуживают **подтреугольно-черешковые** наконечники стрел. Орудия изготавливались из кремня хорошего качества. Среди них выделяются наконечники стрел с заостренным черешком и резко выраженными шипами. Все они были обнаружены в ходе исследования Дубовогривской II стоянки и исчисляются тремя экземплярами (рис.1, 6-8). Орудия изготовлены на кремнёвых отщепах, с особым искусством, способом отжимной ретуши. С рассматриваемой разновидностью следует также связать и заготовку стрелы, происходящую с Игимской стоянки (рис.2, 6).

Наиболее близкие аналогии подтреугольно-черешковым наконечникам прослеживаются в материалах волосовского времени Кубашевской и Чирковской стоянок (Никитин, 1987. Рис.3, 40,47). Имеются они и в составе кремнёвого инвентаря стоянки Володары (Цветкова, 1948. Рис.4, 5). Черешковые наконечники с шипами более характерны уже для поздних стадий лес-

ного неолита, а также для памятников эпохи бронзы лесостепной и степной зон Восточной Европы. Иногда их называют наконечниками «сейминского» типа (Крижевская, Халиков, 1959. С.123, табл.1, 1). Исходя из приведённого круга аналогий, они датируются в общих рамках концом III – началом II тыс. до н.э.

К категории уникальных находок, обнаруженных в Икско-Бельском междуречье, следует отнести наконечник стрелы кельтеминарского типа, обнаруженный в результате исследований на Русско-Азибейской III стоянке (рис.2, 12). Он имеет подтреугольную форму пера с боковой выемкой у его основания. Орудие имеет черешок и с двух сторон обработано краевой ретушью.

Следует отметить, что наконечники стрел кельтеминарского типа преобладают на восточных склонах Урала и в Зауралье. На западном склоне Урала известно два места находки таких наконечников – стоянки Средняя Ока в среднем течении р.Ай и Усть-Юрюзанская (Матюшин, 1975. С.143). Определённые черты сходства с наконечниками, найденными в Икско-Бельском междуречье, проявляет наконечник, найденный в Среднем Прикамье на стоянке Бор IV (Бадер, 1961. Рис.90, 1). Аналогия прослеживается и с находкой, происходящей со стоянки Долгий Ельник I на оз.Зюрат-Куль (Матюшин, 1975. С.144, рис.1, 6). Подобные наконечники были обнаружены также при исследовании таких стоянок, как Сабакты III (Матюшин, 1970. Рис.9, 1), Козлов мыс (Чернецов, 1968. Рис.1, 2,6), Чебаркуль II (Крижевская, 1962. Рис.10, 3).

Ряд исследователей склонны связывать наконечники кельтеминарского типа с эпохой неолита (Чернецов, 1968. С.27; Крижевская, 1962. С.27-29). Исследования Г.Н.Матюшина позволили пересмотреть эту точку зрения. Основанием для этого послужил факт обнаружения наконечника кельтеминарского типа на стоянке Суртанды VIII – эталонного памятника энеолита Южного Урала (Матюшин, 1975. Рис.1, 2). Г.Н.Матюшин был склонен связывать их с воротничковой раннеэнеолитической керамикой и в хронологическом отношении датировал концом IV-началом III тыс. до н.э. (Матюшин, 1975. С.151). Таким образом, было установлено, что наконечники стрел кельтеминарского типа не только получают распространение в неолите, но и продолжают бытовать в среде энеолитического населения Урала и Зауралья.

Исследования последних лет подтвердили, что кельтеминарские наконечники стрел с боковой выемкой продолжают бытование в лесной полосе Евразии и в эпоху неолита. Так, при исследовании энеолитического могильника Боровянка XVII в Среднем Прииртышье в погреб-

бении №14 был обнаружен кельтеминарский наконечник стрелы с боковой выемкой. Погребение датировано на основании радиоуглеродного анализа серединой III тыс. до н.э. (Хвостов, 2001. С.137). Этой датировке не противоречит и находка, сделанная при исследовании святилища Савин на р.Тобол, которое датируется второй четвертью III тыс. до н.э. (Потёмкина, 2001. С.220, рис.5, 14).

Кельтеминарские наконечники – явление чуждое и нетипичное для Икско-Бельского междуречья, так как на сотни каменных энеолитических орудий, найденных в рассматриваемом регионе, приходится единственный кельтеминарский наконечник. Можно предполагать, что его находка в Икско-Бельском междуречье отражает лишь связи энеолитического населения рассматриваемого региона с населением Урала и Западной Сибири.

Кроме вышеперечисленных типов и разновидностей наконечников, на поселениях были встречены находки, которые сохранились фрагментарно и были интерпретированы как фрагменты наконечников стрел и дротиков (рис.2, 3-5). Достоверно установить их форму и параметрические данные не представилось возможным.

Рассмотренные наконечники стрел, полученные в ходе исследований на поселениях эпохи энеолита в Икско-Бельском междуречье, позволяют сделать вывод о том, что в среде энеолитического населения изучаемого региона при изготовлении орудий охоты активно использовалась отщеповая индустрия обработки кремня. Немаловажным представляется то, что в данном регионе была зафиксирована находка наконечника стрелы так называемого кельтеминарского типа, изготовленного на ножевидной пластине, что позволяет говорить о контактах населения рассматриваемой территории с позднеэнеолитическими и энеолитическими племенами Урала и Западной Сибири.

Преобладающие формы наконечников стрел, имеющие широкий круг аналогий в лесной полосе Среднего Поволжья и Урала, позволяют говорить о принадлежности энеолитического населения Икско-Бельского междуречья к лесным охотничьим племенам.

Список литературы

Бадер О.Н. Поселения Турбинского типа Среднего Прикамья // МИА. 1961. №99.

Выборнов А.А., Елизаров А.Б., Овчинникова Н.В. Поселение Сауз II и проблемы периодизации эпохи раннего металла Нижней Белой. Куйбышев, 1985.

Гурина Н.Н. Опыт первичной классификации кремнёвых наконечников стрел // Орудия каменного века. Киев, 1978.

Козырева Р.В. Типы кремнёвых наконечников стрел на стоянках эпохи неолита – раннего металла Северо-Запада европейской части СССР // Палеолит и неолит. М., 1986.

Крижевская Л.Я., Халиков А.Х. Каменный инвентарь поселений эпохи бронзы в Казанском Поволжье // Труды КФАН СССР. Вып.2. Казань, 1959.

Крижевская Л.Я. Стоянка Чебаркуль II эпохи неолита и раннего металла // ВАУ. Вып.2. Свердловск, 1962.

Матюшин Г.Н. Неолитические стоянки Ташбулатово I и Собакты III в башкирском Зауралье // Древности Башкирии. М., 1970.

Матюшин Г.Н. О наконечниках стрел кельтеминарского типа на Урале // Памятники древней истории Евразии. М., 1975.

Никитин В.В. Основные типы каменных орудий волосовского населения Средней Волге // АЭМК. 1987. Вып.13.

Потёмкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.

Синюк А.Т., Клоков А.Ю. Древнее поселение Липецкое Озеро. Липецк, 2000.

Хвостов В.А. Захоронения эпохи энеолита могильника Боровянка XVII в Среднем Прииртышье // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001.

Цветкова И.К. Стоянка Володары // КСИ-ИМК. 1948. Вып.ХХ.

Цветкова И.К. Новый памятник волосовской культуры близ г.Переславля-Залесского // Труды ГИМ. Вып.37. М., 1960.

Цветкова И.К. Ритуальные клады стоянки Володары // Памятники древней истории Евразии. М., 1975.

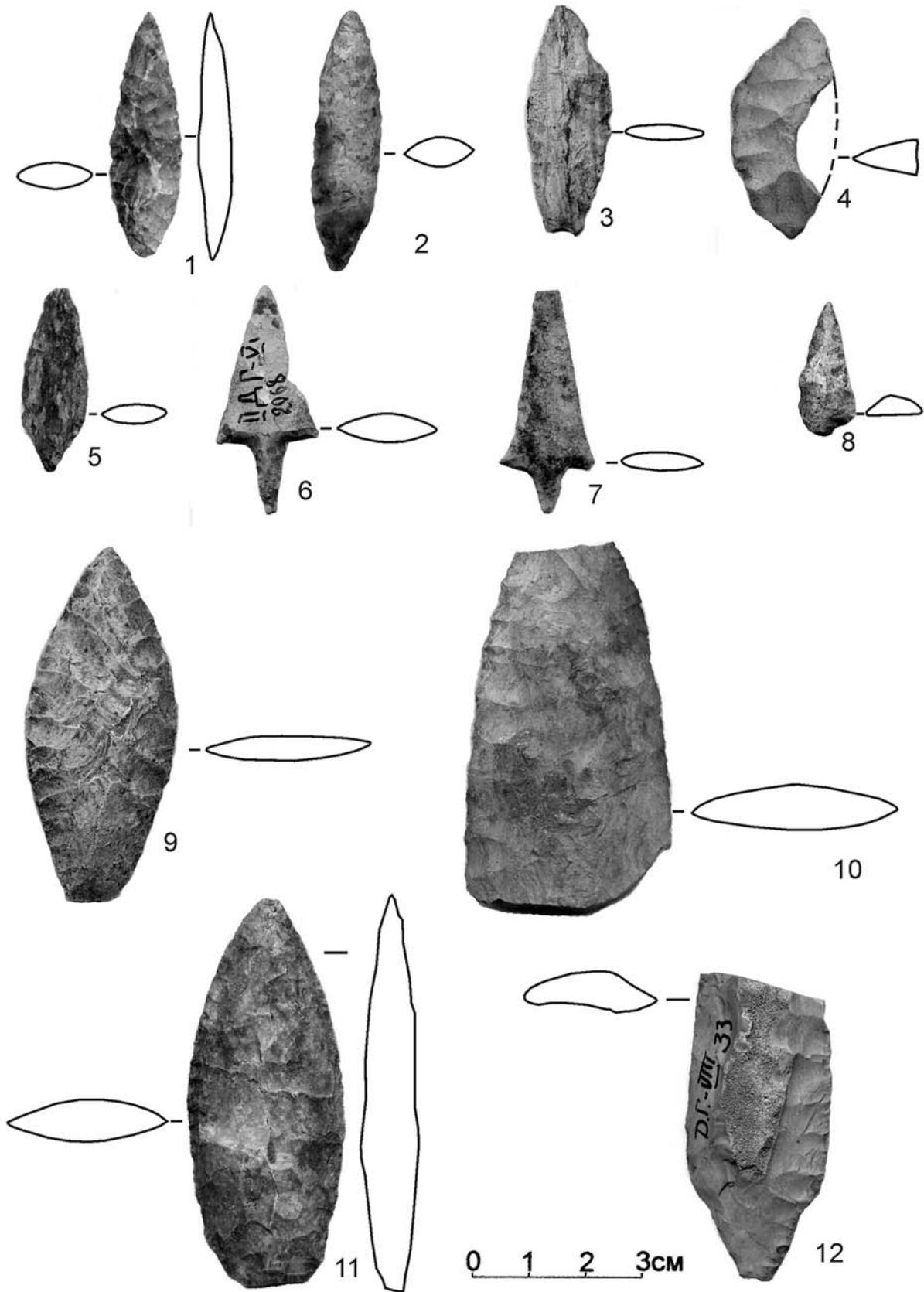

Рис. 1.

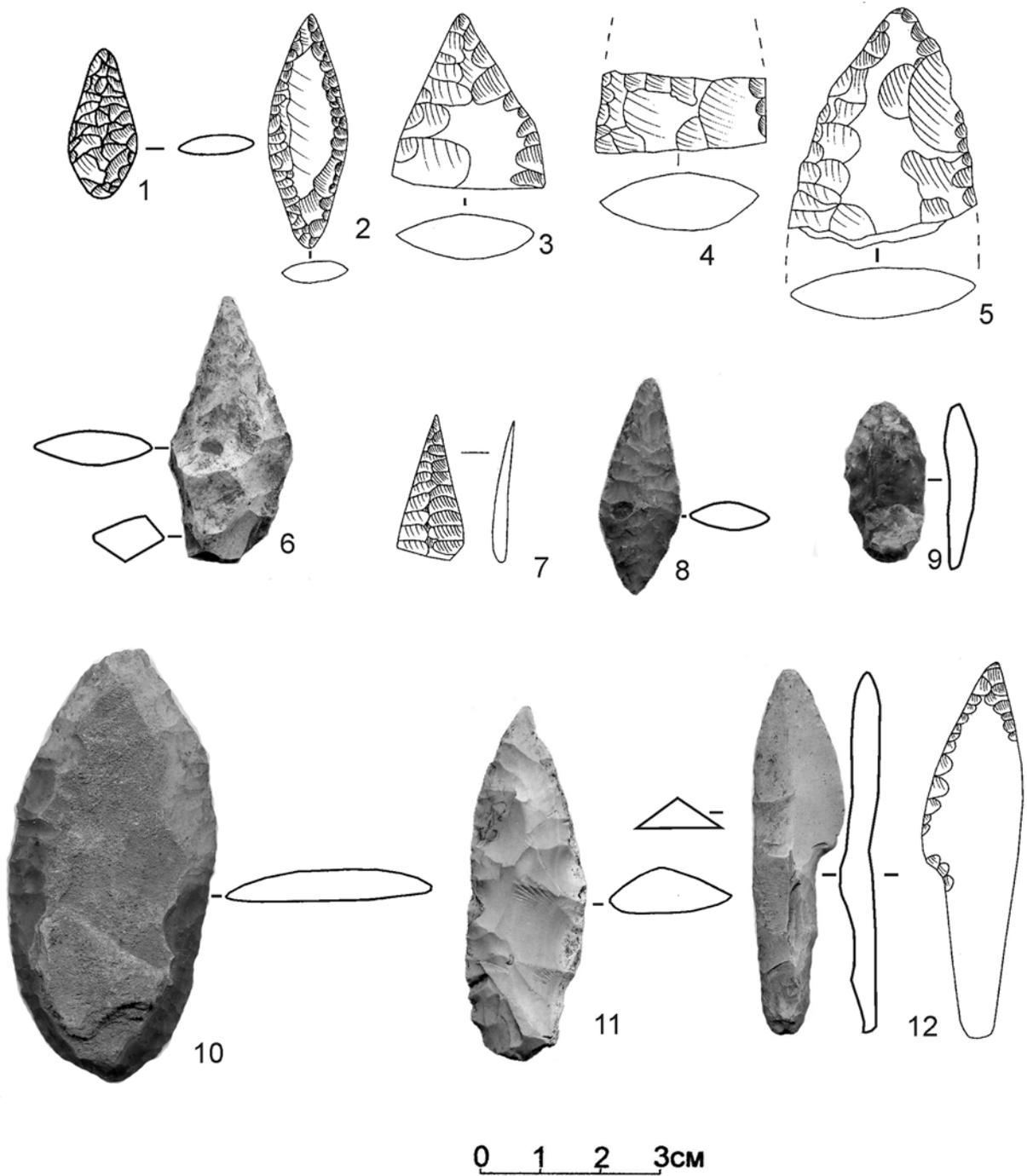

Рис. 2.

*А.М.Губайдуллин**Национальный центр археологических исследований Института истории
им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, г.Казань*

О РАННИХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Появление вооружения и зарождение собственно военной науки уходит, как известно, своими корнями в глубокую древность. Не является исключением и фортификация. Однако, что считать оружием – вопрос «философский». Что же касается военно-оборонительного дела, то, несомненно, оно возникает и начинает развиваться с первыми очагами цивилизации. Наиболее ранние памятники военного зодчества выявлены на Ближнем Востоке. В первую очередь, конечно, это крепостные стены Иерихона, расположенного в долине р.Иордан, построенные около VIII тыс. до н.э.

Довольно рано – в V-III тыс. до н.э. – оборонительные сооружения появились и в различных регионах раннеземледельческих культур Европы. Так, поселение в Халле Долауэр Хайде на территории современной Германии было окружено деревоземляными оборонительными линиями, доходившими до шести рядов (Аникович, Тимофеев, 1998. С.19). На юго-востоке Европы у поселений трипольской культурной общности также имелись многорядные линии рвов или валов и рвов. Здесь существовали различные укрепленные поселки – как подчиненные, так и не подчиненные рельефу местности (Коробкова, 1998. С.29-30). По-видимому, это зависело от особенностей топографии окружающей территории, а также от размеров самих поселений. Надземные защитные конструкции этих ранних городищ были относительно просты и состояли из частокола, что, однако, нисколько не умаляет их значимости и функциональной пригодности. Для того уровня развития военного дела, который имел место в Европе в тот период, данный тип оборонительных сооружений являлся достаточным.

Несомненно, что придание местам поселений в первобытную эпоху функций убежища еще нельзя называть фортификацией. Однако какие-то ее элементы все же начинают появляться уже в позднем неолите-энеолите и на территории лесной зоны Европы (рис.1).

Прежде возникновение наиболее ранних укрепленных поселений на территории Урало-Поволжья и сопредельных регионов исследователи относили к раннему железному веку. Результаты работ, проведенных в последнее время, и полученный новый материал позволяют несколько подкорректировать эту точку зрения.

На севере Среднего Поволжья фиксируется целый ряд поселений каменного века, которые расположены на высоких мысах, дюнных всхолмлениях и т.п. Их высота над уровнем прилегающих водоемов варьирует от 6-8 до 30-50 м. Подобное расположение памятников никак не могло являться следствием колебания воды в реках, т.к. очень значительного поднятия ее уровня («потопов») просто не могло быть. К таким памятникам на территории Казанского Поволжья относится Пустоморквашинское мезолитическое (неолитическое?) поселение, занимающее высокий мыс коренной правобережной террасы. Некоторые синхронные ему памятники Марийского Поволжья также располагались на мысах, что, думается, говорит не только об удобстве для проживания. Особенно это характерно для поселений эпохи неолита оставленных носителями ямочно-гребенчатой керамики.

К сожалению, археологическому исследованию подвергались лишь части мысов (дюнных всхолмлений) занятых памятниками – площадки ближе к их стрелке, а напольная сторона, «периферия» не изучалась. В связи с этим нам трудно судить о том, что там располагалось. О каких-либо фортификационных сооружениях говорить, разумеется, не приходится. Тем не менее, устройство жилья на таких малоудобных местах все же вызывает вопросы. Для каких целей это было нужно? Поселения труднодоступны только с трех сторон, со стороны же поля они открыты, и это лишает всякого смысла такое их расположение. Не исключено, что в данных местах строились какие-либо заграждения типа заборов или плетней. Для чего они могли предназначаться – для защиты от диких зверей или от соседей, тем более от пришлых – вопрос открытый.

В позднем неолите – начале энеолита тенденции к размещению поселений на защищенных природой местах сохраняются. С этим периодом связано возникновение волосовской культуры. Памятники данного времени характеризуются устойчивой топографией. Они занимают края и мысы надпойменных террас, возвышающихся над уровнем поймы на 6-10 м (Никитин, Соловьев, 2002). Прослеживаются и признаки невысоких валов, ограничивавших с напольной стороны некоторые памятники, например поселение «Чебоксарский городок», распо-

ложенное в Чувашском Поволжье (рис.2). Оно занимает высокий (около 30 м) мыс коренной террасы и ограждено со стороны поля невысоким (до 1 м) валом (Березина, Березин, 2003. С.123-124).

В период энеолита некоторые поселения волосовской культуры, расположенные в Казанском Поволжье, также размещались с учетом рельефа окружающей местности. Они занимали или высокие мысы коренной береговой террасы (например, Нижнеуслонское и Антоновское поселения), или мысы надлуговых террас (например, Малококузинское и Состринское поселения). Все они расположены в правобережье р.Волги, в регионе Предволжье, где рельеф отличается относительной сложностью. Он характеризуется, в основном, своеобразным «горным» массивом, который представляет собой один сплошной хребет. Кроме того, здесь имеются и холмистые равнины. Таким образом, сам ландшафт уменьшал объем труда для обеспечения наибольшей безопасности поселений в случае внешней угрозы.

Использование различных природных защитных свойств местности практиковалось во многих регионах лесостепной и лесной зон того периода времени. Так, на территории современной Рязанской области в Озерной Мещере при изучении поселения волосовской культуры Шагара I были выявлены следы частокола в виде рядов столбовых ям диаметром 30-35 см. Они ограждали памятник с напольной стороны. Сомнительно, что такая довольно серьезная стена служила защитой от диких животных. Судя по ее остаткам, она неоднократно перестраивалась, по крайней мере, на протяжении жизни нескольких поколений.

Примерно такого же типа поселение Лебяжий Бор 6, оставленное населением имеркской культуры в конце III тыс. до н.э. Оно также расположено на северо-востоке современной Рязанской области, на берегу озера рядом со старицей р.Оки. Здесь на протяжении 18 м были прослежены два параллельных ряда частокола, ограничивавшие поселение с незащищенной напольной стороны (ширина каждого ряда 0,3-0,6 м) (рис.3). Расстояние между рядами составляло от 1,4 до 2,8 м (Челяпов, 2000. С.34; Челябин, Ставицкий, 2007. С.41-42). Возможно, что эти укрепления также со временем перестраивались.

На Средней Оке в эпоху энеолита, кроме вышеприведенных памятников, укрепления в виде частокола существовали еще у ряда поселений, например: Тюков городок, Тюрвищи 3, Ивановское охотхозяйство 2. Они располагались у проток, соединяющих озера, или на зауженных местах озер. Несколько позднее (в XX-XVIII вв.

до н.э.) появляются более сложные оборонительные ограды в виде невысоких валов и рвов (Каверзнева, Фоломеев, 1998. С.5-19).

Размещение некоторых поселений того времени на высоких мысах и террасах характерны и для Башкирского Приуралья и Зауралья (История культуры..., 1996). К сожалению, специально вопросами, касающимися наличия у них укреплений, никто не занимался.

Укрепленные поселения эпохи неолита и энеолита известны и в Западной Сибири. Среди них есть как памятники с визуально прослеживаемыми линиями обороны (например, поселение Амня I) (рис. 4), так и расположенные на высоких мысах (поселение Чес-тый-яг) (Очерки..., 1995. С.96-97).

Таким образом, точка зрения об относительно позднем возникновении первых оборонительных сооружений должна быть подвергнута пересмотру. Пересмотреть нужно и тезис о мирном сосуществовании различных культур эпохи камня. Не вызывает сомнений, что и многие поселения бронзового века лесной полосы имели укрепления. Именно в эпоху бронзы вооруженные конфликты приобретают систематический характер. К этому приводили усиление миграционных процессов различных этнических групп, а также рост населения. Имеющийся сейчас материал позволяет говорить об этом.

На территории Казанского Поволжья в эпоху бронзы продолжали развиваться те же тенденции, что и в предыдущее время: наряду с открытыми поселениями, расположенными в низменных местах, создавались и поселки на мысах коренных террас. В основном заселялись места, которые ранее уже использовались для проживания (например, Казанка I и II). Однако, осваивались и новые, например Граханьское и Макарьевское поселения, оставленные населением приказанской культуры. Оба памятника занимали мысы коренных террас, причем в первом случае жилая площадка располагалась на высоте около 30 м. Таким образом, налицо несомненное использование защитных свойств рельефа местности. Конечно, говорить о серьезной военно-инженерной науке и каких-либо специальных топографических исследованиях того времени, вряд ли приходится. Тем не менее, мы можем высказать мнение о развитии определенных элементов фортификации, а изучение напольной стороны поселений поможет дать ответ и на некоторые связанные с ней вопросы.

Произошедшее несколько ранее вторжение с запада балановских племен привело к серьезной конфронтации с местными жителями. Это, несомненно, повлияло на размещение и устройство некоторых поселений как пришлых бала-

новцев, так и автохтонного населения – носителей чирковской культуры. На территории Марийского Поволжья исследователями отмечен ряд поселенческих памятников, занимавших высокие мысы коренных террас, причем принадлежавших как тем, так и другим племенам. В качестве примера можно привести Писеральское I, Сомовское и Анинское поселения балановской культуры, а также поселения Галанкина Гора, Юринское и Кубашевское чирковской культуры (Никитин, Соловьев, 2002. С.39-41).

На позднем этапе в правобережье р.Волги возникают смешанные чирковско-позднебалановские памятники, которые, в основном, сооружались на высоких (25-60 м над уровнем поймы) труднодоступных мысах коренных террас. Кроме того, фиксируются и искусственные укрепления. На Васильсурском II поселении были выявлены остатки неглубокого рва и невысокого вала; обнаружены и следы от надземных конструкций – ямки от вертикально вбитых столбов (частокола) (Никитин, Соловьев, 2002. С.43). Именно балановское население принесло в регион «новый принцип устройства поселков на водораздельных холмах, удаленных от крупных водных магистралей, и высоких, естественно, а иногда и искусственно защищенных мысах коренных террас» (Никитин, Соловьев, 2002. С.48).

Не являлась исключением в этом вопросе и территория Посурья и Примокшанья. Здесь также фиксируются фатьяновско-балановские памятники, расположенные на высоких труднодоступных местах. К ним относятся, например, поселения Теньгушевское, Кокуйское и Ош Пандо (Ставицкий, 2005. С.31). В Посурье таков же характер Екатерининского поселения, относящегося к вольско-либиценской культуре. Оно занимает мысовидный выступ, образованный двумя оврагами (высота площадки над уровнем поймы – 15 м) (Ставицкий, 2005. С.93). Угрозой военных вторжений можно объяснить и постройку на возвышениях некоторых поселений иванобугорской, примокшанской и катакомбной культур (Королев, Ставицкий, 2006. С.196).

Налицо интересный факт – обороняться и строить укрепленные поселки вынуждено было не только местное население, но на определенном этапе и пришлое. По-видимому, перед вторгшимися племенами, оказавшимися в меньшинстве в чуждой, инородной среде, вставала необходимость самим защищаться. Подобное происходило (и происходит) довольно часто.

Вооруженные конфликты имели место, пожалуй, на всем протяжении первобытной и древней истории человечества. В этом процессе совершенствовались орудия войны, причем не

только предназначенные для нападения. Существовала необходимость и в защите поселений – одного из основных объектов притязаний. В результате можно констатировать факт довольно раннего возникновения и применения различных оборонительных мер и сооружений. Впоследствии относительно примитивные защитные конструкции и принципы их строительства в ходе эволюции и заимствований достигли значительных высот, и затем лишь варьировали по своему уровню, способам возведения и типам, т.е. возникла собственно фортификация, чье зарождение уходит корнями в глубь тысячелетий.

Список литературы

Аникович М.В., Тимофеев В.И. Вооружение и вооруженные конфликты в каменном веке // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998.

Березина Н.С., Березин А.Ю. Археологические памятники эпохи камня и раннего металла Чувашия Заволжья (по материалам археологических разведок 1999-2001 гг.) // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары, 2003.

История культуры Башкортостана (Комплект научных и учебных материалов). Вып.6. Археологические памятники Башкортостана. Уфа, 1996.

Каверзнева Е.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников эпохи энеолита – ранней бронзы Озерной Мещеры // Археологический сборник. М., 1998. / Труды ГИМ. Вып.96.

Коробкова Г.Ф. Первобытная фортификация в раннеземледельческую эпоху (по материалам памятников юго-восточной Европы) // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998.

Королев А.И., Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза, 2006.

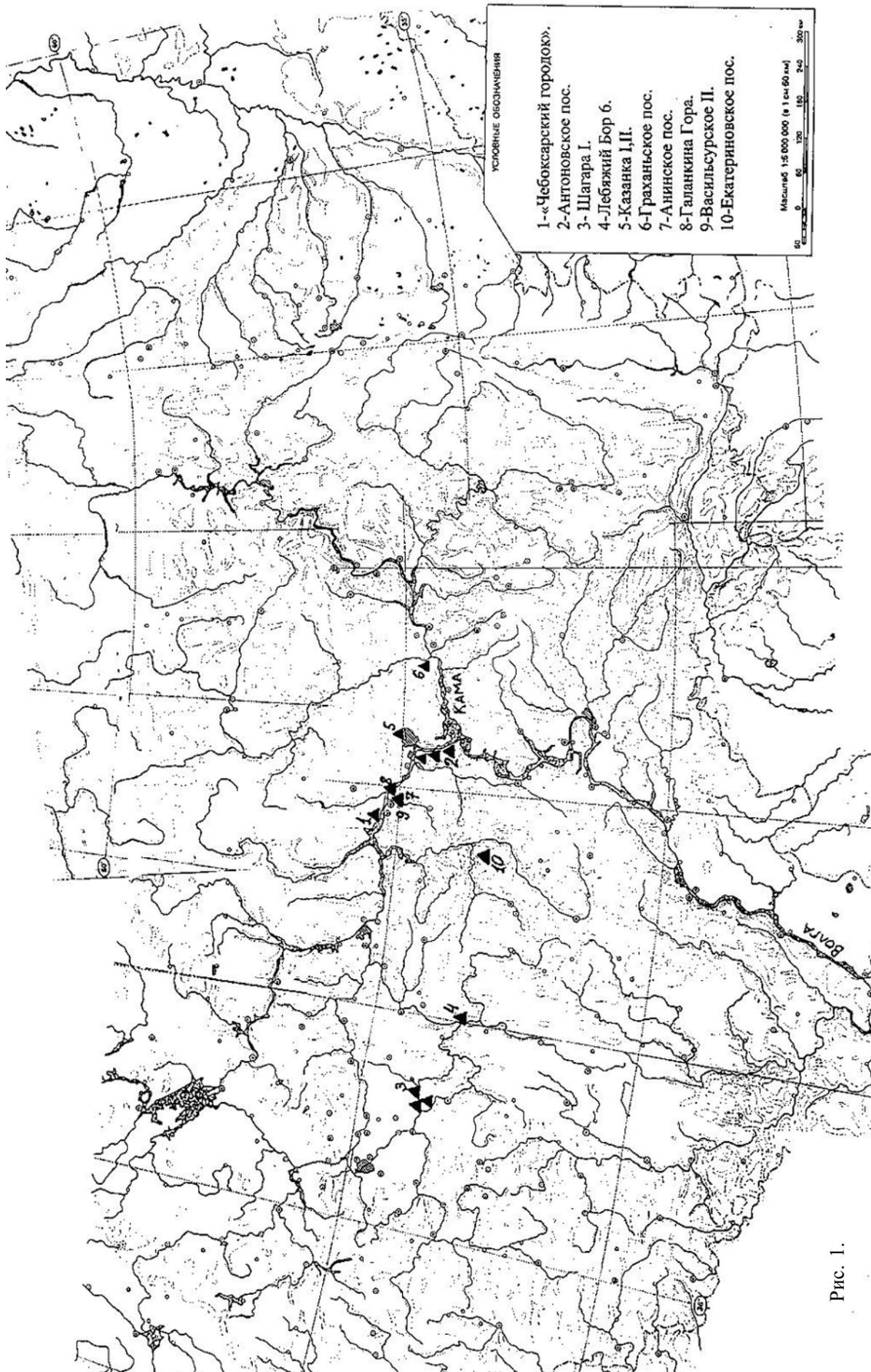
Никитин В.В., Соловьев Б.С. Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) // ТМАЭ. Т.7. Йошкар-Ола, 2002.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири: Поселения и жилища. Томск, 1995.

Ставицкий В.В. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза, 2005.

Челяпов В.П. Новые материалы с поселения Лебяжий Бор 6 в Рязанском Примокшанье // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000.

Челяпов В.П., Ставицкий В.В. Многослойное поселение Лебяжий Бор 6 // Пензенский археологический сборник. Вып.1. Пенза, 2007.

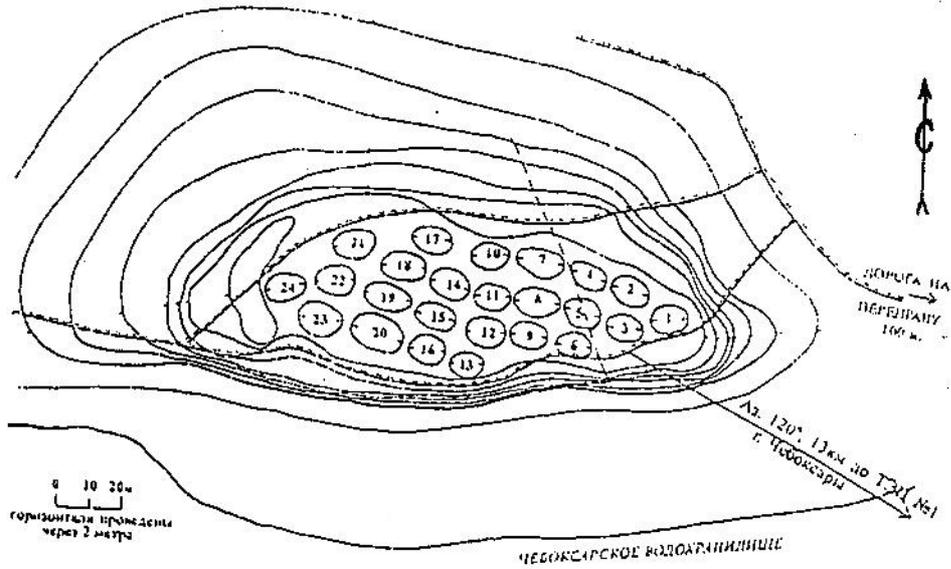

Рис. 2. Поселение «Чувашский городок» (по Н.С. Березиной, А.Ю. Березину).

Рис. 3. Укрепления поселения Лебяжий Бор 6 (по В.П. Челлпову).

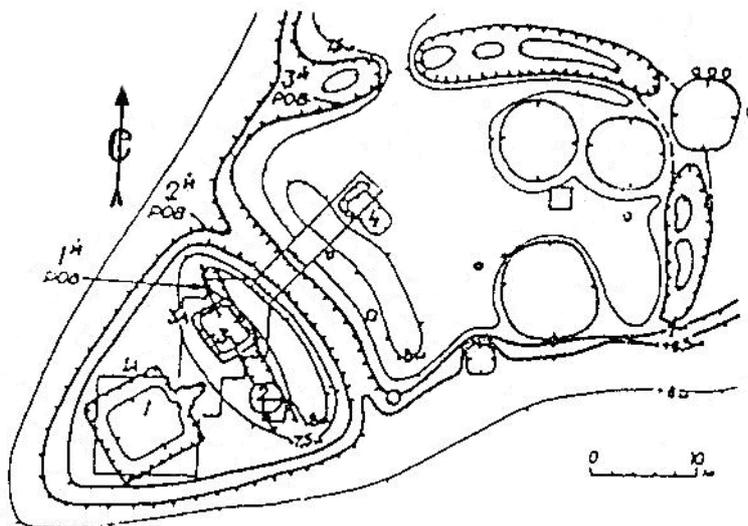
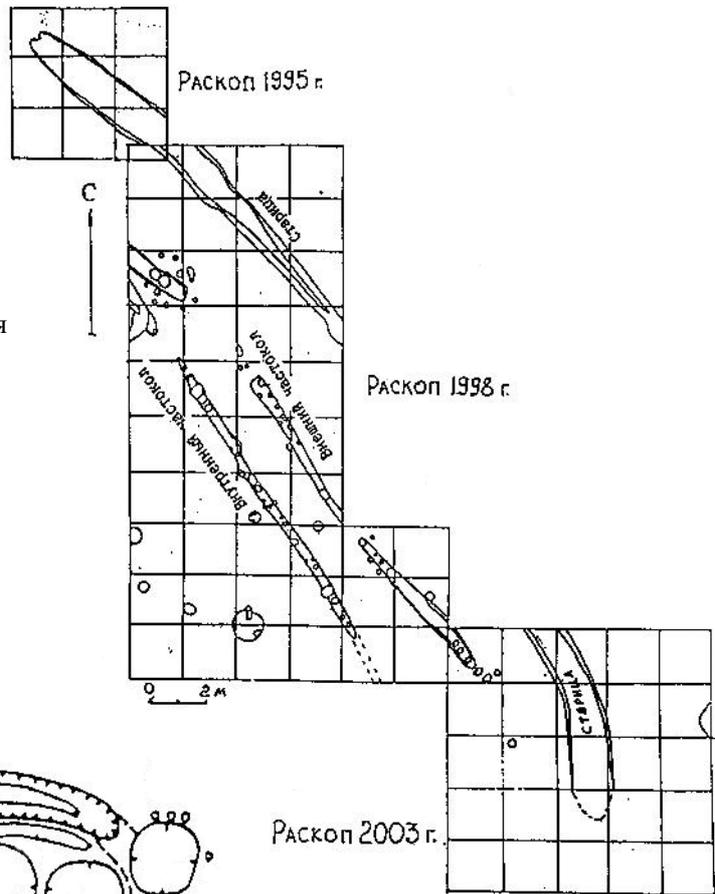

Рис. 4. Городище Амня I (Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. 1995. С.209).

А.А.Чижевский

*Национальный центр археологических исследований Института истории
им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, г.Казань*

ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕТЮШСКОГО МОГИЛЬНИКА В 2003 ГОДУ

Тетюшский могильник был открыт в 1949 г. Н.Ф.Калининым (Калинин, Халиков, 1954. С.53, 54), в 1969-1970 и 1980 гг. исследовался Е.П.Казаковым, А.Х.Халиковым, Е.А.Халиковой и В.С.Патрушевым (Халикова, Казаков, 1970; Халиков, Халикова, 1971; Халиков, 1977. С.50-75; Казаков, Патрушев, 1981. С.136). В 2003 г. работы на территории могильника были продолжены экспедицией Главного управления государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры Министерства культуры Республики Татарстан.

Тетюшский могильник находится в 0,5 км к северу от пристани г.Тетюши на мысу коренной террасы правого берега р.Волга высотой до 80 м (рис.1). В настоящее время на месте некрополя располагается Тетюшская нефтебаза. Собственником земельного участка является ОАО «Татнефтепродукт».

На территории могильника в течение сезона 2003 г. было заложено три раскопа общей площадью 518 м².

Раскоп XIV (189 м²) (рис.1; 2, 1) располагался в северной части могильника, рядом с раскопом VII 1969 г. Площадка раскопа ровная. Стратиграфия: дерн – 10-12 см, темно-серый суглинок – 50-55 см, под ним – материк (желтая глина).

На раскопе выявлен фрагмент средней части известняковой стелы №25 ананьинского времени (рис.7, 2). Высота сохранившейся части изваяния составила 39 см; максимальная ширина нижней части 37 см, минимальная – 30 см, ширина верхней части 32 см; толщина нижней части 7 см, верхней – 5 см. Изображений нет, следов дополнительной обработки также не отмечено. Судя по выраженным плечикам, стела относится к первому типу каменных изваяний постмаклашеевской культуры (тип IA) (Чижевский, Марков, 1999. С.15-16) и датируется в пределах первой половины IX-VI вв. до н.э. (Чижевский, 2005. С.268-300).

Раскоп XV (207 м²) (рис.1; 2, 2) располагался в южной части некрополя в 108 м к юго-востоку от раскопа XIV, непосредственно примыкал к раскопу XIII 1980 г. Площадка раскопа ровная с понижением к юго-востоку. Стратиграфия: дерн – 10 см, темно-серый суглинок – до 40 см, ниже материк – желтая глина. Горизонт эпохи бронзы и раннего железного века связан

со слоем темно-серого суглинка, находки этого времени располагались в нижней его половине.

В раскопе XV выявлено одно погребение:

Погребение №281 (уч.7) (рис.7, 1). Могильная яма не прослежена. Человеческие кости были выявлены на глубине 35-40 см. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине головой на юго-запад, ногами к р.Волга. Череп повернут на правый бок и обращен лицом на восток. Плечевые кости вытянуты вдоль тела, кости предплечий и кисти не сохранились. Позвоночник, ребра и большая часть таза также не сохранились. Бедренные кости лежали параллельно друг другу, берцовые кости левой ноги расположены под углом к костям правой ноги. Кости стоп не сохранились. За головой и у левой голени найдены окатанные водой камешки – гальки, в области левого колена – скол кремня.

Раскоп XVI (122 кв.м.) (рис.1; 2, 3) располагался в 20 м к юго-западу от раскопа XV, за пределами территории Тетюшского могильника. Площадка раскопа ровная. Стратиграфия: дерн – 10-12 см, под ним – прослойка битума толщиной до 2 см (следы аварии на нефтебазе, произошедшей в начале 1990-х гг.), ниже – слой темно-серого суглинка мощностью 70-80 см, ниже – материк (желтая глина). Объектов и сооружений в пределах раскопа не зафиксировано.

Одной из самых интересных находок, выявленных на раскопе, был каменный диск из окремнелого известняка белого цвета диаметром 16 см и толщиной 12 см (рис.7, 4). Поверхность диска плоская. Сходные диски, но меньших размеров, были найдены на Зуево-Ключевском I городище и по результатам трассологического анализа интерпретировались как предметы, связанные с металлообработкой (абразивы, гладилки для фольги или наковальни) (Черных, Медведева, 2003. С.134-135).

Коллекция находок, полученных в результате раскопок Тетюшского могильника включает 607 единиц. Среди них фрагменты керамики, изделия из камня, глины и кости.

Наиболее массовой категорией находок является керамика. Она представлена обломками лепного плоскодонного сосуда баночной формы, фрагментами и целыми формами лепных круглодонных сосудов, а также обломками гончарной керамики.

К эпохе поздней бронзы относится лепной плоскодонный сосуд баночной формы с плавной профилировкой тулова (рис.3, 1) и ряд отдельных фрагментов керамики (рис.3, 2,3,5). Сосуд орнаментирован оттисками крупного двух-, пяти- и девятизубого штампа. Орнаментальная зона охватывает верхнюю треть сосуда и опускается немного ниже точки наибольшего расширения тулова. Орнамент нанесен небрежно. Элементы орнаментации представлены прямыми линиями и зигзагом по тулову сосуда, а также рядом насечек по венчику. Ближайшие аналогии этому сосуду прослежены в материалах срубной культуры, для которой характерны сосуды баночной и баночно-горшечной форм и орнаментация выполненная крупнозубчатой гребенкой, образующей простые геометрические фигуры, часто сочетающие зигзаг и прямые линии (Зудина, Скарбовенко, 1985. Рис.6, 1,9,10; Казаков, 1991. Рис.2; Памятники, 1993. Табл.4, 6; 5, 7; 7, 9; 8, 4; 9, 2,29; 10, 12;11, 17 и т.д.).

Ввиду отсутствия ярких датирующих вещей время существования срубного вещевого комплекса, происходящего с территории Тетюшского могильника, можно определить в рамках существования срубной культуры в Поволжье – XVI-XIII вв. до н.э., может быть, до начала XII в.до н.э. (Халиков, 1969. С.220,234; Казаков, 1991. С.107; Памятники, 1993. С.14).

По-видимому, к этому же времени относится наконечник стрелы из кремня подтреугольной формы с усеченным основанием, линзовидный в сечении (рис.3, 4). Его длина составляет 3,1 см, ширина у основания – 1,8 см. Наконечник изготовлен из яшмовидного кремня техникой отжимной ретуши. Подобные наконечники прослежены в турбинских древностях (подробные аналогии см. Чижевский и др., 2004. С.116-117, рис.18, 7,9). Наконечники, схожие с турбинскими, известны и на срубных памятниках, таких как Натальино II кург.10, погр.1, кург.14, погр.1, Бородаевка II кург.1, погр.21, Покровск (юго-восточная группа) кург.12, кург.34, погр.1 (Памятники, 1993. Табл.3, 8,27; 9, 27; 15, 6; 16, 8,9). Кроме того, подобные наконечники зафиксированы на памятниках эпохи средней и поздней бронзы приустьевой части р.Камы и прилегающих участков р.Волги, таких как Ново-Мордовский VI могильник, Займищенская III и Больше-Отарская I (Балымская) стоянки (Халиков, 1980. С.40,41, табл.33, 2,3; 34, 5), датируемых XVI-XIII вв. до н.э.

Лепная круглодонная посуда (391 фрагментов) составляет основной массив находок, происходящих с территории Тетюшского могильника. Она относится к эпохе финальной бронзы и к раннему железному веку.

Эпоха финальной бронзы представлена в материалах Тетюшского могильника маклашеевской керамикой (75 фрагментов). Реконструированные сосуды имели горшковидную форму и высокие цилиндрические шейки (рис.4, 1,2; 5, 1,4). По примесям в тесте выделяется две группы керамики: 1) с примесью раковины (12%) и 2) с примесью песка и шамота (88%).

Техника нанесения орнамента в маклашеевском керамическом комплексе Тетюшского могильника представлена резными линиями, кругло- и овальноямочными вдавлениями, а также оттисками мелкозубчатого штампа. Один фрагмент сосуда обработан щепкой, которой были нанесены глубокие расчесы на внешнюю поверхность. Распространены такие элементы орнамента как косая сетка (рис.5, 5,8), многорядный зигзаг (рис.5, 1-3,7), ряды овально- и круглоямочных вдавлений (рис.4, 1). Орнаментация располагается только по горловине сосуда (рис.5, 1-3,5-9).

Аналогичные сосуды выявлены на Нижней Каме, в нижнем и среднем течении р.Белой, меньше их на Средней Каме (Обыденнов, 1998. Табл.84; 85, 1-5; 86, 1-3,5; 87; 89, 3,14; 90, 1-5,8,11-13; 91, 2,6; 96, 1-20; 97, 1-3,7; 100, 1-46,7,11; 101; 102; 107, 4-7,9,11; 108; 109; 111; 112, 1-7,9,11).

Время бытования маклашеевской керамики в Волго-Камье – XI – первая половина IX вв. до н.э. (Чижевский, 2002. С.30-36).

Керамика раннего железного века (316 фрагментов) представлена сосудами в форме широких чаш и горшков (рис.6, 1), основная примесь в глине – толченая раковина. Венчики имеют «блоковидную» форму (рис.6, 1,2,4); резкая профилировка плечика, распространенная в маклашеевское время, сглаживается.

Техника нанесения орнамента – мелкозубчатый штамп, овально- и круглоямочные вдавления. Типичные элементы орнамента – ряды ямочных вдавлений (в один и два ряда) (рис.6, 1,3,5,6) и наклонной многорядной гребенки. Орнамент располагается на горловине и плечиках сосуда.

Керамика Тетюшского могильника эпохи раннего железного века находит аналогии в материалах постмаклашеевской культуры, выделенной В.Н.Марковым (1988. С.100; 1992. С.72-79; 1994. С.48-88) и входящей в состав ананьинской культурно-исторической области. Глиняной посуде этой культуры присуща простая ямочная и гребенчатая орнаментация, расположенная в верхней трети сосуда; иногда на керамике данной культуры исследователи отмечают простые шнуровые узоры. Нижняя граница существования пост-маклашеевской культуры определена в пределах середины IX в. до н.э. (Чижевский,

2002. С.33,34), верхней считается рубеж VI-V вв. до н.э. (Марков, 1997. С.14).

Средневековая керамика представлена в коллекции раскопок 2003 г. Тетюшского могильника круговой посудой (17 фрагментов) красно-коричневого (11) и черного (4) цветов. Черепки гончарной керамики рыхлые, со значительной примесью песка. Зафиксированы стенки сосудов (13), венчики (3) (рис.10, 1,3,6), днища (рис.10, 2) и фрагменты ручек (рис.10, 4,5). Вся керамика, кроме двух фрагментов – одного покрытого орнаментом в виде волны (рис.10, 6) и второго обработанного вертикальным лощением (рис.10, 1) – не имеет орнамента.

Аналогии данной керамике прослеживаются в посуде болгарского времени первой группы по Т.А.Хлебниковой, датированной XII – началом XIII вв. (Хлебникова, 1984. Рис.56, 3,4; 57, 2,3,7-10,12,14; 47, 5). Подобные формы сосудов продолжают существовать и в золотоордынское время (Хлебникова, 1984. Рис.94, 3-5; 1988. Рис.36, 1,2,5; 49, 1-3, 5-14). Сходство с керамикой раскопа 2003 г. прослеживается, прежде всего, в характерном оформлении венчиков, довольно сильно согнутых и имеющих в сечении каплевидную форму (рис.10, 3,6). В отличие от болгарской керамики более раннего времени, здесь велик процент посуды черного цвета (восстановительного обжига) – до 30% (Хлебникова, 1984. С.175). Присутствующая на одном из фрагментов орнаментация в виде волны (рис.10, 6) является традиционной для керамики Волжской Булгарии (Хлебникова, 1984. С.187) и не может служить хронологическим показателем. В то же время, наличие в керамическом комплексе с Тетюшского могильника красно-коричневой рыхлой керамики первой группы, может свидетельствовать о существовании поселения на территории могильника в раннезолотоордынское время, когда в производстве посуды в Волжской Булгарии наблюдается определенный упадок (Хлебникова, 1988. С.12).

На раскопе XV найдено гончарное напрясло цилиндрической формы диаметром 40 мм и высотой 8-14 мм (рис.7, 3). Тесто напрясла рыхлое, со значительной примесью песка, идентичное тесту круговой красноглиняной керамики; датируется напрясло, по всей вероятности, так же, как гончарная керамика.

На раскопах XV и XVI собрана значительная коллекция кремневых предметов (68 экз.), представленная в основном отходами обработки кремня – отщепами и сколами (рис.8; 9). Однако встречены также заготовки орудий и орудия, в том числе упоминавшийся выше наконечник стрелы (рис.3, 4). Кремневые изделия связаны, по всей вероятности, с культурным

слоем эпохи поздней и финальной бронзы (маклашевской, может быть, срубной культуры).

Список литературы

Зудина В.Н., Скарбовенко В.А. Раннесрубный могильник у с.Песочное // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.

Казаков Е.П., Патрушев В.С. Раскопки Тетюшского могильника // АО 1980 года. М., 1981.

Казаков Е.П. Могильники срубной культуры в Закамье // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. // Труды КФАН СССР. Серия исторических наук. Казань, 1954.

Марков В.Н. О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988.

Марков В.Н. Периодизация и хронология памятников ананьинского времени приустьевой части Камы // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992.

Марков В.Н. Ананьинская проблема // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.

Марков В.Н. Волго-Камье и финский мир в начале эпохи раннего железа // FU. 1997. №1.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Вып.В1-10. Саратов, 1993.

Обыдённов М.Ф. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа, 1998.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII-VI вв. до н.э.). М., 1977.

Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. В1-24. 1980.

Халиков А.Х., Халикова Е.А. Раскопки в Биллярске караван-сарая и Тетюшского могильника // АО 1970 года. М., 1971.

Халикова Е.А., Казаков Е.П. Тетюшский могильник // АО 1969 года. М., 1970.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии: к вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984.

Хлебникова Т.А. Неполиванная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.

Черных Е.М., Медведева Т.А. Каменные диски с Зуево-Ключевского I городища // Международное XVI археологическое совещание. Пермь, 2003.

Чижевский А.А., Марков В.Н. Стелы ананьинского типа (классификация и назначение) //

Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П. Смирнова: Тезисы научной конференции. Болгар, 1999.

Чижевский А.А. Е.А.Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2002.

Чижевский А.А., Шипилов А.В., Писарев Т.Н. Исследования Рысовского археологического комплекса // Археологические открытия в Татарстане: 2002 год. Казань, 2004.

Чижевский А.А. Ананьинские (постмаклашеевские) стелы // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005.

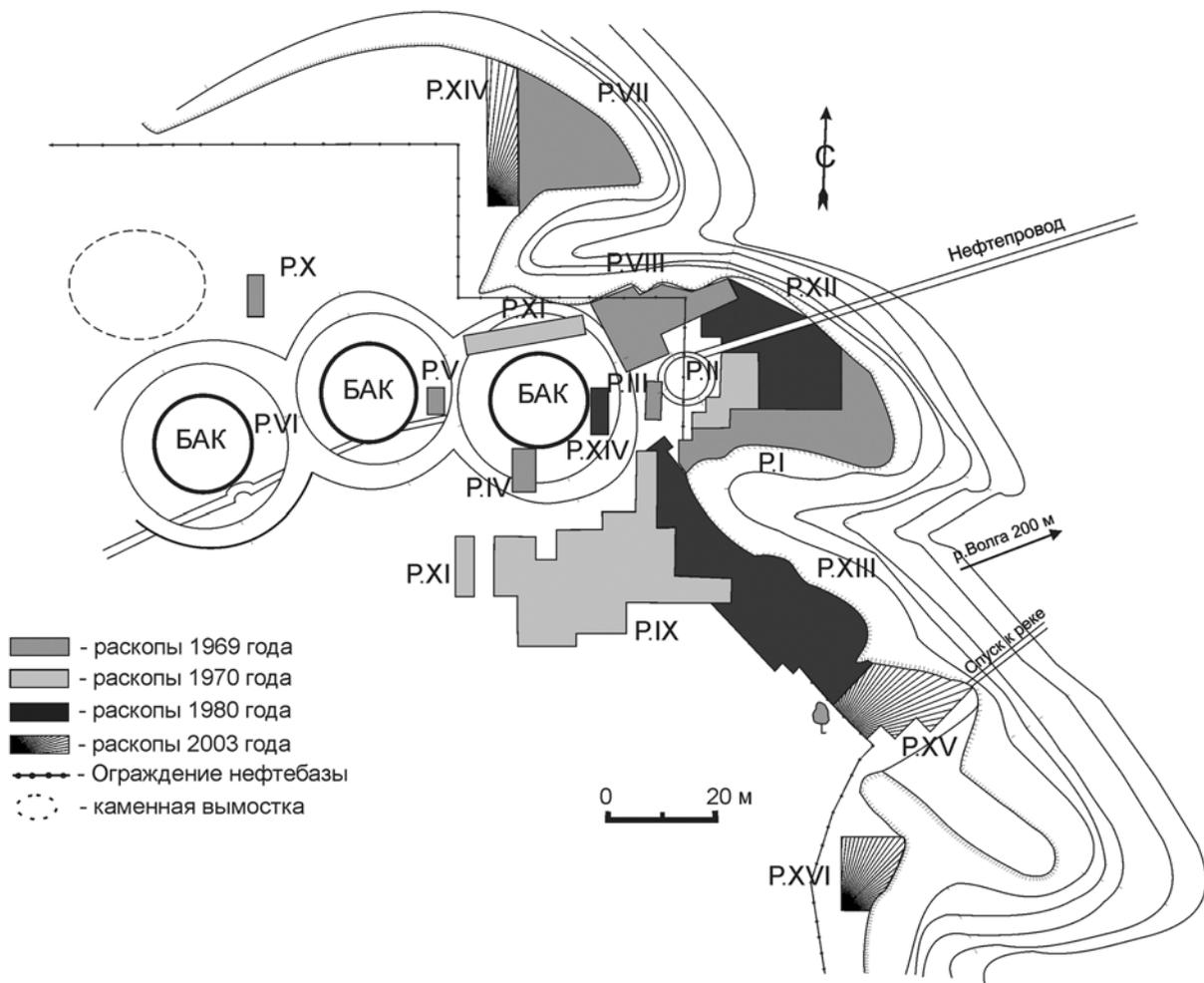

Рис. 1. Тетюшский могильник. Общий план.

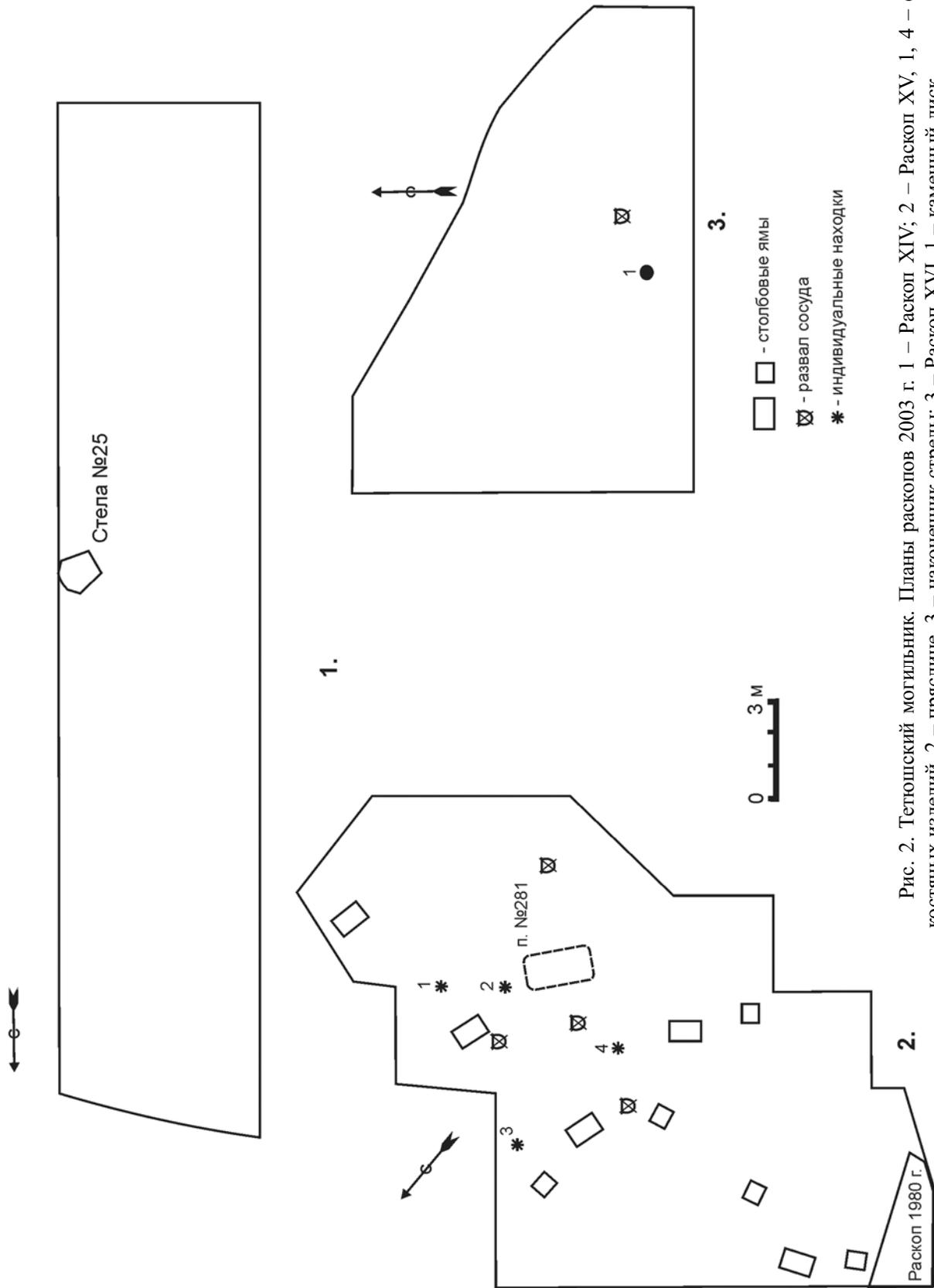

Рис. 2. Тетюшский могильник. Планы раскопов 2003 г. 1 – Раскоп XIV; 2 – Раскоп XV, 1, 4 – фр. костяных изделий, 2 – пряслице, 3 – наконечник стрелы; 3 – Раскоп XVI, 1 – каменный диск .

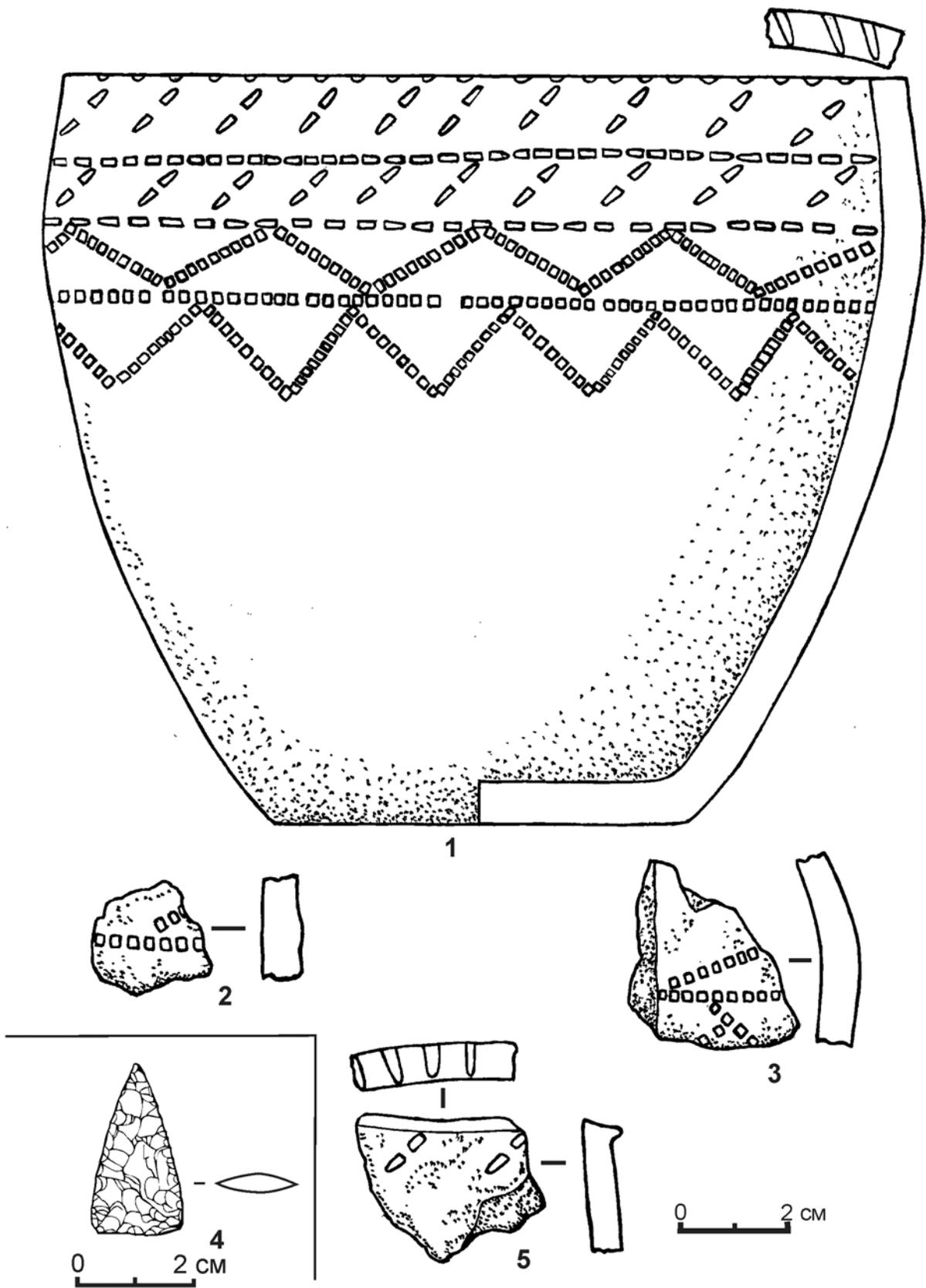

Рис. 3. Тетюшский могильник 2003 г. 1 – Раскоп XV, уч.4; 2 – Раскоп XV, уч.5; 3 – Раскоп XV, уч.3; 4 – Раскоп XV, уч.3; 5 – Раскоп XV, уч.4.

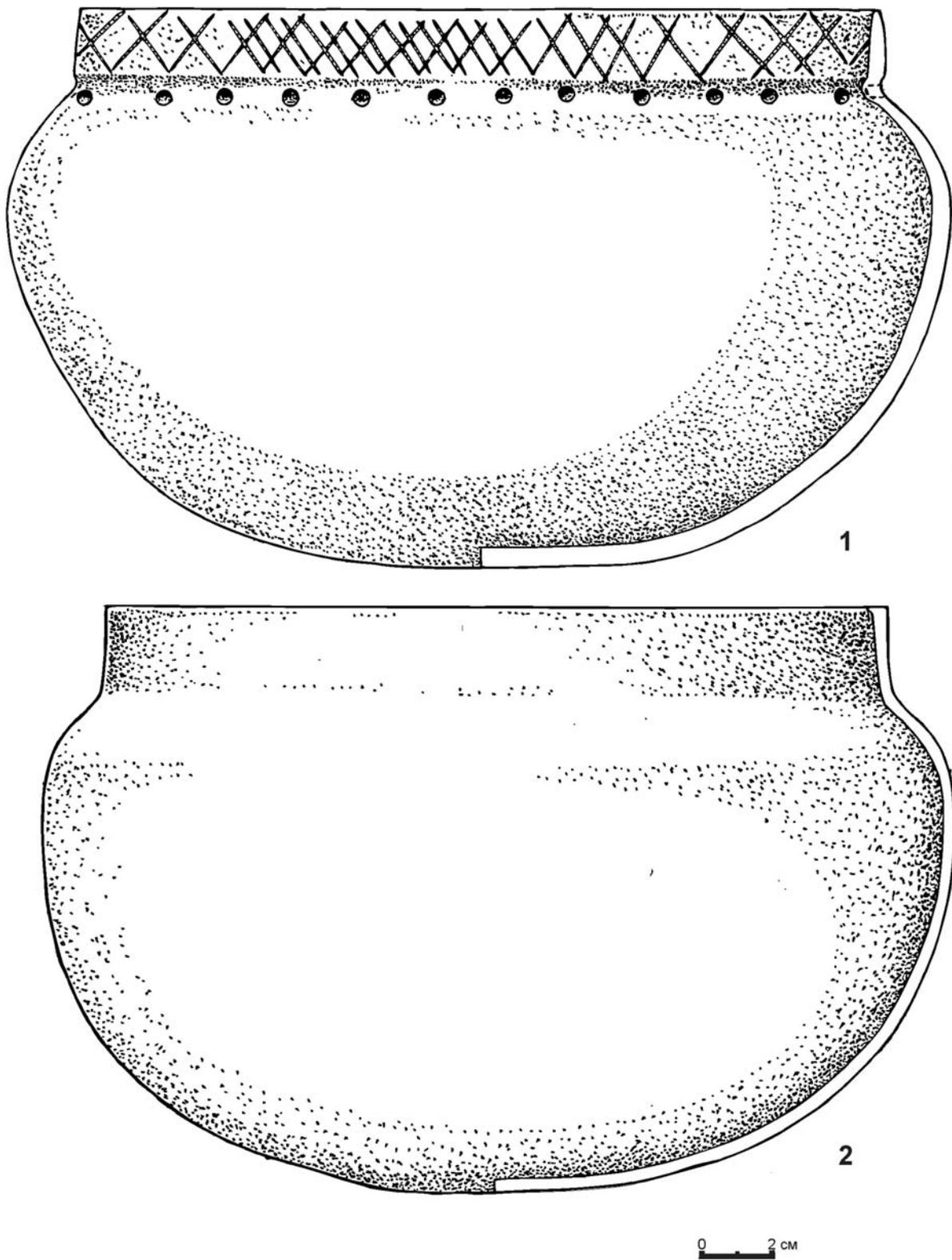

Рис. 4. Тетюшский могильник. Керамика маклашеевской культуры.
1 – Раскоп XV, уч. 14; 2 – Раскоп XV, уч. 14.

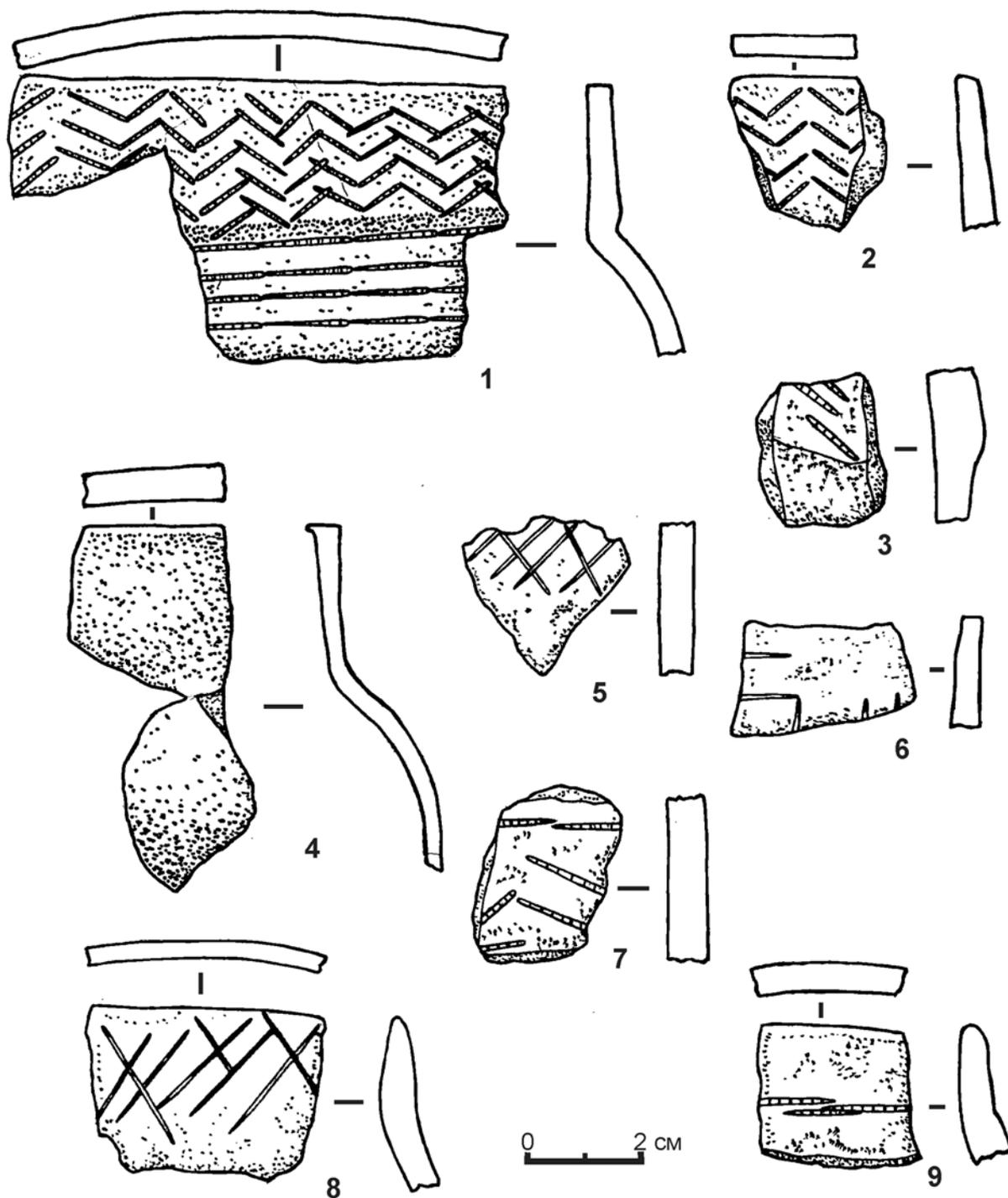

Рис. 5. Тетюшский могильник 2003 г. Керамика маклашеевского времени. 1 – Раскоп XV, уч.5; 2 – Раскоп XV, уч.5; Раскоп XV, уч.4; 4 – Раскоп XVI, уч.4; 5 – Раскоп XV, уч.9; 6 – Раскоп XV, уч.6; 7 – Раскоп XV, уч.4; 8 – Раскоп XV, уч.8; 9 – Раскоп XV, уч.4.

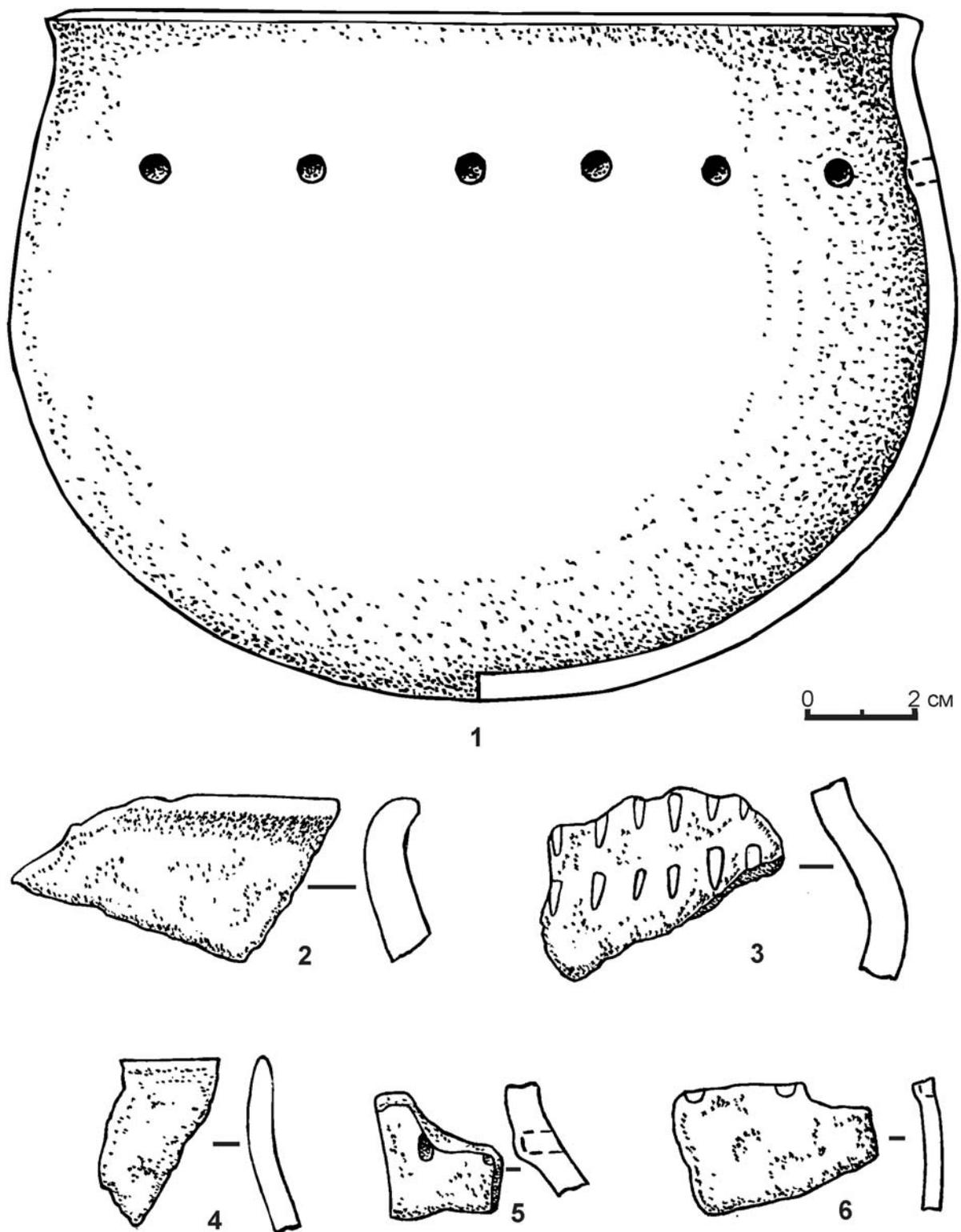

Рис. 6. Тетюшский могильник 2003 г. Керамика постмаклашеевской культуры, АКЮ. 1 – Раскоп XV, уч.15; 2 – Раскоп XV, уч.6; 3 – Раскоп XV, уч.5; 4 – Раскоп XV, уч.10; 5 – Раскоп XV, уч.5; 6 – Раскоп XV, уч.3.

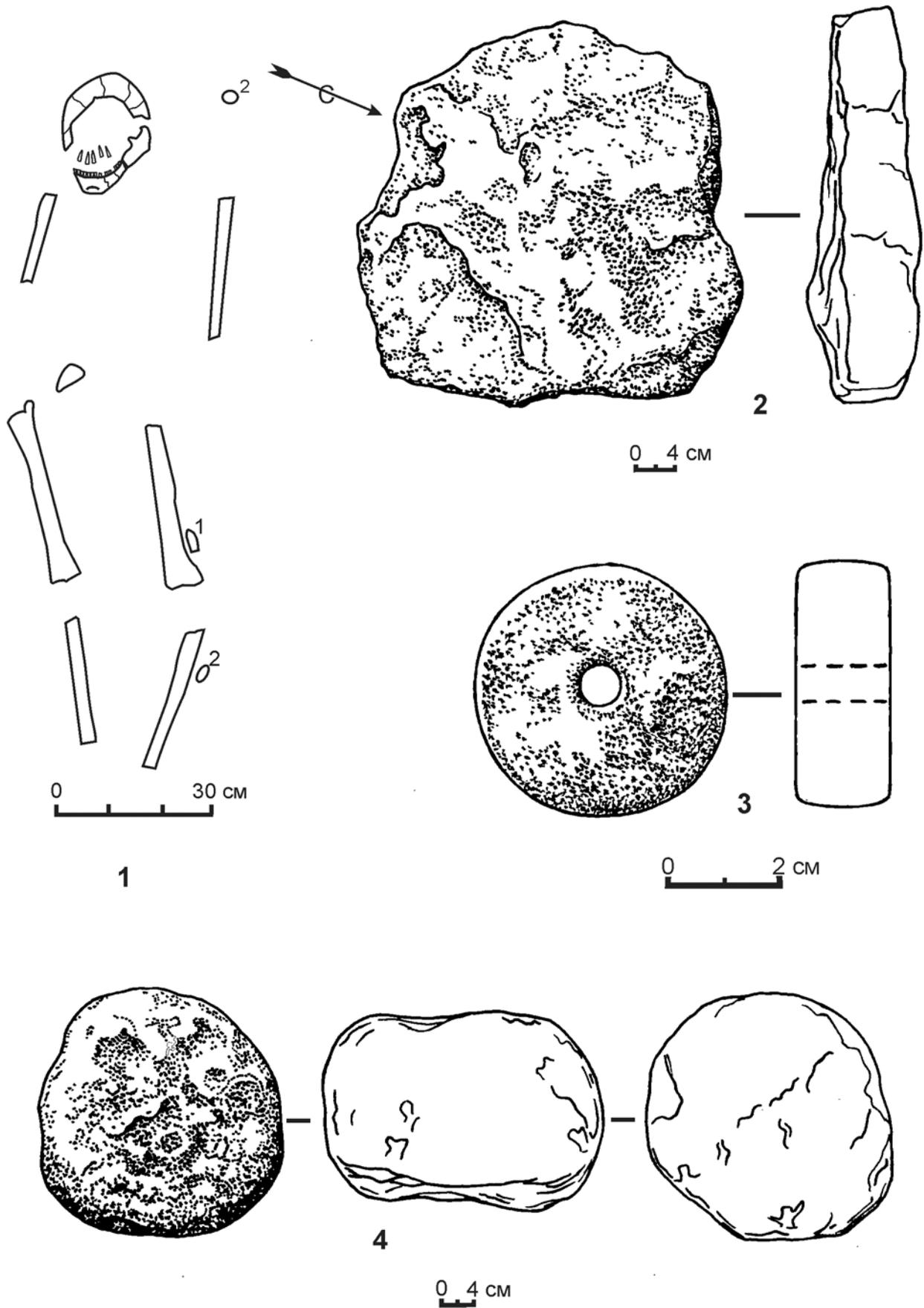

Рис. 7. Тетюшский могильник. 1 – погребение №281, Раскоп XV, уч.7; 2 – стела №25, известняк, раскоп XIV, уч.7; 3 – пряслице, глина, Раскоп XV, уч.7; 4 – наковальня, окремненный известняк, раскоп XVI уч.14.

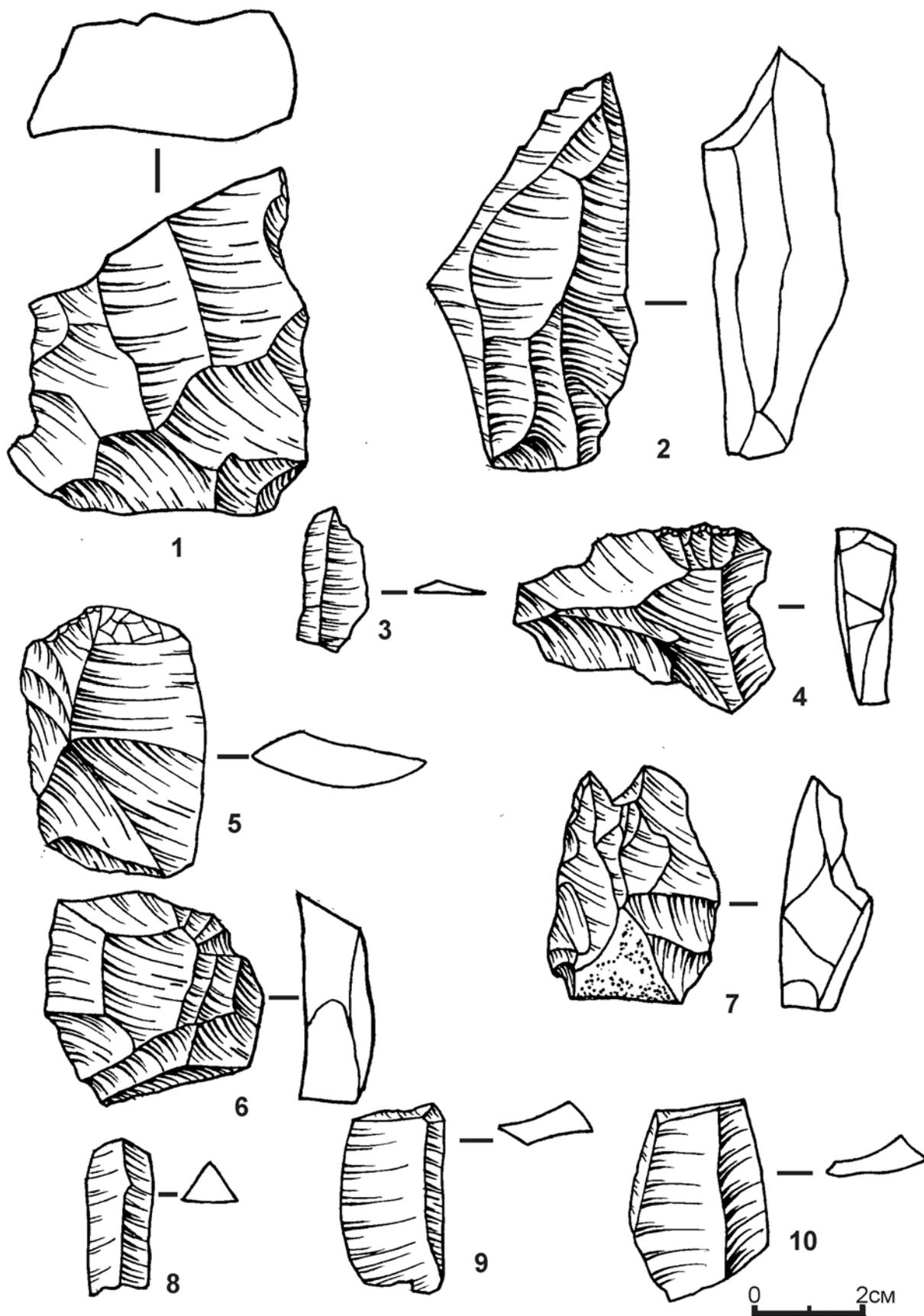

Рис. 8. Тетюшский могильник 2003 г. Кремневые изделия. 1 – Раскоп XV, уч.1; 2 – Раскоп XV, уч.1; 3 – Раскоп XV, уч.10; 4 – Раскоп XIV, уч.4; 5 – Раскоп XV, уч.5; 6 – Раскоп XV, уч.4; 7 – Раскоп XV, уч.2; 8 – Раскоп XV, уч.4; 9 – Раскоп XV, уч.6; 10 – Раскоп XIV, уч.13.

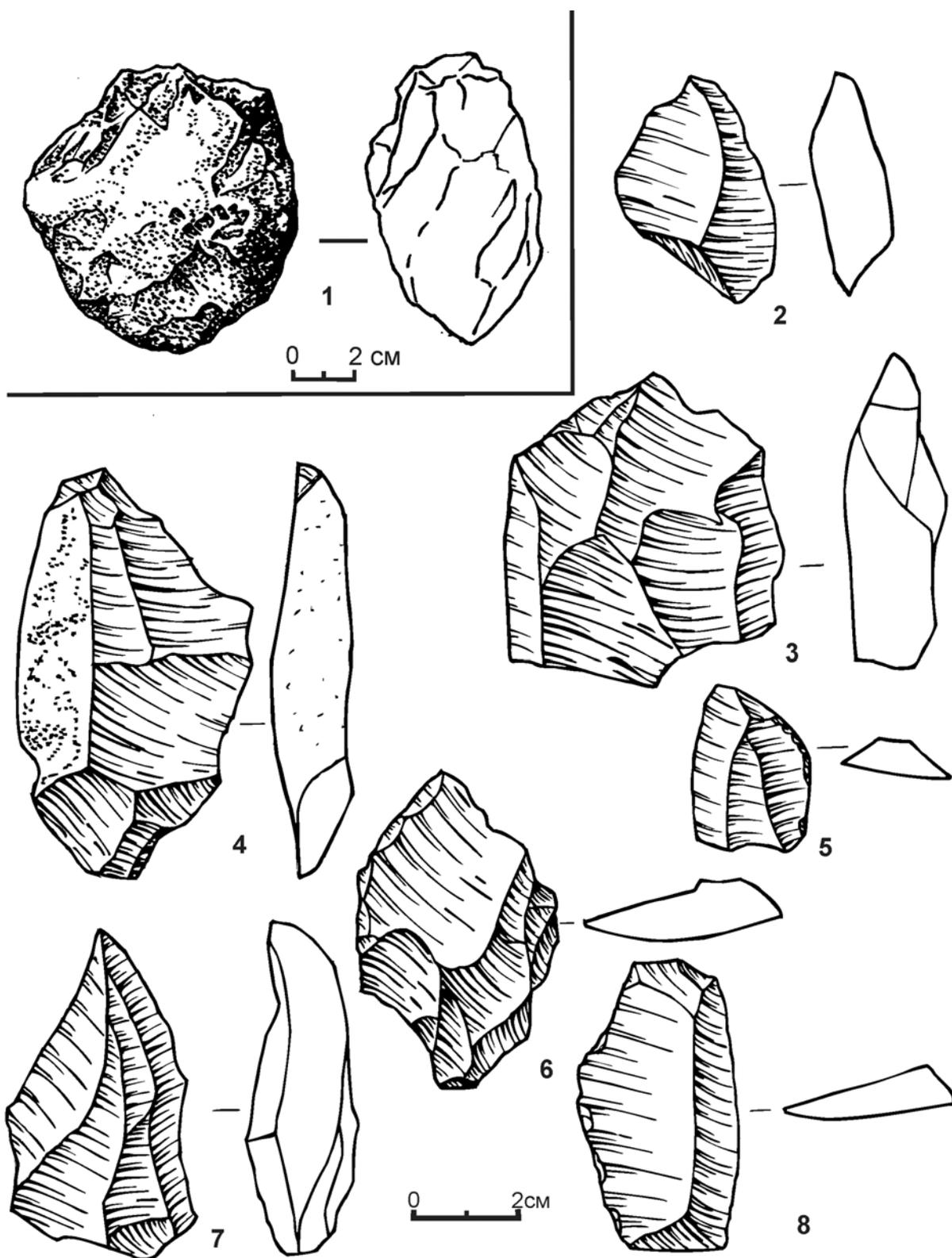

Рис. 9. Тетюшский могильник 2003 г. Кремневые изделия. 1 – Раскоп XVI, уч.4; 2 – Раскоп XV, уч.1; 3 – Раскоп XV, уч.1; 4 – Раскоп XV, уч.3; 5 – Раскоп XV, уч.1; 6 – Раскоп XV, уч.1; 7 – Раскоп XV, уч.1; 8 – Раскоп XV, уч.6.

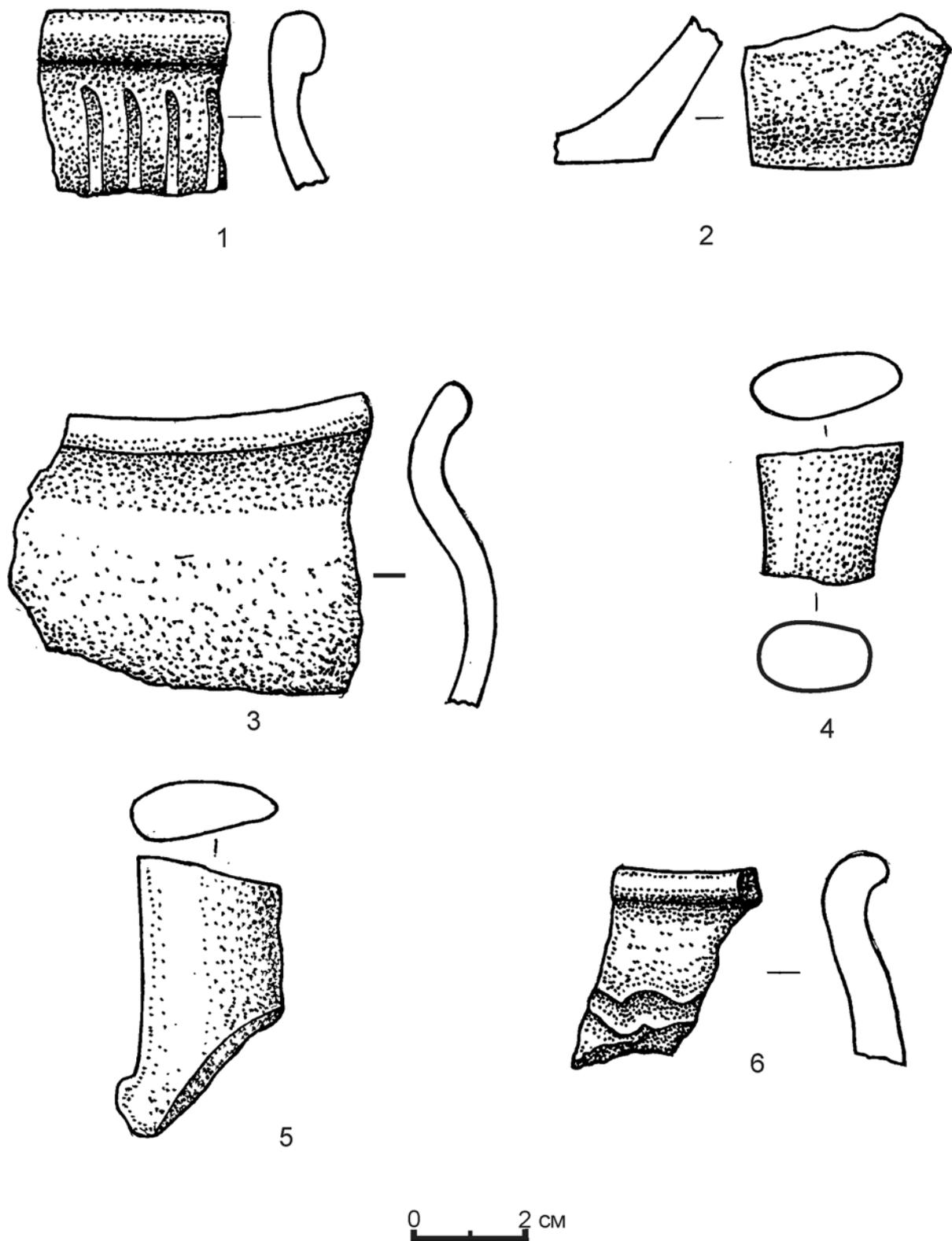

Рис. 10. Тетюшский могильник 2003 г. Керамика болгарского времени. 1 – Раскоп XVI, уч.1; 2 – Раскоп XVI, уч.1; 3 – Раскоп XVI, уч.1; 4 – Раскоп XVI, уч.15; 5 – Раскоп XV, уч.1; 6 – Раскоп XVI, уч.2.

*Д.Г.Бугров
А.А.Чижевский*

*Национальный центр археологических исследований Института истории
им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, г.Казань*

МЕНЗЕЛИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Мензелинский могильник находился в 3,5 км к северу от северной окраины г.Мензелинска (рис.1) и в 300 м к северо-северо-западу от летнего детского лагеря «Солнышко» и базы отдыха районной администрации. База отдыха известна в городе как «Табеевская дача», поэтому в документации Мензелинского историко-краеведческого музея (далее – МИКМ) могильник значится как «Табеевская дача, участок 1». Памятник располагался на сильно размытом мыске надпойменной террасы левого берега р.Ик, левого притока р.Кама (ныне Нижнекамского водохранилища). С запада на восток мысок повышался уступами до высоты 1-1,2 м от уровня воды (по состоянию на август 1998 г.). В фондах МИКМ хранится значительная коллекция подъемного материала с размытой части могильника. Помимо многочисленных фрагментов керамики со сложношнуровым орнаментом и постмаклашеевской, собранных главным образом летом 1998 г., она содержит и изделия из металла. Поступление наиболее ранней находки – подпрямоугольной (?) бронзовой бляхи с двумя пробитыми отверстиями для пришивания к одежде (МИМКП №373; в книгу поступлений ошибочно занесена как «деталь удмуртского женского костюма») (рис.13, 30) – относится к 1993 г. Таким образом, могильник был открыт не позднее этой даты Л.В.Мильчаковым (на тот момент – охотинспектор по Мензелинскому и Актанышскому районам РТ). В течение последующих пяти лет здесь осуществлялся сбор подъемного материала сотрудниками Мензелинского краеведческого музея. В 1998-1999 гг. на памятнике были проведены охранно-спасательные археологические исследования (Бугров, 1999; Бугров, 2000), в ходе которых двумя раскопами исследовано 112 м² площади.

Распространение подъемного материала, расположение погребений на площади могильника и отсутствие находок на крайних восточных и южных участках раскопов позволяют предполагать, что в результате работ 1998-1999 гг. была исследована крайняя юго-восточная оконечность памятника. Остальная часть могильника была полностью разрушена Нижнекамским водохранилищем. После подъема уровня воды в Нижнекамском водохранилище

в 2000 г. на 1 м территория Мензелинского могильника оказалась полностью затопленной.

Стратиграфия ненарушенных участков могильника следующая: жирный чернозем – 20-40 см, плотный серо-коричневый с черными разводами суглинок – 8-20 см, ниже – материковый красно-коричневый суглинок. Поверхность размытых участков была покрыта слоем наносного грунта разного состава (песок, переотложенный чернозем и т.д.).

В результате работ 1998-1999 гг. были выявлены остатки четырех погребений (рис.2). Погребения располагались в два ряда, вытянутые в направлении восток-северо-восток – запад-юго-запад, параллельно бывшему краю террасы. В первом ряду сохранилось одно погребение (погр.2), во втором три (погр.1, 3, 4); в них было зафиксировано по одному погребенному. Костяки взрослых людей лежали в могильных ямах подчетыреугольной формы вытянуто на спине головой на юго-юго-восток, ногами к старице р.Ик. В двух случаях (погр.1 и 3) руки погребенных были вытянуты вдоль тела, в одном (погр.2) левая рука располагалась на костях таза. Признаков наземных сооружений не зафиксировано.

Погребение 1 (рис.3). Уч.Б4,Б3,А4. Участок Б4 размыт неравномерно, имеет наклон к северо-западу, поэтому контуры ямы выявились на глубине 11-25 см от нулевой отметки (соответственно 5-17 см от современной поверхности). Могильная яма вытянута с юго-юго-востока на северо-северо-запад (азимут 342°) и имеет неправильно-прямоугольную форму; южный торец ямы и углы северного конца закруглены. Размеры на уровне фиксации 210x85 см. Заполнение ямы – плотный черный грунт; в средней части могильного пятна, в понижении поверхности на месте водомоины, фиксировались пятна желтого зернистого песка. В таком пятне выше колен погребенного был найден железный нож (рис.3, 2). Из-за смыва грунта сохранившаяся глубина ямы различна: в наиболее размытой северной части – 3-7 см, в практически не пострадавшей южной части – 25 см. Дно ямы плоское, слабо вогнутое, стенки наклонные. Погребенный располагался в яме вытянуто на спине, ногами к северо-северо-востоку; руки вытянуты вдоль тела. Череп лежал на затылке,

лицевой частью вверх. Кроме черепа фиксировались: левая ключица и суставная часть лопатки, часть правых ребер, кости левой руки (кроме кисти) и правая плечевая кость, два позвонка и крестец плохой сохранности, фрагменты тазовых костей и диафизы трубчатых костей ног. С правой стороны черепа находился фрагмент небольшой трубчатой кости неясной принадлежности. У левой голени отмечен развал сосуда с округлым дном, орнаментированный ямками и оттисками шнура по шейке и краю венчика (рис.3, б), в тесте примесь органики*. Юго-западнее сосуда выявлен наконечник стрелы (рис.3, 4), лежавший острием к ногам погребенного. Кельт с остатками деревянной вставки (рис.3, 3), лежал с внешней стороны правого колена погребенного, на ребре, лезвием к ногам; над кельтом находился бронзовый предмет плохой сохранности. У правого бедра погребенного, также на ребре, острием к ногам лежал бронзовый наконечник копья. Втулка наконечника располагалась несколько ниже острия. В одном из отверстий втулки сохранился деревянный гвоздь(?) для крепления древка, выступающая часть его расплющена по поверхности втулки. На пере – остатки органики, пропитанные окислами (возможно, следы чехла) (рис.3, 1). Под пером найден фрагмент дерева, возможно, от рукояти кельта. К югу от черепа на дне могильной ямы найден кусок рыхлого крошащегося песчаника (рис.3, 5). В заполнении ямы обнаружены фрагменты стенок сосуда с примесью органики и фрагменты костей, не поддающиеся определению.

Погребение 2 (рис.4, 1). Уч.Б1-2. Контуры могильной ямы выявились на поверхности первого абразионного уступа после зачистки (на глубине менее 1 см от поверхности). Могильная яма имеет ту же ориентировку, что и погр.1 (азимут 348°). Заполнение ямы – очень плотный черный грунт с небольшими (до 5 см) включениями красно-коричневого суглинка. Форма могильной ямы подпрямоугольная с выпуклыми длинными сторонами. Размеры на уровне фиксации 220x86 см. В южной стенке ямы прослежен выступ конической формы – вероятно, нора животного, разрушившая край ямы. Сохранившаяся глубина могильной ямы – 10 см в южной и 5 см в северной части, дно плоское, слабо вогнутое, стенки наклонные. Погребен-

ный располагался в яме вытянуто на спине, ногами к северо-северо-западу. Череп лежал теменной частью вверх, лицевой частью на северо-северо-запад. Сохранность костей плохая. Судя по положению костей предплечья, левая рука была положена на таз. С внешней стороны левой ноги отмечены фрагменты сосуда с примесью песка и органики(?) в тесте (рис.4, 2,3), орнаментированные оттисками шнура. Еще один фрагмент отмечен на месте левой лопатки (рис.4, б), другой выявлен в заполнении могильной ямы к востоку от черепа (рис.4, 5). На месте правой руки погребенного расчищено скопление мелких (не более 1 см) фрагментов железа и отдельные кусочки кости. В 40 см к северо-востоку от могильной ямы в слое наноса найден оселок из светлого желтовато-серого камня (рис.4, 4), возможно, происходящий из данного погребения.

Погребение 3 (рис.5). Уч.А'3-4, уч.А3. Поверхность участков практически не нарушена; контуры могильной ямы выявились после снятия 1 штыка на глубине 20-40 см от современной поверхности. Дневной уровень могилы фиксировался в профиле восточной стенки уч.А3 на границе чернозема и серо-коричневого суглинка. Форма ямы подпрямоугольная с неровными сторонами, ориентировка аналогична погр.1 и 2 (азимут 334°). Размеры 264x96 см. Заполнение – плотный черный грунт с отдельными пятнышками красно-коричневого суглинка. Юго-восточный угол могильной ямы нарушен норой животного. Глубина могильной ямы от уровня фиксации 12-24 см, дно плоское, слабо вогнутое, стенки наклонные. Погребенный располагался в яме вытянуто на спине, ногами к северо-северо-западу; руки вытянуты вдоль тела. Череп первоначально, видимо, лежал на затылке лицевой частью вверх, затем завалился на левую сторону, лицевой частью к левому плечу (на месте осталась нижняя челюсть). На правой половине груди выявлен фрагмент тонкой бронзовой пластины (рис.5, 2). Справа от черепа – железный наконечник копья (рис.5, 1), располагавшийся острием к правому плечевому суставу. С внешней стороны левого предплечья – два наконечника стрел с остатками древков внутри (рис.5, 4,5), располагавшиеся параллельно предплечью остриями к ногам. Под левым плечевым суставом найден кельт с остатками деревянной вставки (рис.5, 3). Под кельтом – остатки лубяной(?) подстилки (следы органики – возможно, той же подстилки – прослежены под левой лопаткой). С внешней стороны правой голени выявлен осколок серо-розовой гальки со следами обжига (рис.5, б) и кусок твердого зернистого камня (кварцита?) (рис.5,

* Техничко-технологический анализ керамики не производился; здесь и далее приводятся данные визуального осмотра. Не исключено, что следы примеси, определяемой как «органика», на деле являются следами разрушенной («выгоревшей», «выщелоченной») примеси дробленой раковины).

7). Мелкий камешек находился и у внешней стороны правой бедренной кости. В заполнении могильной ямы найдены фрагменты стенок сосудов с примесью органики в тесте, зуб верхней челюсти мелкого рогатого скота, а также фрагменты трубчатых костей.

Погребение 4 (рис.4, 7). Уч.А'2, уч.Б'2 (раскоп П). Сохранилась юго-восточная часть погребения; максимальная сохранившаяся длина 72 см. Контуры могильной ямы подпрямоугольной формы с выпуклыми сторонами выявились на глубине –7 см. Ширина ямы на этом уровне по торцевой стенке 60 см, максимальная сохранившаяся ширина 82 см. Дно слабо вогнутое, «корытообразное» (средняя часть примерно на 7 см глубже краев). Яма была ориентирована по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Костяк плохой сохранности располагался в яме вытянуто (?) на спине головой на юго-юго-восток (азимут 150°), ногами к реке. Череп лежал на левом боку, лицевой частью к западу. Нижняя челюсть располагалась зубами вверх. Восточнее челюсти – левый плечевой сустав. В верхней части заполнения ямы выявлен фрагмент стенки и придонной части сосуда (рис.4, 9,10), к западу-северо-западу от затылочной части черепа – развал миниатюрного сосуда-чашечки (рис.4, 8) с примесью песка и органики в тесте.

Погребальный инвентарь

Керамика. Целые сосуды характеризуются пористой структурой глиняного теста, круглодонностью, наличием характерных ямочных отпечатков, образующих на внутренней поверхности стенки «жемчужины». Реконструированные сосуды имеют низкие пропорции и горшковидную форму с блоковидной и цилиндрической горловиной. Основная масса посуды, выявленной в погр.1 (рис.3, 6) и подъемном материале (рис.6), относится к кругу керамики со сложношнуровым орнаментом, который образует композиции из сдвоенного разнонаправленного многорядного шнура: волну, сетку, оттиски наклонных шнуровых отпечатков, расположенных в два, три ряда и т.д. В материалах погр.2 и 4 (рис.4, 6, 8-10), а также в подъемном материале (рис.7, 1-6) отмечена керамика без шнуровых отпечатков.

Форма и орнаментация основной части посуды Мензелинского могильника позволяет отнести ее с ананьинской культурой шнуровой керамики (Марков, 1997. С.5-6, рис.3; Чижевский, 2002).

Кельты и топоры. С памятника происходят восемь кельтов.

Шесть кельтов найдено на размытой части могильника. Четыре из них – кельты с втулкой овального сечения. Два относятся к типу КАН-

26 с фаской до венчика (рис.8, 1,5) и датируются по находкам на средневожских постмаклашевских и аозинских могильниках VIII-VI вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С.62, табл. III, 14-20; IV, 1-16); два относятся к типу КАН-28 с трапециевидной фаской (рис.8, 4,6), входящему в наиболее представительную серию ананьинских кельтов, распространенную от Северной Швеции до Иртыша и датируемую VIII-V вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С.62, 63, табл. IV, 17-26; V; VI).

Два кельта из подъемного материала (рис.6, 2,3) относятся к кельтам с шестигранной втулкой типа КАН-84 (Кузьминых, 1983. С.71, табл. XV, 12,13; XVI, 1-7). Данные кельты имеют прямоугольную фаску с орнаментальным пояском из двух выпуклых валиков и свисающего от пояса на фаску и боковые грани орнамента из двойных вписанных друг в друга треугольников. Датируются по материалам Зуевского могильника VI-IV вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С.71).

По одному кельту выявлено в погр.1 и 3. Оба кельта имеют шестигранную втулку и прямоугольную фаску. Первый кельт (погр.1) относится к типу КАН-60 (рис.3, 3) и датируется в пределах V в. до н.э. (Кузьминых, 1983. С.69, табл. XII-XIII). Второй (погр.2) относится к типу КАН-66 (рис.5, 3) и датируется V – началом IV вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С.69, 70, табл. XIII, 18-19).

Кроме кельтов в материале Мензелинского могильника присутствует железный топор-чекан с изогнутой спинкой и относительно массивным бойком клева (рис.12, 1), найденный на разрушенной части памятника. По материалам погр.543 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982. С.79, табл.88, 1) он может быть датирован в пределах VI в. до н.э. (Халиков, 1977. С.178, 179). Ближайшие параллели прослеживаются в древностях скифского времени VI-V вв. до н.э. (Мелюкова, 1989. С.87, табл.28, 19).

Наконечники копий представляют одну из наиболее многочисленных категорий погребального инвентаря Мензелинского могильника. Выявлено 9 экземпляров втульчатых наконечников копий; шесть из них железные, три бронзовые, один биметаллический.

Железные наконечники копий (6 экз.). Пять наконечников представлены подъемным материалом, один происходит из погр.3. Два из рассматриваемых наконечников сильно корродированы, отдельные части их утрачены, и поэтому для датировки они непригодны (рис.9, 2,5). Интересны наконечник копья из погр.3 (рис.5, 1) и такой же из подъемного материала (рис.9, 3) – с иволистным уплощенно-ромбическим в сечении пером типа III2В по А.Х.Халикову. Данный тип датирован им VI – рубежом VI-V вв. до

н.э. (Халиков, 1977. С.195). У скифов и савроматов подобные наконечники датируются V-IV вв. до н.э. (Смирнов, 1961. С.74).

Два других наконечника копий из подъемного материала имеют листовидной формы плоское подромбическое в сечении перо (рис.9, 1,4). По классификации А.Х.Халикова они относятся к III типу, подтипу 2 или 3 (точная атрибуция осложняется плохой сохранностью втулки) (Халиков, 1977. С.195, 196) существовавшему, как он считает, в рамках VIII-VI вв. до н.э. Однако у скифов данный тип наконечников датируется более поздним временем – в пределах конца VI-V вв. до н.э. (Смирнов, 1961. С.71, 74).

Бронзовые наконечники копий (3 экз.). Два наконечника найдены в подъемном материале, один – в погр.1. Набор форм отличается большим разнообразием, причем все наконечники относятся к редким типам. Даже наконечник копья с прорезными крыльями пера типа КД-40 (подъемный материал) (рис.10, 2) встречен лишь еще в одном случае – в погр.258 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982. С.37, табл.45, 1). На выемке крыльев пера данного наконечника отмечен орнамент в виде треугольников, с одной стороны втулки у основания пера – орнамент в виде елочки («шеврона») углом вверх. Стержень пера круглый. Датируется VIII-VI вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С.97, табл.XLI, 4).

Второй наконечник копья (рис.10, 3), найденный на размытой части могильника, относится к наконечникам листовидной формы со сплошным пером и ромбическим стержнем типа КД-6 (Кузьминых, 1983. С.94, табл.XXXVII, 8-19). Оригинальным вариантом данного типа является наконечник копья из погр.1 (рис.3, 1). На втулке этого наконечника нанесен орнамент из рельефных валиков, состоящий из двух рядов параллелограммов, имитирующих, вероятно, разнонаправленный шнур; над ними располагается поясик из вытянутых треугольников, сходных с узором на кельтах типа КАН-84 (Кузьминых, 1983. Табл.XV, 12,13; XVI, 1-7). Орнаментация втулок бронзовых наконечников копий фризами из треугольников (правда, гравированных, а не рельефных) появляется на Северном Кавказе еще эпоху финальной бронзы (Козенкова, 2002. С.81, рис.9, 3, табл.32, 3) и продолжается в новочеркасское время (Лесков, Эрлих, 1999. С.45, 71, рис.64, 1-3). На Средней Волге дата наконечников типа КД-6 не выходит за пределы VI в. до н.э., а на Каме находится в пределах VI-V вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С.94).

Биметаллический наконечник копья с железным пером и бронзовой втулкой (тип КД-2)

(рис.10, 1) представлен одним экземпляром, найденным на разрушенной части могильника. По аналогиям в урартских и кавказских материалах, а также в комплексе погр.314 Старшего Ахмыловского могильника А.Х.Халиков и С.В.Кузьминых датировали подобные наконечники VIII-VII вв. до н.э. (Халиков, 1977. С.196; Кузьминых, 1983. С.94).

Наконечники стрел (23 экз.) изготовлены из бронзы (22 экз.), и кремня (1 экз.). Три бронзовых наконечника происходят из погр.1 и 3, остальные бронзовые и кремневый – из подъемного материала.

Большинство бронзовых наконечников стрел, найденных на Мензелинском могильнике (13 экз.) относятся к типу С-40: 11 экз. из подъемного материала (рис.11, 2-5, 10-15, 18), по одному из погр.1 (рис.3, 4) и 3 (рис.5, 4). Это трехлопастные наконечники с треугольным пером, заостренными концами лопастей и выступающей втулкой. Данные наконечники достаточно поздние для ананьинской культурно-исторической области (АКИО) и датируются в пределах V-III вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С.108, 109, табл.XLVI, 12-54).

Остальные бронзовые наконечники представлены единичными экземплярами:

Тип С-34 (рис.11, 8) – наконечник стрелы со сводчатым пером, заостренными лопастями и выступающей втулкой (подъемный материал); тип распространен в ананьинских и кара-абызских памятниках VI-III вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С.107-108, табл.XLV).

Тип С-38 (рис.11, 7,9) – два наконечника стрел со сводчатым пером, заостренными лопастями и выступающей граненой втулкой, доходящей до острия пера (подъемный материал); датируются VI-V вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С.108, табл. XLVI, 10,11).

Тип С-48 (рис.11, 16,17) – два трехлопастных наконечника стрел со сводчатым и треугольным пером, с лопастями, заканчивающимися на одной линии с втулкой (подъемный материал); датируются концом VI-V вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С.109,110, табл.XLVI, 60-65).

Тип С-74 – два трехгранных наконечника стрел со сводчатой головкой и выступающей втулкой, отделенной от головки прямоугольно-трапецевидным вырезом; обнаружены в погр.3 (рис.5, 5) и подъемном материале (рис.11, 20); датируются концом VI-V вв. до н.э., (Кузьминых, 1983. С.112, табл.XLVII, 49-53).

Среди подъемного материала представлен еще один трехгранный наконечник стрелы (рис.11, 21), который невозможно классифицировать в силу его плохой сохранности.

Трехлопастной бронзовый наконечник стрелы с длинным, круглым у пера и плоским у окончания черешком (рис.11, б) (подъемный материал) сопоставим с типом С-112, датированным концом VI-V вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С.116, табл.XLVIII, 20,21).

Кремневый наконечник стрелы из подъемного материала (рис.11, г) –ланцетовидной формы, линзовидный в сечении, тип I2 по А.Х.Халикову – датируется очень широко: от первой половины II тыс. до н.э. до первой половины I тыс. до н.э. (Халиков, 1977. С.201).

Конская упряжь. К данной категории погребального инвентаря следует, прежде всего, отнести фрагменты шести железных псалиев, найденных в размыве берега*. Псалии изготовлены из железных стержней, сохранившиеся концы пяти из них загнуты внутрь (рис.12, 2, 5-8). Судя по фрагменту центральной части одного из псалиев (рис.12, 3), они были двудырчатыми. Один псалий имел небольшое отверстие в боковой части (рис.12, 8). Очевидно, данные образцы относятся к С-видным (Эрлих, 2002. Рис.3, 3,4) или Г-образным (Габуев, Эрлих, 2001. С.116, рис.3, 3) двудырчатым псалиям, которые появляются в VI в. до н.э. и существуют до IV в. до н.э. (Эрлих, 2002. С.11). Псалии, изготовленные из железных пластин с загнутыми под углом окончаниями присутствуют в материалах Зуевского могильника V в. до н.э. (Худяков, 1933. Табл.II, 4).

Детальми конской упряжи являются бронзовые литые бляхи из подъемного материала (3 экз.) с петлей в центре оборотной стороны (рис.13, 4, 32, 35). Аналогичные им изделия из кавказских памятников датируются с конца II до середины I тыс. до н.э. (Козенкова, 2004. С.107, табл.19, 12-17; 20, 5,7-12; 23, 11-14). На территории Волго-Камья они, всего вероятнее, существовали в пределах VIII-VI вв. до н.э. (Патрушев, 1984. С.24).

К конской упряжи принадлежит и бляха со стержнем («костыльком») (рис.13, 5) из подъемного материала. Подобная же бляха найдена на размытой части Мурзихинского могильника (Чижевский, 1998. Рис.69, 8). Данные тип блях генетически восходит к деталям тягловой упряжи первой или второй категории по С.Б.Вальчаку (1997. Рис.2; 3, 5-12), которые представляют

собой парные бляхи, скрепленные одним стержнем. О возможности использования этих блях по отдельности свидетельствует фрагмент из фондов Краснодарского музея (Пьянков, Хачатурова, 1998. Рис.2, 6). Появление блях, связанных с тягловой упряжью, восходит к новочеркасскому времени (конец VIII – первая половина VII вв. до н.э.), но присутствие стержневых блях в комплексах Музихинского I и Старшего Шиповского могильников позволяет предполагать существование этого типа и в VI-V вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1973. С.220; рис.30, 8,9; Беговатов и др., 1993. С.126-138).

По-видимому, к деталям упряжи относится и подвеска из белой(?) бронзы, литая по восковой модели, с круглой петлей сверху и плоской «ложковидной» лопастью в нижней части (рис.13, 2). На лопасть по воску(?) нанесен узор в виде елочки, направленной вершиной вниз. Подобные украшения, но без орнамента, прослеживаются как элементы костюма в материалах могильника эпохи поздней бронзы Экажево II в Ингушетии (Воронин, Малашев, 2006. С.32, 35, 37, 38). В раннем железном веке они уже входят в состав конской упряжи и используются в качестве налобников (Пузикова, 2001. С.151, 159, 172, 213, 256; рис.10, 3; 18, 2,13; 31, 6; 11, 6,7; 54, 2). Дата рассматриваемой подвески может быть определена в пределах V-III вв. до н.э. по комплексам погребений скифского времени у сс.Русская Тростянка и Дуровка, содержащим налобники овальной и трапециевидной формы с головками птиц (Пузикова, 2001. С.130, 134, 138, 184, 199). Не исключена и несколько более ранняя дата подвески, так как по форме она сближается с подвесками в виде птичьих хвостов-пальметок из Южного Приуралья, датированных VI-V вв. до н.э. (Чежина, 1983. С.27, табл.II, 49).

Оселки (4 экз.) найдены на размытой части памятника. Они изготовлены из плотного красноватого песчаника (рис.14, 1,3,7) и светлого серо-желтого сланца (рис.14, 2) и по В.С.Патрушеву относятся к типу I, хронологически не дифференцированному (Патрушев, 1984. С.104). По классификации В.И.Козенковой они относятся к двум разным типам: тип II (3 экз.) – оселки удлиненно-прямоугольной формы с округленными углами (рис.14, 1,2,7), датированные в широких пределах от конца эпохи поздней бронзы до VI в. до н.э. (Козенкова, 1998. С.24-25; 2004. Табл.26, 6), и тип III (1 экз.) – оселок стержнеобразной формы, круглый в сечении (рис.14, 3). Данная форма связана, в основном, со скифским периодом и датируется VI-V вв. до н.э. (Козенкова, 1998. С.25).

* Есть сомнения в интерпретации железного Г-образного предмета, найденного на уч.А'2 раскопа I (рис.12, 2). В силу специфики формы (очень тонкая и широкая пластина основы, резкий, близкий к 90° изгиб) он, на мой взгляд, едва ли может быть отнесен к фрагментам псалиев. Точное определение функции данного артефакта, по-видимому, невозможно. (Д.Б.)

Ножи (2 экз.) железные, однолезвийные, с прямой спинкой и плавным переходом от черешка к лезвию. Один экземпляр найден в погр.1 (рис.3, 2), второй происходит из подъемного материала (рис.12, 4). Рассматриваемые ножи близки к типу I2Б по А.Х.Халикову, который датирует их VIII-VII вв. до н.э. (Халиков, 1977. С.145, рис.53). В савроматских (Смирнов, 1964. С.106) и скифских (Петренко, 1967. С.26, 27) памятниках ножи подобной формы существуют вплоть до рубежа VI-V вв. до н.э.

Украшения костюма представлены тремя категориями: бляхами, нашивными пластинами и накладками, найденными на размытой части могильника.

Бляхи. Все бляхи изготовлены из бронзы и подразделяются на три типа:

Тип I: небольшие литые округлые бляхи с выпуклым щитком и поперечной петлей или планкой по всей длине диаметра с оборотной стороны (3 экз.) (рис.13, 3,11,13). На Кавказе они бытовали с конца II до середины I тыс. до н.э. и использовались в качестве украшений одежды (Козенкова, 2004. С.107, рис.11, табл.27, 14-26).

К этому типу близок фрагмент выпуклой бляхи с округлым отверстием в центре, украшенной узором в виде концентрического круга и подтреугольных вдавлений, расположенных по краю бляхи (рис.13, 1). По орнаментации данный экземпляр близок бляхам Старшего Ахмыловского могильника, датированным VII-VI вв. до н.э. (Патрушев, 1984. Рис.12, 20,21,26; 15, 4; 16).

Тип II: «восьмерковидные» бляхи (10 экз.) с плоским щитком и небольшой вертикальной петлей в центре оборотной стороны (рис.13, 6-8,10,19-22,24,25). В четырех случаях на щитке присутствует рельефный спиральный орнамент (рис.13, 6-8,10). Появляются в степной зоне еще на новочеркасском этапе, в VIII-VII вв. до н.э. (Дубовская, 1997. С.210). В.С.Патрушев считает, что к концу VI до н.э. данная форма блях исчезает (1984. С.27). Однако, судя по материалам Зуевского могильника, «восьмерковидные» бляхи с петлей доживают до V в. до н.э. (Худяков, 1933. Табл.IV, 10,13).

Тип III: бляха в виде изображения животного (рис.13, 9). Изображение на бляхе имеет очень нечеткие очертания, по всей вероятности, изображает барана или кошачьего хищника, на обратной стороне – массивная подпрямоугольная петля. Подобные изделия, судя по скифским и савроматским аналогиям, датируются в пределах VI-V вв. до н.э. (Смирнов, 1964. С.243).

Нашивные пластины (4 экз.) представляют собой тонкие подчетыреугольные бронзовые пластины длиной 4-6 см с отверстиями для пришивания к тканевой (кожаной) основе (рис.13,

30,31,33,34). Датируются они в пределах всего времени существования АКИО – конец IX-V вв. до н.э.

К категории *накладок* относятся «восьмерковидные» бляхи (3 экз.) из тонкого бронзового листа (рис.13, 27-29). Они появляются еще в эпоху финальной бронзы, известны в материалах погр.3 Полянского II могильника (Халикова, 1967. Табл.II, 66; Халиков, 1980. Табл.54, 8) и широко распространяются в ананьинское время. Подобные изделия датируют X-VI вв. до н.э. (Халикова, 1967. С.125; Патрушев, 1984. С.27).

Близки к «восьмерковидным» накладкам одиночные полушарные накладки (2 экз.) (рис.13, 12,23), которые датируются, вероятно, в этих же пределах.

К принадлежностям костюма относятся литые бронзовые *пронизи* (5 экз.) (рис.13, 14-18) и медная обойма (рис.13, 26).

Среди находок в погребениях и на размытой части Мензелинского могильника присутствуют кремневая пластина с ретушью (рис.14, 4), фрагмент шлифованного каменного изделия (рис.7, 7), а также фрагменты песчаника и галек неясного назначения, часто со следами обжига (рис.3, 5; 5, 6,7; 14, 5,6,8).

Для хронологической привязки Мензелинского могильника особую важность имеют комплексы погр.1 и 3, сохранившиеся в непо потревоженном состоянии.

В комплексе погребального инвентаря погр.1 сочетаются кельт типа КАН-60, датируемый V в. до н.э., наконечник копья типа КД-6 VI-V вв. до н.э. и наконечник стрелы типа С-40, дата которого определена в пределах V-III вв. до н.э. Всего вероятнее, данный набор инвентаря мог существовать в достаточно узких пределах V в. до н.э.

Набор предметов из погр.3 включает железный наконечник копья типа III2B (VI-V вв. до н.э.), кельт типа КАН-66 (V – начало IV в. до н.э.) и два наконечника стрел: типа С-40 (V-III вв. до н.э.) и типа С-76 (рубеж VI-V вв. до н.э.). Подобное сочетание инвентаря также возможно лишь в V в. до н.э., может быть, в его первой половине.

В культурном отношении Мензелинский могильник, судя по погребальному обряду (захоронения рядами в индивидуальных ямах, ногами к реке) и характерному погребальному инвентарю (керамика со сложношнуровыми отпечатками и кельты с шестигранной втулкой) может быть соотнесен с памятниками ананьинской культуры шнуровой керамики (Чижевский, 2002), которая в VI-V вв. до н.э. проникает в Нижнее Прикамье с территории Средней Камы (Марков, 1994. С.63).

Список литературы

Беговатов Е.А., Истомин К.Э., Марков В.Н., Руденко К.А., Чижевский А.А. Новые находки ананьинского времени с Мурзихинского могильника // Финно-угры России. Вып.1. Памятники с нитчато-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола, 1993.

Бугров Д.Г. Отчет об охранно-спасательных раскопках на Мензелинском могильнике в 1998 г. Казань, 1999. / НА НМРТ. Р-2021. Оп.3.

Бугров Д.Г. Отчет об археологических работах в Мензелинском районе Республики Татарстан в 1999 г. Казань, 2000. / НА НМРТ. Р-2021. Оп.3.

Вальчак С.Б. Предскифские колесницы и «новочеркасские» клады // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / МИАР. Вып. 1997.

Габуев Т.А., Эрлих В.Р. Два погребения V в. до н.э. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / МИАР Вып.3. 2001.

Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. М., 2006.

Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. Вып.6. Донецк, 1997.

Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М., 1998.

Козенкова В.И. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. М., 2002.

Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII-VIII в. до н.э. М., 2004.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983.

Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс: Клады. М., 1999.

Марков В.Н. Ананьинская проблема // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.

Марков В.Н. Волго-Камье и финский мир в начале эпохи раннего железа // FU. 1997. №2.

Мелюкова А.И. Скифообразные памятники в Средней Европе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы. М., 1982.

Патрушев В.С. Марийский край в VII-VI вв. до н.э. Йошкар-Ола, 1984.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. // САИ. Вып.Д1-4. 1967.

Пузикова А.И. Курганые могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М., 2001.

Пишеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т.3. Уфа, 1973.

Пьянков А.В., Хачатурова Е.А. Комплекс деталей конской узды предскифского времени из фондов Краснодарского музея-заповедника // Историко-археологический альманах [Армавирского краеведческого музея]. Вып.4. Армавир – М., 1998.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. №101.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII-VI вв. до н.э.). М., 1977.

Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. Вып.В1-24. М., 1980.

Халикова Е.А. Второй Полянский могильник // Ученые записки Пермского государственного университета. №148. Пермь, 1967.

Худяков М.Г. Древности Камы по раскопкам А.А.Спицина в 1898 г. // Материалы ГАИМК. Вып.2. Л., 1933.

Чезжина Е.Ф. Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. Вып.23. 1983

Чижевский А.А. Отчет об археологических работах в Алексеевском районе Татарстана (раскопки Мурзихинского IV могильника) в 1997 году. Казань, 1998. / Архив МАРТ.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002.

Эрлих В.Р. Новое меотское святилище Закубанья // Историко-археологический альманах. [Армавирского краеведческого музея]. Вып.8. Армавир – М., 2002.

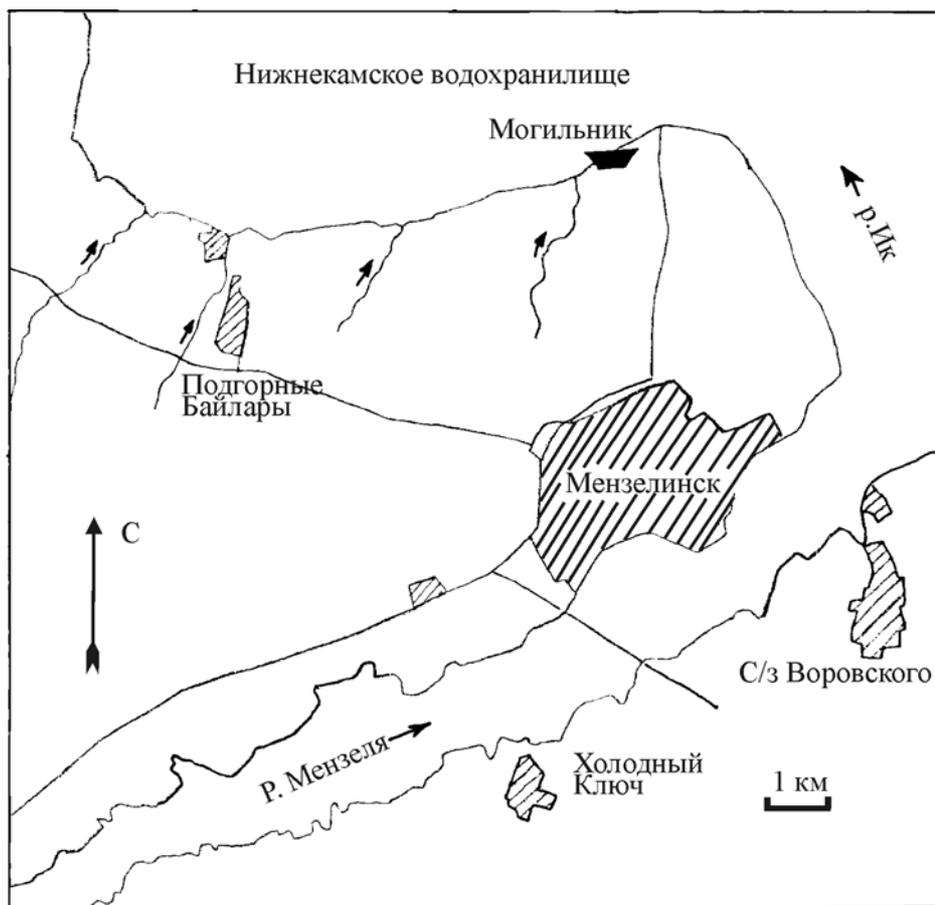
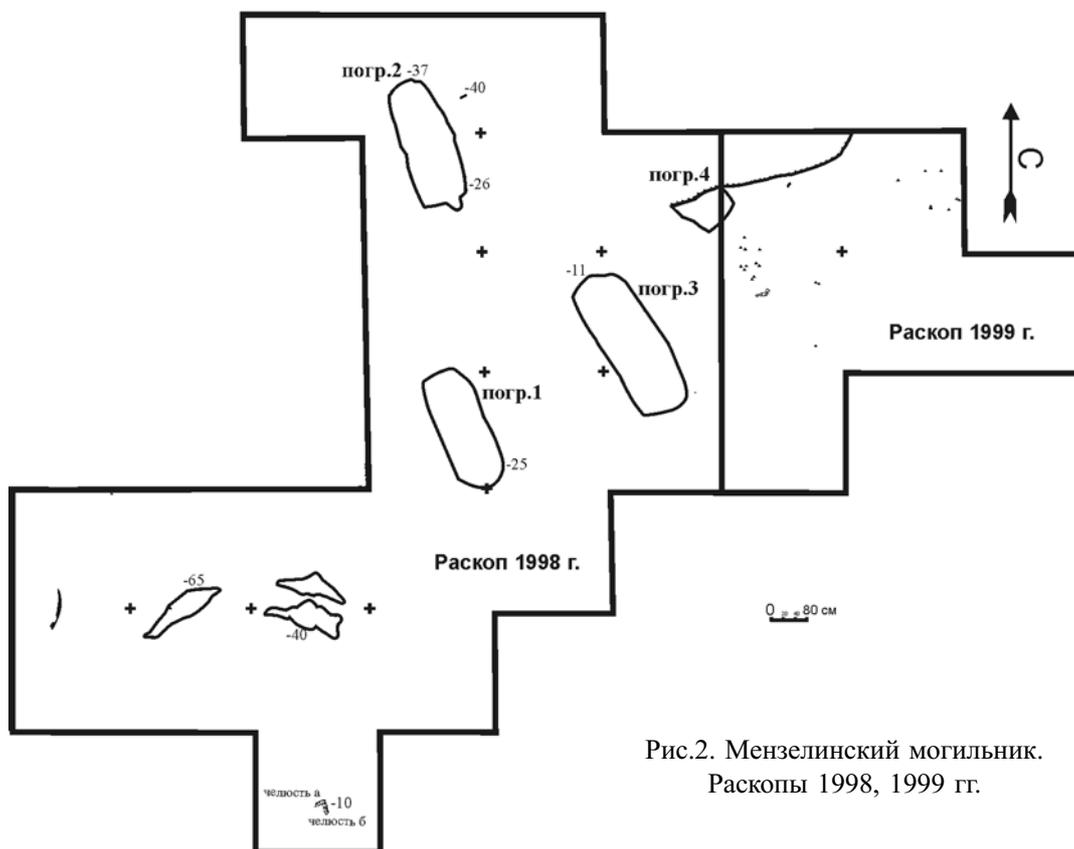

Рис. 1. Мензелинский могильник. Схема расположения.

Рис.2. Мензелинский могильник.
Раскопы 1998, 1999 гг.

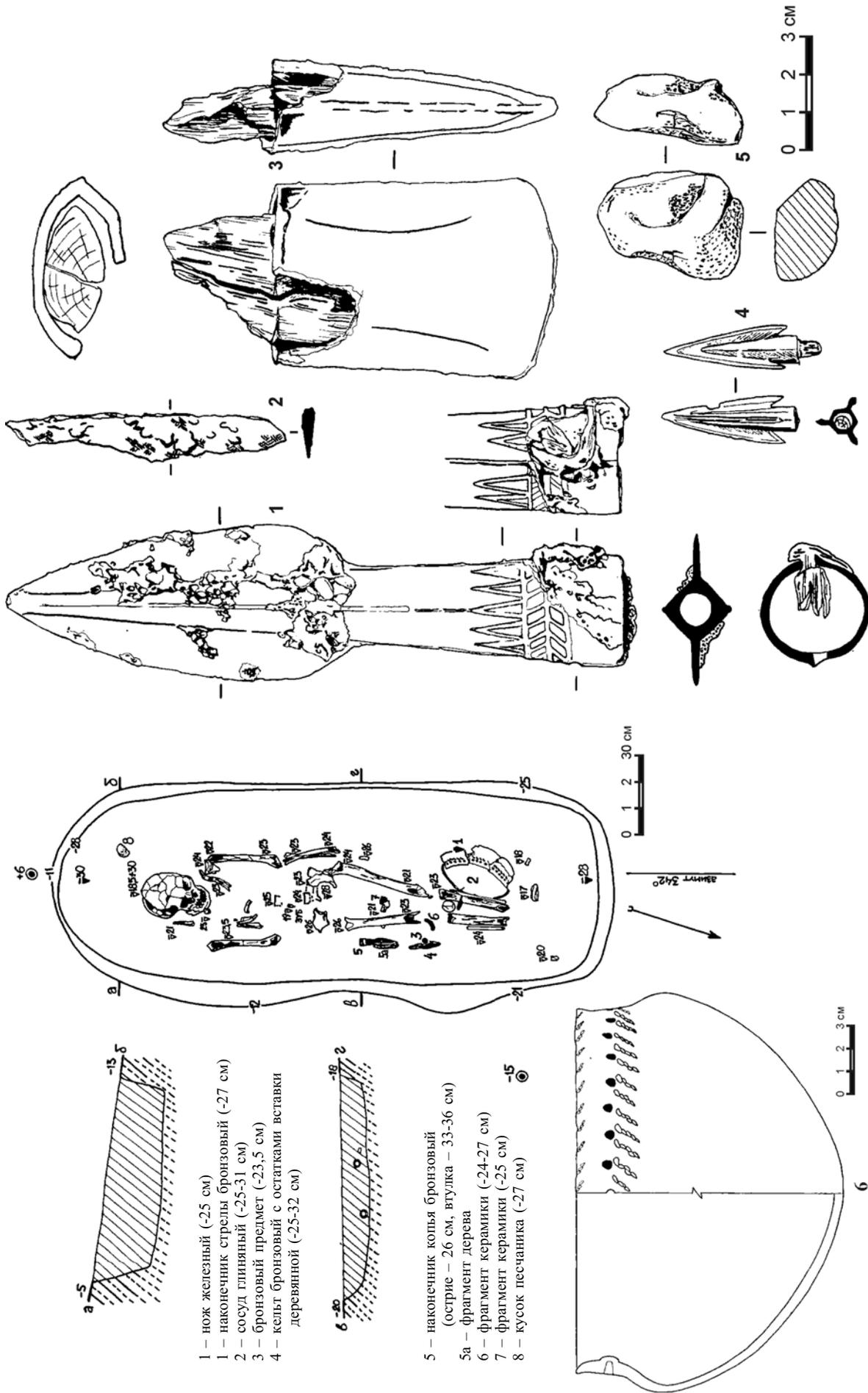

Рис. 3. Мензелинский могильник. Погребение №1. 1 - наконечник копья, 2 - нож, 3 - кельт, 4 - наконечник стрелы, 5 - фрагмент песчаника, 6 - сосуд. 1, 3, 4 - бронза, дерево, 2 - железо, 5 - песчаник, 6 - керамика.

- 1 – фрагмент керамики (-39-40 см)
- 2 – фрагмент керамики (-36-37 см)
- 3 – фрагмент венчика сосуда (-39 см)
- 4 – скопление мелких
фрагментов железа (-36-40 см)

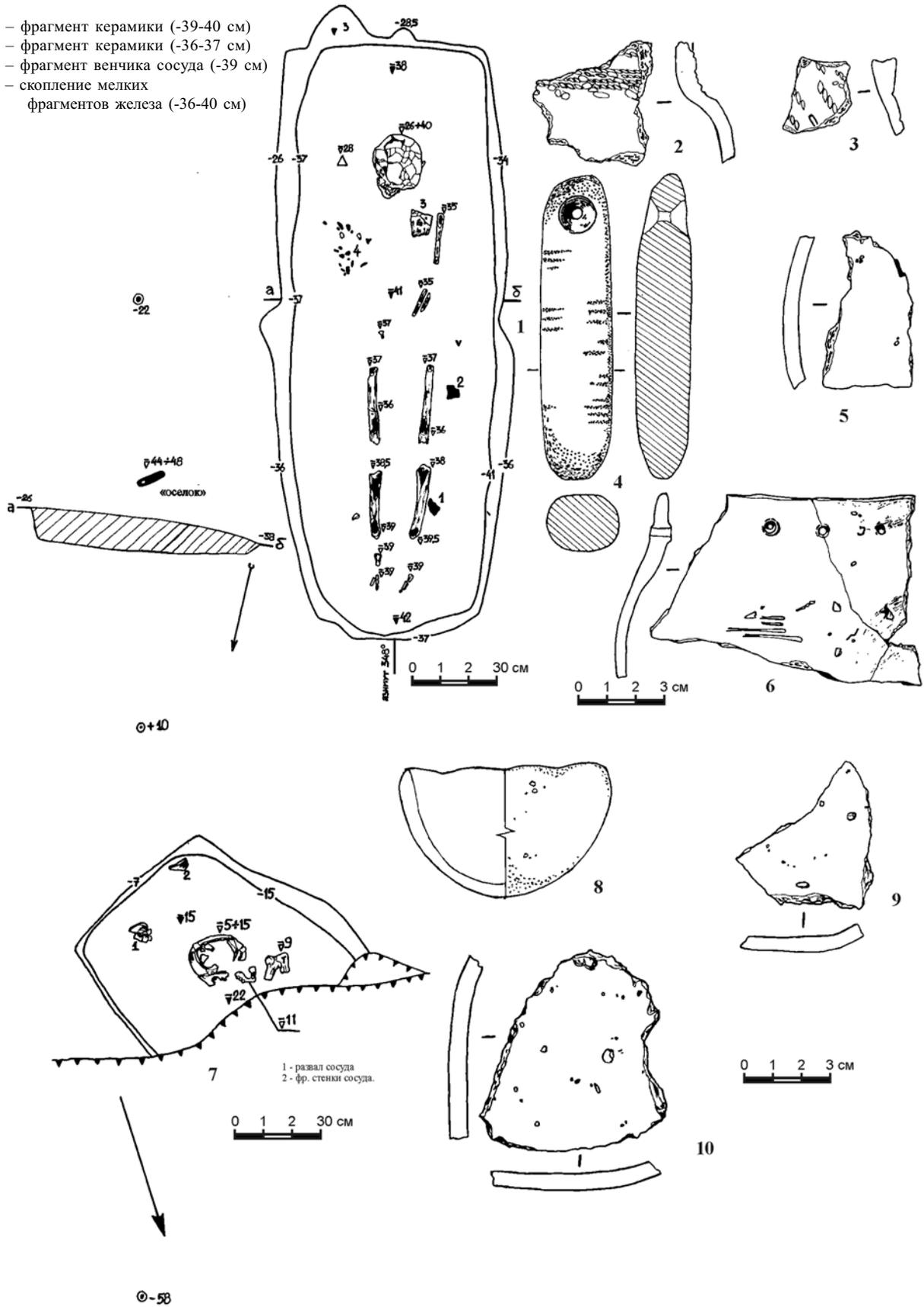
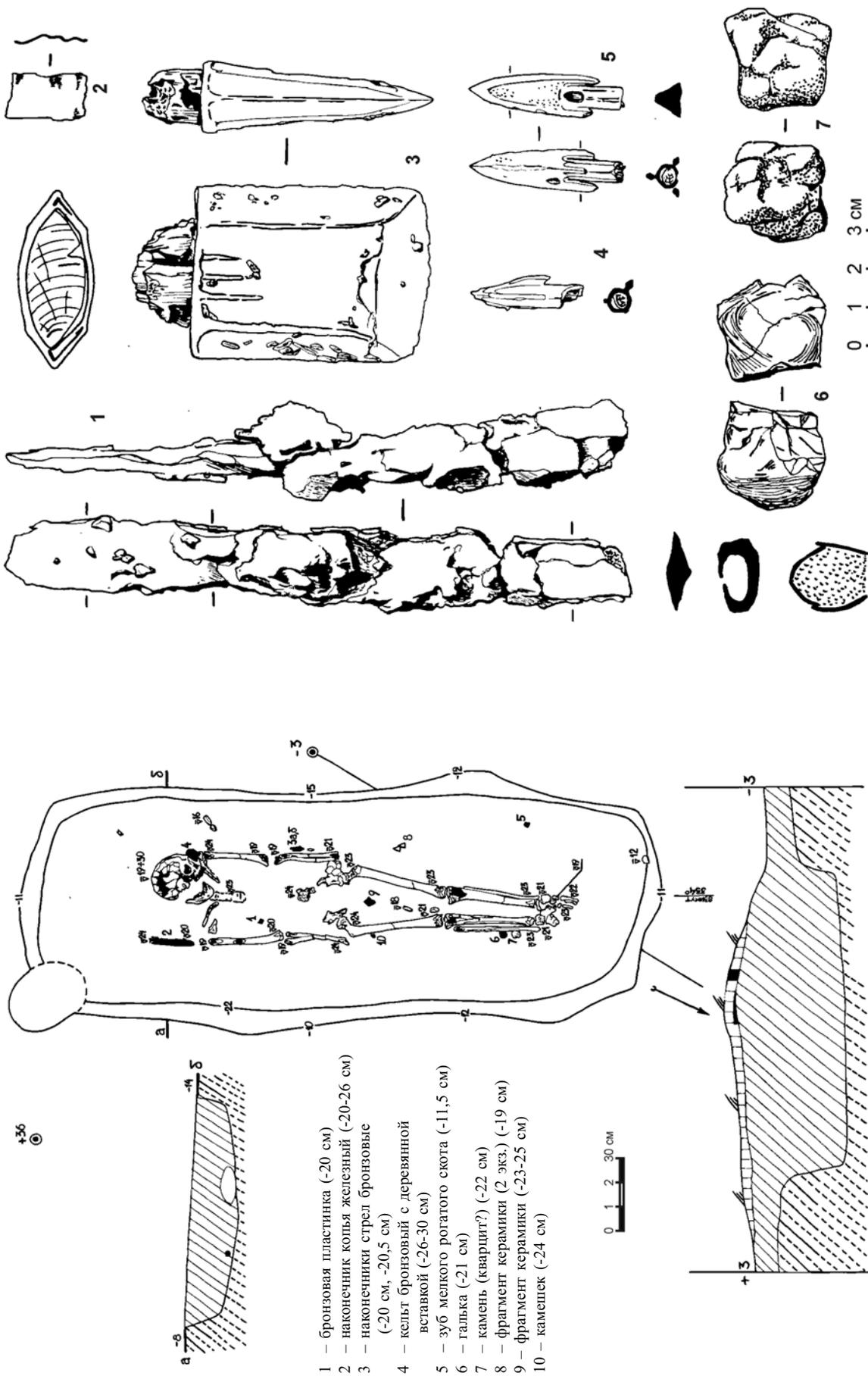

Рис. 4. Мензелинский могильник. Погребение №2 (1-6), погребение №4 (7-10). 2, 3, 5, 9, 10 – фрагменты сосудов, 4 – оселок, 8 – сосуд миниатюрный. 2, 3, 5, 6, 8-10 – керамика, 4 – камень.

- 1 — бронзовая пластинка (-20 см)
- 2 — наконечник копья железный (-20-26 см)
- 3 — наконечники стрел бронзовые (-20 см, -20,5 см)
- 4 — кельт бронзовый с деревянной вставкой (-26-30 см)
- 5 — зуб мелкого рогатого скота (-11,5 см)
- 6 — галька (-21 см)
- 7 — камень (кварцит?) (-22 см)
- 8 — фрагмент керамики (2 экз.) (-19 см)
- 9 — фрагмент керамики (-23-25 см)
- 10 — камешек (-24 см)

Рис. 5. Мензелинский могильник. Погребение №3. 1 — наконечник копья, 2 — пластина, 3 — кельт, 4,5 — наконечники стрел, 6 — фрагмент гальки, 7 — фрагмент камня. 1 — железо, 2 — бронза, 3-5 — бронза, 3-5 — бронза, дерево, 6,7 — камень.

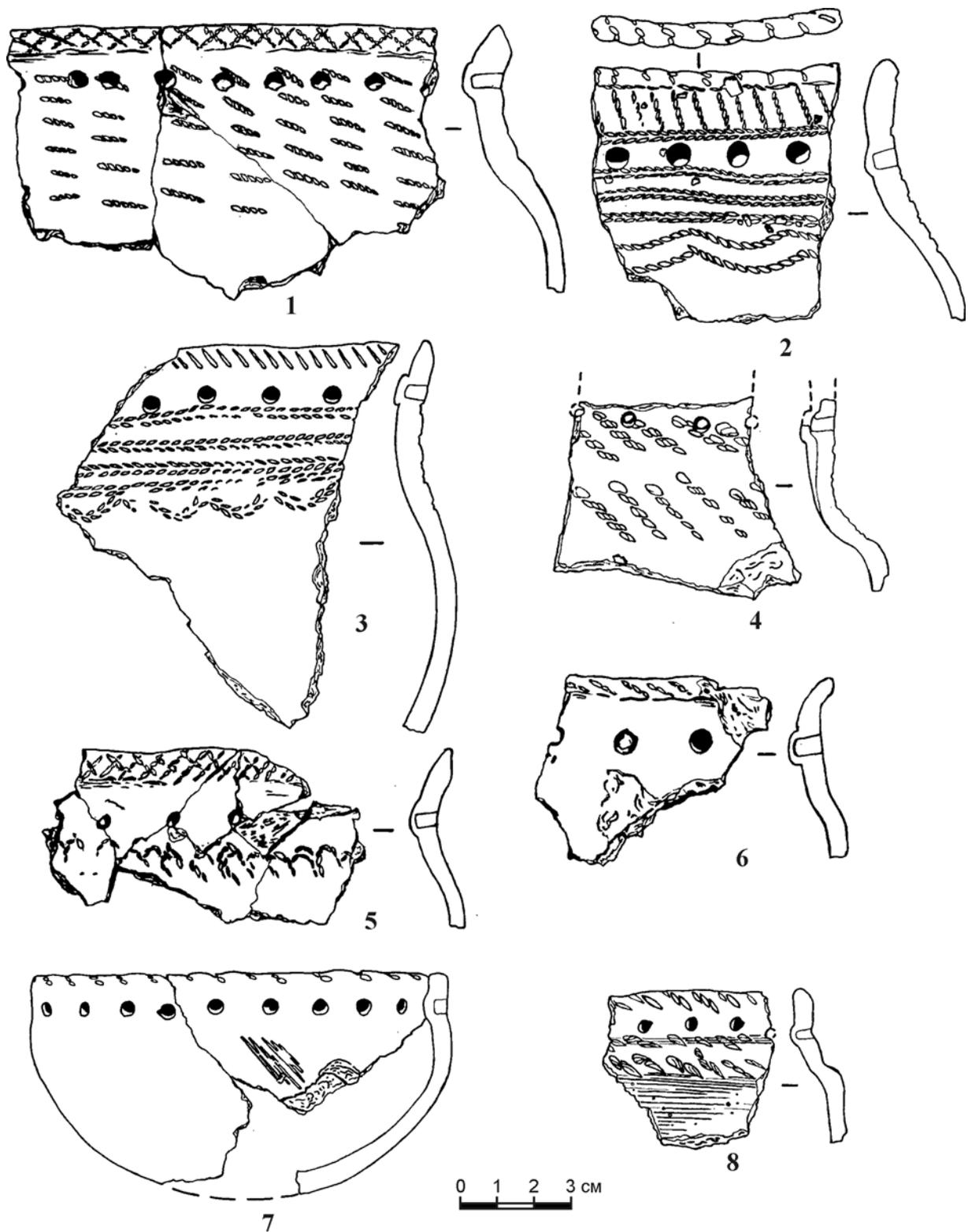

Рис. 6. Мензелинский могильник. Керамика с отпечатками шнура. 1,5 – уч. Б'3, гл. 20 см; 6 – уч. В'2, гл. 20-40 см.; остальное – подъемный материал.

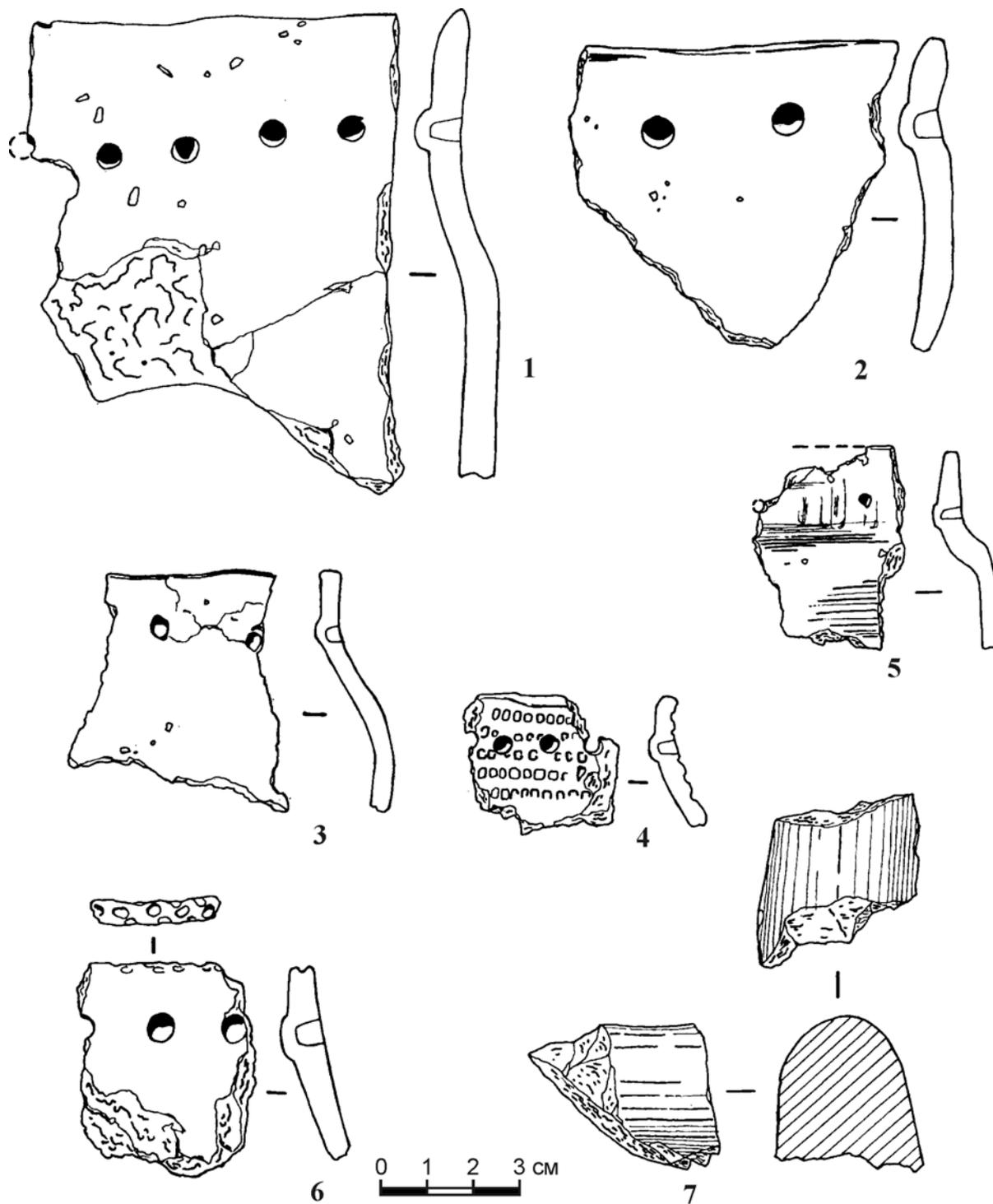

Рис. 7. Мензелинский могильник. Керамика в постмаклашеевских традициях (1-6) и фрагмент шлифованного орудия (7). 1, 6 – из слоя наносов уч.В5; 2, 3-5, 7 – подъемный материал. 1-6 – керамика, 7 – камень.

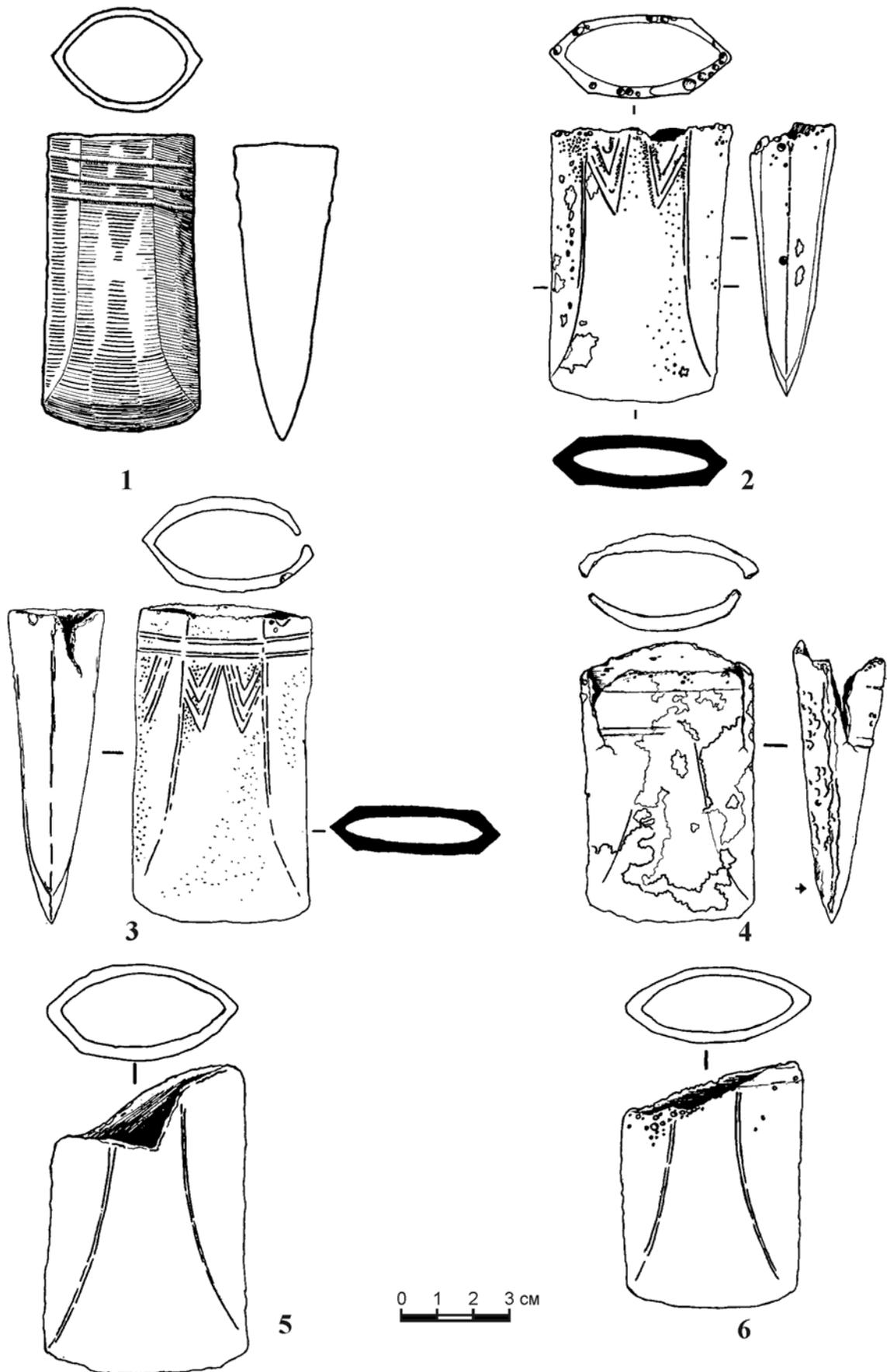

Рис. 8. Мензелинский могильник. Кельты (бронза). Подъемный материал.

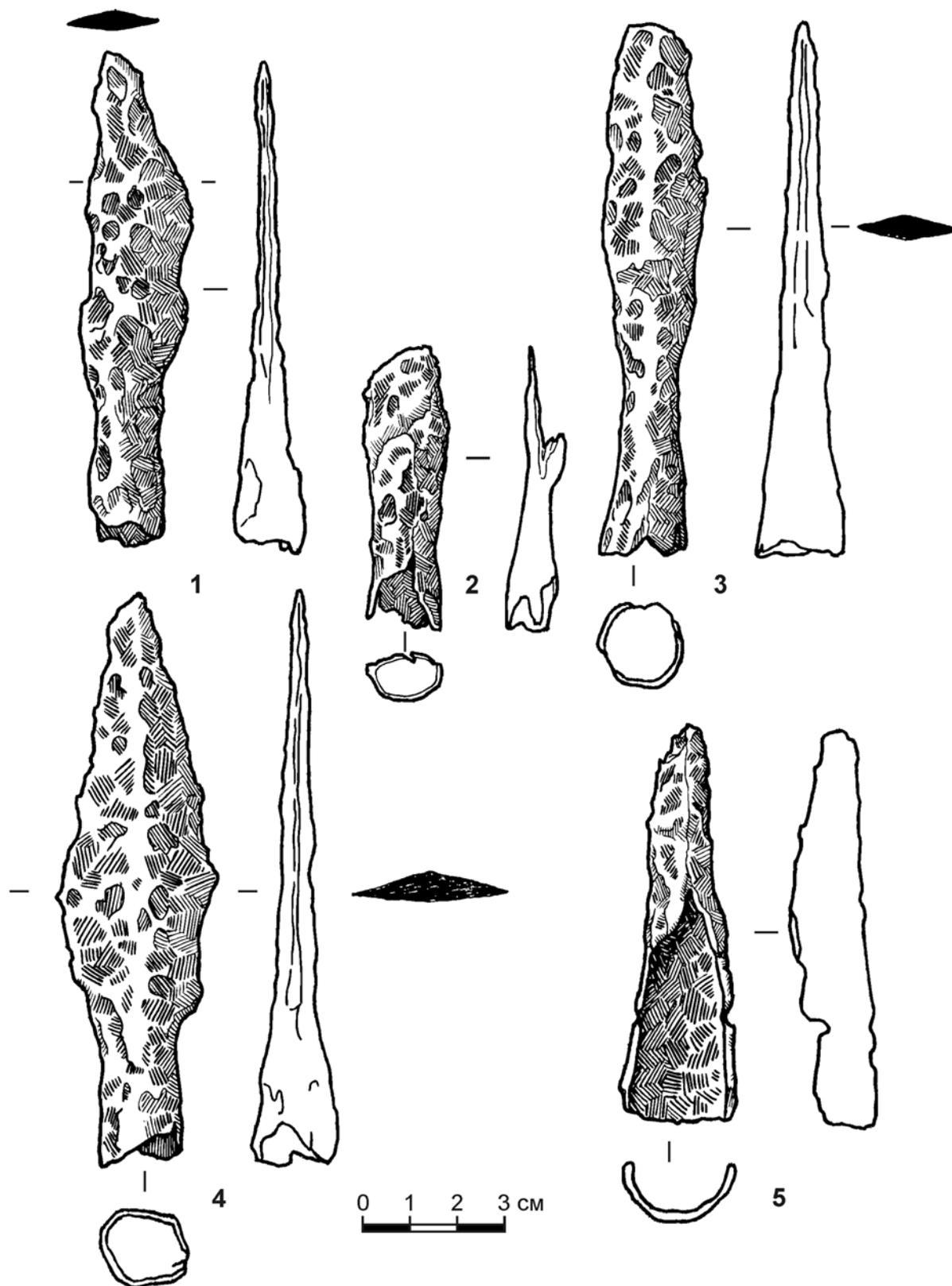

Рис. 9. Мензелинский могильник. Наконечники копий (железо). Подъемный материал.

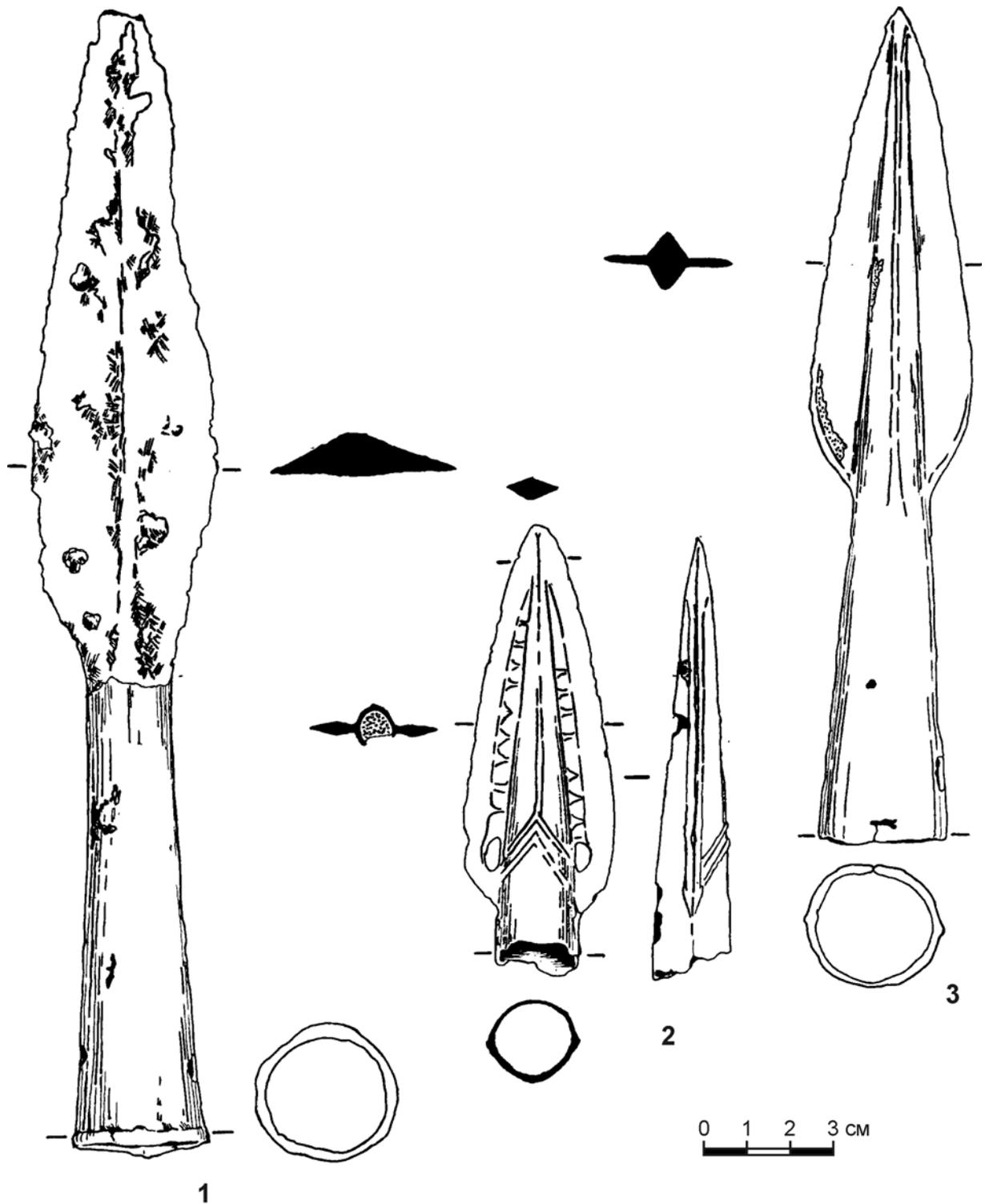

Рис. 10. Мензелинский могильник. Наконечники копий. 1 – железо и бронза; 2, 3 – бронза.
Подъемный материал.

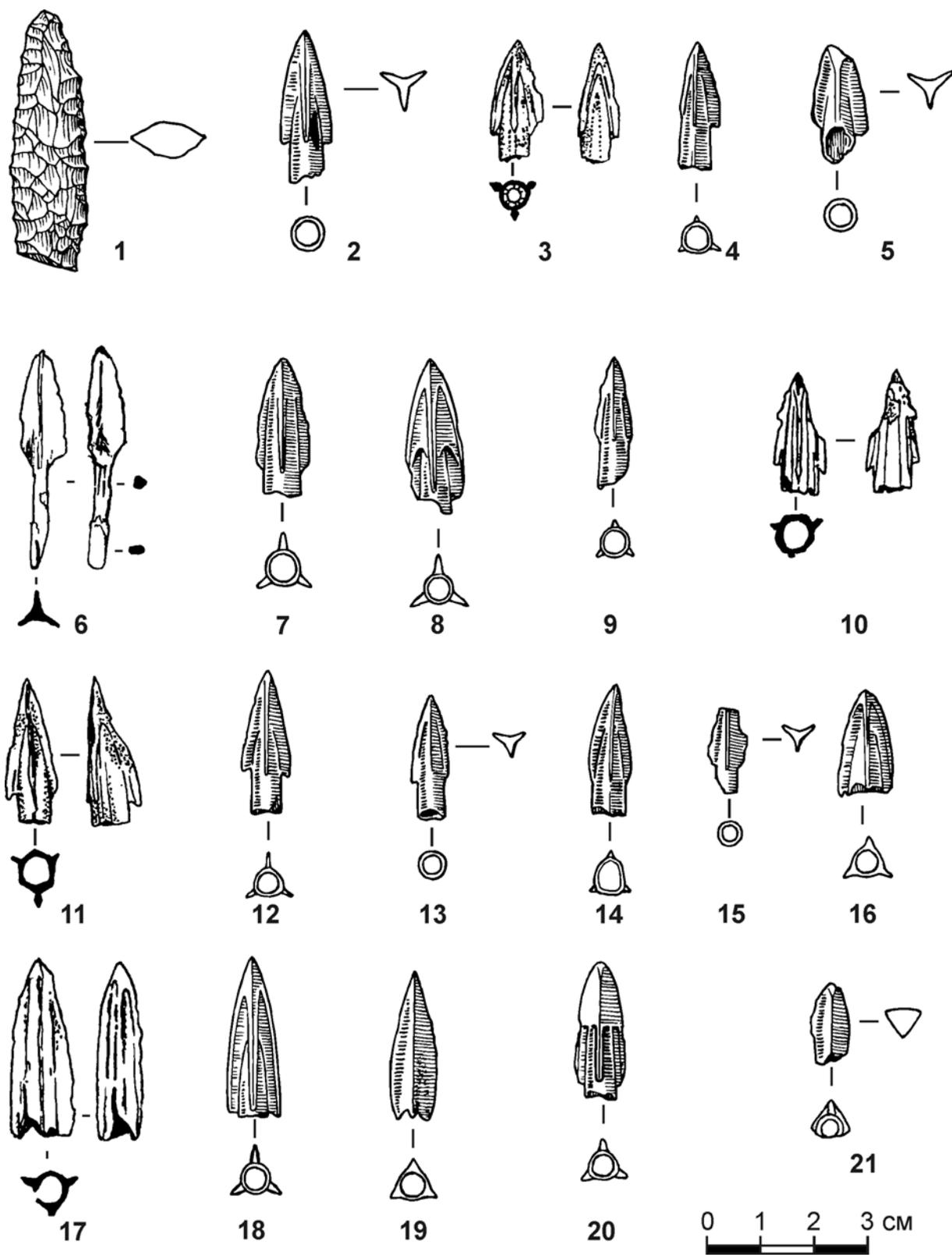

Рис. 11. Мензелинский могильник. Наконечники стрел. 1 – кремнь, 2-21 – бронза.
Подъемный материал.

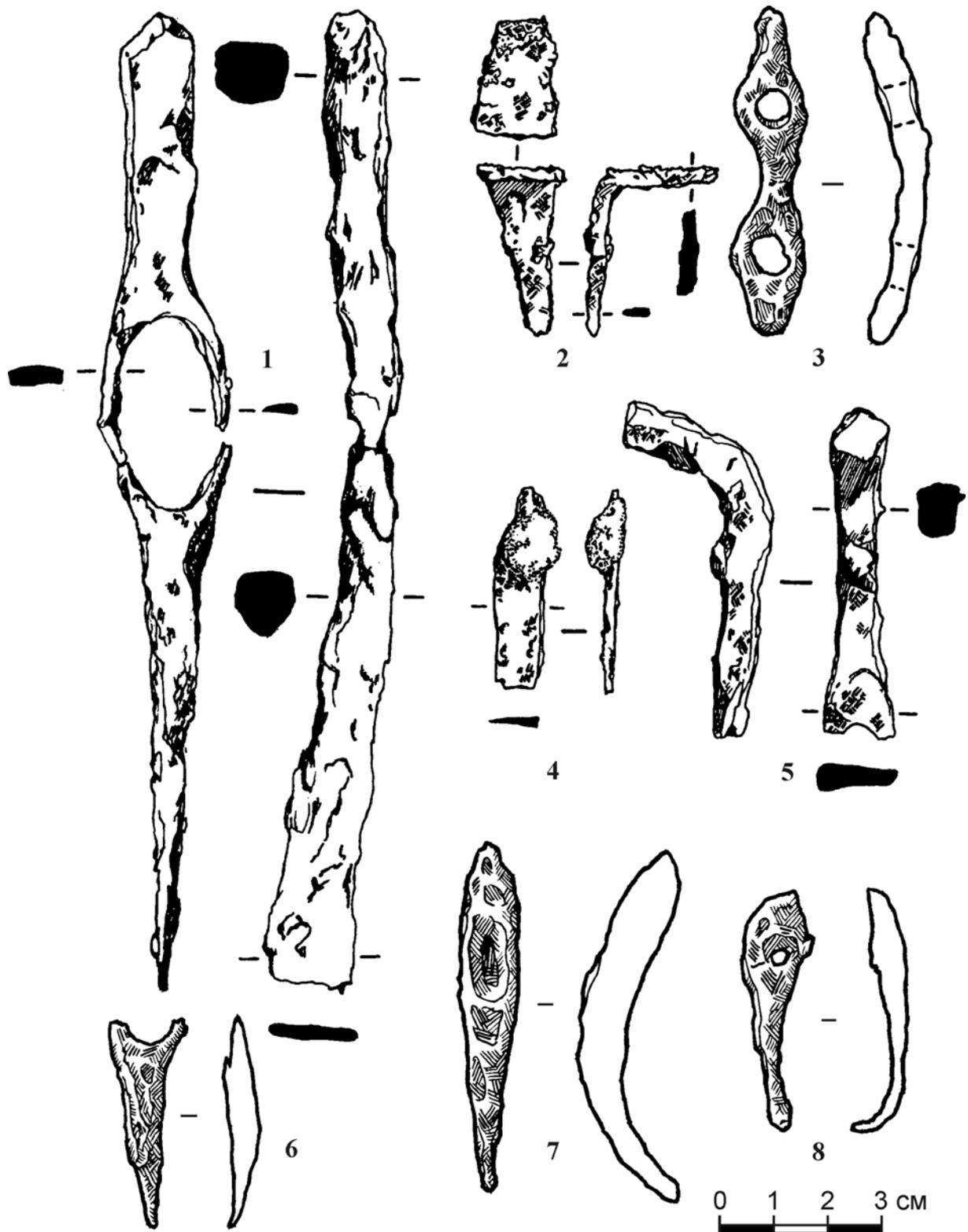

Рис. 12. Мензелинский могильник. 1 – топор-чекан; 2, 3, 5-8 – фрагменты псалий; 4 – нож. Железо. Подъемный материал.

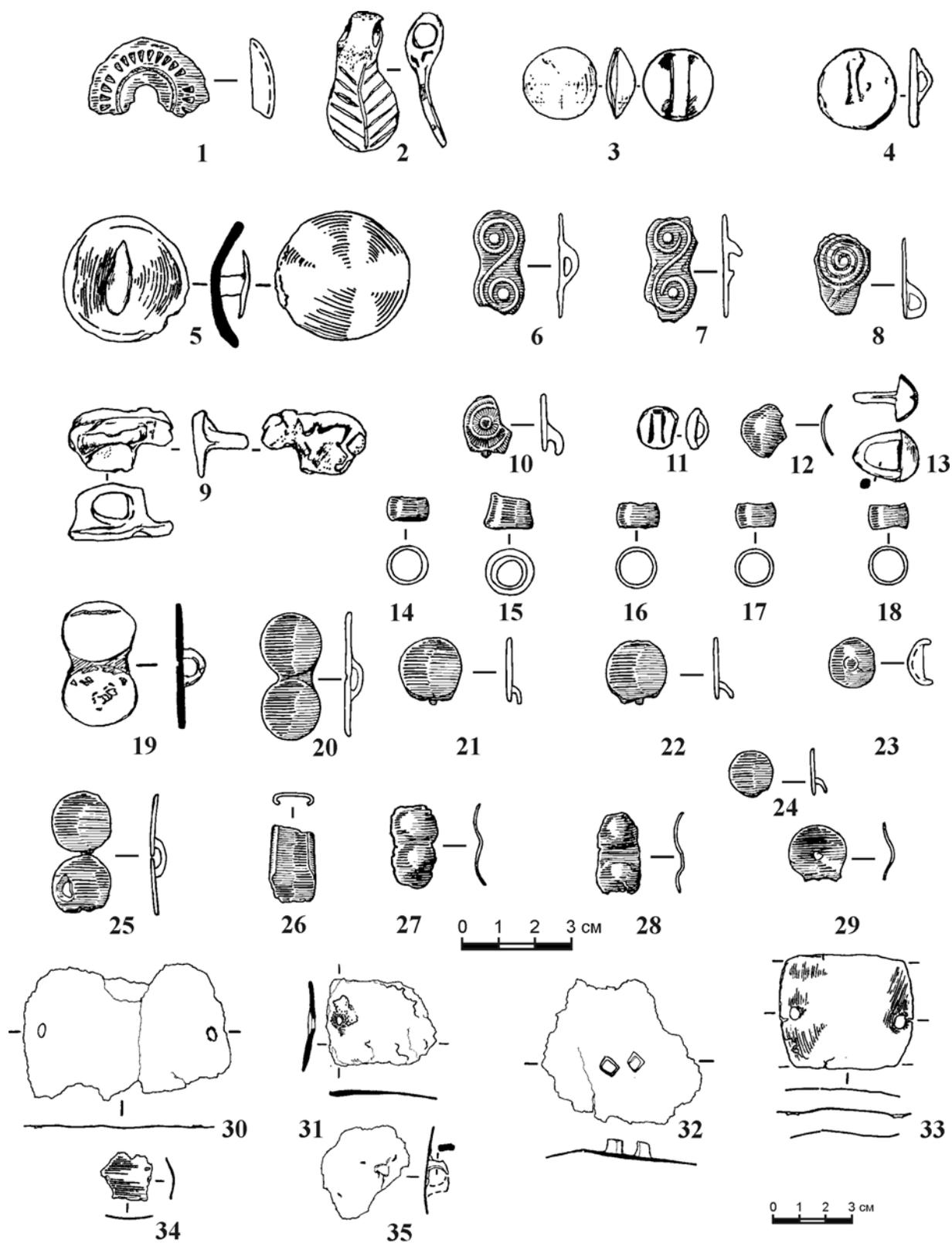

Рис. 13. Мензелинский могильник. Детали конской упряжи (2, 4, 5, 32, 35) и украшения одежды (1, 3, 6-31, 33, 34). Бронза. Подъемный материал.

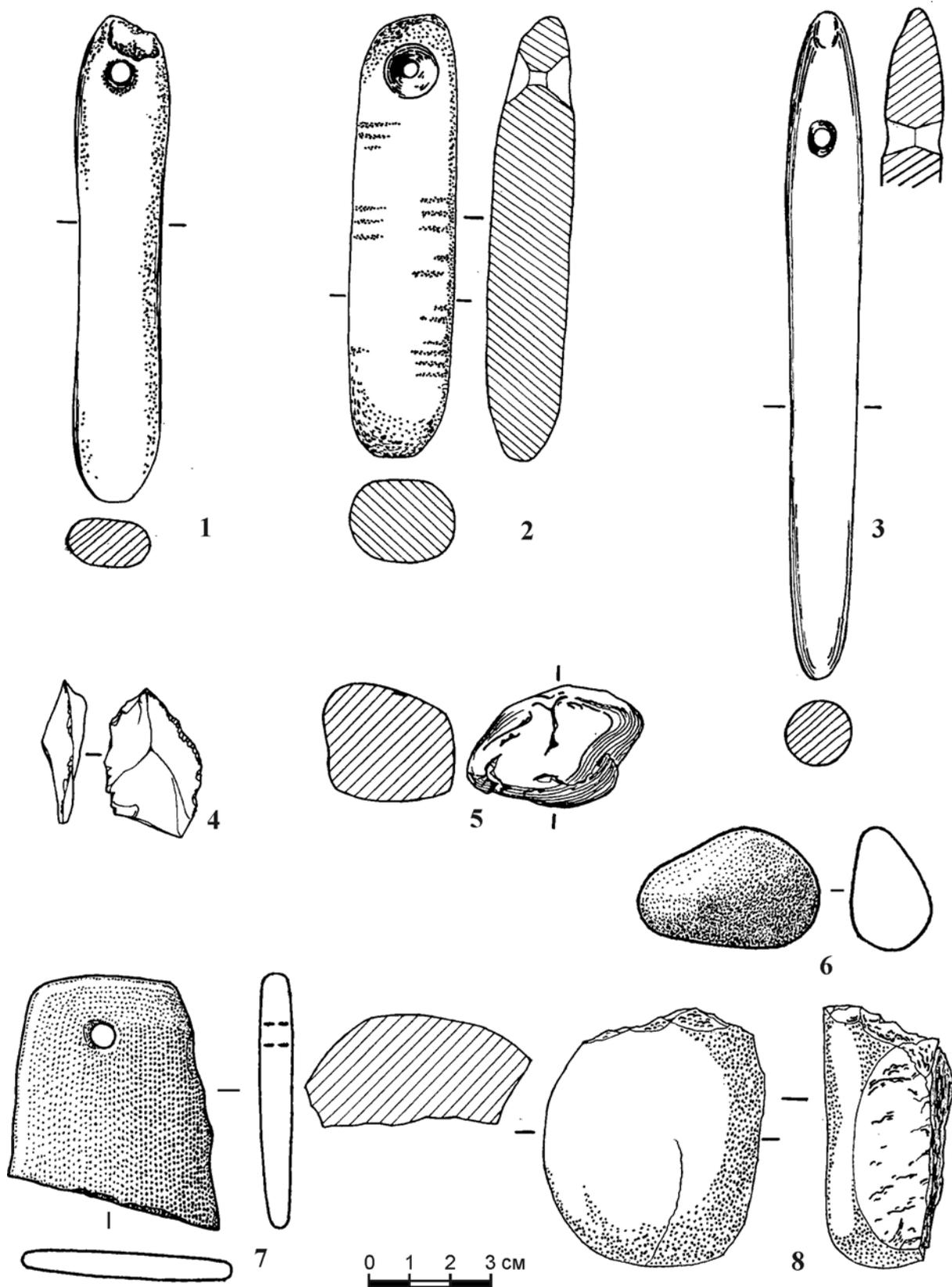

Рис. 14. Мензелинский могильник. Оселки (1-3, 7), пластина с ретушью (4) и гальки (5, 6, 8).
1, 3, 7 – песчаник, 2 – сланец, 4 – кремль. Подъемный материал.

А.В.Михеев

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы
и истории им. В.М.Васильева, г.Йошкар-Ола

КЛИМКИНСКИЙ МОГИЛЬНИК (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2003-2004 гг.)

Климкинский могильник находится в Горномарийском районе Республики Марий Эл (рис.1). Он располагается на краю коренной террасы левого берега р.Малая Юнга (правый приток р.Волга) у восточной окраины д.Климкино в 900 м к северо-западу от д.Картуково (рис.2). В 107 м к северо-востоку проходит дорога, связывающая д.Климкино с г.Козьмодемьянск. Высота террасы над уровнем реки достигает 8 м. Площадка памятника задернована, по краю террасы растут березы.

По рассказу жителя д.Климкино Ф.А.Савельева, до I Мировой войны курганы осматривал профессор Казанского университета А.А.Штукенберг, которому А.М.Савельев, отец Ф.А.Савельева, указал три насыпи. Одна из курганных насыпей находилась на приусадебном участке последнего. В конце 1920-х гг. А.М.Савельев со своим братом частично раскопали находившийся на огородах курган и разровняли поверхность так, что в настоящее время насыпь не заметна. В 1958 г. курганы были осмотрены разведочным отрядом Марийской археологической экспедиции (МАЭ) под руководством А.Х.Халикова (Халиков, 1958). В 1991 и 1993 гг. один из курганов (№1) исследован МАЭ раскопом в 198 м². Было вскрыто 19 погребений. Результаты исследований 1991 и 1993 гг. были опубликованы (Архипов, Шадрин, 1995. С.110-129).

По результатам раскопок 1991 и 1993 гг. исследователями было сделано предположение о курганно-грунтовым характере Климкинского могильника.

В 2003-2004 гг. отрядом МАЭ под руководством автора проведены работы на кургане №2 Климкинского могильника. В настоящее время он имеет сегментовидно-сферическую, округлую в плане форму. Насыпь нарушена неоднократно грабительскими вкопами. Половина кургана находится на приусадебном участке Ф.А.Савельева. Общая исследованная площадь составила 238 м².

При нивелировке поверхности выявлено, что высота сохранившейся курганной насыпи с учетом оплыва поверхности достигает 120-130 см. Очевидно, что курганная насыпь возводилась без специальной подготовки площадки для захоронений на естественном склоне коренной тер-

расы р.Малая Юнга. Нивелировка материкового слоя показала понижение террасы с запада на восток в сторону реки с 80 до 170 см от нулевого уровня (фактически 100-110 см на протяжении 15 м).

Стратиграфия (рис.3) представлена современным дерном, поддерновым слоем серо-коричневого суглинка. Со слоями, образовавшимися после создания кургана, связаны также выкиды из поздних ям и перепаханый грунт приусадебного участка, который зафиксирован по всей периферии курганной насыпи и частично на самой насыпи. В пространстве между курганами №1 и 2 этот слой осложнен наличием бытового мусора (тряпки, остатки обуви, пробки от бутылок, жестяные банки и т.п.), значительным количеством корней деревьев. Насыпь сложена из суглинка неоднородного темно-коричневого, красного и серого цветов. Слой погребенной почвы представлен темно-коричневым гумусированным суглинком, материковый слой – красная глина.

Высота кургана достигает 92 см. Судя по стратиграфии, диаметр курганной насыпи составлял не более 12,5 м. Очевидно, что сохранившаяся насыпь не соответствует ее размерам в древности. Общий диаметр сохранившейся площадки составляет не более 8-9 м. Остатки погребенного дерна хорошо прослеживаются не только под современной насыпью, но и далеко за ее пределами. Это объясняется распашкой северо-западной половины кургана.

Насыпь кургана нарушена пятью ямами. Четыре из них (№№1-4) являются грабительскими вкопами. В южной части раскопа зафиксирована траншея, вырытая местными жителями для отвода воды с приусадебного участка.

Интерес вызывает яма №5, которая выявлена на уровне древней дневной поверхности под курганной насыпью. Контуры ямы округлой формы диаметром 38 см зафиксированы на глубине 72,3 см. Заполнение ямы – гумусированный красно-коричневый пестроцветный суглинок – продолжалось до глубины 101,4 см (глубина от уровня фиксации 19,1 см). Стенки ямы отвесные, дно ровное. Находок в яме не обнаружено. Очевидно, что яма связана своим происхождением со временем существования могильника,

но объяснить ее назначение представляется затруднительным.

В процессе работ исследовано 9 погребений. Все глубины даются от уровня современной наивысшей точки курганный насыпи.

Погребение №1. Кв. А/5 (рис.4А). Контуры ямы, вытянутой по линии северо-запад – юго-восток (аз. 330°), выявлены на глубине 92,4 см по заполнению красной глиной на фоне темно-коричневого суглинка (слой погребенной почвы). Через 17 см заполнение сменилось темно-коричневым суглинком с включениями красной глины и серого суглинка. Дно могильной ямы зафиксировано на уровне 163,2 см.

Яма имела в плане подпрямоугольную форму с закругленными углами, слегка наклонные стенки и корытообразное дно. Размеры могильной ямы 215x82x70,4 см*. Вдоль длинных стенок на глубине 147 см имеются уступы. Ширина северо-восточного уступа 23-25 см, юго-западного – 14-15 см.

Вещевой материал и плохо сохранившиеся кости человека (бедренные и голени) располагались на глубине от 151 до 159 см. Судя по костям ног, покойник был положен на спину в вытянутом положении головой на северо-запад.

В юго-восточной части могилы на глубине 151 см перпендикулярно длинным стенкам зафиксирован железный предмет длиной около 17 см. Форма и назначение его не определены – сохранилась только ржавчина. Справа у бедренной кости на той же глубине зафиксирован железный нож (рис.4А, 4). В области предполагаемой груди на глубине 156 см лежала бронзовая бляха (рис.4А, 1). На этой же глубине в 11 см к западу от бляхи зафиксирована бляшка-накладка (рис.4А, 2). Слева у бедра правой ноги на глубине 158 см найдена еще одна бляшка (рис.4А, 3).

Практически по всему дну могилы и над нагрудной умбоновидной бляхой зафиксированы следы шкуры. Вероятно, покойник лежал на подстилке из шкуры животного и был ею накрыт или завернут в шкуру перед положением в могильную яму. Кроме того, справа и слева от костяка вдоль плечиков встречались обильные угольки, предположительно от деревянных плашек, поставленных на ребро.

Погребение №2. Кв. А-Б/3 (рис.4Б). Контуры ямы, вытянутой по линии северо-запад – юго-восток (аз. 330°), выявлены на глубине 98,4 см в слое погребенного дерна по заполнению материковой глиной красного цвета. Более четкие контуры проявились на уровне 101,3 см.

* Здесь и далее размеры указываются в следующем порядке: длина, ширина и глубина могильной ямы.

Через 20 см заполнение могильной ямы сменилось на серо-коричневый пестроцвет и продолжалось до глубины 146 см.

Яма имела в плане подпрямоугольную форму с закругленными углами, стенки отвесные, дно плоское. Размеры могильной ямы 227x67x48 см. На глубине 113 см у короткой юго-восточной стенки зафиксирован уступ шириной 11-13 см.

Остатков костяка и инвентаря в погребении не зафиксировано.

Погребение №3. Кв. Б-В/3-4 (рис.4В). Контуры ямы, вытянутой по линии северо-запад – юго-восток (аз. 330°), выявлены на глубине 118 см в слое красно-серой предматериковой глины по заполнению красной глиной с гумусированными пятнами темно-коричневого цвета. Сверху яма была значительно повреждена корнями деревьев. Заполнение продолжалось до глубины 144 см.

Яма имела в плане подпрямоугольную форму с закругленными углами, стенки отвесные, дно плоское. Северо-северо-восточная стенка в центральной части слегка вогнута. Размеры могильной ямы 271x88-102x26 см. По всему периметру ямы на глубине от 122,3 до 124,5 см имеются уступы шириной до 40 см. Нижняя часть ямы на уровне 122,3-124,5 имеет подтрапиевидную форму с расширением в северо-западной части. Размеры нижней части составляют 235x82-23 см. К северо-восточной стенке примыкает небольшая яма округлых очертаний диаметром около 20 см и глубиной практически до дна могилы.

Остатков костяка и инвентаря в погребении не зафиксировано.

Погребение №4. Кв. Б-В/2 (рис.4Г). Контуры ямы, вытянутой по линии северо-запад – юго-восток (аз. 336°), выявлены на глубине 118 см в слое красно-серой предматериковой глины по заполнению красной глиной с гумусированными пятнами темно-коричневого цвета. Сверху яма была значительно повреждена корнями деревьев. Заполнение продолжалось до глубины 189 см.

Яма имела в плане подпрямоугольную форму с закругленными углами, расширением в северо-западной части. Стенки ямы слегка наклонные, дно плоское. Размеры могильной ямы 215x82-108x71 см. Вдоль длинных стенок и в северо-западной части на глубине 122 см имеются плечики шириной до 9 см и уступ шириной до 26 см. В северо-западной части могилы с северо-востока на юго-запад на уровне фиксации погребение пересекала темно-коричневая гумусированная полоса длиной 136, шириной 26 см, заполнение которой завершилось на уровне плечиков.

Остатков костяка и инвентаря в погребении не зафиксировано.

Погребение №5. Кв. А'4 (рис.5А). Захоронение совершено на древнем дневном горизонте и сверху над ним была сделана насыпь. Выявлено на глубине 51,5-54,2 см.

Костяк отличной сохранности (не сохранились только кости кисти левой руки) лежал головой на северо-запад (аз. 315°), лицевой частью вверх. Руки и ноги вытянуты.

Вещевой материал располагался на глубине от 49,2 до 54,7 см. В области шеи, под нижней челюстью, а также вокруг черепа лежали бусы (57 экз.) (рис.5А, 1-8). Две бусины зафиксированы у плечевой кости левой руки и одна у бедренной кости левой ноги. В средней части груди на глубине 49,2 см лежала бронзовая застежка-сюльгама (рис.5А, 12). На левой половине груди в 4 см к северо-востоку от сюльгамы на глубине 51,3 см в ряд лежали три бронзовые бляшки (рис.5А, 9). На одной из бляшек сохранились фрагменты плетеного шерстяного пояса. Аналогичные бляшки найдены в области солнечного сплетения на глубине 50,2 см (1 экз.), у костей предплечья левой руки на глубине 51,3 см (3 экз.). По всей видимости, они составляли поясной (портупейный?) набор, поскольку одна была перевернута вверх ушком, и их соединяли отдельные шерстяные нити. Такая же бляшка расчищена на бедренной кости правой ноги на глубине 52,8 см. Вдоль кисти правой руки на глубине 51,3 см лежал железный нож (рис.5А, 13). Под бедренной костью левой ноги на глубине 54,2 см найдена бронзовая плоская бляха овальной формы с двумя дужками для крепления с внутренней стороны (рис.5А, 10). Слева у голени левой ноги на глубине 54,1 см расчищен предмет (вероятно, колчанный зажим), состоящий из плотно прилегающих друг к другу железных полуколец (рис.5А, 14). Длина предмета составляет 41,2 см. Внутри него зафиксированы остатки дерева, в основание которого был вставлен железный наконечник стрелы (рис.5А, 11).

С правой стороны под костями плечевой кости и под лопаткой, а также под костями предплечья левой руки сохранились фрагменты деревянной подстилки, на которую был положен умерший.

Над бедренными костями, поперек костяка человека, зафиксированы зубы и фрагменты костей черепа животного, предположительно лошади. Судя по местонахождению зубов, животное было положено головой на северо-восток.

Погребение №6. Кв. Б'3-4 (рис.5Б). Над могилой, у западной длинной стенки, зафиксирован массивный камень (песчаник). Первоначальные контуры могильной ямы, вытянутой по

линии северо-северо-восток – юго-юго-запад (аз. 25°), выявлены на глубине 69,3-72,4 см в слое погребенного дерна по заполнению серым песчроцветным суглинком. Могильное заполнение продолжалось до глубины 104,3 см. В засыпи северо-восточной части могилы встречались мелкие угольки.

Яма имела в плане подпрямоугольную форму с закругленными углами, стенки отвесные, дно плоское. Размеры могильной ямы 209x91x31 см.

Остатков костяка не зафиксировано.

В северо-восточной части могилы на глубине 94,3 см найден железный наконечник стрелы, лежавший острием на север (рис.5Б, 2). На черешке сохранились фрагменты дерева от древка. В 64 см к юго-юго-западу на глубине 98,7 см расчищены пряжка (рис.5Б, 1) и нож (рис.5Б, 4). Южнее на 38 см на глубине 101,1 см зафиксировано еще два наконечника стрел, которые лежали острием на север-северо-восток (рис.5Б, 3).

Погребение №7. Кв. В'-Г'3 (рис.5Г). Контур ямы, вытянутой по линии северо-запад – юго-восток (аз. 295°), выявлены на глубине 68,5-74,8 см в слое красно-серой предматериковой глины по заполнению красной глиной с гумусированными пятнами темно-коричневого цвета. Сверху яма была значительно повреждена корнями деревьев. Заполнение продолжалось до глубины 128,3 см.

Яма имела в плане подпрямоугольную форму с закругленными углами, стенки слегка наклонные, дно плоское. Размеры могильной ямы 265x78x56 см. В северо-западной части ямы на глубине от 123,4 см имеется уступ шириной до 25 см, который частично продолжается вдоль юго-западной стенки. В засыпи ямы встречались мелкие угольки.

От костяка сохранилась только эмаль зубов, которая зафиксирована на глубине 132,7 см в северо-западной части могильной ямы.

Инвентарь представлен двумя железными наконечниками стрел очень плохой сохранности (рис.5Г, 1). Они расчищены на глубине 135,3 см почти в центре могилы и лежали вдоль оси ямы остриями в разные стороны.

В северном углу могильной ямы на дне зафиксированы фрагменты дерева, вероятно, от подстилки.

Погребение №8. Кв. В'-Г'7 (рис.5Д). Контур ямы, вытянутой почти с запада на восток (аз. 280°), выявлены на глубине 93,5-98,2 см в слое темно-серого предматерикового суглинка по заполнению светло-серым слабо гумусированным суглинком с включениями красной глины. Заполнение продолжалось до глубины 158,3 см.

Яма имела в плане подпрямоугольную форму с закругленными углами и небольшим рас-

ширением в западной части. Стенки ямы слегка наклонные, дно плоское. Размеры могильной ямы 214х64-60х60 см. На дне ямы зафиксированы отдельные угольки.

Остатков костяка не зафиксировано.

Инвентарь представлен железным ножом, лежавшим вдоль южной стенки почти в центральной части могильной ямы (рис.5Д, 1).

Погребение №9. Кв. Г'5 (рис.4Д). Контуры ямы, вытянутой с северо-запада на юго-восток (аз. 312°), выявлены на глубине 74,5-84,8 см в слое темно-серого предматерикового суглинка по заполнению светло-коричневым гумусированным суглинком с включениями красной глины. Заполнение продолжалось до глубины 143,7 см.

Яма имела в плане подпрямоугольную форму с закругленными углами. Стенки ямы отвесные, дно ровное. Размеры могильной ямы 192х76х56 см.

Остатков костяка и вещей не зафиксировано.

Со временем существования кургана связаны некоторые находки в насыпи кургана: двухчастная бусина с внутренней позолотой (рис.5В, 1), восьмерковидная бляшка-накладка (рис.5В, 2), бронзовая застежка-фибула с двумя пуговковидными выступами и с железной иглой (рис.5В, 4), концевой резец на кремневом отщепе (рис.5В, 5) и ножевидная пластина (рис.5В, 1).

Вне погребений найдено также несколько фрагментов лепных сосудов:

1) стенка коричневого цвета с примесью мелко толченой раковины и шамота, орнаментированный гребенчатым штампом (рис.5В, 3);

2) дно плоскодонного лепного сосуда черного цвета, хорошего обжига, пористого с примесью крупного шамота (рис.5В, 7);

3) дно плоскодонного лепного сосуда темно-коричневого цвета, неравномерного обжига, пористого с примесью шамота и органики (рис.5В, 8);

4) стенка коричневого цвета с примесью крупного шамота;

5) дно плоскодонного сосуда коричневого цвета с примесью крупного шамота (рис.5В, 9);

6) дно плоскодонного сосуда коричневого цвета, неравномерного обжига с примесью крупного шамота (рис.5В, 10).

По своим топографическим признакам (край коренной террасы малой реки) Климкинский могильник аналогичен Писеральскому могильнику, расположенному в 4 км к юго-юго-востоку. Относительно планиграфии следует отметить, что расположение погребений под курганом №2 (центральное захоронение (№ 5), вокруг которого располагались погребения №1 и 6, а также ямы №2 и 4, идентифицированные как грабительские вкопы) также схоже с Писеральским. Наиболее хорошо это заметно на планах

курганов 1 и 4, не смотря на то, что центральная часть последнего нарушена кладоискателями (Халиков, 1962. Рис.40; 48). Однако отличие заключается в том, что на Климкинском могильнике зафиксированы захоронения вне курганной насыпи. Таковыми, по-видимому, являются погребения 2-4 и 7-9. Могильные ямы не перекрывают друг друга.

На вскрытой площади изучено восемь грунтовых и одно наземное (№5) погребения. Могильные ямы ориентированы в пределах запад – северо-восток. Грунтовые захоронения совершены в ямах подпрямоугольной формы с закругленными углами, в одном случае с незначительным расширением в области головы. Стенки ям отвесные или слегка наклонные, дно ровное. Большинство из них имело простую форму, но в ряде случаев в могилах наблюдаются уступы (погр.1-4, 7). Размеры ям колеблются в пределах 142-295 см в длину, 45-110 см в ширину. Глубина от уровня погребенной почвы достигает 92 см. Возможно, пересекающая погребение № 4 насыщенная гумусом полоса является остатками упавшего деревянного столба. Небольшая ямка у северной стенки погребения № 3 также может свидетельствовать о наличии здесь в древности столба. Сохранность костей очень плохая: лишь в нескольких случаях удалось проследить тлен от костяка. Судя по этим данным и по расположению погребального инвентаря, можно предположить, что умерших укладывали головой на север – северо-запад, в одном случае (погр.6) – на северо-восток. Остатки коры, шкуры или деревянных плашек, которые могли служить подстилкой, покрытием или иным дополнительным погребальным сооружением, зафиксированы в трех случаях (погр.1, 5, 7).

Инвентарь не отличается большим разнообразием. В целом, погребения кургана №2 Климкинского могильника являются бедными в сравнении с захоронениями кургана № 1: четыре погребения безинвентарные, в двух вещи единичны. Вероятно, богатым на украшения являлось разграбленное в древности погребение, зафиксированное как яма №4. Найденные в этой яме разрозненные кости человеческого скелета практически полностью были в окислах зеленого цвета, что наблюдается при контакте кости с предметами, в состав которых входит медь.

Украшения и детали костюма представлены бусами, бляхами, сюльгами и пряжкой.

Бусы (59 экз.) из прозрачного стекла с внутренней позолотой, среди которых одна двухчастная, и из стекла темно-синего цвета (рис.5А, 1-8; 5В, 1). Форма и размеры бус различны: округлые, цилиндрические, бочонко- и таблетковидные.

Бронзовая круглая ажурная бляха с умбоном имеет диаметр 61 мм, по краю украшена шишечками. Умбон окантован отверстиями и направленными к центру треугольными прорезями (рис.4А, 1). Точной аналогии нет, но подобные бляхи имеются в материалах пьяноборского Ошкинского (Лещинская, 2000. Рис.28, 7-12), Кошибеевского (Шитов, 1988. Табл. VI, 10), Куреваниха XX (Башенькин, 1990. Рис.126, 2), Тарасовского (Голдина, 1988. Рис.230, 2) могильников. Б.Б.Агеев считал бляхи этого типа характерными для комплексов центральной Башкирии и памятников городищской культуры (Агеев, 1992. С.37).

Бронзовая плоская бляха овальной формы с двумя ушками для крепления с внутренней стороны (рис.5А, 10). Несколько экземпляров подобных блях имеется в материалах Андреевского кургана (Степанов, 1980. Табл.48, 1-4). А.Х.Халиков считал их характерными для оформления ножен мечей во II в. н.э. (Халиков, 1962. С.135). Н.А.Лещинская датирует их несколько шире – I-III вв. н.э. (Лещинская, 1995. Рис.5, В, 19). По Б.Б.Агееву рассматриваемые бляхи в пьяноборских могильниках относятся к группе нагрудных украшений (вариант Д, тип 5) и в Среднем Поволжье бытовали в I-II вв. н.э. (Агеев, 1992. С.36-37).

Бронзовые грибовидные бляшки с ложновитым оформлением края и петелькой на обратной стороне (рис.4А, 3; 5А, 9) имеют аналогии в материалах Писеральского (Халиков, 1962. Табл. XXIII, 2, 3) и Андреевского (Степанов, 1980. Табл.20, 7; 34, 1), пьяноборских Юлдашевского (Пшеничнюк, 1986. Рис.11, 6) и Ошкинского (Лещинская, 2002. Рис.12, 6-19), древнемордовского Кошибеевского (Шитов, 1988. Табл. III, 3) могильников.

Бронзовая восьмерковидная бляшка с петлей для крепления (рис.5В, 2). Аналогичные зафиксированы в кургане 4 Писеральского могильника (Халиков, 1962. Табл. XXV, 5) и на Ошкинском могильнике (Лещинская, 2002. Рис.12, 20).

Маленькая грибовидная бляшка-накладка (рис.4А, 2).

Бляшки-накладки (грибовидные, пластинчатые, восьмерковидные) распространены повсеместно и датируются очень широко, в том числе и в пределах последних веков до н.э. – первых веков н.э.

Сюльгама бронзовая с двумя пуговковидными выступами, цельнолитая с приостренным концом и железной иглой (рис.5А, 12; 5В, 4). Аналогичные встречены в кургане 2, погр.3, 10 Писеральского могильника (Халиков, 1962. Табл. XXV, 6, 10). Типологически близкая имеется в погр.25/3 Андреевского кургана (Степанов, 1980. Табл.15, 3).

Пряжка бронзовая прямоугольно-рамчатая, изготовлена из круглого в сечении дрота, с железным плоским в сечении язычком (рис.5Б, 1).

Бытовой инвентарь и предметы вооружения представлены ножами и наконечниками стрел.

Ножи найдены в четырех погребениях. Из них три с горбатой спинкой и деревянной рукояткой. Сечение рукояти прямоугольное. У двух ножей спинка в средней части слегка закруглена (рис.4А, 4), а при переходе от лезвия к рукояти имеется стопорное кольцо, которое, вероятно, служило и зажимом рукояти (рис.5Б, 4). У третьего сечение средней части лезвия клиновидное, острия – линзовидное (рис.5А, 13). У четвертого ножа лезвие прямое, в сечении спинка слегка закруглена, прослеживается уступ при переходе от клинка к черешку и со стороны обушка, и со стороны лезвия (рис.5Д, 1).

К I тыс. до н.э. типологически восходит нож, у которого отсутствует уступ при переходе от клинка к рукояти, а лезвие имеет горбатую спинку. Похожие экземпляры имеются, например, в ананьинских материалах (Большов, 1988. Рис.6, 5-7), но, судя по всему, они бытуют и в более позднее время.

Наконечники стрел железные черешковые двушипные (4 экз.) (рис.5Б, 3; 5Г, 1) и трехлопастные (2 экз.) (рис.5А, 11; 5Б, 2). Двушипные стрелы сильно спеклись друг с другом и имеют очень плохую сохранность.

Двушипные черешковые железные наконечники стрел в большом количестве представлены в Андреевском (Степанов, 1980. Табл.16, 5-13; 19, 18; 27, 1-19) и Писеральском (Халиков, 1962. Табл. XXIV, 1-5) могильниках. Встречаются в материалах Усть-Бельского могильника (Башенькин, Васенина, 2003. С.15). Такие наконечники считаются характерными для могильников Западного Поволжья во II-III вв. н.э. (Лещинская, 2000. С.12). Трехлопастные, по мнению Б.Б.Агеева, у пьяноборского населения бытовали во II в. до н.э. – II в. н.э. (Агеев, 1992. С.46).

Железный предмет (вероятно, колчаный зажим), состоящий из плотно прилегающих друг к другу железных полуколец (рис.5А, 14). Длина предмета составляет 41,2 см. Аналогичный предмет зафиксирован в погр.2 кургана 8 Писеральского могильника (Халиков, 1962. Табл. XXVI, 6). Подобные детали колчана имеются и в материалах Андреевского кургана (Степанов, 1980. Табл.31, 16).

Вещевой инвентарь исследованных захоронений (плоская бляха с двумя ушками на внутренней стороне, грибовидные бляшки, сюльгамы, бусы, ножи, наконечники стрел, пряжка, зажим от колчана) позволяют датировать могильник первыми веками нашей эры.

Следует отметить, что аналогии вещевому комплексу имеются, прежде всего, в Писеральском и Андреевском курганных могильниках.

По погребальному обряду и инвентарю могильник, безусловно, принадлежит к кругу памятников писеральско-андреевского типа. Учитывая наличие рядных грунтовых захоронений вне курганной насыпи, следует признать Климкинский могильник курганно-грунтовым.

Список литературы

- Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа, 1992.
- Архипов Г.А., Шадрин А.И.* Исследование раннесредневекового кургана у д.Климкино // АЭМК. Вып.24. Йошкар-Ола, 1995.
- Башенькин А.Н.* Альбом иллюстраций № 2 к отчету о работах в Вологодской и Ленинградской областях в 1990 году. Вологда, 1990 / НОА ИА РАН. Р-1. №14945.
- Башенькин А.Н., Васенина М.Г.* Усть-Бельский археологический комплекс на р.Кобоже. Итоги исследований 1985–2002 гг. // Археология: история и перспективы. Первая межрегиональная конференция. Ярославль, 2003.
- Большов С.В.* Могильник на острове Мольбищенский: Каталог археологической коллекции. Йошкар-Ола, 1988.
- Голдина Р.Д.* Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской АССР, Березовском и Слободском районах Пермской области и в

Кильмезском районе Кировской области в 1988 году. Т.1. Исследования Тарасовского могильника и Тарасовского I селища. Ижевск, 1988 / НОА ИА РАН. Р-1. №12943.

Лецинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р.Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995.

Лецинская Н.А. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке / Серия препринтов «Научные доклады сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции». Вып.2. Ижевск, 2000.

Пишеничнюк А.Х. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.

Степанов П.Д. Андреевский курган. Саранск, 1980.

Халиков А.Х. Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 год. Казань – Йошкар-Ола, 1958 / НРФ МарНИИЯЛИ. Оп.1. Д. №84.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды МАЭ. Т.2. Йошкар-Ола, 1962.

Шитов В.Н. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н.Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н.э. Саранск, 1988. (ТМордНИИЯЛИЭ. Вып.93.)

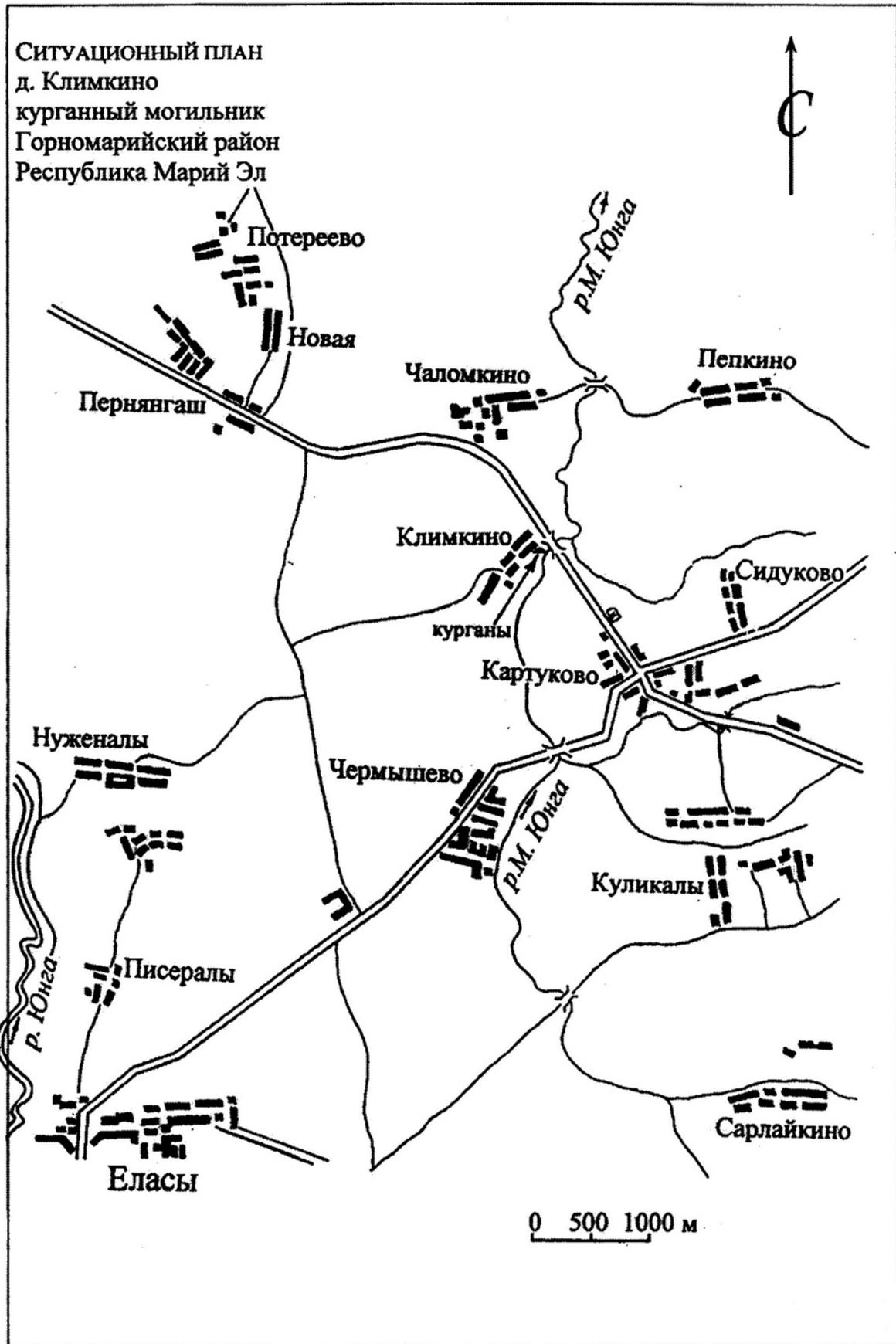

Рис. 1. Климкинский могильник. Ситуационный план.

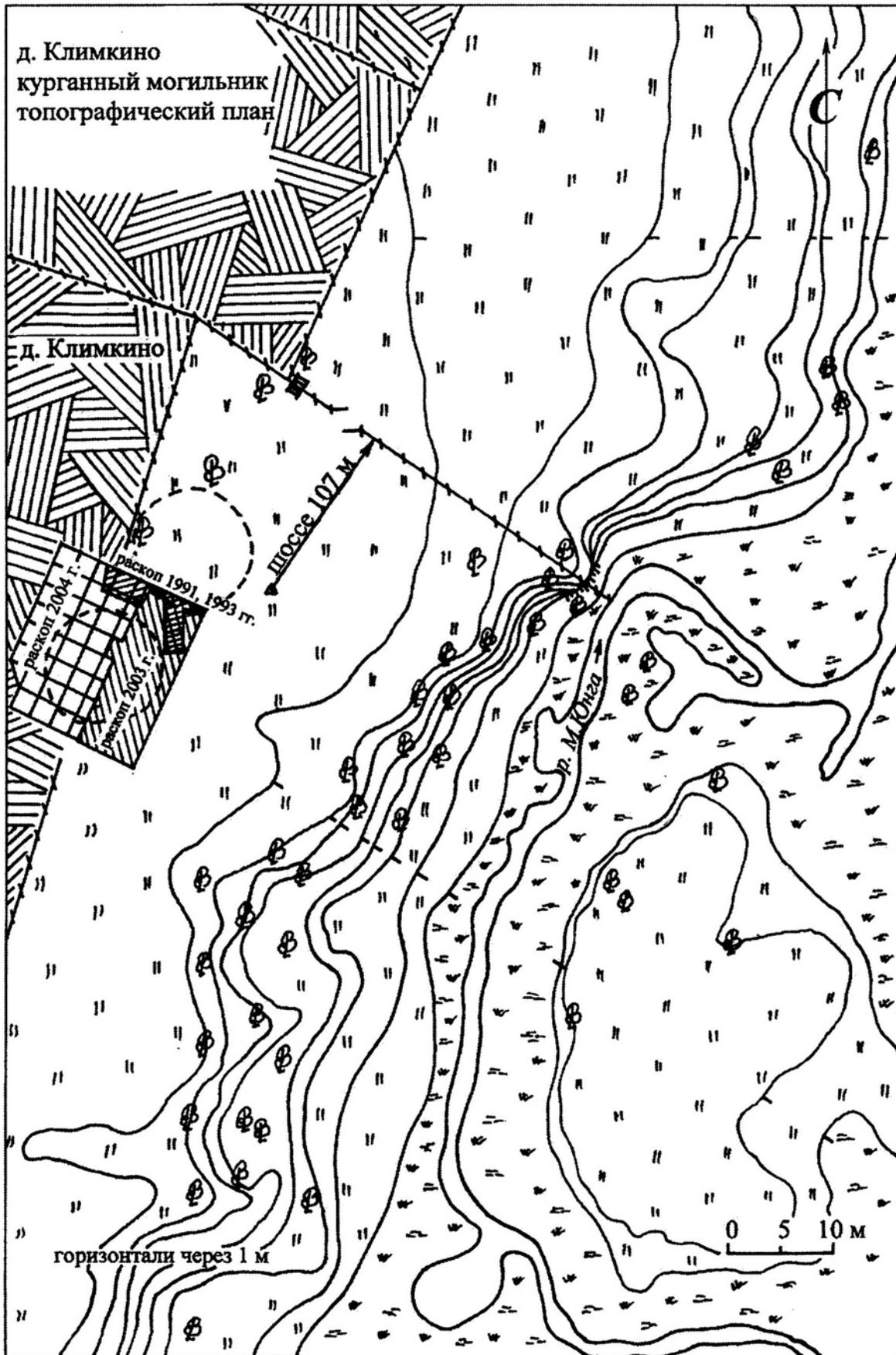

Рис.2. Климкинский могильник. Топографический план.

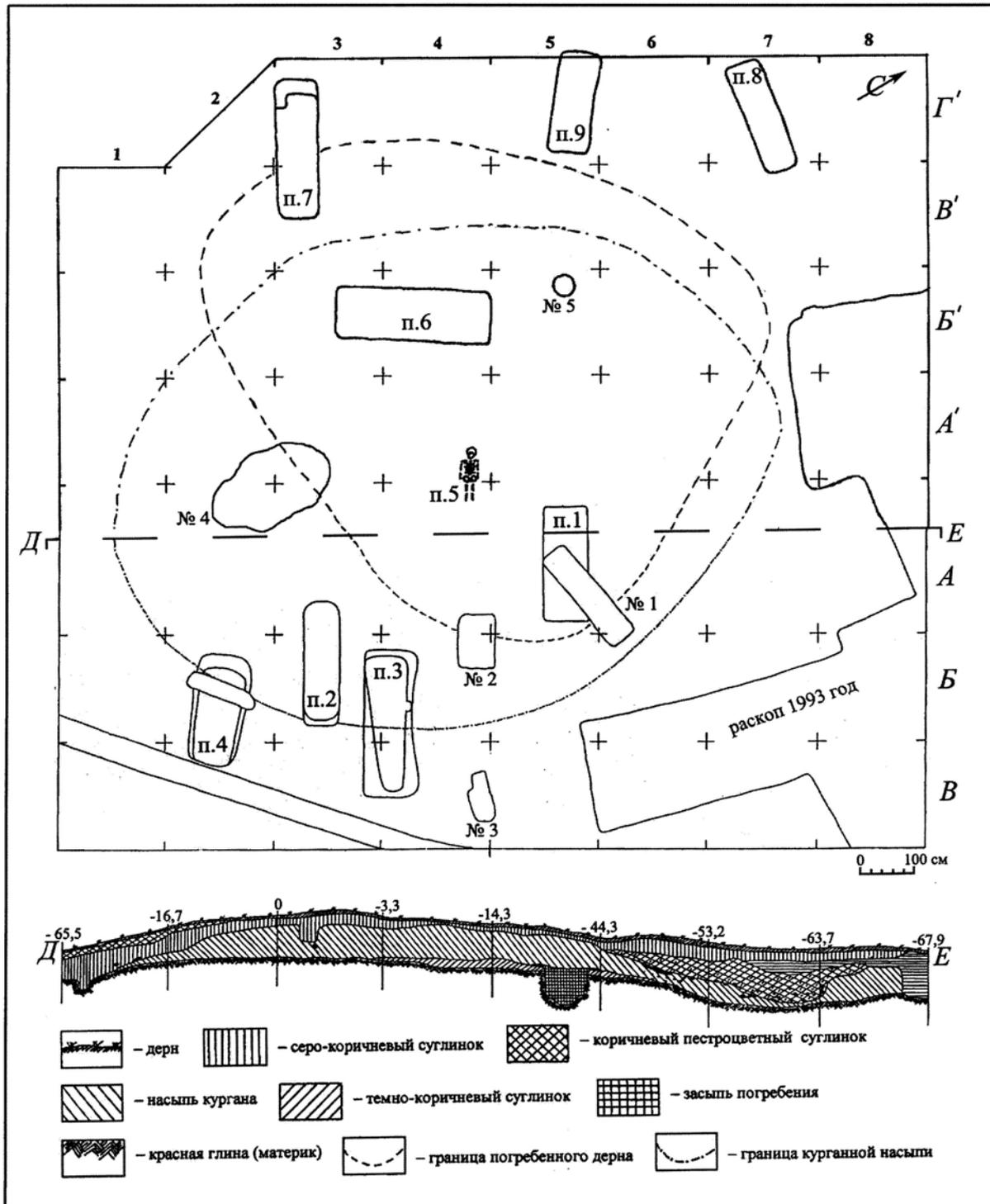

Рис. 3. Климкинский могильник. План раскопа кургана № 2.
Профиль северо-западной стенки линии А.

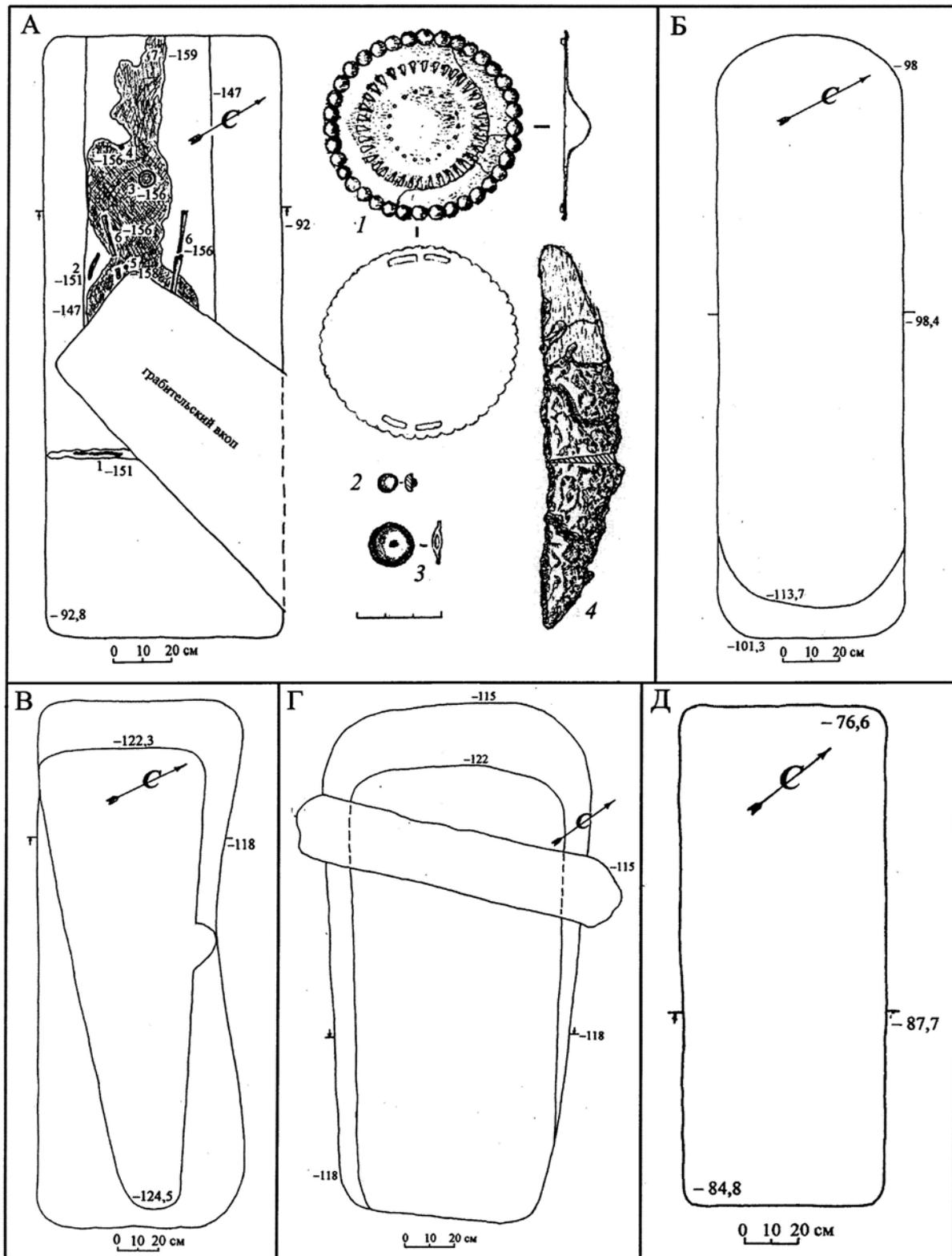

Рис. 4. Климкинский могильник. А – погребение 1; Б – погребение 2; В – погребение 3; Г – погребение 4; Д – погребение 9.

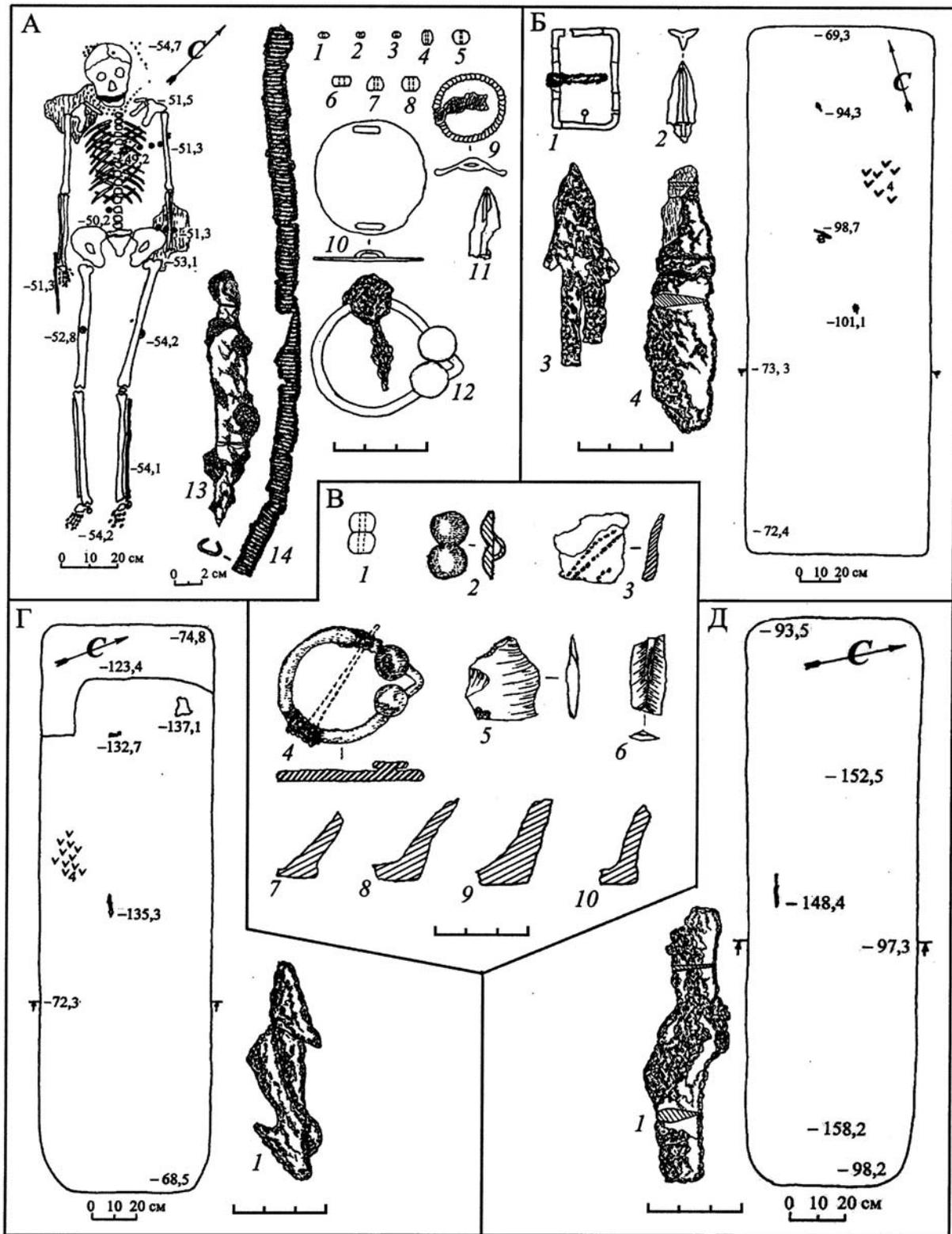

Рис. 5. Климкинский могильник. А – погребение 5; Б – погребение 6; В – насыпь кургана; Г – погребение 7; Д – погребение 8.

А.А.Краснопёров

Удмуртский государственный университет, г.Ижевск

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ЗАМЕТКИ К КОНСТАТАЦИИ ОТВЕТА

Почти 50 лет назад В.Ф.Генинг, анализируя в диссертации все известные к тому времени могильники, предложил свой вариант хронологии и периодизации пьяноборских древностей. В основе схемы лежала идея М.Г.Худякова об эволюции эполетообразных застежек от одно- к многожгутовым (Худяков, 1929). Таблица была приведена в монографиях 1970-1971 гг. и более поздних работах, не претерпев изменений (Генинг, 1970. Рис.20; 1988. Рис.4). Предложенная схема – один из лидеров цитируемости в археологических исследованиях по раннему железному веку.

Первым, кто решился пересмотреть установившуюся точку зрения, был Б.Б.Агеев (Агеев, 1976; 1992; 1993). С одной стороны, Б.Б.Агеев пришел к новым выводам, в которых, однако, «лишь уточнены некоторые положения В.Ф.Генинга» (Голдина, 1999. С.209). С другой, обе периодизации, основанные, по существу, на анализе одних и тех же памятников, между собой не стыкуются. Б.Б.Агеев специально рассматривал находки фибул из Ново-Сасыкульского могильника, которые позволили ему сделать вывод о структуре могильника, времени и характере заполнения кладбища. Отдельно приведена типология бус, которая, однако, практически не учитывает разработок Е.М.Алексеевой. Но, почему-то, автор не использовал ни бусы, ни фибулы для общей хронологической таблицы.

В целом же, нельзя говорить о какой-либо кардинальной ревизии взглядов В.Ф.Генинга. Судя по многочисленным работам, предложенная им периодизация сохраняет свою актуальность и поныне.

Большинством авторов признается разделение пьяноборской культуры на два этапа, граница между которыми проходит по рубежу эр. Обращение к материалам конкретных памятников не подтверждает этого.

Корреляционная хронология позволяет выявить логику и последовательность взаимосвязи между группами вещей и погребений. Однако наиболее обоснованной выглядит хронология на основе привозных вещей, имеющих точные датировки. Данная задача облегчается многочисленностью находок фибул и бус в пьяноборско-

мазунинских могильниках*. Для работы отобраны погребения содержащие фибулы неместного производства, типология и датировка которых обоснована А.К.Амброзом (1966) и А.С.Скрипкиным (1977; 1984; 1990). Чрезвычайно многочисленны одноцветные стеклянные и пастовые бусы и бисер, но их обилие и широкий хронологический диапазон только затрудняют работу. Поэтому среди бус интерес представляют различные скульптурные и орнаментированные бусы, которые сразу же бросаются в глаза в любой коллекции, что облегчает их выявление. Типология и хронология их подробно разработана Е.М.Алексеевой (Алексеева, 1975; 1978; 1982).

Нижняя дата пьяноборской культуры.

Традиционная нижняя дата пьяноборской культуры – III в. до н.э. (Генинг, 1970; 1971; Голдина, 1999) – основывается на происхождении эполетообразных застежек от ананьинских поясных крючков и на сарматских параллелях: устоявшейся точке зрения о замене бронзовых наконечников стрел железными на рубеже III-II вв. до н.э. и датировке застежек с неподвижным крючком. По мнению большинства исследователей, бронзовые наконечники стрел полностью заменяются железными во II в. до н.э. (Хазанов, 1971. С.36). Но, как верно полагал В.А.Иванов (1985. С.95) и убедительно доказал Б.Б.Агеев (1992. С.74), колчаные наборы в Прикамье запаздывают и не могут служить надежным хроноиндикатором. То же наблюдается и в других регионах (Гей, 1986. С.73). По мнению того же В.А.Иванова, соотношение количества застежек с неподвижным крючком в сарматских и прикамских памятниках не позволяет рассматривать сармат как источник их поступления к пьяноборцам и карабызцам (Иванов, 1980. С.81).

Для установления нижней даты пьяноборской археологической культуры важны находки бус. Из общего массива легко выделяются глазча-

* Хочется выразить искреннюю благодарность всем исследователям, позволившим изучить материалы их полевых изысканий, зачастую неопубликованных, особенно Б.Б.Агееву, Р.Д.Голдиной, Г.Н.Журавлевой, А.Х.Пшеничнюку, Н.Л.Решетникову, П.Н.Старостину, А.Н.Султановой, Т.К.Ютиной.

тые бусы, к сожалению, датированные достаточно широко – IV–II вв. до н.э.

Значительным своеобразием и более узкой датой отличаются бусы-подвески, фигурирующие в публикациях как «бусы в виде стилизованных сосудиков», «каплевидные», «кеглевидные», «антропоморфные» (рис.1). Е.М.Алексеева выделяет их в тип 193 (вариант г?) и датирует II–I вв. до н.э. (Алексеева, 1975. Рис.18, 4; 1978. С.74, рис.34, 39). Такие же бусы найдены в погребениях Биктимировского могильника (Пшеничнюк, 1964. С.223, рис.5, 35; 1973. С.174, 179, рис. 6, 41; 10), в Старых Кишках, Ленинске, Ново-Никольском, Башкирских стойлах, Алебастровой горе (Мошкова, 1963. С.45, 52, табл.31, 30-39), Мечетсае (Смирнов, 1975. Рис.31, А, 6, 10; Б, 1, 2), Кульчукском кургане в Крыму (Дашевская, Голенцов, 1982. С.94-95, рис.3, 5), Танаисе (Арсеньева, 1977. С.21-22, табл.XLVI; Алексеева, 1975. Рис.18, 4), Херсонесе, Пантикапее, Фанагории, Тиритаке, Тузле, Горгиии (Алексеева, 1978. С.74). Датировка та же.

Нижняя граница бытования таких бус исключает возможность двойственной (ананьино? пьяноборье?) трактовки, чего нельзя сказать о глазчатых бусах. Нахождение в погребениях 28 и 31 Икского могильника совместно с S-видными височными подвесками позволяет продлить и время бытования последних на II в. до н.э.

Из этого получается первое следствие: **убедительно датированных комплексов III в. до н.э. в пьяноборье нет.**

Верхняя дата пьяноборской культуры. Практически на всех могильниках обнаружены привозные вещи, прежде всего, бусы, в том числе из египетского фаянса, а также фибулы. Вследствие обнаружения таких украшений, данные памятники нужно относить ко времени после рубежа эр. Датировки, предлагаемые археологами, исследовавшими эти могильники, нельзя признать удовлетворительными. Большинство датировок основано на предположении В.Ф.Генинга об эволюционном ряде эполетообразных застежек. По его мнению, застежки с одним жгутом – самые архаичные и относятся к стадии А, датируемой III–II вв. до н.э. (Генинг, 1970. Рис.20). На Кушулевском III могильнике (погр.180) эполетообразная застежка с одним жгутом найдена вместе с диагональнополосатой бочонковидной бусиной, Е.М.Алексеевой такие бусы (тип 249) датируются I–II вв. н.э. (Алексеева, 1978. С.47). Эполетообразная застежка с одним основным и двумя дополнительными жгутами происходит из комплекса (Сасыкуль, погр.100), содержащего бусы в виде виноградной грозди бирюзового цвета и округлую зеленую бусину с темно-синей орнаментальной полосой с желто-красными четырехлистниками.

По Е.М.Алексеевой бусы в виде грозди (тип 76а) датируются концом I – III в. н.э. и преобладают в I в. н.э. (Алексеева, 1975. С.45-46), бусы с орнаментальной полосой (типы 404-406) – I–III вв. н.э. (Алексеева, 1982. С.38). Еще одна застежка с подтреугольной задней бляхой и одним жгутом происходит из погребения 19 Старочекмакского могильника, датирующие вещи в этом комплексе – бусы-подвески в виде полосатого треугольника и стрелки. По Е.М.Алексеевой первые (тип 184) датируются эпохой позднего эллинизма (Алексеева, 1978. С.42-43), вторые (тип 197) – I–II вв. н.э. (Алексеева, 1978. С.43-44). Вследствие изначального посылка часть памятников датирована слишком широко, часть – неоправданно удревнена.

Бусы в виде лежащего льва, скарабеи, грозди, «бинокли», гениталии, алтарики, «кукиши», амфоры, ребристые бочонковидные из египетской пасты, треугольные и стрелковидные подвески, бочонковидные с полосатым и волнистым и сложным орнаментом из стекла, крупные бусы из халцедона распространены широко. Они найдены на памятниках Татарстана (Деуково, Старый Чекмак), Башкирии (Сасыкуль, Камышлытамак, Кушулево II и III, Урманаево), Удмуртии (Тарасово, Афонино, Чеганда II, Ныргында I и II).

Бусы из египетской пасты в виде жука-скарабея (рис.2) Е.М.Алексеева разделяет на несколько типов по направлению канала и цвету, дополнительно выделены варианты по сложности оформления тела жука. В пьяноборских комплексах найдены скарабеи только бирюзового и синего (в одном случае) цветов. Бирюзовые с продольным каналом относятся к типу 50, вариант б датируется I – началом II в. н.э., вариант в – I в. н.э. (Алексеева, 1975. С.41-43). Найдены в комплексах с височными подвесками со спиральновитой и литой конической трубицей и бляшкой с планкой на обороте (Чеганда, погр.62); с височными подвесками со спиральновитой трубицей, двойной узкой листовидной и восьмерковидной, другими бусами и овальной застежкой с неподвижным крючком (Сасыкуль, погр.81); бляшками выпуклыми с планкой и плоскими с ушком на обороте, застежкой (Афонино, погр.131). Единственный скарабей темно-синего цвета с продольным каналом относится к типу 52, варианту б и датируется I в. н.э. (Алексеева, 1975. С.43). Найден в комплексе с пластинчатыми обувными накладками с вогнутыми длинными сторонами, шейными подвесками, бляшками выпуклыми с планкой на обороте и плоскими, бронзовым браслетом в полтора оборота, височными подвесками с гофрированной трубицей, другими бусами (Тарасово, погр.661).

Бусы из египетской пасты в виде фигурки льва (рис.2) в пьяноборских могильниках найдены бирюзового и темно-синего цветов с продольным каналом. Львы бирюзового цвета относятся к типу 68, варианту б и датируются I-II вв.н.э. (Алексеева, 1975. С.44-45). Три такие фигурки найдены в погребении 23 могильника Чеганда II вместе с бляшкой с планкой на обороте и пронизкой-бусиной. Лев темно-синего цвета (тип 69) датируется римским временем (Алексеева, 1975. С.45); найден в погребении 81 Сасыкульского могильника. Двухцветная фигурка лежащего льва происходит из комплекса погребения 121 Афонинского могильника вместе с гофрированными височными подвесками и бляшками с планкой на обороте. Фигурка льва неизвестного цвета найдена вместе с разнообразными шейными, бронзовыми рублеными подвесками, сьюльгамой, застежками с неподвижным крючком, перстнем, составной концевой пронизкой, бляшкой с двумя отверстиями, височными подвесками с короткой и длинной витой, литой и узкой листовидной трубицами (Сасыкуль, погр.214). В погребении 661 Тарасовского могильника бусина найдена вместе с гофрированной височной подвеской, шейной подвеской, браслетом в полтора оборота, застежкой с неподвижным крючком. Фрагмент еще одной фигурки льва найден в погребении 125 могильника Нырғында II в комплексе с ажурными накладками, пронизками-обоймами, треугольными подвесками, фрагментом кокошника и височной подвеской со спиральновитой трубицей и напускной бусиной. Цвет фигурки неизвестен, основание, возможно, овальное.

Бусы из египетской пасты в виде амфоры (рис.2) в пьяноборских древностях представлены только экземплярами бирюзового цвета – тип 81, датируется очень широко: I в. до н.э. – III в. н.э. (Алексеева, 1975. С.46). Найдены в комплексах с узкими листовидными височными подвесками, пронизкой, бляшкой с неполной имитацией витья, другими бусами (Сасыкуль, погр.83); с плоскими и выпуклыми с задней планкой бляшками, кольцевыми пронизками, бронзовой двусоставной круглой в сечении пряжкой, трапециевидными подвесками и ажурными накладками (Афонино, погр.153); бронзовой круглодротовой гривной с колбочкой и крючком, бронзовым браслетом в полтора оборота, узкой листовидной височной подвеской, плоской с ушком и выпуклой с планкой бляшками, семижгутовой эполетообразной застежкой, бочонковидной бусиной с орнаментом из диагональных полос (Сасыкуль, погр.228).

Бусы из египетской пасты в виде лягушки бирюзового цвета (рис.5) – тип 57, вариант б (Алек-

сеева, 1975. С.43), датируются I в. н.э., найдены в погребении 81 Сасыкульского могильника.

Округлые ребристо-желобчатые бусы (рис.3). В погребении 81 Сасыкульского могильника найдены бусы желто-зеленого (тип 15, варианты а, б), бирюзового (тип 16, варианты а, б, в) и мутно-белого цветов. Тип 15 датируется Е.М.Алексеевой I – первой половиной II в. н.э., тип 16 – II в. до н.э. – II в. н.э. и преобладает в комплексах I в. н.э. (Алексеева, 1975. С.33-34). Бирюзовые ребристо-желобчатые бусы найдены также с узкими листовидными височными подвесками, жгутом от эполетообразной застежки (Сасыкуль, погр.146); с двусоставной бронзовой пряжкой и фибулой с кнопкой на конце пластинчатого приемника (Нырғында II, погр.15). Они же найдены вместе с височной подвеской мазунинского типа, трапециевидной подвеской (Тарасово, погр.11, 97), бронзовой пряжкой и железной гривной (Тарасово, погр.676), гофрированной височной подвеской и бляхой с умбонном (Тарасово, погр.1166), гофрированной височной подвеской и железной пряжкой (Тарасово, погр.1492).

Четырнадцатигранные бусы (рис.5) представлены единственным экземпляром из светло-зеленого стекла, найденным в погребении 81 Сасыкульского могильника – тип 132, наиболее характерный для II в. н.э. (Алексеева, 1978. С.70).

Бусы в виде гениталий бирюзового цвета (рис. 5) – тип 90, относятся к концу I в. до н.э. – II в. н.э., преобладают в погребениях I в. н.э. (Алексеева, 1975. С.47). Такая бусина найдена в погребении 83 Сасыкульского могильника.

Бусы из египетского фаянса в виде спаренных полуцилиндриков или «бинокля» (рис.2). Фиолетового цвета – тип 84, датируются концом I в. до н.э. – II в. н.э.; бирюзового цвета – тип 86, датируются концом I в. до н.э. – III в. н.э., преобладают в I-II вв. н.э. (Алексеева, 1975. С.47). Оба типа найдены в погребении 165 Сасыкульского могильника в комплексе с узкими листовидными височными подвесками, пряслицем, железной двусоставной пряжкой прямоугольного сечения. Фиолетовая бусина обнаружена в погребении 130 Сасыкульского могильника вместе с концевой пронизкой, ажурной сьюльгамой, височной подвеской с литой конической трубицей и костяной пряжкой.

Удлиненные веретеновидные бусы, спаянные из разноцветного стекла (рис.3) – тип 290, вероятно, датируются I в. до н.э. – I в. н.э. (Алексеева, 1978. С.50). Найдены вместе с петлевидными височными подвесками, височной подвеской с витой трубицей, бляхами из зеркала с шестилепестковой розеткой, амулетами из просвер-

ленных клыков (Кушулево II, погр.10); с гофрированной височной подвеской, ножнами пьяноборского типа, сапожковой и спаренной полумоноцилиндрической пронизками, лапчатой подвеской, «колокольчиком», застежкой с неподвижным крючком (Тарасово, погр.1010).

Бусина из египетского фаянса в виде кукиша бирюзового цвета (рис.3) – тип 89, датируется концом I в. до н.э. – II в. н.э., преобладает в I в. н.э. (Алексеева, 1975. С.47) – найдена вместе с выпуклой бляшкой с планкой на обороте, плоской бляшкой с ушком, сапожковой пронизкой, крупной бляхой из зеркала, пронизкой-бусиной, височной подвеской с гофрированной трубицей (Ныргында II, погр.107).

Бочонковидные бусы с орнаментом из чередующихся полос (рис.4) – тип 249, зарождаются в конце I в. до н.э., распространяются в I-II вв. н.э. (Алексеева, 1978. С.47). Найдены в комплексах с круглой застежкой с неподвижным крючком (Сасыкуль, погр.195, Камышлытамак, погр.10); со спиральновитой и широкой листовидной височными подвесками, двумя бронзовыми выпуклыми бляшками, железным трехперым наконечником стрелы, прямоугольными накладками (широкой и узкой длинной), эполетообразной застежкой с одним железным жгутом, бляхой из зеркала (Кушулево III, погр.180); с прямоугольными накладками, спиральновитыми височными подвесками, бляхами, перстнем (Кушулево III, погр.39); с ажурной накладкой, гребенчатой накладкой, застежкой с неподвижным крючком, пронизкой, прямоугольной накладкой, височными подвесками с витой трубицей и с двумя петлями на концах (Кушулево III, погр.67); с височными подвесками с литой и витой трубицей (Камышлытамак, погр.11, Тарасово, погр.1243); с бляшкой с ушком, сдвоенной накладкой, витой и литой височными подвесками, бронзовой пластинчатой пряжкой (Камышлытамак, погр.72); с витой и литыми с напускными бусами височными подвесками, ромбической накладкой (Камышлытамак, погр.18); с литой височной подвеской и пронизками (Камышлытамак, погр.75); с витыми и широкими листовидными височными подвесками, бляшками с планкой на обороте (Кушулево III, погр.41); с широкой листовидной и 8-видной височными подвесками, бляшками с планкой на обороте, крупной застежкой (Чеганда II, погр.89); с витой височной подвеской, сапожковой и спаренной пронизками, застежкой-бляхой (Тарасово, погр.1049); с гофрированной височной подвеской и многовитковым браслетом (Тарасово, погр.1099); с гофрированной височной подвеской, многовитковым браслетом и ножнами (Тарасово, погр.1389); с витой височной подвеской

(Тарасово, погр.1435); с витой подвеской и ажурными накладками (Юлдашево, погр.64).

Бусы из египетского фаянса в виде виноградной грозди бирюзового цвета (рис.2) – тип 76, вариант а, датируются концом I в. до н.э. – III в. н.э., преобладают в I в. н.э. (Алексеева, 1975. С.45-46). Найдены в комплексе с пронизкой, маленькой бляшкой с планкой на обороте, эполетообразной застежкой с основным и двумя дополнительными жгутами (Сасыкуль, погр.100). В том же погребении найдена округлая буса из глухого зеленого стекла с темно-синей орнаментальной полосой, украшенной желтыми четырехлистниками с красными прожилками. Абсолютных аналогий этой бусине нет; подобные, но другой расцветки определяются Е.М.Алексеевой как типы 404-406 (Алексеева, 1982. С.38) и датируются I-III вв. н.э.

Треугольные подвески, спаянные из разноцветного стекла (рис.3) – тип 184, данных для датировки, по мнению Е.М.Алексеевой, недостаточно, могут относиться к позднему эллинизму (рубеж эр) (Алексеева, 1978. С.42-43). Другая разновидность таких подвесок – тип 193 – датируется I в. до н.э. – II в. н.э. (Алексеева, 1978. С.43). Найдены вместе с бронзовым браслетом в полтора оборота, плоской бляшкой с отверстием, спиральной пронизкой, раковинной каури (Ст.Чекмак, погр.31); с височными подвесками с литой, узкой листовидной и конической трубицей, одножгутовой эполетообразной застежкой с подтреугольной задней пластиной, круглой железной застежкой ромбического сечения с неподвижным крючком (Ст.Чекмак, погр.19); со спиральновитой и петлевидной височными подвесками, плоской бляшкой с отверстием, раковинной каури, костяным трехгранным наконечником стрелы, выпуклой бляхой с полукружиями по краю (Кушулево III, погр.225); со спиральновитой височной подвеской (Кушулево III, погр.132).

Стрелковидные подвески (рис.5) – тип 197, датируются I в. до н.э. – II н.э. (Алексеева, 1978. С.43-44). Найдены в упомянутом погребении 19 могильника Старый Чекмак и в комплексе с ажурными бляхой, ромбической и гребенчатой накладками, сечковидной подвеской, бляшкой с одним ушком, перстнем и железным многовитковым браслетом (Ст. Чекмак, погр.42).

Бусы с шахматной орнаментацией (рис.3) – типы 434, 437, датируются I-II вв. н.э. (Алексеева, 1982. С.39-40). Найдены вместе с височными подвесками с литой трубицей, ажурной гребенчатой накладкой, бляшкой с планкой на обороте (Чеганда II, погр.73); с височной подвеской с гофрированной трубицей, кокошником (Чеганда II, погр.28). В этом же погребении най-

дена бусина с поперечно-волнистым орнаментом; полной аналогии Е.М.Алексеева не приводит (Алексеева, 1978. С.51). Бусы с таким орнаментом датируются IV, II-III, II-IV, II-IV, IV вв. н.э., I в. до н.э. – III в. н.э.; усредненной датой можно признать II-IV вв. н.э.

В погребении 73 Ныргындинского II могильника найдена бусина с орнаментальной полосой, полная аналогия которой неизвестна (рис.2). Е.М.Алексеева бусы с орнаментальной полосой выделяет в типы 413-415, 428 и датирует их I в. н.э., I в. до н.э. – I в. н.э., концом I в. до н.э. – II в. н.э., I-II вв. н.э. Наиболее вероятной следует признать дату I в. н.э. Бусина найдена в комплексе с широкой листовидной и гофрированной височными подвесками, арочной подвеской, сьюльгамой, фрагментами нагрудника из бляшек и пронзок-обойм.

В погребении 15 могильника Чеганда II найдены различные типы бус. Интерес представляют коричневая бусина с хаотично расположенными глазками голубого, красного, зеленого, желтого и синего цветов. Подобные бусы Е.М.Алексеева относит к типу 13 и датирует I-IV вв. н.э. (Алексеева, 1975. С.57-58). Там же найдена крупная бусина синего цвета с глазками из отрезков белой трубочки, соответствующая типу 103 и датируемая I в. н.э., доживая до II в. н.э. В комплекс погребения также входят витые и гофрированные височные подвески, счетверенная накладка, бляшка с планкой на обороте, пронизка-бусина, трапециевидная и шейные подвески.

Бусина из египетского фаянса в виде алтарика (рис.2), бирюзового цвета – тип 93, вариант формы а датируется I в. н.э. (Алексеева, 1975. С.48) найдена в комплексе с бронзовой круглодротовой гривной с круглыми концами, широкой листовидной, витой и гофрированной височными подвесками, спиральновитыми шейными пронизками, костяным трехгранным наконечником стрелы, ажурной бляшкой, бляхой из зеркала, железными двусоставными пряжками круглого и прямоугольного сечения (Чеганда II, погр.142).

Стеклянные бусы типа 23 (Алексеева, 1978. С.65) – бочковидные из янтарно-желтого стекла с закраинами (рис.3), дата – вторая половина I – III вв. н.э. – найдены с литой и витой височными подвесками (Юлдашево, погр.17), с ножнами и бляхой (Тарасово, погр.608), с бляхами, зеркалами и височной подвеской (Тарасово, погр.1115).

Халцедоновые бусы (рис.2) – типы 3, 4, округлые пропорциональные поперечно сжатые (Алексеева, 1982. С.11-12). Все халцедоновые поделки датируются в пределах I-III вв. н.э., наиболее характерны для I-II вв. н.э. В погре-

бении 110 Ныргындинского II могильника (видимо, самая ранняя находка) халцедоновая бусина найдена с бляхой из зеркала, застежкой-бляхой, бляшками выпуклыми с планкой и плоскими двумя ушками на обороте, ажурными бляхами и накладками, спаренной бляшкой и бронзовым браслетом.

Список бус, разумеется, неполный. Хорошими датирующими свойствами обладают глазчатые бусы, но именно эту категорию практически невозможно использовать. В большинстве публикаций даются черно-белые иллюстрации бус, а в тексте отсутствуют ссылки на типы или описание цветовой гаммы.

В погребениях пьяноборского времени отмечено значительное количество находок привозных фибул или подражаний им. Это лучковые подвязные, сложнопрофилированные с бусиной, фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника, типа «Авцисса» и другие (рис.6). Они встречены в могилах Сасыкульского, Тарасовского, Ныргындинских, Чегандинского II и др. могильников. Со времени выхода в свет работы А.К.Амброза прошло значительное время, многие авторы указывали на определенные недостатки свода, однако большинство исследователей отмечает, что принципы классификации разработаны А.К.Амброзом детально. Кроме того, с 1966 г. накоплен значительный новый материал. Для фибул из пьяноборских памятников наиболее подходит классификация, предложенная А.С.Скрипкиным для сарматских погребений Нижнего Поволжья (Скрипкин, 1977; 1984). В работе использована его типология с небольшими дополнениями.

Группа 1. Лучковые фибулы с подвязным приемником.

Тип 1. Одночленные.

Вариант 2. Прокованная ножка по ширине несколько шире спинки (Скрипкин, 1977. С.102; 1984. С.31). Дата для памятников Нижнего Поволжья – вторая половина I – начало II вв. н.э. (Скрипкин, 1977. С.106-107; 1984. С.43) (Сасыкуль, погр.164).

Вариант 4. Спинка с прогибом, но не нависает над пружиной. Ножка расплющена, значительная часть спинки покрыта обмоткой (Скрипкин, 1977. С.102; 1984. С.31). Начинают распространяться во второй половине II в. н.э., в конце века иногда встречаются вместе с фибулами 5 варианта (Скрипкин, 1977. С.107; 1984. С.44) (Сасыкуль, погр.139).

А.К.Амброз все варианты относит к группе 15, серии 1, варианту 3 – с плоской, широкой ножкой и высокой дужкой – и датирует II в. н.э., вероятно первой половиной – серединой века (Амброз, 1966. С.49-50).

Группа 2. Сильнопрофилированные фибулы.

Тип 1. Фибула с крючком для тетивы.

Вариант 2. Спинка длинная, превосходящая расстояние от задней бусины до кнопки приемника, приемник начинается сразу за задней бусиной (Скрипкин, 1984. С.32).

Можно выделить три подварианта, однако, существенного значения они не имеют:

Подвариант а. Спинка тонкая (Чеганда II, погр.38).

Подвариант б. Спинка пластинчатая (Сасыкуль, погр.309).

Подвариант в. Спинка круглая (Ныргында I, погр.211). Появляются не ранее рубежа I-II вв. н.э., в основной массе распространены в Поволжье в середине II в. н.э., к концу века поступление в регион сильно сокращается (Скрипкин, 1977. С.113; 1984. С.44).

Сильнопрофилированные фибулы причерноморских типов отнесены А.К.Амброзом к группе 11, по форме спинки выделяются два подварианта: а) с узкой и б) с пластинчатой. Фибулы с приемником начинающимся сразу за задней бусиной выделены в вариант 2, подвариант а с узкой спинкой датируется второй половиной I в. Вариант 3 – с пластинчатой спинкой – датируется II началом III вв. н.э. (Амброз, 1966. С.40-41).

Группа 3. Фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника.

Тип 1. Спинка плоская.

Вариант 1. Фибулы с мягко изогнутой спинкой (Скрипкин, 1984. С.32). В общих чертах могут датироваться III в. н.э. (Скрипкин, 1977. С.115; 1984. С.44).

Соответствует группе 13 по А.К.Амброзу, типы 2 – с S-видным завитком, дата – вторая половина I – начало II в. (Сасыкуль, погр.75) и 7 – крупная, с мягко изогнутой спинкой, дата – вторая половина II – III в. (Ныргында II, погр.79) (Амброз, 1966. С.45-46).

Фибулы с кнопкой на конце пластинчатого приемника в Нижнем Поволжье единичны.

Тип 1. С гладким, слегка выпуклым корпусом, расширяющимся в середине (Сасыкуль, погр.13, 224; Ныргында II, погр.15, 76).

Тип 2. С гладким, плоским корпусом равномерной ширины, зачастую орнаментированным (Сасыкуль, погр.144, 253, 281). Такие фибулы А.С.Скрипкин датирует I-II вв. н.э. (Скрипкин, 1977. С.116).

А.К.Амброз отнес такие фибулы к группе 12: тип 3 – небольшие со слабовыраженной кнопкой, вариант а – с плоской спинкой, вариант б – с выпуклой спинкой, дата – конец I – первая половина II в.; тип 4 – крупные с едва намеченной кнопкой, дата – II-III вв. н.э. (Амброз, 1966. С.43-44).

Самостоятельной группы по А.С.Скрипкину не представляют фибулы типа «Авцисса» (Сасыкуль, погр.10, 43), датируемые первой половиной I в. н.э.

А.К.Амброз относит их к группе 5, варианты выделены по форме спинки (изгиб смещен вверх, изгиб равномерный), подварианты – по форме головки (с валиком, с кнопкой), дата – первая половина I в. (Амброз, 1966. С.26-27).

В погребениях присутствуют еще две категории предметов, имеющие надежно датированные аналогии – оружие и зеркала.

В пьяноборской среде зеркала в целом виде использовались в качестве нагрудных или поясных украшений, из них же вырезались бляхи, подвески, застежки. Согласно типологии А.С.-Скрипкина (1990. С.142-156, рис.33), дополненной А.А.Глуховым (2003), найденные в Прикамье зеркала относятся к типам 1.0, 1.01, 1.6 и 6.10.1.

Тип 1.0 распространен территориально и хронологически чрезвычайно широко, преобладает в конце I – первой половине I в. н.э. (Глухов, 2003. С.90-91). Зеркала типа 6.10.1 датируются на Дону в пределах I – начала II в. н.э., ни в коем случае не ранее рубежа эр. Для I в. н.э. характерны типы 1.01, 1.6, заходящие и в начало II в. н.э. (Скрипкин, 1990. С.153). Хорошо фиксируются (даже во вторичных изделиях) орнаментированные зеркала с концентрическими окружностями и шестилепестковой розеткой (тип 1, варианты 2, 4, 6). Б.А.Литвинский отмечает, что такие зеркала встречены в погребениях I в. до н.э. – I в. н.э., но в двух погребениях в Австрии они происходят из могил середины I тыс. н.э. То же касается и зеркал с кружковым орнаментом, но, вероятно, большая их часть относится ко II-III вв. н.э. (Литвинский, 1978. С.87-88).

В Прикамье зеркала типа 6.10.1 найдены, вероятно, только в двух комплексах (Камышлытамак, погр.96; Ныргында II, погр.203). В погребении 96 Камышлытамакского могильника с зеркалом найдены височные подвески с литым и витым стержнем, ажурные подвески, прямоугольные и восьмерковидные поясные накладки. В погребении 203 могильника Ныргында II в качестве сопровождающего инвентаря присутствуют витая и гофрированные височные подвески, плоская бляшка с двумя ушками, выпуклая бляшка, трапецевидная подвеска, плоская нагрудная бляха, ажурные накладки, эполетообразная застежка с семью жгутами, полупронизки, восьмерковидные накладки.

В редких случаях встречаются зеркала с парой отверстий у края (тип 1.01). В погребении 1115 Тарасовского могильника такое зеркало

переделано в застежку. Из того же погребения происходят бляшки различных типов, височная подвеска и бусы типа 23 (Алексеева, 1978. С.65) – бочковидные из янтарно-желтого стекла с закраинами. Дата комплекса – вторая половина I – III вв. н.э.

Трудность привлечения зеркал для датировок прикамских комплексов обусловлена несколькими факторами: использование в качестве украшений, в основном, фрагментов зеркал, что затрудняет определение типа; широкие хронологические диапазоны (в Прикамье поступали, главным образом, наиболее распространенные и массовые типы); отсутствие узких дат у орнаментированных экземпляров.

Заслуживает пристального внимания наблюдение Б.А.Литвинского, отмечавшего, что привозные зеркала (то есть все, найденные на территории Прикамья) бытуют в течение еще одного-двух столетий после прекращения их поступления; то же касается и фрагментов, превращенных в украшения (то есть всех прикамских трапециевидных подвесок и части круглых бляшек) (Литвинский, 1978. С.104).

На мой взгляд, раннюю дату большинства привозных вещей (до н.э.) надо исключить. Это опровергается тремя элементарными причинами:

1. Любая вещь в момент появления пользуется спросом на месте производства и на экспорт идет только после насыщения внутреннего рынка (= прохождения моды).

2. Несмотря на развитые торговые контакты между Прикамьем и центрами производства рассматриваемых предметов (Причерноморьем), на данный момент нет оснований считать Прикамье основным рынком сбыта и областью «прямых поставок». Вероятнее, что предметы «импорта» поступали путем нескольких торгово-обменных операций на региональных рынках. В качестве основных «ярмарочных» центров можно назвать Подонье, Среднее Поволжье, Нижнюю Каму (устье). Возможен и второй путь – через башкирские степи и вниз по Ику и Белой. Об этом свидетельствует картография находок фибул и скульптурных бус, большинство которых происходит с памятников верховьев Ика (Сасыкульский могильник).

3. Третье обстоятельство запаздывания – само время бытования вещи в культуре. Вслед за P.Medgyesi (Гавритухин, 2001. С.46), можно полагать, что время использования вещи укладывается в пределы одного поколения (30 лет). Однако, на деле этот период, вероятно, был несколько больше.

Во-первых, мы имеем яркие примеры сочетания в одном погребении вещей различных эпох. В жертвенных комплексах мазунинского

времени иногда находят вещи пьяноборской культуры (Нива, погр.45; Покровка, погр.135, 258; Старо-Кабаново, погр.43; Усть-Сарапул, погр.45; Ангасяк, погр.4, 5, 49; Тураево, погр.39, 178; Старая Мушта, к.10, погр.6; к.15, погр.2 и др.). Жертвенный комплекс, сочетая в себе личные и дареные вещи, может в указанных случаях являться чем-то вроде шкатулки с фамильными драгоценностями.

Во-вторых, за исключением единичных спорных случаев, в пьяноборских погребениях мне не известно ни одной образцовой, «авторской» комбинации бус (ожерелье, задуманное и созданное мастером). Ближе всего к такой «авторской» композиции стоят находки ожерелий в погребениях 28 Икского, 81 Сасыкульского, 16 и 19 Старочекмакского могильников. Складывается впечатление, что бусы поступали в Прикамье уже отдельными экземплярами, и позволить их себе мог не каждый. Помимо этого, за время использования часть бус терялась и заменялась другими*. Косвенно отсутствие «авторских» ожерелий свидетельствует и о второй причине запаздывания.

Ввиду вышеизложенных причин необходимо корректировать раннюю дату распространения вещей не менее чем на 30-50 лет. Фактически, это исключает I в. до н.э. из датировок вещей в пьяноборских комплексах.

Как видно из таблиц (рис.1-6), большинство вещей, определяющих своеобразие и облик пьяноборской археологической культуры («имиджевые вещи культуры» – ажурные накладки, «шейные» подвески, полупронизки, поясные накладки, височные подвески), встречены в достаточно хорошо датированных комплексах. И датируются они временем после рубежа эр. Таким образом, из исходной схемы В.Ф.Генинга выпадает практически вся нижняя часть.

Из этого следует второе следствие: до нашей эры убедительно датируются лишь три(!) погребения Икского могильника. **Ранних комплексов II-I вв. до н.э. нет.** И разрыв между ананьинскими и пьяноборскими памятниками получается еще более значительным, чем представлялось В.А.Иванову (Стаматина, 2004. С.24).

Отсутствие четко датированных памятников переходного от ананьинского к пьяноборскому времени, пьяноборских погребений III в. до н.э., погребений второй половины II-I вв. до н.э. в значительной мере согласуется с проблемой hiatus III в. до н.э. в сарматских памятниках. Точки зрения на его причину, в целом, сводятся

* До сих пор исследователей не привлекал вопрос хронологической интерпретации состава сборных ожерелий из погребений.

к двум: 1) памятников просто нет; и 2) памятники не выделяются (Глебов, 2005. С.34). Первоначально в Прикамье противоречат многочисленным поселениям, на которых ананьинские слои перекрываются пьяноборскими без свидетельств значительных катаклизмов (за исключением обновления оборонительных сооружений).

Относительно второго, вероятно, прав А.С.Скрипкин (ссылающийся на А.П.Матвеева), что нестабильность в степи в III в. до н.э. (аридизация, падение Ахеменидов после битвы при Гавгамелах в 331 г. до н.э., походы Александра на Восток в 330-327 гг. до н.э., войны за его наследство и образование Парфянского царства) привела к нарушению устойчивых экономических связей, что на археологическом уровне отражается в потере надежных обоснований для узких датировок по привозным вещам (Мошкова, 2000. С.338-339; Скрипкин, 2000. С.245-246; Глебов, 2005. С.42).

Выводы. Обращаясь еще раз к схеме В.Ф.Генинга, можно сделать следующее заключение: большинство типов височных подвесок имеет надежные даты после рубежа эр. Исключения составляют подвески с лировидной привеской, происходящие из погребений Деуковского II и Чегандинского II могильников. Недостаточно оснований для датировки застежек с неподвижным крючком временем до н.э. Большинство типов представлено единичными экземплярами, однако присутствуют практически все варианты формы. По-видимому, ко времени после рубежа эр относятся абсолютно все типы ажурных накладок. Поясные наборы, украшенные 8-видными, прямоугольными и ромбическими накладками датируются I-II вв. н.э., что, кстати, делает их одними из самых ранних «организованных» поясных наборов на территории Евразии. Вполне возможно, что хронологическое значение при датировании эполеообразных застежек имеют не только и не столько количество жгутов, сколько форма бляхи. Различия в количестве жгутов отмечается только в застежках «традиционной» формы. Застежки же «нетрадиционной» формы – треугольные, зооморфные – исключительно маложгутовые. Однако и приведенные данные не дают однозначной возможности использовать эполеообразные застежки для датировок. В.Ф.Генингом верно отмечена тенденция к уменьшению «витковости» браслетов, но многовитковые (до 7 витков) вполне убедительно датируются нашей эрой.

Вероятно, и финальную дату пьяноборской культуры следует относить не ко II, а к III в. н.э. Именно в середине III в. н.э. в степях происходили значительные изменения, отразившиеся в

том числе, на облике материальной культуры Прикамья.

В целом же, несмотря на кажущуюся простоту, вопрос хронологии пьяноборья-мазунина далек от решения. Значительный интерес представляют работы Б.Б.Агеева и В.А.Иванова. В публикациях и рукописных заметках Б.Б.Агеева представлена блестящая доказательная база большинства хронологических неувязок пьяноборской культуры, но не сделаны выводы. В работах В.А.Иванова, наоборот, сделаны все важные выводы, но практически полностью опущены доказательства.

Приведенные в работе материалы не предлагают законченного решения вопроса – решение уже дано В.А.Ивановым. Это – набор наиболее ярких фактов, которые заставляют пересмотреть часть традиционных представлений. Среди насущных проблем можно отметить:

1) необходимость более подробной хронологии бусинных комплексов и внутренней хронологии состава ожерелий;

2) типология и хронология оружия, в том числе состава колчаных наборов;

3) выявление всех комплексов, содержащих надежные хроноиндикаторы (привозные фибулы, малочисленные категории бус, орнаментированные зеркала – значение более распространенных типов обесценивается именно их многочисленностью);

4) синхронизация пьяноборских (в восточном и западном ареалах), кара-абызских, мазунинских, азелинских древностей;

5) обоснование крайних дат мазунинской культуры и ее соотношения с АЭК средневековья.

Список литературы

Агеев Б.Б. К хронологии могильника Чеганда II // СА. 1976. №3. С.58-67.

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992.

Агеев Б.Б. Хронология и периодизация пьяноборской культуры // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: 1993.

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии. Уфа, 1985.

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушулевский могильник // Археологические работы в низовьях р.Белой. Уфа, 1986.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып.Г1-12. М., 1975.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып.Г1-12. М., 1978.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып.Г1-12. М., 1982.

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып.Д1-30. М., 1966.

- Арма тынская О.В.* Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986.
- Арма тынская О.В.* Новые исследования Икского могильника в устье р.Ик // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988.
- Арсеньева Т.М.* Некрополь Танаиса. М., 1977.
- Ашихмина Л.И., Клюева Г.Н.* Икский могильник – новый памятник пьяноборской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984.
- Васюткин С.М.* Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980.
- Васюткин С.М.* Исследования пьяноборских могильников в Западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982.
- Васюткин С.М., Калинин В.К.* Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р.Белой. Уфа, 1986.
- Васюткин С.М., Останина Т.И.* Старо-Кабановский могильник // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Ижевск, 1986.
- Гавриутхин И.О.* Хронология «среднеаварского» периода // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время. Донецк, 2001.
- Гей О.А.* Погребение сарматского времени у хут.Малаи // КСИА. Вып.186. 1986.
- Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.1. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. // ВАУ. Вып.10. Ижевск-Свердловск, 1970.
- Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.II Археологические памятники чегандинской культуры III в. до н.э. – II в. н.э. // ВАУ. Вып.11. Ижевск-Свердловск, 1971.
- Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э. М., 1988.
- Глебов В.П.* О некоторых проблемах хронологии раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // НАВ. 2005. Вып.7.
- Глухов А.А.* Типология и хронология зеркал среднесарматского времени (по материалам междуречья Волги и Дона) // НАВ. 2003. Вып.6.
- Голдина Р.Д.* Отчет о работах в Удмуртской АССР и Пермской области в 1985 г. Т.1. Тарасовский могильник. Ижевск, 1985 / НОА ИА РАН. Р-1. №10995.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т.2. Иллюстрации. Ижевск, 2003.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Предварительные итоги раскопок бескурганной части Тураевского I могильника // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. Ижевск, 2004.
- Дашевская О.Д., Голенцов А.С.* Кульчукский курган-кенотаф // КСИА. 1982. Вып.170.
- Иванов В.А.* Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980.
- Иванов В.А.* О времени функционирования могильников эпохи раннего железа в Приуралье // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.
- Клюева Г.Н.* Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Каракулинском и Сарапульском р-нах УАССР летом 1980 г. Ижевск, 1980. / НОА ИА РАН. Р-1. №8113.
- Литвинский Б.А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии) // Могильники Западной Ферганы. Вып.IV. М., 1978.
- Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х.* Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Т.3. Уфа., 1969.
- Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып.Д1-10. М., 1963.
- Мошкова М.Г.* Что такое III в. до н.э. в истории сарматов // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып.16. Азов, 2000.
- Останина Т.И.* Нивский могильник III-V вв. н.э. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978.
- Останина Т.И.* Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992.
- Пшеничнюк А.Х.* Биктимировский могильник // АЭБ. Т.2. Уфа, 1964.
- Пшеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т.5. Уфа, 1973.
- Пшеничнюк А.Х.* Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях р.Белой. Уфа, 1986.
- Скрипкин А.С.* Фибулы нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. №2.
- Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.
- Скрипкин А.С.* К дискуссии о взаимоотношениях сарматов и скифов // Историко-археологические исследования в Поволжье. Саратов, 1990.

					акурные накладки																		к. I в. до н.э. - III в. н.э.	
К/г 18	+		+					+																
К/г 75			+																					
К/г 10																								
К/г 11																								
К/г 72			+			+																		
Куш3 41				+																				
Куш3 67						+																		
Куш3 39						+																		
Куш3 180						+																		
Сас, 195																								
Чег, 89																								
Тар, 1049																								
Тар, 1099																								
Тар, 1243																								
Тар, 1289																								
Тар, 1435																								
Юлд, 89																								
Юлд, 6																								
Юлд, 64																								
К/г 4																								

Рис. 4. Таблица совстречаемости инвентаря погребений с бусами (по: Агеев, Мажитов, 1985; 1986; Васюткин, Калинин, 1986; Генинг, 1971; Голдина, 2003; Мажитов, Пшеничнюк, 1969; Пшеничнюк, 1986).

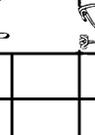
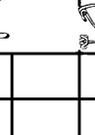
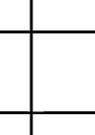
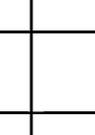
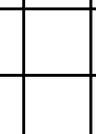
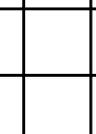
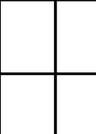
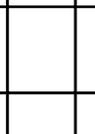
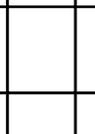
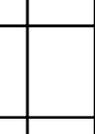
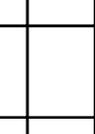
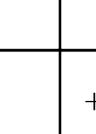
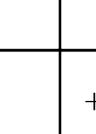
													
Сас, 10													1 / I в.
Сас, 43													/2 II в.
Сас, 164													сер. II - /2 II вв.
Н1, 211	+						+						
Сас, 309				+									
Чер, 38													
Сас, 139													/2 I - н. II вв.
Сас, 13													I-II вв.
Сас, 224													/2 II-III вв. н.э.
Н2, 15													
Н2, 76													
Сас, 281													
Сас, 253													
Сас, 144													
Сас, 75													III в.
Н2, 79													

Рис. 6. Таблица встречаемости инвентаря погребений с фибулами (по: Васюткин, Калинин, 1986; Генниг, 1971).

Н.С.Мясников

Чувашский государственный гуманитарный институт, г.Чебоксары

Е.Л.Ефимов

Чувашский государственный педагогический университет, г.Чебоксары

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ТАУТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЧУВАШИИ

Таутовский могильник известен в археологической науке с 1956 г. благодаря раскопкам Н.В.Трубниковой (Трубникова, 1958. С.230). Памятник был обнаружен жителями д.Таутово Аликовского района Чувашской Республики (рис.1) при выемке песка для хозяйственных нужд. Древний могильник располагался на краю высокого левого берега небольшой реки Чулуй-Щирми и впадающего в нее оврага. В одной из могильных ям балановского могильника эпохи бронзы было исследовано одиночное впускное женское погребение, датированное III-IV вв. н.э. Большая часть предметов из захоронения оказалась близка находкам из так называемых рязано-окских могильников (Кошибеевский, Сергачский, Армиевский), которые принято было считать древнемордовскими (Трубникова, 1958. С.241). Наиболее характерной находкой является височная привеска, бытующая у мордвы с раннего средневековья вплоть до современности. Антрополог М.С.Акимова считала, что и череп из Таутовского могильника имеет древнемордовские черты (Трубникова, 1958. С.240). Сама Н.В.Трубникова отмечала отсутствие прикамских пьяноборских черт в могильнике, что не было характерно для других памятников данной территории, и связывала Таутовское погребение с этнической группой, входившей в состав городищской культуры, но появившейся откуда-то с юга в первые века н.э. (Смирнов, Трубникова, 1965. С.24).

А.Х.Халиков предположил, что Таутовский могильник связан с перемещением в V-VI вв. н.э. именьковского населения, которое, как он полагал, вытеснило с верхней Суры часть древнемордовских племен с прамокшанскими чертами (Старостин, 1999. С.82). А.П.Смирнов высказал гипотезу, что таутовский материал связан с движением гуннов IV в. н.э., и увязывал его с более поздней бургасской топонимикой (Смирнов, 1961. С.117).

Вплоть до недавнего времени на месте могильника действовал карьер по добыче песка. Новые материалы были обнаружены в 2005 г. членами краеведческого кружка д.Чувашская Сорма под руководством Е.Л.Ефимова в разрушающейся стенке карьера, на расстоянии нескольких метров от раскопа 1956 г., и переданы

в Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Все предметы происходят из одного слоя, располагались компактно, хотя их точное расположение зафиксировать не удалось. Костяка не было обнаружено, но по составу находок и учитывая аналогии в археологических памятниках эпохи железа смежных территорий, с большой долей вероятности можно предположить, что данная серия предметов относится к мужскому захоронению железного века. Хотя, конечно, все выводы в силу случайности находки, будут относительны.

Из обнаруженных предметов наиболее интересны детали конской упряжи, и в первую очередь три бронзовые стержневидные псалия (трэнзеля), имеющие по два боковых выступа с отверстиями (петли) (рис.2). По оформлению концов и наличию дополнительных стержней псалии можно разделить на два типа. К первому типу относятся два прямых псалия со слегка расширяющимися прямообрубленными концами округлого сечения. Длина стержня около 10 см, толщина концов около 0,8 см. В центральной части довольно большой коррозированный железный ком – видимо, все, что, осталось от удила (рис.2, 1). Второй тип представлен оригинальным псалием, расширяющимся к концам в небольшие кольца с отверстиями сердцевидной формы. Их диаметр 1-1,3 см при длине стержня 14,3 см. В прямоугольные петли в центральной части псалия вставлены фасетированные бронзовые стержни длиной 9,8-9,9 см, на концах закрученные в кольца диаметром 0,7-0,8 см. На конце данных стержней в основании колец имеется по одной заклепке, а с обратной стороны ступки сильно коррозированного железа. Между петлями псалия расположены остатки железного кольца, бывшего, по всей видимости, частью удила (рис.2, 2).

Двухпетельчатые стержневидные псалии, подобные обоим типам, широко встречаются как в лесных, так и в степных культурах Восточной Европы. Псалии первого типа известны в пьяноборских погребениях Западного Приуралья (Генинг, 1970. С.83-84; табл. XI, 4; XVII, 12, 13; Иванов, 1984. С.20; Пшеничнюк, 1986. Рис.5, 10; Агеев, Мажитов, 1986. Рис.12, 12; Васюткин, Калинин, 1986. Рис.17, 5, 7). В.Ф.Генинг датировал

ет их I-II вв. н.э. (Генинг, 1970. С.84, 92), а Б.Б.Агеев – II-III вв. н.э. (Агеев, 1993. С.69; рис.3, 17.). Подобного типа псалии обнаружены во рву Троицкого городища на глубине III слоя (Смирнов, 1970. С.176; Табл.14, 21,24; рис.16, 25), что соответствует II-III вв. н.э. (Дубынин, 1970. С.54-60). Шесть подобных псалий имеются в коллекции Андреевского кургана сер. I – нач. II вв. (Гришаков, Зубов, 2009. С.23; рис.22, 2,6) и два происходят с «позднегородецкого» городища Пичке-Сорче I-III вв. (Смирнов, Трубникова, 1965. Табл.15, 20,21). Кроме того, I-II вв. н.э. датируются подобные псалии в сарматских древностях Дона (Медведев, 1990. Рис.12, 4; 18,2; 33, 6; 40, 2), II-III вв. – в Северном Приазовье (Шепко, 1987. Рис.8, 4). Псалиям второго типа мы не смогли обнаружить ни одной полной аналогии. Наиболее близкими к ним представляются прямые стержневидные трензели, концы которых раскованы в небольшие диски с отверстиями, но только без дополнительных стержней, вставленных в центральные петли. По мнению И.Р.Ахмедова, подобной формы псалии имеют сарматское происхождение (Ахмедов, 1995. С.97). Близкие по форме находки можно встретить в сарматских древностях Воронежской области (Гузина, 1961. С.246) и Северной Осетии (Кантемиров, 1981. С.64-67) II-I вв. до н.э., а также в материалах кара-абызской культуры в Башкирии, где они относятся к I в. н.э. (Мажитов, Пшеничнюк, 1969. С.79, 86). Аналогии псалиям данного типа с дополнительными выступами-шишечками на концах обнаружены в Андреевском кургане (Гришаков, Зубов, 2009. Рис.22, 5) и в сарматском кургане у с.Нижняя Добринка Волгоградской области (Сергацков, Захаров, 2006. С.121-122, рис.3, 2,3,6). В обоих случаях они датируются второй половиной I – началом II вв. н.э. Наиболее близкой аналогией можно считать бронзовые псалии с концами, оформленными в виде колец с очень похожим на таутовский сердцевидным мотивом из погребения 14 Ошкинского могильника III – начала IV вв. на р.Вятке (Лещинская, 2000. Рис.14, 31). Таким образом, в самом широком смысле подобного типа трензели можно датировать II в. до н.э. – началом IV в. н.э.

Кроме псалий, большой интерес представляют другие, также бронзовые, детали конской упряжи: пряжка с кольцом-приемником овальной формы, овальным в сечении, с прогнутым язычком и прямоугольной обоймой (рис.3, 1); три накладки-обоймицы (рис.3, 2-4), одна из которых имеет на конце завершение с отверстием сердцевидной формы, как на псалии типа 2, а по боковым сторонам – грани-фасетки; шесть двухсоставных шарнирных подвесок (рис.3, 5-10),

одна из которых заканчивается железным кольцом, другая прямоугольной фасетированной пластиной с насечками на передней стороне, еще две закругляются к концам, а две последние равномерно сужаются и также имеют по бокам грани-фасетки; прямоугольная пластина с загнутыми сторонами (псевдофасетки) и двумя обоймицами с двух сторон, вставленными в прямоугольные отверстия (рис.3, 11); четыре пронизки (ворворки или утяжелители плети) (рис.3, 11-15).

Подобного типа предметы конской упряжи, как и вещи поясной гарнитуры, являются весьма характерными для огромных территорий Евразийской степи и лесостепи. Можно говорить об использовании общеевропейского стиля при их изготовлении. На нашей территории ближайшие аналогии мы можем найти на азелинских и мазунинских памятниках конца пьяноборской эпохи. Такие характерные черты, как использование пластинчатой техники («индустрия жести»), своеобразная отделка ряда предметов небольшими срезами или насечками по граням пластин (фасетирование), короткий, не выступающий за пределы кольца-приемника, язычок позволяют говорить о стадии Ia первого периода эволюции поясной гарнитуры Прикамья I тыс. н.э. по В.Ф.Генингу, которую автор определял III-IV вв. н.э. (Генинг, 1979. С.104). Из ближайших аналогий можно выделить комплекс предметов конской упряжи из погребения 14 Ошкинского могильника с однотипными пряжками, пронизками, очень близкими накладками и подвесками. Погребение датируется Н.А.Лещинской III – началом IV в. н.э. По общему виду и орнаментации автор проводит параллели вещам подобного вида с сарматскими пряжками и ременными наконечниками Карпатского бассейна, Северного Причерноморья и Кавказа, а ряд венгерских ученых видят их прототипы в римских мастерских. (Лещинская, 2000. С.11, рис.14). Весьма близкие к таутовским «ракетовидные» и двусоставные шарнирные подвески и фигурный ременной наконечник обнаружены в древнемордовских древностях (погребение 6 Селик-сенского могильника), датируемых II-IV вв. н.э. М.Р. Полесских считает подобные предметы вариантом украшений из погребений алан в керченских склепах и женских украшений рязанских могильников (Полесских, 1959. С.209; рис.3, 17; 5, 5). Подобного типа подвески могли применяться одновременно и как наконечники уздечных ремней, что находит аналогии в материалах рязано-окских могильников. Там же встречены близкие к таутовским зажимы для крепления ремней оголовья и повода. И.Р.Ахмедов относит подобного типа вещи к III-V вв.

н.э. и усматривает аналогии им в азелинской культуре и Тураевском курганном могильнике (Ахмедов, 1995. С.98, 100; рис.3, 19-23; 4, 1). В целом подобного типа предметы конской упряжи можно датировать позднесарматским временем – II-V вв. н.э.

Был также обнаружен железный втульчатый наконечник дротика (копья) (рис.3, 16). Перо узкое, вытянутой подромбовидной формы, с ребром посередине, максимальное расширение имеет в нижней части, плечики невысокие. Сечение пера ромбовидное. Втулка круглая, обломана, железо подверглось сильной коррозии. Длина пера – 8,8 см, общая длина наконечника – 11,6 см. Весьма близкий по типу наконечник имеется в погребении 56 Андреевского кургана (Степанов, 1980. Рис.35, 5).

Последний предмет коллекции – небольшой почти целый лепной плоскодонный горшок, близкой к баночной формы, слабо профилированный, со слабовыпуклым плечиком (рис.3, 17). Поверхность сосуда бугристая, небрежно заглажена, светло- и темно-коричневого, черного и серого оттенков. Обжиг костровой, неравномерный. Тесто грубое, комковатое, возможно с шамотом. Орнаментация отсутствует. Пропорции сосуда (по классификации В.В.Гришакова): Д1:Н = 1,43; Д2:Н = 1,38; Д3:Н = 1,46; Д4:Н = 1; Н1:Н = 0,67; Н2:Н = 0,93 (Гришаков, 1993).

Наиболее близкие аналогии подобным сосудам можно встретить в материалах Андреевского кургана второй половины I – начала II в. н.э. (Гришаков, 1993. Рис.5, 7) и Пензенских могильников III – первой половины IV в. н.э. (Гришаков, 1993. Рис.8, 2,5), относящихся по классификации В.В.Гришакова к присурскому очагу керамических традиций, истоки которого нужно искать в местной позднегородецкой среде. По мнению автора, носители данной керамической традиции являются предками мордвы-мокши (Гришаков, 1993. С.124).

Таким образом, мы видим, что большая часть материала находит аналогии на огромных территориях и не является культууроопределяющей. Подобные вещи легко распространялись путем заимствования, торговли, обмена, военных захватов. Схожие предметы конского убора в первые века н.э. бытовали практически на всей территории евразийской лесостепи и связаны с усилением сарматского влияния на финно-угорский мир в целом, включением Волго-Камья в ареал общеевропейской и азиатской моды.

Можно было бы констатировать полное отсутствие в нашей коллекции уникальных, специфичных для той или иной культуры вещей, если бы не бронзовый псалий типа 2, аналогии которому еще предстоит найти.

Если же отталкиваться от керамики, которую исследователи считают наиболее надежным критерием, более других чувствительным к изменениям, происходящим в составе населения даже в железном веке (Вихляев, 1979. С.141), то следует признать ее типично древнемордовской (позднегородецкой), причем относящейся к Присурскому (прамоксанскому) очагу керамических традиций. Датировать данную коллекцию можно в широких рамках II – началом IV в. н.э.

Список литературы

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушулевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.

Агеев Б.Б. Хронология и периодизация пьяноборской культуры // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.

Ахмедов И.Р. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып.4. Рязань, 1995.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.

Вихляев В.И. О генезисе культуры южно-мордовских племен // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Саранск, 1979. (ТМордНИИЯЛИЭ. Вып.63).

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.I. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. // ВАУ. Вып.10. Ижевск-Свердловск, 1970.

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып.158.

Гришаков В.В. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола, 1993.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань, 2009.

Гущина И.И. Случайная находка в Воронежской области // СА. 1961. № 2.

Дубынин А.Ф. Троицкое городище // МИА. 1970. № 156.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М., 1984.

Кантемиров Э.С. Погребение сарматского воина II-I вв. до н.э. у с.Куртат СО АССР // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.

Лецинская Н.А. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке. Ижевск, 2000.

Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Т.III. Уфа, 1969.

Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990.

Полесских М.Р. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области // СА. 1959. № 4.

Пшеничнюк А.Х. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.

Сергацков И.В., Захаров П.Е. Сарматское погребение на севере Волгоградской области // РА. 2006. № 1.

Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья // МИА. 1961. №95.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура // САИ. 1965. Вып.Д1-14.

Смирнов К.А. Железные изделия Троицкого городища // МИА. 1970. № 156.

Старостин П.Н. Халиков А.Х. и его роль в финно-угроведении // FU. 1999. №1.

Степанов П.Д. Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). Саранск, 1980.

Трубникова Н.В. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 года // УЗ ЧНИИЯЛИЭ. Вып.XVI. Чебоксары, 1958.

Шепко Л.Г. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. 1987. № 4.

Рис. 1. Карта расположения Таутовского могильника.

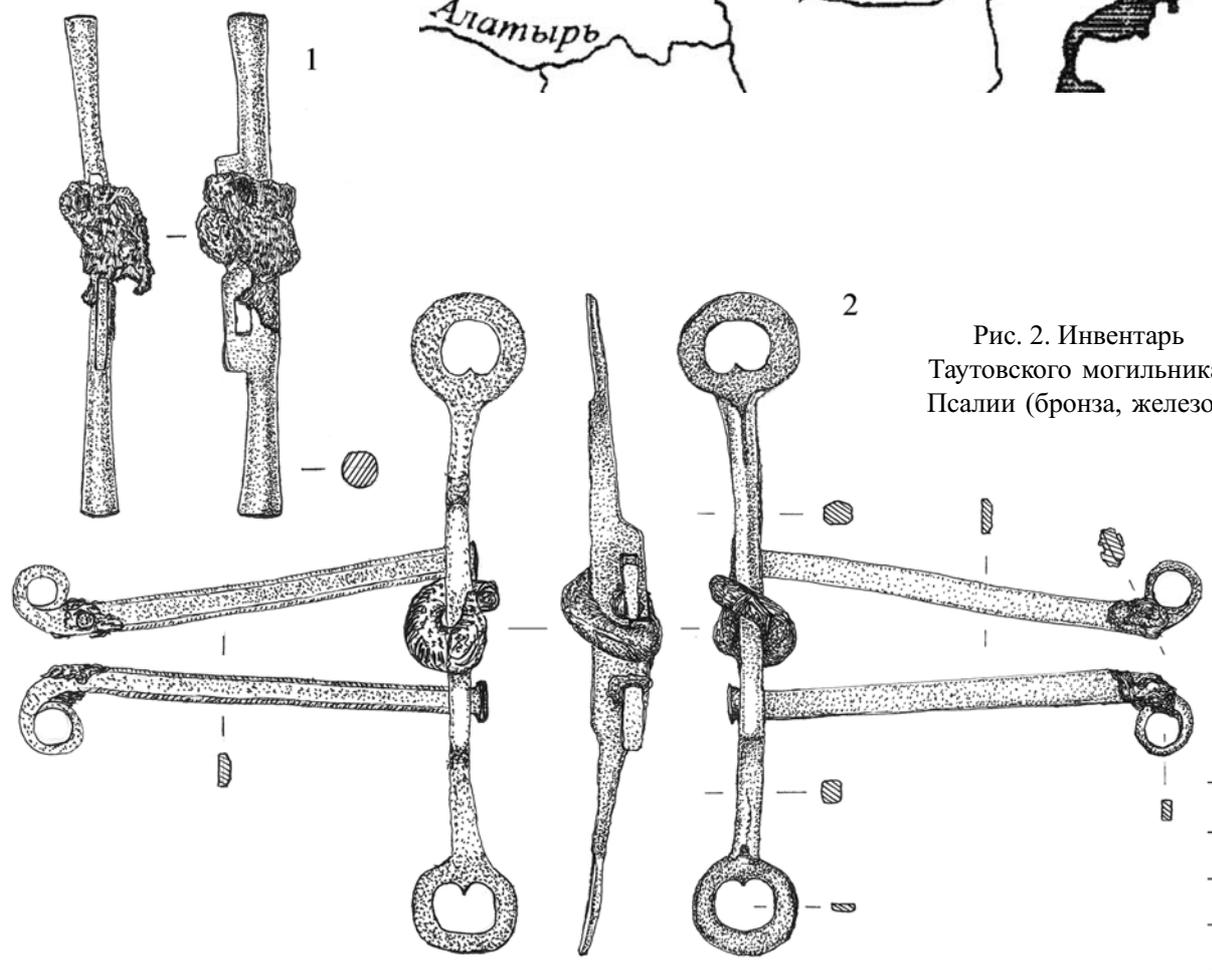

Рис. 2. Инвентарь Таутовского могильника. Псалии (бронза, железо).

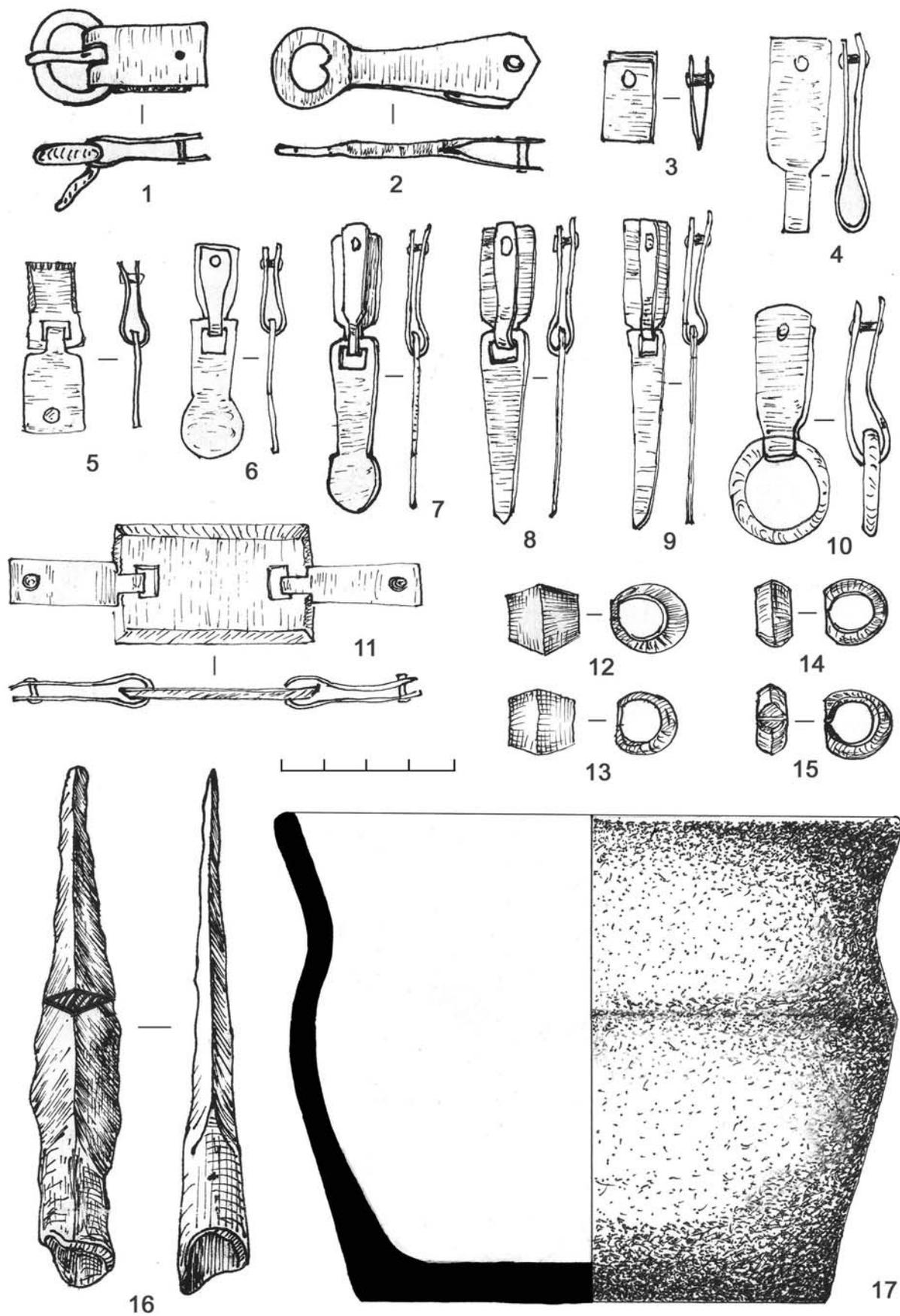

Рис. 3. Инвентарь Тауровского могильника: 1-15 – бронза, 16 – железо, 17 – керамика.

*Н.А.Лещинская**Удмуртский государственный университет, г.Ижевск***ЗАМЕТКИ ОБ АЗЕЛИНСКИХ ДРЕВНОСТЯХ
(В СВЯЗИ С ИССЛЕДОВАНИЯМИ П.Н.СТАРОСТИНА)**

В 1955 г. В.Ф.Генинг проводит археологические раскопки двух небольших, но уникальных по материалу могильников в бассейне р.Вятки – Азелинского и Суворовского некрополей. Одновременно им начаты исследования Буйского городища и обследован Сунцевский могильник. Полученные материалы позволили В.Ф.Генингу объединить новые памятники и уже ранее известные, близкие по характеру разрозненные источники середины I тыс. н.э. в рамках одного культурного массива. Так впервые в научный оборот было введено понятие «азелинская культура». В 1963 г. в свет выходит первое монографическое обобщение вятских материалов «Азелинская культура III-V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов» (Генинг, 1963). Автор, отмечая наибольшую концентрацию азелинских памятников в нижнем течении р.Вятки (Уржумский и Малмыжский районы Кировской области), определял общую территорию культуры как Волго-Вятское междуречье (Генинг, 1963. С.14). Основанием послужили раскопки в 1956 г. (руководитель А.Х.Халиков) близкого к вятским памятникам Мари-Луговского могильника на левом берегу р.Волги (в пределах нынешней Республики Марий Эл) и ряда памятников с территории современного Татарстана, которые В.Ф.Генинг включил в археологическую карту азелинской культуры (Генинг, 1963. С.125-133, №1-16). Среди последних преобладали материалы из дореволюционных раскопок или сборов: случайные находки, слабо документированные могильники, рекогносцировочно обследованные городища, часть из которых была отнесена к азелинскому времени предположительно. В связи с этим обстоятельством, только благодаря значительным полевым работам П.Н.Старостина на археологических памятниках предбулгарского времени в Татарии, сегодня мы можем аргументировать включение в зону распространения древностей азелинского типа территории преимущественно лесного Заволжья и Предкамья, частично береговой полосы Куйбышевского водохранилища в Центральном Закамье и Предволжье и выявить их особенности.

Наиболее значительные изыскания были проведены П.Н.Старостиным за период 1970-1976 гг. на погребальных памятниках: Гремячкинский (5 погребений, 1976 г.), Рождественский V (96

азелинских погребений, 1970-1976 гг.), Усть-Брыскинский (45 погребений, 1974, 1976 гг.), Нармонский (15 погребений, 1974 г.) могильники (Археологическая карта..., 1981, №№376, 387, 534, 661). Общая картина дополнялась поселенческими материалами. В 1965 г. П.Н.Старостиным открыто Кузькинское I селище на левобережье Камы и собран подъемный материал азелинского типа (Археологические памятники..., 1988, №141). На правобережье Камы проводятся небольшие раскопки городищ «Казанка I» (1966 г.) и Гремячий Ключ (1967 г.); в 1978 г. обследуется Соловцовское городище (Археологическая карта..., 1981, №№91, 132, 566). В процессе раскопок многослойного городища Черепашье (1985-86 гг.) был получен значительный азелинский комплекс (Старостин, 1987; Казаков, Старостин, 1988)*. В результате полевых работ П.Н.Старостина и других казанских археологов, прежде всего, на погребальных памятниках, была создана качественно новая источниковая база, позволяющая существенно дополнить наши представления о культурном круге древностей азелинского типа.

Полученные материалы датированы П.Н.Старостиным II-V вв. н.э. и объединены общим термином «азелинская культура» (Старостин, 1990. С.145; 1995). Судя по отдельным публикациям (Генинг, 1963. Рис.69; Старостин, 1981. С.111,112, рис.2; 3; Археологическая карта..., 1981. Табл. XII; XIII; Археологическая карта..., 1985. Табл. V, 9,14,16-18**; Археологические памятники..., 1988. Рис.7; Старостин, 2002. и др.), в общих чертах это согласуется с хронологией, разработанной для вятских древностей азелинского круга (Лещинская, 1995). Памятники первой половины I тыс. н.э. в бассейне р.Вятки Р.Д.Голдиной были объединены

* Приведена информация только о памятниках, сведения о которых были доступны автору статьи по опубликованным источникам, что не исчерпывает всего круга азелинских древностей Нижнего Прикамья.

** К сожалению, при формировании иллюстраций к данному тому «Археологической карты ТАССР» была допущена досадная неточность, в результате чего в табл. V включены три предмета (Археологическая карта..., 1985. Табл. V, 9,16,18), происходящие из могильника Атамановы Кости на р.Вятке (ср.: Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. №25. СПб., 1901. Табл. V, 1,9,12) (Прим. ред.).

в худяковскую культуру – вятский вариант пьяноборской общности (Голдина, 1987; 1999). Хронологические исследования и анализ динамики развития погребальной обрядности вятских памятников позволили наметить две четкие преемственные стадии внутри худяковской культуры – ошкинскую (I в. до н.э. – первая половина III в. н.э.) и азелинскую (вторая половина III – V вв.) (Лещинская, 1995. С.99-100). Азелинская культура, выделенная В.Ф.Генингом преимущественно по двум могильникам короткого временного периода IV – начала V вв. (Азелинский, Суворовский), не отражает всего многообразия новых источников на Вятке. Это позволяет считать их лишь хронологическим этапом в развитии древностей первой половины I тыс. н.э.

Азелинскому периоду вятских древностей в Нижнем Прикамье, по периодизации П.Н.Старостина (1990. С.145), соответствуют, в основном, средний (IV в.), поздний (V в.) и самый конец раннего (вторая половина III в.) этапов. При этом, судя по опубликованным прикамским материалам, основной массив памятников функционировал в III-IV вв. В связи с этим, вполне аргументировано выглядит вывод П.Н.Старостина, что в середине V в. (Старостин, 1990. С.145; 1995. С.83) или на рубеже IV-V вв. (Старостин, 1997. С.27) азелинское население с Нижней Камы отходит в более северные районы Волго-Вятского междуречья под натиском племен именьковской культуры. Проследить археологически продвижение прикамских племен в родственной среде волго-вятского населения достаточно сложно. Косвенно на это может указывать плотная концентрация памятников этого времени в нижнем и среднем течении р.Вятки (рис.1). Серия могильников IV-V вв. с ярко выраженной шумящей гарнитурой V в. в погребальном инвентаре появляется в марийском течении р.Волги (Никитина, 1999. Рис.1, №3-6). Постазелинских памятников VI-VIII вв. типа Концовского, Тат-Боярского могильников на Вятке, Шорунжинского могильника в бассейне верхней Илети, как отмечает П.Н.Старостин, на Нижней Каме нет (1990. С.145; 1995. С.83). Правда, при краткой характеристике результатов раскопок Рождественского V могильника, автор указывает его датировку как IV-VI вв. (Старостин и др., 1973. С.189; Старостин, 1975. С.177; Старостин, Габяшев, 1977. С.179), но без полной публикации материалов судить о функционировании азелинского некрополя в именьковское время не представляется возможным. При широком исследовании как азелинских, так и именьковских памятников во всех публикациях П.Н.Старостина отмечается отсутствие данных о контактах (прежде всего, этнических)

именьковских и азелинских племен. «Возможно, – пишет автор, – что отношения между рассматриваемыми группами населения складывались не совсем мирно. Свидетельством тому являются многочисленные именьковские городища на правом берегу р.Камы, многие из которых с очень мощными укреплениями – валами и рвами» (Старостин, 1997. С.29). Вместе с тем, есть веские основания говорить о так называемом «экономическом контактировании» – заимствовании нижекамским азелинским населением более высоких технологий именьковцев в области земледелия и металлообработки и их распространения на волжские и вятские земли. Еще В.Ф.Генинг, отмечая находку железного ральника в погребении 1 Азелинского могильника (Генинг, 1963. Табл. XXIV, 5), указывал на возможный импульс к появлению здесь пахотных орудий труда со стороны именьковцев. Археологические данные из значительного круга раскопанных именьковских поселений говорят о пашенном земледелии как ведущей отрасли хозяйственной жизни этого населения. На параллели в кузнечном производстве азелинской и именьковской культур указывали Н.Н.Терехова и Л.С.Розанова (Терехова и др., 1997). Исследования С.Е.Перевощикова по Еманаевскому городищу на р.Пижме (конец VII – X вв. н.э.) показали большой процент сходства по технологическим приемам средневековых вятских и именьковских кузнецов. Вероятно, импульс более совершенных технологий, полученный от именьковской культуры азелинскими племенами, был реализован уже на уровне ремесленных производств средневекового населения Вятки (Перевощиков, 2002. С.70,71).

Более сложен вопрос времени и причин начала функционирования азелинских древностей. Еще со времен дискуссии В.Ф.Генинга и А.П.Смирнова об обоснованности выделения азелинской культуры (Генинг, 1963; Смирнов, 1964) обозначились две точки зрения на проблему. А.П.Смирнов, вслед за М.Г.Худяковым, отрицал тезис о запустении бассейна Вятки на рубеже нашей эры, классические азелинские древности относил к поздней стадии (IV-V вв.) пьяноборской культуры. Мнением В.Ф.Генинга было смещение части чегандинского населения из Камско-Бельского междуречья на территорию вниз по Каме, вплоть до Волги и на Вятку и оформление здесь азелинской культуры. Последняя точка зрения поддерживалась Б.Б.Агеевым (1992. С.107-108), А.Х.Халиковым (1992) и другими исследователями, в том числе и П.Н.Старостиным.

В работах разных лет, затрагивающих азелинскую проблематику, П.Н.Старостин отмечает незаселенность территории Нижней Камы в пос-

леананьинское время. Отсутствие здесь комплексов чегандинского времени, редкие находки I-II вв., по мнению автора, не позволяют включать этот район в зону распространения пьяноборской культуры (Старостин, 1997. С.26). И лишь во II-III вв. здесь появляется азелинское население (Старостин, 1990. С.144) с явными позднечегандинскими традициями. Логическую стройность этой теории стали нарушать новые источники, полученные в Камско-Вятском междуречье в 1980-90-е гг. археологами Удмуртского государственного университета. Исследования КВАЭ Тарасовского некрополя I-V вв. в Удмуртском Прикамье (под руководством Р.Д.Голдиной) привели к выводу об эволюционной преемственности чегандинских и мазунинских традиций в рамках пьяноборской культурно-исторической общности, отсутствии четко фиксируемых крупных демографических или исторических изменений в крае (Голдина, 1999. С.225-226). Одновременно в Вятском крае был открыт и изучен Ошкинский могильник конца I – начала IV вв. н.э. (Лещинская, 2002), первый памятник в Волго-Камско-Вятском междуречье с четко документированными погребальными комплексами переходного типа от чегандинского времени к классическим азелинским древностям. Эти материалы подтвердили местные истоки памятников азелинского круга и своеобразии вятского пьяноборья как локального варианта (Лещинская, 2000. С.12-13). Если учитывать, что основной массив погребений Ошкинского могильника приходится на конец I-III вв. н.э., то сложно объяснить оформившуюся специфику материальной культуры и погребальной обрядности инфильтрацией во II в. н.э. на Вятку групп чегандинского населения из Камско-Бельского междуречья. Открытие Ошкинского могильника позволило объединить ранее разрозненные вятские материалы этого времени в единый культурно-хронологический пласт. Это могильники Городищенский, Воробьевский, Атамановы Кости и ряд погребений Первомайского, Худяковского некрополей и могильника Кордон. Им очень близки материалы, отнесенные П.Н.Старостиным к раннему (II-III вв. н.э.) этапу азелинских древностей на Нижней Каме: Ковалинские, Колкомерские находки (Генинг, 1963. С.128, рис.69), Сюкевский могильник (Археологическая карта..., 1985. Табл.V, 9,14,16-18), Мурзихинские II находки, находка с Бзяжковской I стоянки (Археологические памятники..., 1988. Рис.7, 7-10) и др.

Помимо погребальных комплексов интересные материалы были получены при изучении многослойных поселений на р.Вятке и ее притоках: Никульчинского, Кривоборского, Аргыжского и Буйского городищ. При исследовании позднеананьинского керамического комплекса пол-

ностью раскопанного Аргыжского городища (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002) В.В.Ванчиковым была выделена серия сосудов с раковинной примесью в тесте раннепьяноборского облика, стратиграфически приуроченная к верхним отложениям культурного слоя. Это сосуды с короткой вертикальной шейкой, плавно переходящей в слабо выпуклое тулово, и сосуды с прямой высокой раскрытой горловиной и слабо профилированным туловом. Их особенностью является низкая степень орнаментированности и отсутствие сочетания двух и более приемов нанесения декора на одном сосуде. По мнению В.В.Ванчикова, морфологические особенности этой керамики зарождались в «гладкой» позднеананьинской культурно-типологической группе посуды (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002. С.32, рис.31, 1-5). По своим характеристикам эта керамика отличается от другого аргыжского керамического комплекса. Последний представлен сосудами баночной формы с прямыми стенками без шеек (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002. С.73, рис.88, 1-3) и чашами со слабо отогнутой или прямой короткой шейкой и почти невыраженным плечиком (там же, рис.87, 3,7,8,12), либо с высокой прямой или слегка отогнутой шейкой и слабо раздутым туловом (там же, рис.87, 9,10; 88, 6,9). Сосуды редко орнаментированы: сквозные отверстия, оттиски гребенчатого штампа, ямки, шнур. Аргыжская посуда баночных форм близка сосудам из Мари-Луговского, Кордон, Худяковского могильников, а чашевидная – керамике Тюм-Тюмского, Вичмарского, Первомайского могильников и может быть датирована III-V вв. (Лещинская, 2002. Рис.10; 11). Этому соответствует и находка на Аргыжском городище клада IV-V вв. н.э. из бронзовых изделий (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002. С.65-69, рис.80-83). Таким образом, раннепьяноборский керамический комплекс с позднеананьинскими ремиссиями на Аргыжском городище, скорее всего, формировался на рубеже I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Подобная посуда была выявлена на Кривоборском (р.Чепца, правый приток р.Вятки) и Буйском (р.Буй, левый приток р.Вятки) городищах. На последнем найден значительный комплекс керамики с аналогичными аргыжскому характеристиками: это чашевидная и горшковидная посуда с разной степенью профилированности, с примесью раковины в тесте, низкой степенью орнаментированности, отсутствием сочетаний различных приемов нанесения декора (рис.2). Для буйской керамики, хронологически не выходящей за рубеж тысячелетий, более характерна орнаментация рядами круглых ямок или ямками, собранными в треугольники, ромбы (рис.2, 4,8,11,18).

I-II вв. н.э. может маркировать посуда с тенденцией в орнаментации к трансформации круглой ямки в подтреугольное вдавление (рис.2, 2,4,10,17), появлению редких оттисков гребенчатого штампа и шнура. Близкие аналогии описанной посуде прослеживаются в керамических комплексах III в. до н.э. – II в. н.э., прежде всего, на чегандинских и кара-абызских поселениях пьяноборской общности.

На Буйском городище подобная керамика коррелируется как с находками отдельных бронзовых изделий пьяноборского облика в культурном слое (рис.3, 1-10), так и двух кладов. Один обнаружен у внешней стенки раннепьяноборского жилища 4 и состоит из бронзовых украшений, среди которых есть как широко распространенные изделия – восьмеркообразные бляшки (рис.4, 3,5,6,8), ажурно-прорезная накладка (рис.4, 4) – с многочисленными аналогиями в чегандинских погребальных памятниках I в. до н.э. – II в. н.э., так и комплекс оригинальных нагрудных пластин, орнаментальные композиции которых выполнены в стиле украшений I в. до н.э. – II в. н.э. (рис.4, 2,7,9,10). Второй клад был зафиксирован вблизи вала, в производственной зоне Буйского поселка: 186 железных кельтов, 9 железных наконечников копий и 5 бронзовых гривен (рис.3, 11-13). Автор раскопок Л.И.Ашихмина датировала клад IV-III вв. до н.э. – II-III вв. н.э. (Ашихмина, 1987. С.118). Наиболее архаично в нем выглядят бронзовые гривны, которые по стилистике ближе к кара-абызским вариантам IV-III вв. до н.э. из Уфимского (Збруева, 1952. Табл.VI, 18) и Охлебининского (Пшеничнюк, 1968. Рис.6, 11) могильников Башкирии, чем к гривнам ранних погребений I-II вв. н.э. близкого к Буйскому городищу Ошкинского могильника. Более широкий хронологический диапазон дают кельты и наконечники копий, которые могли быть в обращении как в позднеананьинское время, так и в первых веках н.э., судя по материалам Андреевского кургана в Мордовии. Последний датируется разными исследователями I в. до н.э. – I в. н.э. (Степанов, 1973. С.91; 1980. С.26-44), I в. до н.э. – III в. н.э. (Кропоткин, 1969. С.35-36), I-II вв. н.э. (Вихляев, 2000. С.45-46). Кельты, как отмечает автор раскопок Буйского городища (Ашихмина, 1987. С.117-118), встречаются в материалах дяковской и городецкой культур Среднего Поволжья и Волго-Окского междуречья, а также в сарматских памятниках I-III вв. н.э.

Таким образом, появляется все больше оснований утверждать, что классическое вятское азелино сформировалось на местной ананьинско-раннепьяноборской основе и более ранние материалы переходного периода выявлены пока только здесь. Если принять этот факт, а также

культурное единство памятников первой половины I тыс. н.э. в Волго-Камско-Вятском междуречье, то р.Вятка и ее притоки были центральными землями, с которых шло освоение столь обширной территории. В какой-то мере это могло бы объяснить отсутствие на Нижней Каме, как в периферийной зоне, древностей рубежа I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Степень обоснованности такой схемы может быть выявлена при расширенной публикации как погребальных, так и поселенческих материалов.

Периферийное положение нижнекамских памятников определило ряд их специфических черт в погребальной обрядности и материальной культуре по сравнению с вятскими древностями азелинского времени. П.Н.Старостиным при раскопках Рождественского V, Усть-Брыскинского, Нармонского могильников выявлено значительное количество захоронений человека, сопровождаемых ритуальными останками коней, достигающее 40% (Рождественский V) – 47% (Нармонский). Череп и кости ног нижнего отдела конечностей одной лошади (реже двух-трех) располагались чаще в засыпи, реже на дне могилы (Старостин, 2002. С.21; Петренко, 2000. С.30-45). Исследования остеологического материала позволили А.Г.Петренко выявить наиболее часто встречаемые сочетания останков – череп, нижние челюсти и кости четырех ног нижнего отдела конечностей, реже – коленные чашечки, хвостовые и шейные позвонки. Наличие подобного биологического «комплекса» автор склонен рассматривать как захоронение шкуры коня (Петренко, 2000. С.30,81,82,86-88). Как правило, судя по публикациям П.Н.Старостина, захоронения с конем характеризуют мужскую, чаще воинскую субкультуру (Старостин и др., 1973. С.189), реже сопровождают женские и детские погребения. Большинство нижнекамских захоронений относится к IV в. (Старостин, 2002).

Подобные захоронения встречаются и в памятниках азелинского круга на левобережье марийского течения р.Волги. Более близки по основным характеристикам погребения IV в. (погр.14,39,40) Мари-Луговского могильника (Халиков, 1962. С.164, 170-172; Архипов, 1978. С.172-174), но здесь резко снижен по сравнению с Нижней Камой количественный показатель – 3 из 52 захоронений. В Уржумкинском (2 погребения из 35) и Арзобелякском (4 из 30) помимо уменьшения встречаемости захоронений с конем, чаще фиксируются только черепа или челюстные кости (Никитина, 1999. С.13). Узкую датировку погребений с конем этих памятников установить сложно, но, судя по опубликованным материалам, большинство захоронений было совершено в V в. н.э. Таким образом, можно

констатировать некоторое затухание и трансформацию обычая помещения ритуальных останков коня в поволжских погребениях. На Вятке захоронений с конем нет, за исключением погребения с могильника Атамановы Кости, материал которого имеет более раннюю дату (II – не позднее начала III в. н.э.).

В интерпретации появления этого обряда в среде финно-пермского населения и его всплеска в IV в. на Нижней Каме и Волге существуют различные точки зрения. Чаще в научной литературе звучало мнение о кочевническом, преимущественно, позднесарматском воздействии (А.П.Смирнов, А.Х.Халиков, Г.А.Архипов). А.Г.Петренко указывает на данный обычай как на элемент кочевой традиции либо тюрок, либо угров, а находки костей овцы (погр. 13 Мари-Луговского могильника) считает элементом кочевников юга (Петренко, 2000. С.88). П.Н.Старостин уже при раскопках Рождественского V могильника отмечал, что погребения с частичными захоронениями коня «свидетельствуют о тесных контактах азелинских племен с кочевым миром» (Старостин и др., 1971. С.142). Правда, наиболее интенсивное позднесарматское влияние автор считал характерным более для ранних этапов азелинской культуры на Каме (Старостин, 1990. С.145; 1995. С.83). Совершенно справедливы замечания П.Н.Старостина, что, помимо возможности широкого использования коня азелинцами в военном деле в политически нестабильном районе Нижнего Прикамья, существовала и внутренняя социально-экономическая обусловленность появления этого обряда (развитие земледелия, повышение роли коневодства) (Старостин, Петренко, 1984. С.105-106; Старостин, 2002. С.24). Свидетельством тому является и широкое распространение образа коня в металлической пластике начиная со II в. в бассейне р.Вятки, где нет таких захоронений.

П.Н.Старостин не исключает, что истоки погребального обряда с ритуальными останками коня связаны с носителями памятников андреевско-писеральского круга (Старостин, 2002. С.25). Хронологически эта параллель больше соответствует появлению на Вятке захоронения с конем в могильнике Атамановы Кости. Но вектор поиска аналогий представляет несомненный интерес, особенно в связи с активно обсуждаемой сейчас темой западного, юго-западного направления контактов этносов Поволжья и Приуралья. Характер, особенности этих контактов были обусловлены тремя миграционными волнами из областей пшеворско-черняховского культурного ареала в связи с вельбаркской (готской) миграцией в Причерноморье (Матвеева, 1986; 2002; Седов, 1994). Продвинувшееся в

Приуралье население, по мнению Г.И.Матвеевой, было «смешанным, неоднородным в этническом отношении, но в основном это были подвергшиеся готскому влиянию ираноязычные сарматы и славяноязычные племена» (Матвеева, 2002. С.95). О возможном смешанном готославянском облике этих племен пишет Р.Д.Голдина (2002. С.48). Относительно памятников азелинского времени на Вятке уже неоднократно отмечалось (Р.Д.Голдина, Н.А.Лещинская), что в конце III в. и, преимущественно, в IV в. здесь появляются воинские захоронения с богатым набором вооружения (шлемы, кольчуги, «косы-горбуши» и др.), поясной гарнитурой западного производства или выполненной по западным образцам. Ряд исследователей (И.А.Бажан, И.О.Васкул) склонны считать подобные находки результатом импорта в лесную зону Восточной Европы из областей пшеворской, западно-балтской, вельбаркской культур. Р.Д.Голдина считает появление Азелинского и Суворовского могильников результатом прямого вторжения на Вятку отдельных групп второй миграционной волны, а воинские захоронения Худяковского могильника – итогом опосредованных контактов (Голдина, 1999. С.264-268). Следы внедрения пришлых групп третьей миграционной волны видятся автору в появлении воинских захоронений V в. на Первомайском, Тюм-Тюмском могильниках Вятки (Голдина, 1999. С.271-271). Мне уже приходилось высказываться, что вряд ли единичные воинские захоронения с импортным вооружением могут свидетельствовать о серьезных миграционных потоках в Вятский край (Лещинская, 2002а. С.111). Однако в нижекамском ареале азелинских памятников складывается несколько иная ситуация. Даже судя по информационным сообщениям о раскопках Рождественского V могильника (Старостин, Габяшев, 1977. С.179), воинская субкультура, включая образцы западного производства, была выражена здесь ярче, чем на Вятке, дополнялась находками бронзовых котлов, римских монет (Габяшев и др., 1976. С.16). В погребениях 14 и 15 Нармонского могильника встречены две подвески-лунницы (Старостин, 2002. Рис.13, 10; 14, 2), близкие к экземпляру из бескурганной части Тураевского могильника (Голдина, 1999. С.274, рис.131, 15), имеющему аналогии в киевских и вельбаркских материалах (Гей, Бажан, 1997. С.40, табл.37, 6). Учитывая большой процент захоронений с конем в нижекамских могильниках, а также зафиксированную на Усть-Брыскинском могильнике курганную насыпь с центральным погребением, сопровождаемым остатками коня, (Старостин, 2002. С.19-20), есть все основания говорить о включении в конце III

– IV вв. н.э. в финно-пермскую среду в Нижнем Прикамье пришлых групп. Этническую составляющую пришлого населения без полной публикации материалов определить однозначно достаточно сложно. Можно лишь говорить о населении, чьи культурные традиции формировались в полиэтничной среде, вобравшей в себя элементы как западного, так и восточного мира, под сильным воздействием римской культуры. Вектор направления движения этого населения, вероятно, затрагивал земли постгородецких культур Западного Поволжья. Результатом интеграции западных (зарубинецко-пшеворских), пьяноборских, городецких компонентов считает Г.И.Матвеева появление курганных могильников типа Андреевского в Мордовии (Матвеева, 1986. С.160). Рязано-окские вещи в нижекамских азелинских могильниках (постгородецкий компонент по П.Н.Старостину) могли быть интегрированы в финно-пермскую среду не только в результате прямых контактов с постгородецкими племенами, но и пришлыми группами (погребение 6 Нармонского могильника: захоронение с конем, находки бронзового котла и поволжской фибулы) (Старостин, 2002. Рис.8).

Вероятно, ассимиляционные процессы на Нижней Каме проходили достаточно быстро. Часто погребения с конем на Нармонском могильнике сопровождаются типично азелинскими вещевыми комплексами (погр.10), керамикой (погр.3, 14) (Старостин, 2002, рис.6Б; 12; 13Б). Не получает распространения курганный обряд захоронения. Обычай погребения человека с останками лошади в V в. трансформируется и затухает на волжских памятниках и совсем не фиксируется на Вятке.

Таким образом, азелинские материалы на Нижней Каме фиксируют более разносторонние и многоплановые формы взаимодействия финно-пермского населения с другими этносами, чем вятские памятники. Однако направления, формы, степень внедрения инокультурных импульсов можно будет обозначить и оценить по мере введения археологических источников в научный оборот. В своих ранних публикациях специфику нижекамских азелинских памятников П.Н.Старостин определял как локальное своеобразие (1974. С.31) или локальный вариант (1975а. С.102-103). Не вдаваясь в остро дискуссионную проблему теоретико-методологического обоснования выделения «археологической культуры» и «локального варианта» как таксономических единиц, замечу, что, более приемлемо в данном случае говорить о локальном (в понятии территориальном) своеобразии нижекамских памятников, обусловленном их периферийным положением относительно тер-

ритории худяковской культуры азелинского этапа (по Р.Д.Голдиной, Н.А.Лещинской) или азелинской культуры (по П.Н.Старостину). Специфические элементы на памятниках Нижней Камы не являлись структурообразующими и не меняли сущностно-доминантных характеристик культуры как целостной системы.

В заключение неполного экскурса в азелинскую проблематику, мне бы еще раз хотелось подчеркнуть, что многие аспекты истории финно-пермского населения Камско-Волго-Вятского междуречья невозможно было бы осветить без исследований П.Н.Старостина. Максимальный ввод в научный оборот богатейших материалов нижекамских памятников первой половины I тыс. н.э., несомненно, обогатит приуральскую археологию. Хочется пожелать творческих успехов на этом поприще Петру Николаевичу, его ученикам и коллегам.

Список литературы

- Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа, 1992.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. М., 1981.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. М., 1985.
- Археологические памятники Центрального Закамья. Казань, 1988.
- Архинов Г.А.* Захоронения с конем I тысячелетия н.э. в Марийском Поволжье // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Ашихмина Л.И.* Клад с Буйского городища // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск, 1987.
- Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000.
- Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А.* Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
- Гей О.А., Бажан И.А.* Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
- Генинг В.Ф.* Азелинская культура III-V вв.: Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов // ВАУ. Вып.5. Свердловск – Ижевск, 1963.
- Голдина Р.Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Голдина Р.Д.* Исторические истоки и опыт толерантности народов Прикамья в древности

и средневековье // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. №30.

Казаков Е.П., Старостин П.Н. Работы Раннеболгарской экспедиции // АО 1986 года. М., 1988.

Кропоткин В.В. Римские импорты из Андреевского кургана в Мордовской АССР // КСИА. 1969. Вып.119.

Лещинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р.Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995.

Лещинская Н.А. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке / Серия препринтов «Научные доклады сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции». Вып.2. Ижевск, 2000.

Лещинская Н.А. К вопросу об этнической специфике памятников Вятского бассейна I – начала II тыс. н.э. // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск, 2002.

Лещинская Н.А. Этнокультурные связи населения бассейна р.Вятки в I тысячелетии н.э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002а.

Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Куйбышев, 1986.

Матвеева Г.И. К вопросу о характере взаимоотношений различных этнических групп на территории Южного Приуралья в первой половине I тысячелетия нашей эры // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002.

Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) // ТМАЭ. Т.5. Йошкар-Ола, 1999.

Перевоицков С.Е. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). Ижевск, 2002.

Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань, 2000.

Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // АЭБ. Т.3. Уфа, 1968.

Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.

Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1994.

Смирнов А.П. (Рецензия) В.Ф.Генинг. Азелинская культура III-V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов // СА. 1964. №4.

Старостин П. Об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в первой половине I тыс. н.э. // Finno-Ugrica (Казань). 1997. №1.

Старостин П.Н. Изучение памятников предболгарского времени в Нижнем Прикамье в 1973-1974 гг. // Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание (Тезисы). Казань, 1974.

Старостин П.Н. Изучение азелинских могильников в Нижнем Прикамье // АО 1974 года. М., 1975.

Старостин П.Н. О некоторых особенностях азелинских могильников Нижней Камы // Новейшие открытия советских археологов (Тезисы докладов конференции) Ч.3. Киев, 1975а.

Старостин П.Н. Гремячинский могильник // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.

Старостин П.Н. Работы Предболгарской экспедиции // АО 1985 года. М., 1987.

Старостин П.Н. Население Нижнего Прикамья в середине I тыс. н.э. // Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum. Debrecen, 1990.

Старостин П.Н. Финно-угры Нижней Камы в середине I тыс. н.э. // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995.

Старостин П.Н. Нармонский могильник. Казань, 2002.

Старостин П.Н., Габяшев Р.С. Работы на памятниках предболгарского времени // АО 1976 года. М., 1977.

Старостин П.Н., Косменко М.Г., Халиков А.Х., Казаков Е.П. Работы в зоне Куйбышевского водохранилища // АО 1972 года. М., 1973.

Старостин П.Н., Петренко А.Г. О погребениях с остатками коня Рождественского V могильника // АЭМК. 1984. Вып.8.

Старостин П.Н., Халикова Е.А., Халиков А.Х. Работы в зоне Куйбышевского водохранилища // АО 1970 года. М., 1971.

Степанов П.Д. Воинские трофеи в погребениях Андреевского кургана Мордовской АССР // КСИА. 1973. Вып.136.

Степанов П.Д. Андреевский курган. Саранск, 1980.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // ТМАЭ. Т.2. Йошкар-Ола, 1962.

Халиков А.Х. Об азелинско-ананьинской подоснове этногенеза марийского народа // АЭМК. Вып.21. Йошкар-Ола, 1992.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргызское городище на реке Вятке. М., 2002.

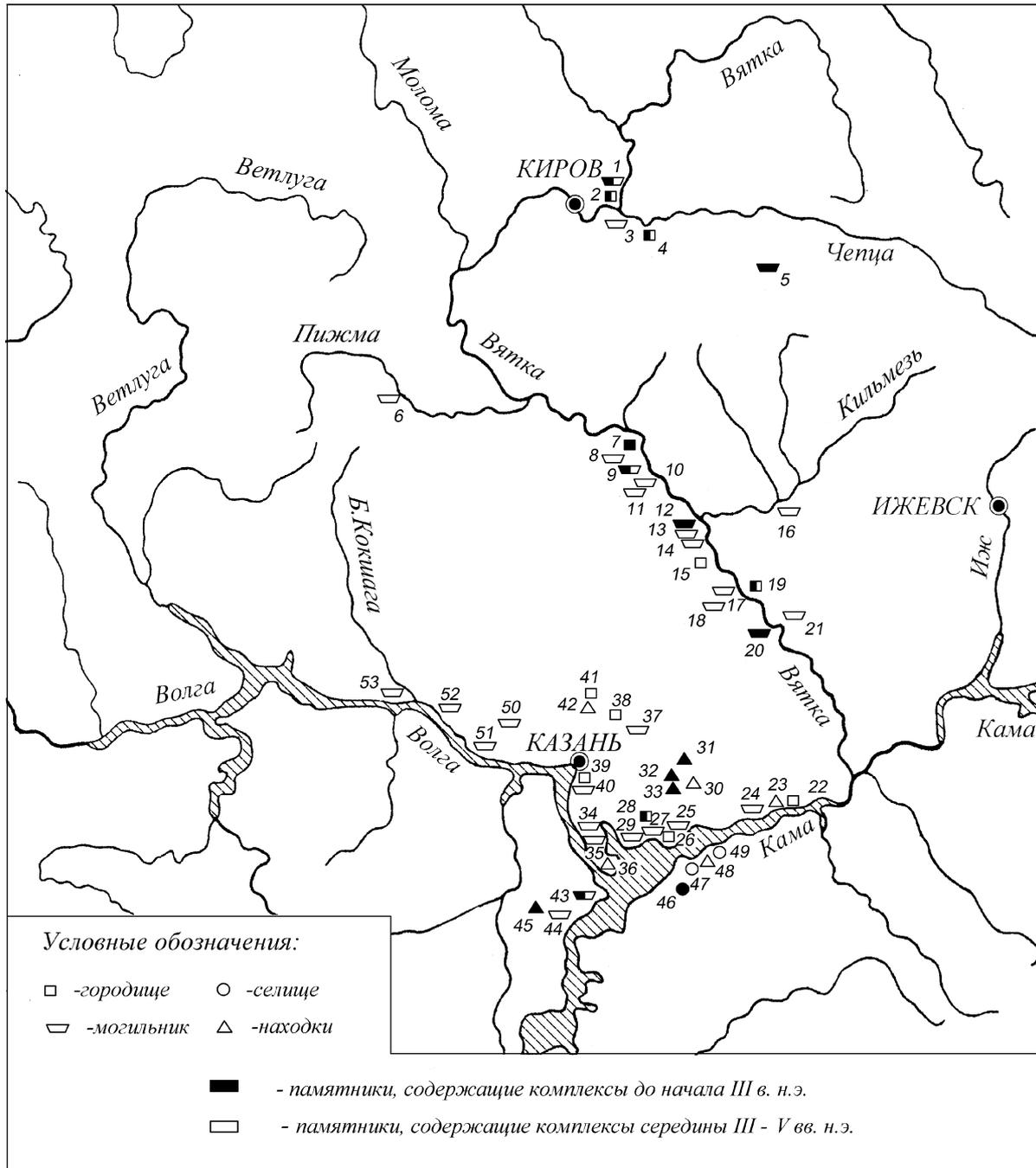

Рис. 1. Карта-схема распространения памятников азелинского круга. 1 – Первомайский м-к; 2 – Никольское гор.; 3 – Боевский м-к; 4 – Кривоборское гор.; 5 – Городищенский м-к; 6 – Худяковский м-к; 7 – Буйское гор.; 8 – Суворовский м-к; 9 – Ошкинский м-к; 10 – Красный Ключ м-к; 11 – Уржумский м-к; 12 – Тюм-Тюмский м-к; 13 – Воробьевский м-к; 14 – Хлюпинский м-к; 15 – Ройское гор.; 16 – Вичмарский м-к; 17 – Сунцевский м-к; 18 – Азелинский м-к; 19 – Аргыжское гор.; 20 – Атамановы Кости м-к; 21 – Кордон м-к; 22 – Черепашье гор.; 23 – Урахчинские находки; 24 – Гремячкинский м-к; 25 – Масловский м-к; 26 – Гремячеключинское гор.; 27 – Именьковский II м-к; 28 – Именьковское гор.; 29 – Усть-Брыскинский м-к; 30 – Янцеварские находки; 31 – Ковалинские II находки; 32 – Киябчинские II находки; 33 – Колкомерские II находки; 34 – Нармонский м-к; 35 – Рождественский V м-к; 36 – Ташкирменские III находки; 37 – Айшинский м-к; 38 – Соловцовское гор.; 39 – Казанка I гор.; 40 – Казанский I (старый стекольный завод) м-к; 41 – Ашиязское гор.; 42 – Верхневерескинские находки; 43 – Сюкеевский м-к; 44 – Тетюшский II м-к; 45 – Шемякинские III находки; 46 – Базяковская I стоянка; 47 – Кузькинское I селище; 48 – Мурзихинские II находки; 49 – Саконская VII стоянка; 50 – Лушморский м-к; 51 – Мари-Луговойской м-к; 52 – Арзобелянский м-к; 53 – Уржумкинский м-к

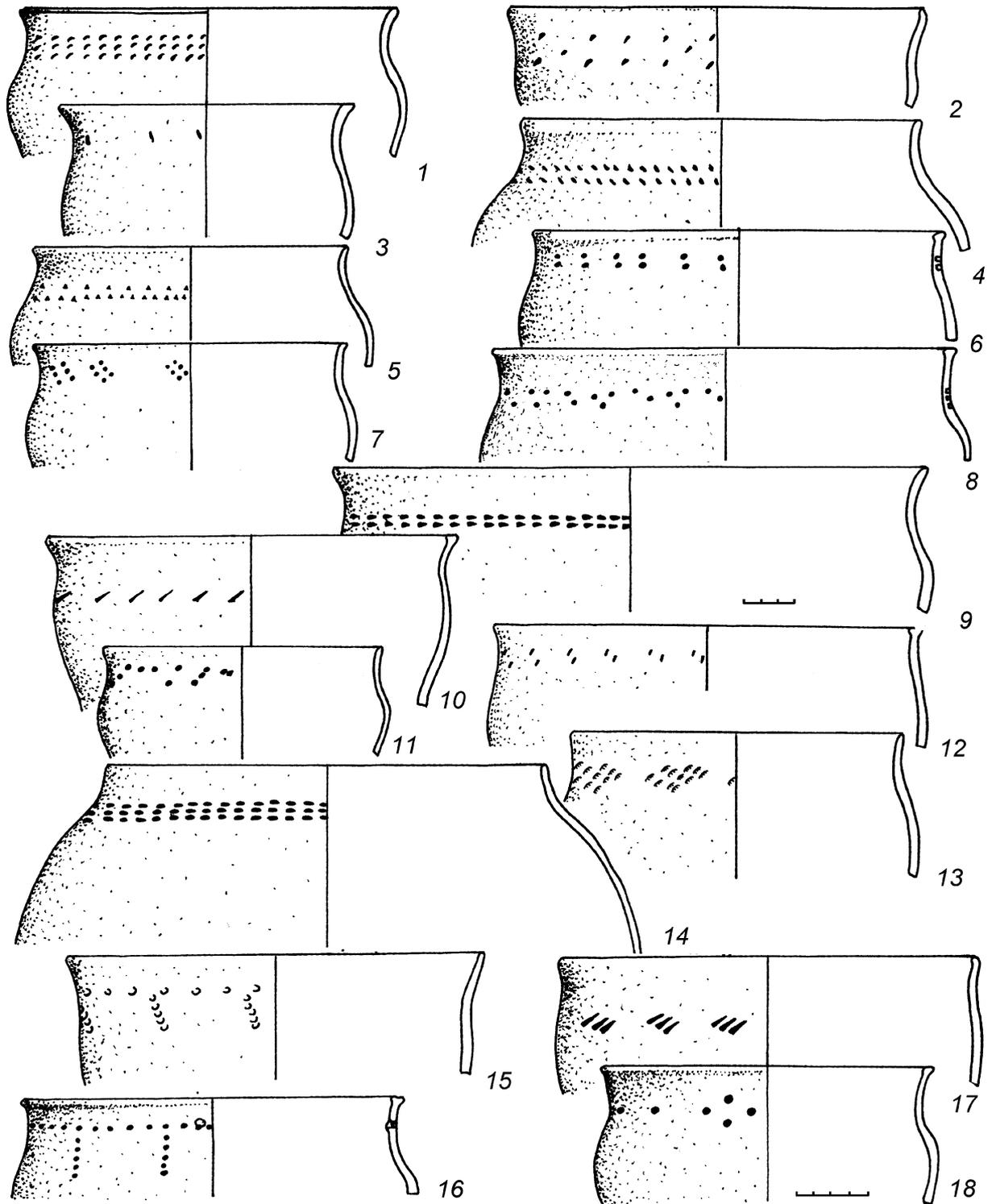

Рис. 2. Буйское городище. Комплекс керамики рубежа I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

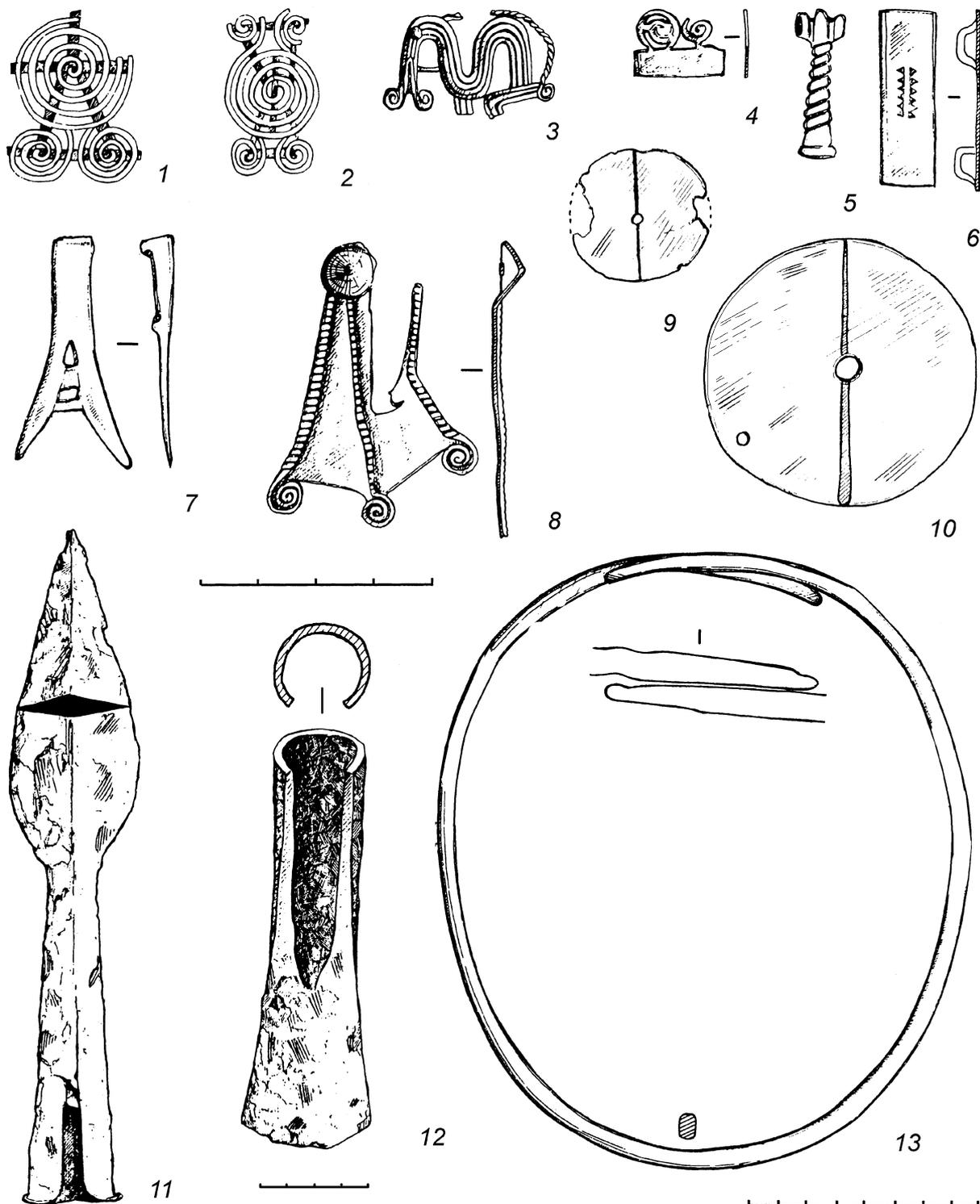

Рис. 3. Буйское городище. Вещевой комплекс рубежа I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.:
 1-10 – отдельные бронзовые изделия из культурного слоя; 11-13 – клад из железных кельтов,
 наконечников копий и бронзовых гривен

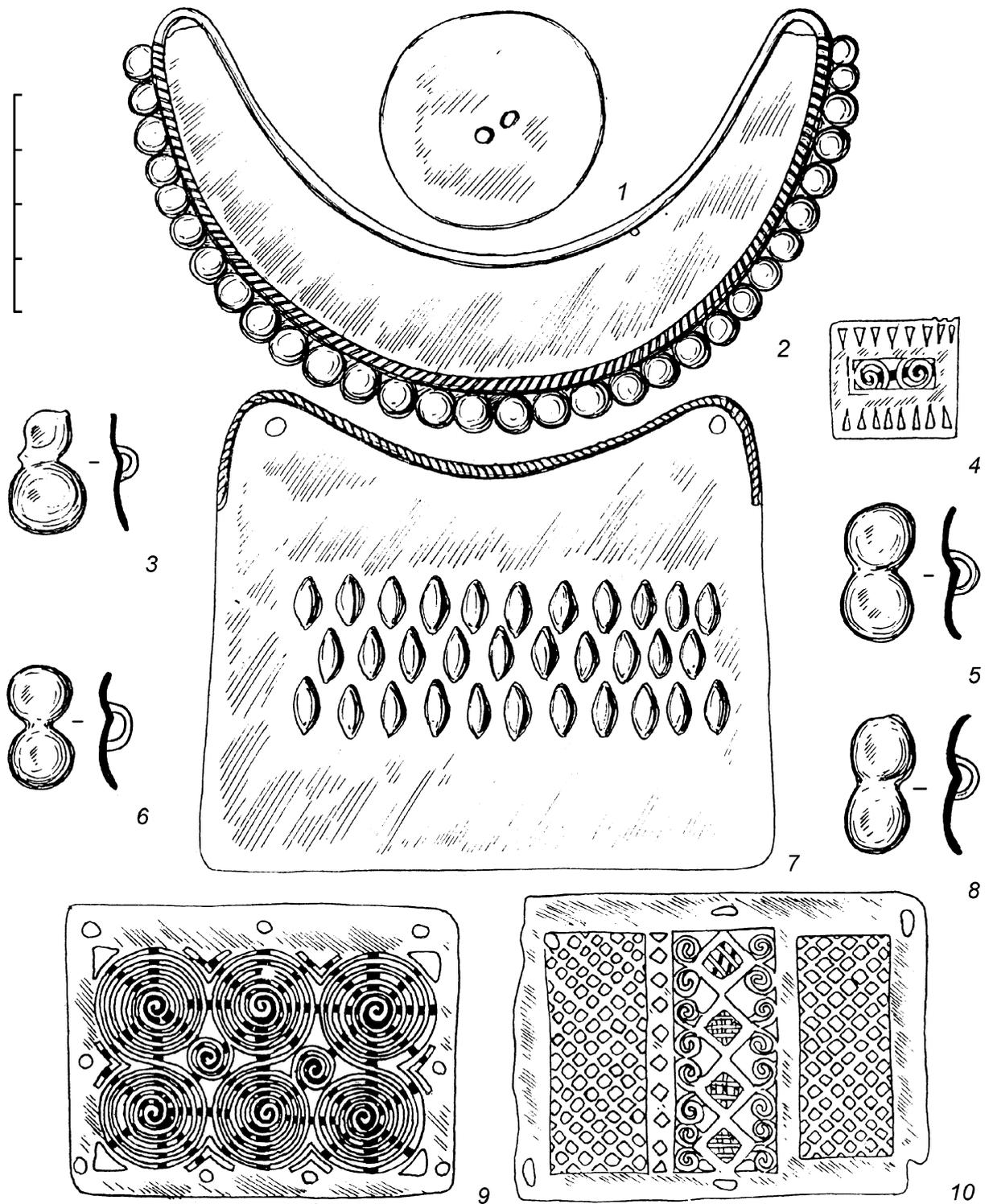

Рис. 4. Буйское городище. Клад из бронзовых украшений

Р.В.Матвеев

*Национальный центр археологических исследований Института истории
им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, г.Казань*

ОЧЕРК ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ ВОЛГО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ III-V вв. н.э. (ОРУЖИЕВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Эпоха великого переселения народов – время, давно привлекающее внимание археологов. Материальная культура, дошедшая до нас от этого периода, показывает пестроту и разнообразие стилевых предпочтений отдельных групп населения, соотносимых римлянами с варварским миром. Наш очерк посвящен истории изучения азелинской археологической культуры, существовавшей на дальней периферии Барбарикума в ограниченной географии и временных рамках, а именно: в Волго-Вятском междуречье в III-V вв. н.э. Особый акцент хотелось бы сделать на историографии изучения предметов вооружения, распространенных в азелинской среде. Мы говорим, главным образом, о погребальных памятниках (другие практически и не исследовались).

В изучении азелинской культуры традиционно выделяется два этапа:

1. от публикации первых сведений об азелинских древностях до выделения их в культуру (1881-1955 гг.);

2. от оформления концепции азелинской культуры В.Ф.Генингом (Генинг, 1956а; 1956б; 1958; 1959; 1963) и до современности.

Первой научной работой, отправной точкой исследования археологических памятников Волго-Вятского междуречья III-V вв. н.э. является публикация результатов раскопок в 1881 г. грунтового могильника «Атамановы кости» в Малмыжском уезде Вятской губернии (ныне – Кировской области) этнографом и лингвистом С.К.Кузнецовым (Кузнецов, 1882. С.395-410). Он вскрыл одно погребение, закупил у крестьян довольно много вещей, которые те извлекли из могильника раньше – эполетообразную застежку, шумящие подвески, трехлопастной металлический наконечник стрелы. Инвентарь погребения, раскопанного С.К.Кузнецовым, типичен для захоронений азелинской культуры: железные пряжки, ножи небольших размеров, шило (Кузнецов, 1882. С.406).

Неподалеку от могильника, на осыпавшемся берегу р.Вятки, было собрано еще несколько пряжек, бусин, железных ножей, кельт. Интересен рассказ С.К.Кузнецова о предметах, которые ему показал крестьянин П.Плаксин. Последний в 1860-х гг. самостоятельно разгребил

несколько захоронений, похитил из них множество железных и медных наконечников стрел, наконечников копий с иволистным пером, длинной тульсёй и кольцом на втулке. Помимо этого, по сообщению С.К.Кузнецова, Плаксин говорил о наличии у него железного щита, двух мечей с прямыми перекрестиями, ламеллярного доспеха из металлических полос, кольчуги (Кузнецов, 1882. С.400).

Изначально исследователь заключил, что могильник относительно недавний – не старше трехсот лет (Кузнецов, 1882. С.404). Позднее он отнес его уже к бронзовому веку (Кузнецов, 1882. С.409). Вопрос о датировке могильника сразу же был подвергнут сомнению. А.А.Спицын, судя по вещам, предположил начало его функционирования в постпьяноборское время (Спицын, 1893. С.157-159). А.М.Тальгрэн отмечал, что эполетообразные застежки, аналогичные находившимся в погребении, существуют с рубежа новой эры и выходят из употребления в начале V в. (Тальгрэн, 1920. С.98). Артефакты, найденные С.К.Кузнецовым и купленные у крестьян, опубликованы А.А.Спицыным (1901).

В начале 1890-х гг. разрозненные азелинские вещи из Айшинского и Старостекольногозаводского могильников были приобретены у крестьян коллекционером В.И.Заусайловым. Ныне они находятся в Национальном музее Финляндии в г.Хельсинки, опубликованы А.М.Тальгреном (Tallgren, 1919). В 1900 г. у д.Масловка Лаишевского уезда (ныне Рыбнослободский район РТ) крестьяне в ходе строительства амбаров вскрыли 19 погребений, вещи из которых явно относились к азелинской культуре (Генинг, 1963. С.126-127).

В 1928 и 1949 гг. Н.Ф.Калинин частично исследовал Сюкеевский могильник (Чачлы-Куль) (Калинин, 1929, С.113-116; Генинг, 1963, С.132-133). Небольшие по площади раскопки Воробьевского и Вичмарского могильников произвели М.Г.Худяков и Е.И.Горюнова (Худяков М.Г., 1929, С.70-79; Горюнова, 1934а, С.156-158.). И.Г.Худяков посещал Азелинский могильник, отмечая необходимость его серьезного изучения (Худяков И.Г., 1934, С.168-169). В 1929 г. Е.И.Горюнова обследовала также Мари-Луговской могильник, семь погребений которого, она датировала IV-VI вв.н.э. (Горюнова, 1934б, С.41-96)

В силу того, что изучение этих памятников носило не целенаправленный, во многом случайный характер, и вскрывалось незначительное количество погребений, полученные к 1940-м гг. материалы – немногочисленные поясные накладки, украшения, бусы, единичные элементы вооружения, экипировки, орудия труда – долгое время считали относящимися к пьяноборской культуре. Именно в таком ключе их рассматривал А.П.Смирнов в своей монографии, завершающей первый этап изучения азелинских древностей (Смирнов, 1952. С.244-246).

С началом планомерных раскопок широкими площадями Азелинского (давшего название культуре) и Суворовского могильников В.Ф.Генингом в 1955 г. (Генинг, 1956а; 1958; 1963), Мари-Луговского могильника А.Х.Халиковым и Г.А.Архиповым в 1956, 1962, 1963 гг. (Архипов, Халиков, 1960; Халиков, 1962) появились предпосылки к выделению азелинской культуры. В ходе этих изысканий было получено достаточное количество разнообразных материалов, показывающих самобытность населения, оставившего эти некрополи, а главное – позволяющих уточнить хронологию памятников азелинского типа.

Поэтому уже с середины 1950-х гг. В.Ф.Генинг в письменных работах и устных выступлениях начинает отстаивать концепцию обособленной азелинской культуры (Генинг, 1956а; 1956б; 1958; 1959; 1963; Старостин, 1997. С.27). Его оппонентом стал А.П.Смирнов, оставшийся при своем мнении, состоявшем в том, что пьяноборские и азелинские памятники следует рассматривать в рамках единого культурного образования (Смирнов, 1964. С.244-246; Голдина, 1999. С.207-208).

С конца 1960-х гг. начинается десятилетие, на которое пришлось активные, практически без перерывов, раскопки азелинских могильников. В 1968, 1970 и 1973 гг. Г.А.Архипов и руководимый им отряд Марийской археологической экспедиции изучают Уржумкинский могильник (Никитина, 1999. С.6). С 1970 по 1976 г. П.Н.Старостин регулярно проводил работы на разрушавшемся Рождественском V могильнике (Старостин, 1975; Старостин, Габяшев, 1979). Помимо этого, за 1974 и 1976 г. он практически полностью исследовал Усть-Брыскинский могильник (Старостин 1975; 1976), в том же 1974 г. им был частично вскрыт Нармонский могильник (Старостин, 2002). В 1976 г. П.Н.Старостин изучил остатки пяти размытых погребений на Гремячкинском могильнике (Старостин, Габяшев, 1977. С.179). С 1970 по 1975 г. Вятская археологическая экспедиция под руководством С.В.Ошибкиной вела раскопки азелинского могильника Тюм-Тюм (Ошибкина, 1979. С.71-79).

Азелинские погребения на Тетюшском могильнике был изучен Е.А.Халиковой и А.Х.Халиковым в 1969 г. (Халикова, Казаков, 1970. С.166-167) и Е.П.Казаковым в 1980 г. (Халикова, Казаков, 1981. С.21-35; Казаков, Патрушев, 1981. С.135-136).

Весьма схожий с азелинским материал был получен в 1970-80-х гг. при раскопках в бассейне Вятки Первомайского, Худяковского могильников и могильника «Кордон» Л.Д.Макаровым, Н.А.Лещинской и Р.Д.Голдиной (Голдина, 1999. С.227).

В 1985 г. при раскопках мезолитического поселения В.В.Никитин открыл Арзелякский азелинский могильник в Звениговском районе Марий Эл, изучение которого исследователь продолжил в 1990 г. (Архипов, 1988. С.59-60; Никитина, 1992) В 1990 г. экспедиция МарГУ под руководством В.В.Ставицкого вскрыла три азелинских погребения Лушморского могильника в Марий Эл (Архипов, Никитина, 1993. С.85), в 1995 г. могильник дополнительно обследовал Б.С.Соловьев (Никитина, 1999. С.7). В 2004 г. П.Н.Старостин продолжил раскопки Нармонского могильника.

Таким образом, за это время исследовано несколько сотен комплексов, фундаментально расширена источниковая база, более четко определились два главных направления в понимании места рассматриваемых древностей в контексте раннесредневековой истории финно-угров Поволжья и Прикамья: это позиция В.Ф.Генинга, А.Х.Халикова, П.Н.Старостина и Г.А.Архипова о существовании самостоятельной азелинской культуры и взгляды последователей научной школы А.П.Смирнова (Р.Д.Голдина и др.) о включении этих памятников в пьяноборскую культуру (с выделением в отдельный этап или несколько этапов). Острые дискуссии по вопросу о культурной принадлежности азелинских древностей, в общем, не утихают до сих пор, но первая точка зрения (В.Ф.Генинга и др.) является наиболее распространенной.

Ключевым моментом в историографии изучения древностей рассматриваемого круга по праву является публикация монографии В.Ф.Генинга «Азелинская культура III-V вв.» (Генинг, 1963), которая вводит основные понятия и теоретические основы для дальнейшего их изучения. В книге детально – по состоянию на время её издания – характеризуется погребальный обряд и сопровождающий инвентарь «азелинцев», дается антропологический анализ костей из Азелинского и Суворовского могильников, сделанный М.С.Акимовой (Акимова, 1963. С.143-151), приводятся этнографические параллели и аналогии с другими археологическими

культурами финно-угорского ареала. В монографии В.Ф.Генинга сформулированы следующие исторические выводы (Генинг, 1963. С.91-95):

1. Азелинская культура – продолжатель традиций более ранних финских племен местного происхождения.

2. Хронологически азелинская культура следует за пьяноборской культурой, образуется на её основе, со значительным участием зауральского населения.

3. Время существования азелинской культуры – III – начало VI вв. н.э.

4. Азелинская культура, возможно, стала элементом этнического субстрата, из которого сформировались древние марийцы и удмурты.

Эти базовые предпосылки и сейчас не утратили своей значимости, их право на существование признается археологическим сообществом (Старостин, 1997).

Сейчас мы можем сказать, что для большинства известных азелинских некрополей характерна следующая картина: могильники (до сих пор известны преимущественно грунтовые) были расположены на надлуговых террасах по берегам крупных рек – Волги, Камы, Вятки – и их притоков. Подавляющее большинство захоронений произведено по обряду труположения, костяки лежали вытянуто на спине в неглубоких ямах (до 60 см.) подпрямоугольной формы. В могильниках можно проследить относительно ровные ряды, в которых погребенные, зачастую, ориентировались головой в одном направлении (единого направления для всех могильников нет). Над группами могил в ряде случаев удалось выявить следы сооружений – так называемые «дома мёртвых» (по терминологии В.Ф.Генинга). Выделяются из общей массы погребения воинов, ремесленников-кузнецов, и, практически всегда – женщин. Все эти категории умерших сопровождалась артефактами, принадлежавшими им при жизни, причем расположены они были, чаще всего, в порядке ношения. Помимо прочего, захоронения с богатым инвентарем совершались в более глубоких и крупных могильных ямах.

Вещи в азелинских погребальных комплексах, в целом, практически универсальны для всех упомянутых памятников.

К примеру, женские погребения содержали в себе, прежде всего, украшения, иногда – орудия бытового назначения (ножи и т.д.). Верхняя одежда азелинских женщин, скорее всего, представляла собой нечто вроде холщевых платьев из нескольких слоёв, с многочисленными бляхами, подвесками, поясами с эполетообразными застежками, халцедоновыми дисками, что довольно точно фиксируется в ходе выборки

могильных ям. Головные уборы выглядели как шапочки сферической формы из шерстяной ткани с мелкими металлическими обоями и бусами, нанизанными на тонкие кожаные ремешки. Вероятно, обувью им служили невысокие меховые сапоги, застегивавшиеся ремешками и богато отделанные медными бляхами. Широко встречаются височные наборы из бус, колец, «вопросовидных» подвесок. Наиболее распространенным сюжетом нагрудных подвесок являются зооморфные и солярные темы – преобладают фигурки коньков, медведей, водоплавающих птиц (Генинг, 1963. С.39-60).

Мужские могилы, в среднем, содержали гораздо меньше вещей, чем женские, но вещи эти, как правило, говорят нам явственнее о характере занятий погребенного. Замечательно, в своем роде, погребение 1 Азелинского могильника – это захоронение кузнеца. Его сопровождает соответствующий инструмент: кузнечные клещи, молоток, напильник, ножи, наковальня. Некоторая сработанность рабочих частей инструментов свидетельствует, что они активно использовались при жизни хозяина (Генинг, 1963. С.98).

Многие погребения мужчин включают не только отдельные элементы военной экипировки (топоры, наконечники стрел, ножи), но целые их комплекты, позволяющие представить полное облачение азелинского воина, в том числе содержащие предметы исключительно престижные (мечи, кольчуги, шлемы). Так, погребение 20 Суворовского могильника, наглядно демонстрирует доспех, оружие и экипировку раннесредневекового ратника в Волго-Вятском междуречье: он был защищен кольчугой, шлемом, сражался на дальней (присутствуют костяные наконечники стрел), и на ближней дистанции – с помощью прямого двулезвийного меча длиной 80 см и небольшого кинжала (Генинг, 1963. С.119-120).

Специально вопросами вооружения населения Волго-Вятского междуречья III-V вв. н.э. пока никто не занимался, и работы, в той или иной степени отражающие эту сторону жизни, носят описательный характер. Первая и практически единственная, сильно обобщенная характеристика азелинского оружия принадлежит В.Ф.Генингу. Реконструируя военное дело «азелинцев», он структурировал многообразие азелинского арсенала следующим образом:

- 1) собственно оружие;
- 2) защитное вооружение.

К первой категории отнесены железные мечи, наконечники копий, топоры, кинжалы, наконечники стрел. Ко второй – шлемы и кольчуги. Типологии в полном смысле этого слова В.Ф.Генинг разрабатывать не стал, ограничившись

«усредненной» характеристикой отдельных видов оружия (Генинг, 1963, С.69-77).

Некоторое внимание азелинскому оружию в контексте военного дела финно-угров I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. уделил В.А.Иванов (1984). Однако, при рассмотрении средств войны азелинской культуры он, чаще всего, отсылает нас к упомянутой работе В.Ф.Генинга. Новой типологической схемы или какой-либо детализации предложенной В.Ф.Генингом структуры В.А.Иванов не дает, что, очевидно, и не являлось его целью, поскольку исследование носит характер обобщения и реконструкции военно-социальной структуры финно-угров за большой отрезок времени. Единственным оценочным моментом мы можем назвать высказывание В.А.Иванова о том, что «...азелинские мечи и кинжалы – явление сугубо местное, возникшее без какого-либо внешнего воздействия и заимствования». (Иванов, 1984. С.27). Отметим, что это мнение не бесспорно, по крайней мере, относительно мечей. Л.С.Розанова и Н.Н.Терехова, металлографически исследовавшие ряд азелинских мечей из могильников Тюм-Тюм, Усть-Брыска и Гремячка, пришли к прямо противоположным выводам: производство не только мечей, но и стали такого качества в финно-угорском мире для этого периода не зафиксировано, происхождение мечей, вероятно, связано с металлургическими центрами, имевшими давнюю специализацию на производстве предметов подобного рода (Розанова, Терехова, 2000. С.137). Ближайшие аналогии, в типологическом и технологическом отношении они усматривают в позднесарматском могильнике Лебедевка IV. Отметим, что близкие формы (похожие на тип II мечей без навершия и без перекрестия по А.М.Хазанову (1971. С.17)) – прямой обоюдоострый клинок шириной около 5-6 см, с четко выделенными плечиками, плавно переходящими к хвостовику средней длины – известны также в Тураевском и Тарасовском могильниках.

Азелинское оружие и доспех условно можно подразделить на три большие группы:

1. Оружие ближнего боя;
2. Оружие дальнего боя;
3. Средства защиты.

К первой группе относятся древковое и клинковое оружие. Древковое включает в себя рубящие (топор, кельт) и колющие (копье) виды оружия.

В азелинских комплексах известно два вида железных топоров: втульчатые (кельты) и проушные. Несмотря на разный способ крепления к рукояти, изделия обеих конструкций имеют сходные габариты, в особенности длину рабочей части – 5-7 см. Неоднократно поднимался

вопрос о том, стоит ли топоры – широко применявшийся в хозяйстве инструмент – классифицировать как оружие (этот же вопрос касается костяных наконечников стрел, в том числе томар). Ответ скорее утвердительный, чем наоборот. Частота встречаемости в комплексах с другими видами оружия и этнографические параллели (топор долгое время являлся одним из самых распространенных видов оружия у ополченцев) вполне доказывают это. Такое сочетание мы видим в погребении 12 Азелинского могильника (Генинг, 1963, С.103-104), в погребении 2 Суворовского могильника (Генинг, 1963, С.109-110) и во многих других комплексах. Не редкость сочетание топора с мечом (Азелинский могильник, погр.5 и др.), что еще раз наводит на мысль о его использовании в качестве рубящего оружия.

Наконечники копий длиной от 20 до 35 см все выполнены из железа, имеют чаще всего листовидную (иволистную) форму пера, изящно вытянутую тулюю. Отношение длины пера к тулье или 1:1, или 1:2. На втулке зачастую присутствует обжимное кольцо.

Клинковое оружие представлено мечами и, очень редко, кинжалами. Выше уже было сказано несколько слов о мечах. Подробная их типология – тема отдельного исследования. Здесь мы коснемся лишь общих моментов. Мечи известны во всех могильниках азелинской культуры, встречаются они в воинских погребениях относительно часто: на двадцать два погребения Азелинского и Суворовского могильников, идентифицированных нами как воинские, приходится пять мечей. Это немало для такого элитарного вида вооружения. Нами уже отмечено, что сырье для данных изделий восстановлено из высококачественной руды, все технологические операции выполнены очень умело: лезвия мечей такой конструкции прочны и упруги одновременно. Долов или ребер жесткости у азелинских мечей нам выявить не удалось, клинок их зачастую имел линзовидное сечение, длину 80-90 см, ширину 5-6 см. Колоть такими мечами было, по-видимому, весьма затруднительно – несколько закругленное острие и ощутимый для фехтования вес препятствовали бы частым и быстрым колющим выпадам – зато рубка обоюдоострым клинком таких размеров представляется весьма удобной.

Такой разновидности клинкового колющего оружия, как кинжал, в азелинских комплексах очень немного, и все они стандартной формы – лезвия длиной от 15 до 30 см, имеют выраженные плечики и не очень длинный хвостовик (Суворовский могильник, погр.29). Металлографическое исследование кинжалов не проводилось,

но, судя по сохранности, их металл соответствует скорее металлу ножей, чем мечей. Следует также отметить, что и кинжалами в полном смысле их назвать трудно – мы обозначили их так в силу историографической традиции. Сечение их чаще имеет подтреугольную форму, нежели линзовидную, что говорит о том, что это скорее большие ножи (см., например, (Генинг, 1963. Табл. XIX, 7)).

Оружие дальнего боя представлено колющими и ударно-дробящими (томары) наконечниками стрел. Колющие наконечники изготавливались из железа и кости, причем последние преобладают. Соотношение железных наконечников стрел к костяным по всем азелинским могильникам равно примерно 1:10, по некоторым даже меньше. Встречаются они в разных количествах, как в сочетании с другими видами оружия, так и друг с другом, есть варианты нахождения только одного вида стрел или даже единственного наконечника. Костяные наконечники в основном вытянутой треугольной формы, трехгранного или ромбического сечения, с уступчиком при переходе к черешку. Железные наконечники представлены трехлопастными, плоскими с шипами, а также ромбическими и линзовидными в сечении). Томары имеют бочонковидную форму, внешне напоминают костяные втулки, в качестве каковых нередко ошибочно интерпретируются исследователями.

Достоверно неизвестно, использовали ли азелинские воины щиты – умбонов и оковки кромок щита ни в одном из могильников не встречено. Использование же кольчуг и шлемов – археологически подтвержденный факт. Кольчуга (Азелинский могильник, погр.1, Суворовский могильник, погр.2, Рождественский V могильник, погр.265 и др.) состояла из плоских железных колец диаметром 13-15 мм и весила от 8 до 13 кг. Шлемы (Генинг, 1963, Рис.37; табл. XX) железные, чаще всего склепаны из широких полос и сегментов, подобно шлемам типа шпангенхельм (Суворовский могильник, погр. 30, Рождественский V могильник, погр.117), или из тонких полос (Суворовский могильник, погр.27, Рождественский V могильник, погр.265) и напоминают каркасные шлемы сармат (Хазанов, 1971. С.62-63).

Приведенное в высшей степени краткое историографическое описание известных на сегодня видов азелинского оружия ни в коем случае нельзя считать типологической схемой, скорее, это лишь предварительный набросок к классификации предметов вооружения. Разработка детальной типологии азелинского оружия – задача дальнейшего исследования.

Список литературы

Акимова М.С. Черепа раннего средневековья с р.Вятки // ВАУ. Вып.5. Ижевск, Свердловск, 1963.

Архипов Г.А. Проблемы ранней этнической истории марийцев // АЭМК. Вып.14. 1988.

Архипов Г.А., Никитина Т.Б. Атлас археологических памятников республики Марий Эл. Вып.2. Ранний железный век и средневековье. Йошкар-Ола, 1993.

Архипов Г.А., Халиков А.Х. Материалы к археологической карте Марийской АССР (по данным Марийской археологической экспедиции 1956-1959 гг.). Йошкар-Ола, 1960.

Генинг В.Ф. Азелинская культура III-V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов // ВАУ. Вып.5. Ижевск, Свердловск, 1963.

Генинг В.Ф. Исследования Удмуртской археологической экспедиции в 1956 г. // Молот. 1956а. №1.

Генинг В.Ф. Этнические культуры Прикамья в эпоху железа // Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани. М., 1956б.

Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958.

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып.2. Казань, 1959.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.

Горюнова Е.И. Вичмарский могильник // ПИДО. 1934а. №9-10.

Горюнова Е.И. Мари-Луговской могильник и селище // ПИДО. 1934б. №9-10.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М., 1984.

Казаков Е.П., Патрушев В.С. Тетюшский могильник // АО 1980 года. М., 1981.

Калинин Н.Ф. Памятник пьяноборской культуры близ села Мордовские Каратаи // ИОАИЭ. 1928. Т. XXXIV. Вып.1-2.

Кузнецов С.К. Атамановы кости // ИОАИЭ. 1882. Т. III.

Никитина Т.Б. Могильник у озера «Ясачное» // АЭМК. 1992. Вып.21.

Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола, 1999.

Ошибкина С.В. Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИА. 1979. Вып.158.

Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Культурные контакты азелинских племен (по данным археологической металлографии) // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. М., 2000. (Труды ГИМ. Вып.122).

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. №28.

Смирнов А.П. Рец.: Генинг. В.Ф. Азелинская культура III-V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов // СА. 1964. №4.

Спицын А.А. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. 1893.

Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. 1901. Вып.25.

Старостин П.Н. Отчет об исследованиях Усть-Брыскинского могильника, проведенных летом 1974 года. Казань, 1975 / НОА ИА РАН. Р-1. №5400

Старостин П.Н. Погребение с остатками кремации в низовьях Камы // СА. 1975. №2.

Старостин П.Н. Исследования Усть-Брыскинского могильника в 1976 г. Казань, 1977 / НОА ИА РАН. Р-1. №6010

Старостин П.Н. Об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в первой половине I тыс. н.э. // Finno-Ugrica. 1997. №1.

Старостин П.Н. Нармонский могильник. Казань, 2002.

Старостин П.Н., Габяшев Р.С. Работы на памятниках предбулгарского времени // АО 1976 года. М., 1977.

Старостин П.Н., Габяшев Р.С. Работы на Рождественском комплексе // АО 1978 года. М., 1979.

Тальгрэн А.М. Два могильника железного века в Казанском уезде // ИОАИЭ. 1882. Т.XXX.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Тр.МАЭ. 1962. Т.2.

Халикова Е.А., Казаков Е.П. Тетюшский могильник // АО 1969 года. М., 1970.

Халикова Е.А., Казаков Е.П. Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника // Из истории ранних булгар. Казань, 1981.

Худяков И.Г. Азелинский могильник // ПИДО. 1934. № 7-8.

Худяков М.Г. Воробьевский и Вичмарский могильники // ИОАИЭ. 1929. Т.XXXIV. Вып.3-4.

Tallgren A.M. Collection Zaoussoilov. Helsingfors, 1919. Т.II.

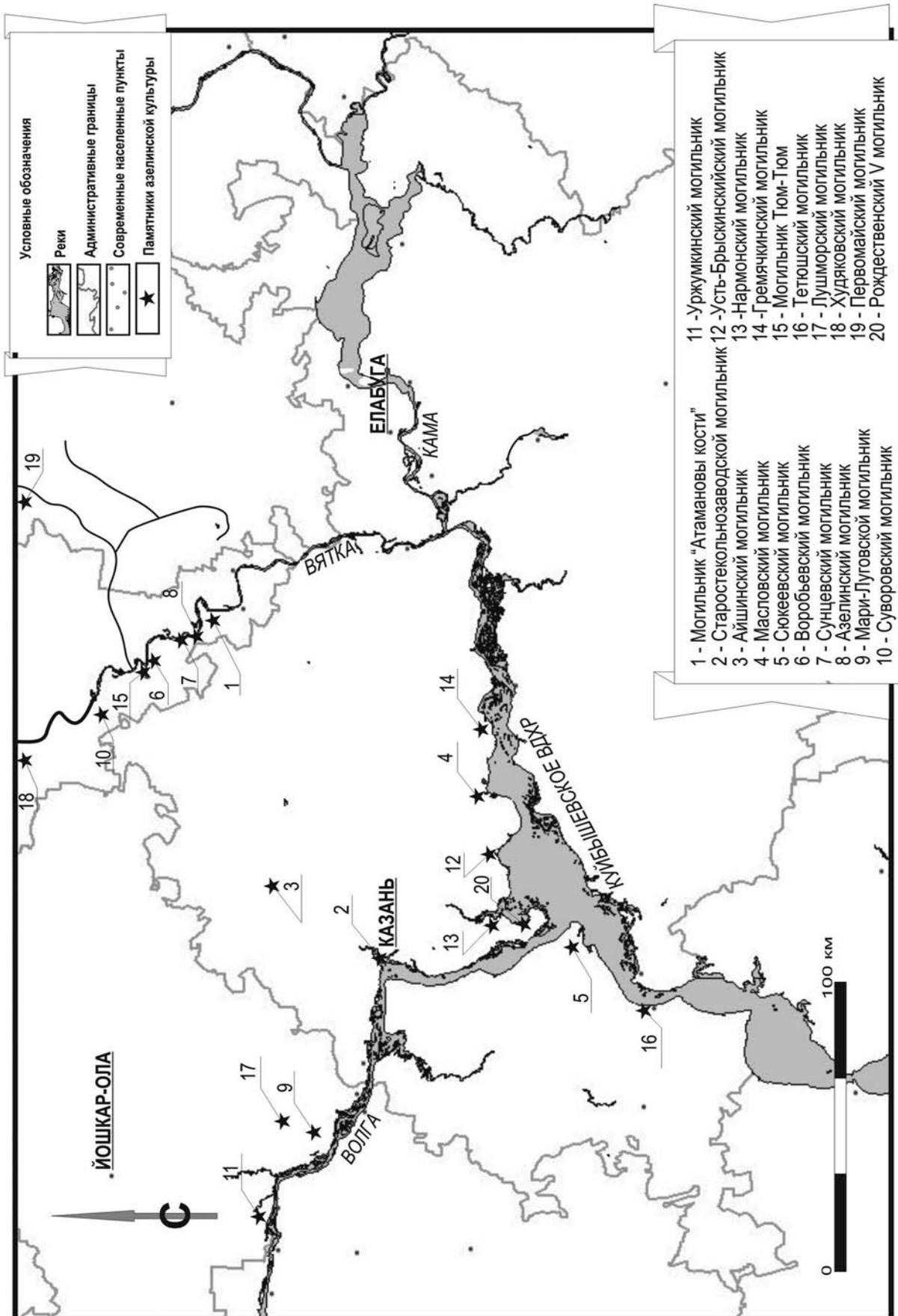

Рис. 1. Карта-схема распространения могильников азелинской культуры.

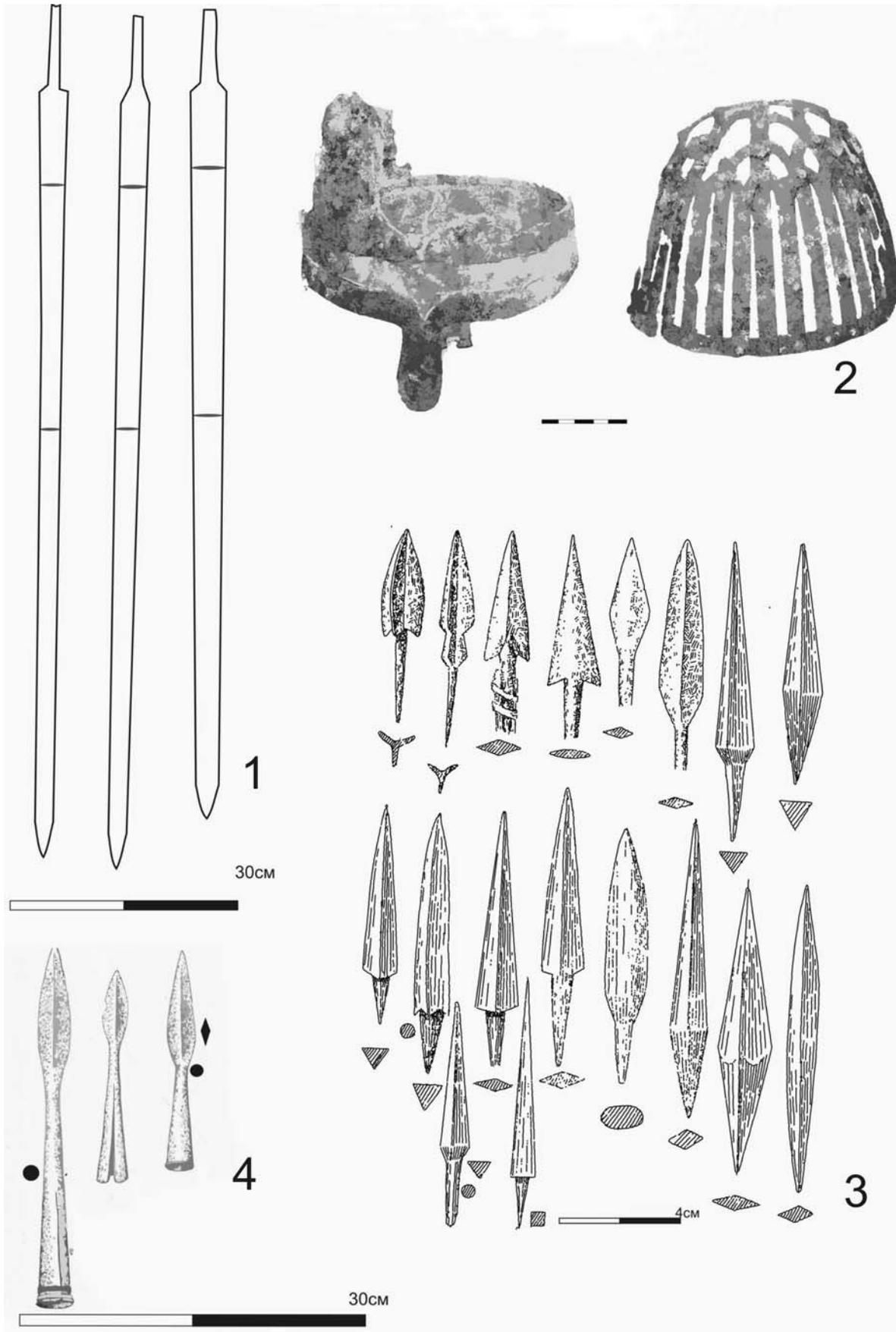

Рис. 2. Элементы вооружения азелинской культуры (по: Генинг, 1963):
1 – мечи, 2 – шлемы, 3 – наконечники стрел, 4 – наконечники копий.

Д.А.Сташенков

Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина, г.Самара

Р.Ф.Шарифуллин

Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, г.Казань

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ РАСКОПОК БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА (НОВЫЙ ПАМЯТНИК КИЕВСКОГО КРУГА В ПОВОЛЖЬЕ)

Петр Николаевич Старостин – автор многочисленных публикаций по различным направлениям археологической науки. Не преуменьшая других заслуг юбиляра, хочется отметить, что особенно значителен его вклад в изучение памятников именьковской культуры. Вышедшая в 1967 г. в серии «Свод археологических источников» работа П.Н.Старостина «Памятники именьковской культуры» до сих пор остается настольной книгой для специалистов, занимающихся историей Среднего Поволжья середины I тыс. н.э. Последующие работы и публикации Петра Николаевича дали возможность не только выявить специфику именьковских памятников на территории современного Татарстана, но и позволили полно охарактеризовать погребальный обряд племен именьковской культуры (Старостин, 1971; 1983; 1986; 1994; 1996 и др.). Всего П.Н.Старостин опубликовал около 30 работ, посвященных именьковской проблематике (библиографический список см.: Матвеева, 2003. С.97-99).

В данном сборнике представляется уместным размещение материалов, происходящих из раскопок на территории Татарстана и связанных с оседлым населением Поволжья раннесредневековой эпохи.

При раскопках на Болгарском городище в 2002 г. Р.Ф.Шарифуллин был исследован интересный комплекс, позволяющий обратиться к сложному вопросу, связанному с изучением процесса формирования именьковской культуры.

В северо-восточном углу участка К/5 раскопа СХХIII было выявлено сооружение №48 (рис.1). Яма круглой в плане формы диаметром 95 см и глубиной 15 см имела блюдцеобразное сечение, заглубленное к центру. В юго-западной части сооружения расширена круглая ямка диаметром 24 см, углубленная в материк еще на 20 см. Заполнение сооружения составляет рыжеватокрасная, плотная супесь с вкраплениями глины и подзола. Ранее на этом и других раскопах в центральной и мысовой частях Болгара в линзах такого грунта встречались отдельные фрагменты лепной посуды с крупным шамотом в тесте, определяемые как «именьковские». При расчистке ямы обнаружено 115 фрагментов лепной ке-

рамики, из которых удалось полностью склеить 2 сосуда (Шарифуллин, 2003. С.27).

Оба сосуда горшковидной формы, имеют тщательно заглаженную поверхность желто-коричневого цвета. Черепок в изломе трехслойный, средняя часть темно-серого цвета. В формовочной массе визуально прослеживается примесь шамота и органики. Дно сосудов плоское, без закраин и следов подсыпки на днище.

Сосуд 1 (БГИАЗ 965-696/270) округлобокий, с крутыми плечиками. Переход к шейке плавный. Шейка отогнута наружу. Край венчика уплощенный. Сосуд имеет следующие размеры: высота 21 см, диаметр венчика – 13,5 см, дна – 12 см, тулова в месте максимального расширения в верхней части – 18 см (рис.2, 1). В нижней части сосуда на поверхности фиксируются вертикальные расчесы от заглаживания (пучком травы?).

Сосуд 2 (БГИАЗ 965-697/270) имеет четко выраженное ребро в средней части. Переход к шейке плавный. Шейка слегка отогнута наружу. Край венчика закруглен. Высота сосуда 25 см, диаметр венчика – 13 см, дна – 11 см, тулова в месте максимального расширения – 19 см (рис.2, 2).

Оба сосуда не характерны для основной массы именьковских памятников Среднего Поволжья. Форма и характер обработки поверхности сосудов специфичны и отличаются от классических именьковских.

Вместе с тем, подобные сосуды встречены на памятниках позднезарубинецкого круга (типа Терновка 2) и киевской культуры, преимущественно на территории Среднего Поднепровья и Днепровского левобережья.

По классификации А.М.Обломского сосуды относятся к разным типам:

Сосуд 1 – к типу I.1.a. В памятниках киевского круга сосуды этой группы составляют до 62 % керамического материала, причем на позднем этапе существования культуры количество сосудов этого вида значительно уменьшается (Обломский, 2002. Табл.15; 22).

Сосуд 2 – к типу II.2.a. Сосуды этой группы также встречаются на памятниках киевского круга, составляя там до 22 % керамического

материала (Обломский, 2002. Табл.15; 22). Характерная форма сосуда из Болгар позволяет сузить круг аналогий. В частности, подобные сосуды встречены на раннекиевском поселении Колодезный Бугор в Подесенье (Терпиловский, 1984. Рис.25, 8), а также на поселениях Обухов II, Обухов III и Вишенки в Среднем Поднепровье в слоях, датирующихся III-IV вв. н.э. (Терпиловский, Абашина, 1992. С.111-112, рис.23, 6; 27, 8; 29, 3).

Керамический комплекс из Болгар также можно датировать в пределах III-IV вв. н.э. и связать его с кругом памятников киевской культуры. Полнота описанных сосудов, отсутствие в слое фрагментов от других подобных сосудов позволяют интерпретировать комплекс как погребальный (остатки кремации, совершенной на стороне) или поминальный. Отсутствие кальцинированных костей, немногочисленных в погребальных памятниках киевской культуры, может объясняться или нарушением комплекса в золотоордынское время, или особенностью погребального обряда конкретной группы населения.

Комплексы киевского круга были известны в Среднем Поволжье и ранее. В частности, в Самарском Поволжье выявлен ряд памятников III-IV вв., на которых обнаружены выразительные материалы западного круга. Материалы таких памятников, как Сиделькинские селище и могильник, селища Тимяшево, Славкино и Крепость Кондурча II отличаются от материалов классической именковской культуры и находят близкие параллели в керамике, предметах материальной культуры, погребальном обряде и в домостроительстве с территории киевской культуры (Сташенков, 2005). К этому кругу памятников относится и болгарский комплекс. Несомненно, что памятники этого круга на территории Татарстана не единичны. Наиболее вероятно их обнаружение в юго-восточной части Татарстана, особенно в бассейне р.Большой Черемшан.

Вероятно, перемещение на Волгу отдельных групп киевского населения, начавшееся в III в., активизировалось в IV столетии. По мнению Р.В.Терпиловского, в некоторых районах Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного левобережья «в начале IV в. киевское население было вынуждено оставить места своего обитания под нажимом черняховских племен» (Терпиловский, Абашина, 1992. С.88). Возможно, именно необходимость искать новые места для жительства обусловила появление в Среднем Поволжье сравнительно крупной группы оседлого земледельческого населения. Ядром территории, на которой расположилась основная масса этого пришлого населения, могла быть

северная часть Самарского Поволжья, где исследованы памятники сиделькинского и тимяшевского круга, близкие к памятникам киевской культуры.

По мере исследования памятников на территории Самарской области и Татарстана можно будет ставить вопрос о соотношении памятников киевского круга и именковской культуры в Поволжье. Возможно, население, оставившее памятники III-IV вв. типа Сиделькино-Тимяшево, вошло в состав формирующейся именковской культуры в качестве одного из компонентов, хотя проникновение кочевников гуннского круга на территорию Поволжья в IV – начале V вв. должно было привести к гибели многих существовавших здесь поселений.

Список литературы

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именковская культура. Самара, 2003.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в поздне римское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М., 2002.

Старостин П.Н. Памятники именковской культуры // САИ. Вып.Д1-32. М., 1967.

Старостин П.Н. Этнокультурные общности предболгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.

Старостин П.Н. Богородицкий могильник // СА. №1. 1983.

Старостин П.Н. Именковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.

Старостин П.Н. Ташкирменский могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.

Старостин П.Н. Племена именковской культуры и население Прикамья и Приуралья // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч.2. Уфа, 1996.

Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I-V веках н.э. М., 2005. (Раннеславянский мир. Вып.7).

Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III-IV вв. н.э. Киев, 1984.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев, 1992.

Хреков А.А. Раннесредневековое поселение Шапкино II в лесостепном Прихоперьи // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Шарифуллин Р.Ф. Отчет об археологических исследованиях на Болгарском городище в 2002 г. Раскоп СХХIII. Казань, 2003 / Архив МАРТ.

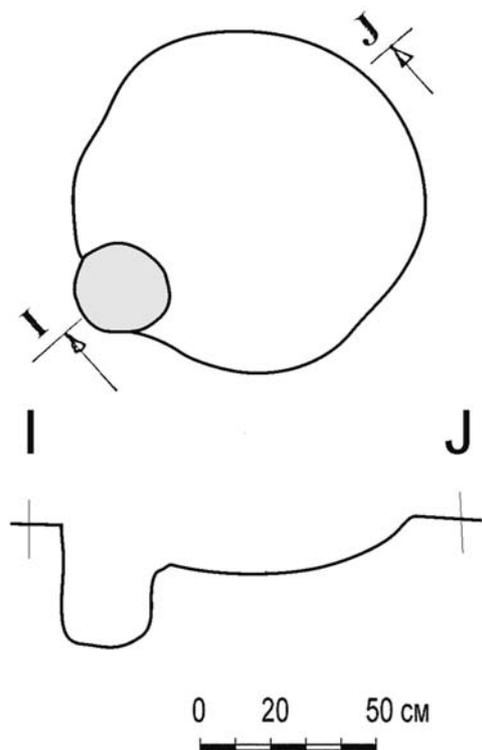

Рис. 1. План сооружения 48
(Болгарское городище,
раскоп СХХIII, 2002 г.).

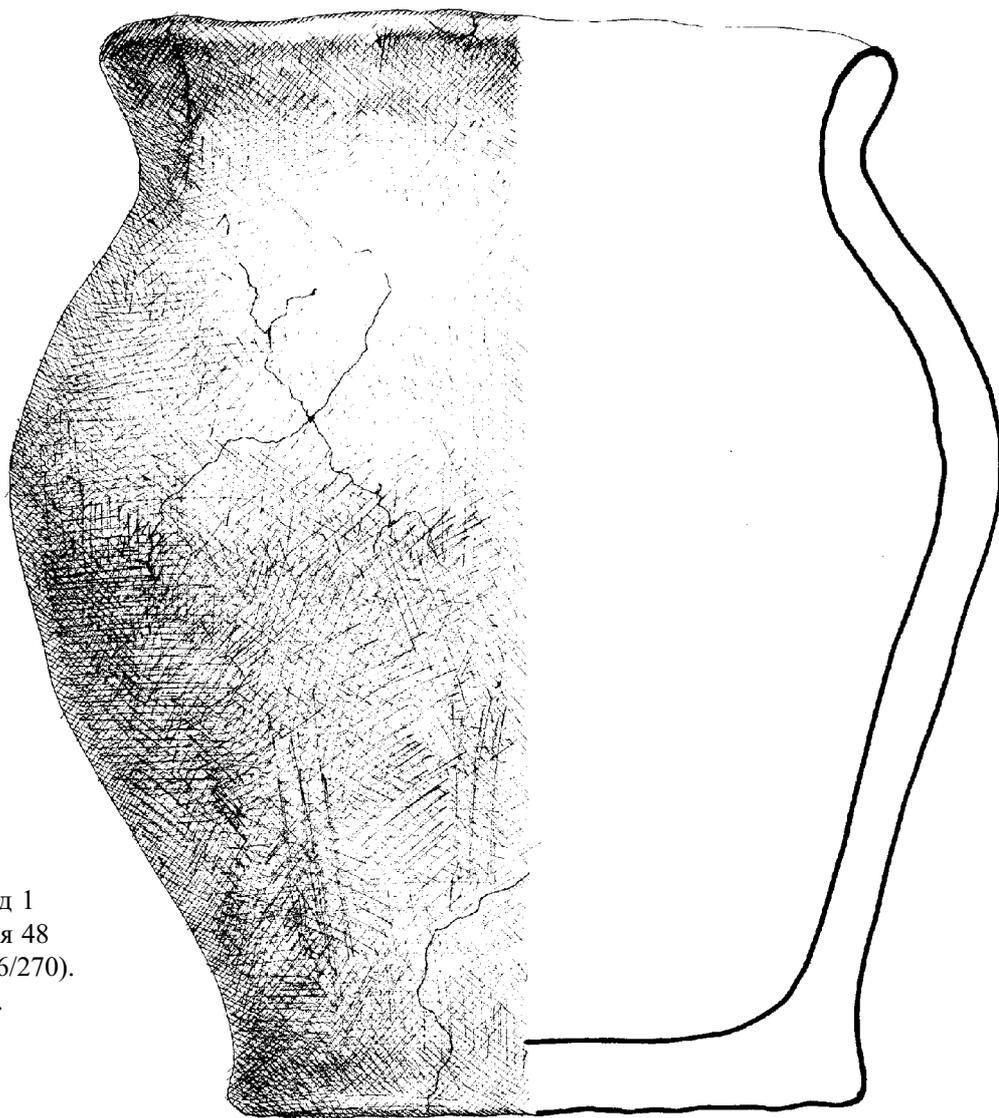

Рис. 2. Сосуд 1
из сооружения 48
(БГИАЗ 965-696/270).
Керамика.

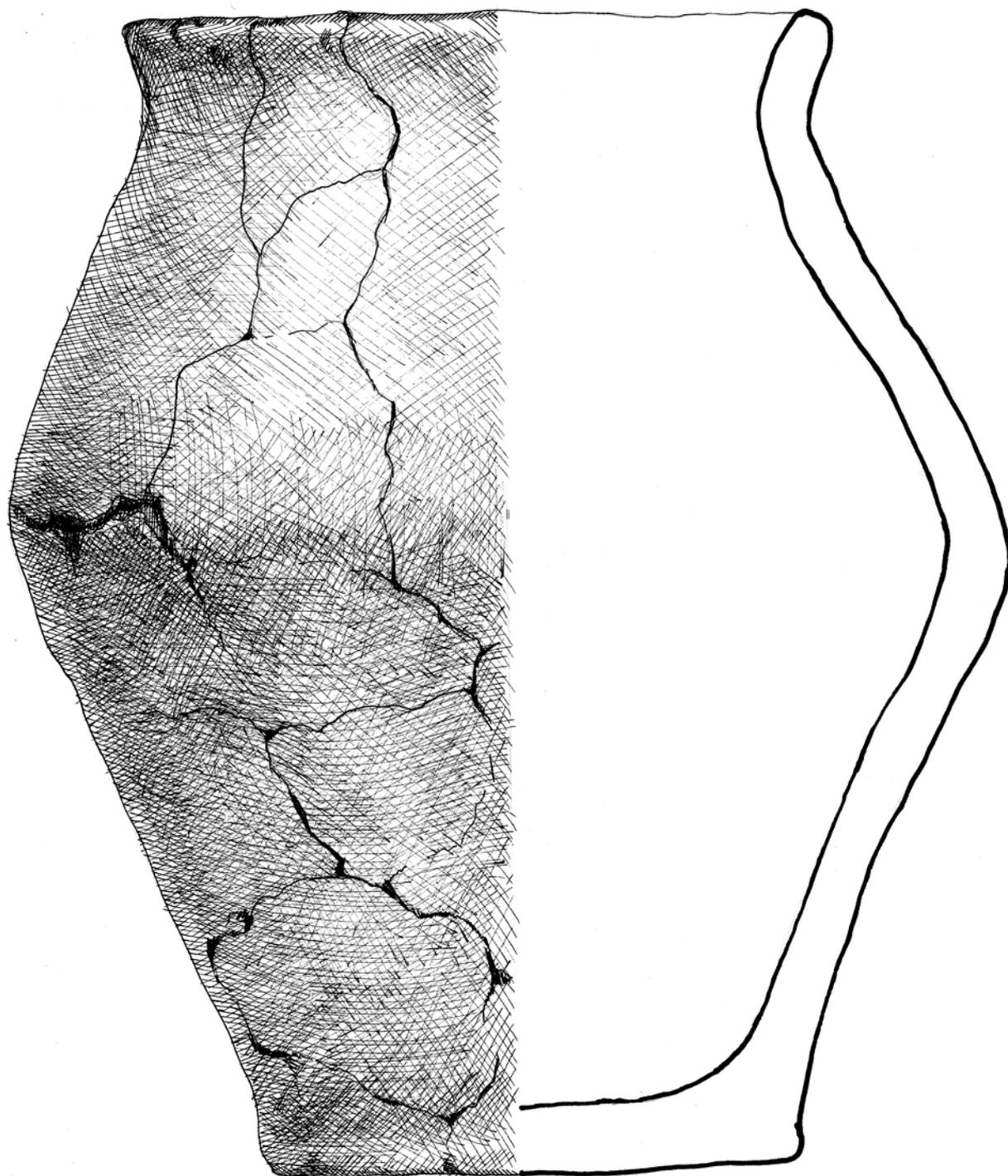

Рис. 3. Сосуд 2 из сооружения 48 (БГИАЗ 965-697/270). Керамика.

С.И.Валиулина

Казанский государственный университет, г.Казань

СТЕКЛЯННАЯ ЛАМПАДА ИЗ V КУРГАНА ТУРАЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Тураевский курганный могильник является одним из самых ярких в Среднем Поволжье и Прикамье памятников эпохи Великого переселения народов. Могильник был открыт в 1959 г. и исследован в 1959-1960 гг. и в 1969 г. экспедицией Казанского университета под руководством В.Ф.Генинга. В составе богатого инвентаря погребения в кургане V, левее черепа, был обнаружен стеклянный сосуд. По мнению автора раскопок «сосуд имел, вероятно, каплевидную форму, высотой в 10-15 см, с округлым дном. По тулову желтовато-коричневое стекло было украшено овальными вставками синего цвета, расположенными пирамидально по три» (Генинг, 1961. С.110). В последующей публикации результатов раскопок В.Ф.Генинг называет «сосуд с суженной горловиной и полукруглым дном» предметом, несомненно, импортным и сравнивает его с группой стеклянных сосудов IV – начала V вв. (Генинг, 1961. С.70, 95, 106). Материалы раскопок могильника поступили в Археологический музей Казанского университета. В ходе плановой сверки коллекции появилась возможность определить химический состав стекла и уточнить атрибуцию сосуда (колл. № АКУ-238/44).

Сосуд не подлежит восстановлению, так как был раздавлен на мелкие осколки (311 фрагментов), как и большинство стеклянных сосудов в погребальных комплексах первых веков н.э. В процессе частичной реставрации с поверхности изделия была снята коричневая пленка иризации* и установлены некоторые конструктивные детали – несколько разных диаметров тулова, фрагменты дна, характер орнамента, позволившие, опираясь на известные аналогии, определить размеры, форму и представить графическую реконструкцию сосуда – лампы или лампы (рис.1). В отечественной литературе такие сосуды называют также кубками-лампадами (Сорокина, 1971. С.86-87; Яценко, 2006. С.371), отмечая полифункциональный характер сосудов. Но основное их назначение – служить составной частью осветительных приборов. Форма, появившаяся в поздней античности, будет освещать все средневековье. Использование стеклянных масляных ламп предполагало несколько вариантов. Одиночные лампы могли

вставляться в триподы-подставки, например, в деревянные, как в собрании Келси в музее Мичиганского университета. Несколько лампад, вставленных в ячейки-отверстия в медных, бронзовых или серебряных обручах, подвешенных на цепях, могли составлять небольшие канделябры или люстры поистине грандиозных размеров, такие, как люстра XIII-XIV вв. из Государственного археологического собрания Мюнхена, имеющая диаметр 350 см и высоту 456 см. К ее округлой ажурной бронзовой основе на цепочках крепилось около 30 обручей с 3-6 лампадами в каждом**.

Лампады являются частой находкой в погребальных памятниках Северного Причерноморья первых веков н.э. и, возможно, несут в этом качестве определенную смысловую нагрузку.

Тураевская лампада конической формы, имела высоту 13-15 см, диаметр венчика составлял 7-8 см, диаметр дна – 0,9-1 см. В верхней части тулова сосуд был украшен рельефным орнаментом из крупных синих одиночных капель, располагавшихся трижды попеременно с группами из шести малых капель синего стекла. Стекло с мелкими круглыми пузырьками, прозрачное, бесцветное, толщиной 0,1-0,4 см, максимальная толщина приходится на дно. Поверхность гладкая, матовая, частично покрыта тонкой желтоватой пленкой патины.

Сосуд был выдут в каменную форму «тихим способом» без вращения заготовки. Край срезан и оплавлен. Для выполнения декора кусочки прозрачного синего стекла, окрашенного кобальтом, распределили на каменной плите, затем прокатали по ней горячий пузырь стекла, держа на трубке, разогрели в печи, в результате цветные кусочки, оплавившись, стали каплями. Последовательность операций при изготовлении подобных лампад с гравировкой в мастерской Джаламы (рис.2) представлена Г.Д.Вайнберг (Weinberg, Goldstein, 1988. Fig.4-45). Такие изделия, имитирующие в стекле драгоценные сосуды, украшенные камнями, ценились весьма дорого (Яценко, 2006. С.371).

Прозрачным сосудам с синими каплями из Причерноморья посвящена специальная статья Н.П.Сорокиной (Сорокина, 1971), в которой по

* Коричневая иризация обычно появляется на стекле, окрашенном или обесцвеченном марганцем.

** Выставка «Byzantium 330-1453», 25 октября 2008 г. – 22 марта 2009 г., Лондон.

морфологическим признакам – форме и размерам – выделены три типа подобных изделий: стаканы и кубки с округлыми стенками, стаканы в форме усеченного конуса и кубки-лампады конической формы с округлым дном (Сорокина, 1971. С.91, ил.3, 5). К последнему типу относится тураевский сосуд. Близкой аналогией ему может быть названа лампада IV в. н.э. производства Сирии или Египта в собрании Эрмитажа, происходящая из некрополя Пантикапея (Кунина, 1997. С.336; №424). Период существования этой группы посуды в настоящее время большинством исследователей, и зарубежных, и отечественных, определяется в пределах IV – начала или середины V в. (Сорокина, 1971. С.100; Кунина, 1997. С.335-337; №№419-424; Яценко, 2006. С.371-375; Stern, 2001. P.296; Cat.№159; Recent Important..., 1974. P.126; №9; Weinberg, Goldstein, 1988. P.38; Barkyczi, 1973. P.76).

Центрами производства подобных сосудов – стаканов и лампад – признаны Египет, Сирия, шире – Восточное Средиземноморье. По мнению Н.П.Сорокиной, отдельные типы стаканов могли быть изготовлены в Боспорском царстве – в Пантикапее, Фанагории, Херсонесе – с середины IV до начала V в. (Сорокина, 1971. С.100). Однако аналитическая база в настоящее время недостаточна для подтверждения этой гипотезы. Продукция восточно-средиземноморских мастерских поступала в Западно-Римские провинции, Паннонию (Barkyczi, 1973. P.76; fig.4:3,4), в южные области Восточной Европы.

В Восточной Европе стаканы и лампы из прозрачного стекла с синими пятнами в отмеченное время известны в античных памятниках Боспора, Северного Кавказа, в позднеантичных слоях Танаиса (Яценко, 2006. С.371), памятниках черняховской культуры (Сымонович, 1977. С.178; Щапова, 1983. С.147; Лихтер, 1987; Островерхов, 1999. С.21).

подавляющее большинство сосудов, найденных на памятниках всех названных регионов, выполнено из прозрачного оливково-зеленого или оливково-желтого стекла. Бесцветные изделия, такие, как сосуд из V кургана Тураевского могильника, встречаются чрезвычайно редко. В этой связи особенно интересны бесцветные сосуды с кап-

лями синего стекла – стаканы и лампы – из стекольной мастерской римского времени в Джаламе, в Палестине (Weinberg, Goldstein, 1988. Col. Pl.4-17. Pl.4-18. Fig.4-46. P.90, 332-333). Тем более, что по химическому составу тураевский сосуд оказался очень близок палестинским (Brill, 1988. Table 9-3; 9-4, №№855, 857, 858).

Химический состав стекла тураевской лампы был определен количественным спектральным анализом на широкий спектр элементов* (Табл.1).

По абсолютным величинам основных стеклообразующих элементов и их соотношениям можно заключить, что стекло сварено по классическому античному рецепту. Лампада была выполнена из содового стекла двойной шихты, класс $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$. Стекло декоративных капель, вероятно, окрашено кобальтом (состав не анализировался). Характерной особенностью стекла является низкая концентрация оксидов калия (K_2O) и магния (MgO). По мнению Р.Брилла, двухкомпонентный состав шихты с низким содержанием калия и магния присущ эламскому стеклу и, вероятно, в большинстве случаев эллинистическому, римскому и византийскому. В этом рецепте двумя составляющими шихты были натрон, относительно чистая форма соды, и морской песок, содержащий одновременно кремнезем и известь (CaCO_3). Песок, удовлетворявший всем необходимым требованиям, имевший правильные пропорции кремния и кальция для изготовления химически устойчивого стекла, был найден на берегу моря около реки На'аман (в древности – река Бел). Кремний содержался в кварцевом песке, а кальций – в обломках раковин, известняковых скелетах морской фауны (Brill, 1988. P.265-266). Поселение Джалама расположено на берегу реки Кишон на одинаковом расстоянии (не более 20км) от морского побережья и реки Бел.

Другой особенностью стекла тураевского сосуда является большое количество марганца в его составе ($\text{MnO} - 1,59\%$), который выполняет в данном случае функцию обесцвечивателя или осветлителя-стабилизатора. Близкие концентрации марганца отмечены в бесцветных стеклах памятников, по времени функционирования

Таблица 1. Химический состав стекла сосуда из V кургана Тураевского могильника (%).

Na_2O	CaO	K_2O	MgO	Al_2O_3	Fe_2O_3	TiO_2	Sb_2O_5	MnO	CuO	CoO
14,8	8,11	0,82	0,49	2,76	0,57	0,11	–	1,59	0,003	–
SnO_2	Ag_2O	PbO	BaO	Cr_2O_3	As_2O_3	SrO	B_2O_3	ZrO_2	SiO_2	
–	0,0001	0,002	0,03	0,0002	0,002	0,01	0,02	0,002	основа	

* Аналитик с.н.с., канд. ф.-м. н. Р.Х.Храмченкова.

близких Тураевскому могильнику, таких как Козлов III на Днестре и Анаб-ас-Сафия в Сирии (Галибин, 2001. Прил. I. №№1093-1099, 1124), и в серии стекол Джаламы (Brill, 1988. Tabl.9-3; 9-4. P.262-263). В стекле Восточного Средиземноморья марганец присутствует в разных концентрациях – от микропримесей до 15%. С концентрации 0,4% его считают специальной технологической добавкой в качестве осветлителя-стабилизатора или красителя. Так, в мастерской Джаламы из 40 образцов стекол с присутствием соединений марганца в двенадцати он был добавлен специально (Brill, 1988. P.259).

Классическому античному рецепту тураевского сосуда соответствует и количество Al_2O_3 и соединений других элементов – Fe, Ti, Ba, Sr, V, установленное аналитически.

Морфология, типология и химический состав указывают на восточно-средиземноморское происхождение тураевской лампы. В настоящее время это самый ранний (В.Ф.Генинг относил V курган, где была сделана находка, к поздней группе погребений, датирующихся 2-й четв. V в. н.э. (Генинг, 1976. С. 108)) стеклянный сосуд в обширном регионе Среднего Поволжья и Прикамья и самая северо-восточная находка подобных изделий.

В первые века нашей эры ввоз стеклянных сосудов, поступавших из разных районов античного мира: Сирии, Египта (Александрии), Западно-Римских провинций, приобретает всевозрастающее значение в импорте Северного Причерноморья (Брашинский, 1984. С.184). К варварскому населению Подонья, Прикубанья и Поволжья предметы дальнего импорта и продукция северопричерноморских центров поступали через города Боспора – Пантикапей и Фанагорию. Важной транзитной базой для товаров, шедших далее на восток и северо-восток – в Поволжье и Прикамье – был Танаис (Дзиговский, Островерхов, 2000. С.200; Кондратьев, 1987. С.15).

Невозможно установить, как попала стеклянная лампа к одному из тураевских воинов – в качестве покупки, военной добычи или дорогого подарка, но, безусловно, ценный стеклянный сосуд являлся своеобразным символом знатности и, вместе с дорогими доспехами, еще одним свидетельством высокого статуса погребенного в кургане V.

Список литературы

Брашинский И.Б. Торговля // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. (Археология СССР).

Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб., 2001.

Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях экспедиции Казанского государственного университета в 1960г. (Больше-Тарханский и Тураевский могильники). Казань, 1961 / Архив АМ КГУ. Ф.3. №12.

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронение военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.

Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Стеклянная посуда как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени Украины, Молдовы и Российского Подонья [VI в. до н.э. – IV в. н.э.]. Одесса, 2000.

Кондратьев И.И. Стеклянные украшения сарматского Поволжья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987.

Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997.

Лихтер Ю.А. Стекло черняховской культуры: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987.

Островерхов А.С. О происхождении посудного стекла из черняховского поселения Козлов-III в Среднем Поднестровье // Сто років вивчення культури полів поховань на Україні. Тези доповідей семінару. Київ, 1999.

Сорокина Н.П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. №4.

Сымонович Э.А. Стеклянная посуда из Поднепровско-Причерноморских памятников черняховской культуры // СА. 1977. №1.

Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983.

Яценко Е.Г. Стеклянные изделия из Танаиса IV-V вв.н.э. // Первая Абхазская Международная археологическая конференция: Материалы. Сухум, 2006.

Barkyczi L. Spätrömische Glasbecher mit aufgelegten Nuppen aus Pannonien // Fol.Arch. 1973. №23.

Brill R.H. Scientific Investigations of the Jalame Glass and Related Finds // Weinberg G.D., Goldstein S.M. Excavations at Jalame. Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine. Columbia, 1988.

Recent Important Acquisitions // JGS. 1974. Vol.XVI.

Stern E.M. Roman, Byzantine and Early Medieval Glass 10 BCE – 700CE. New York, 2001.

Weinberg G.D., Goldstein S.M. The Glass Vessels // Excavations at Jalame. Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine. Columbia, 1988.

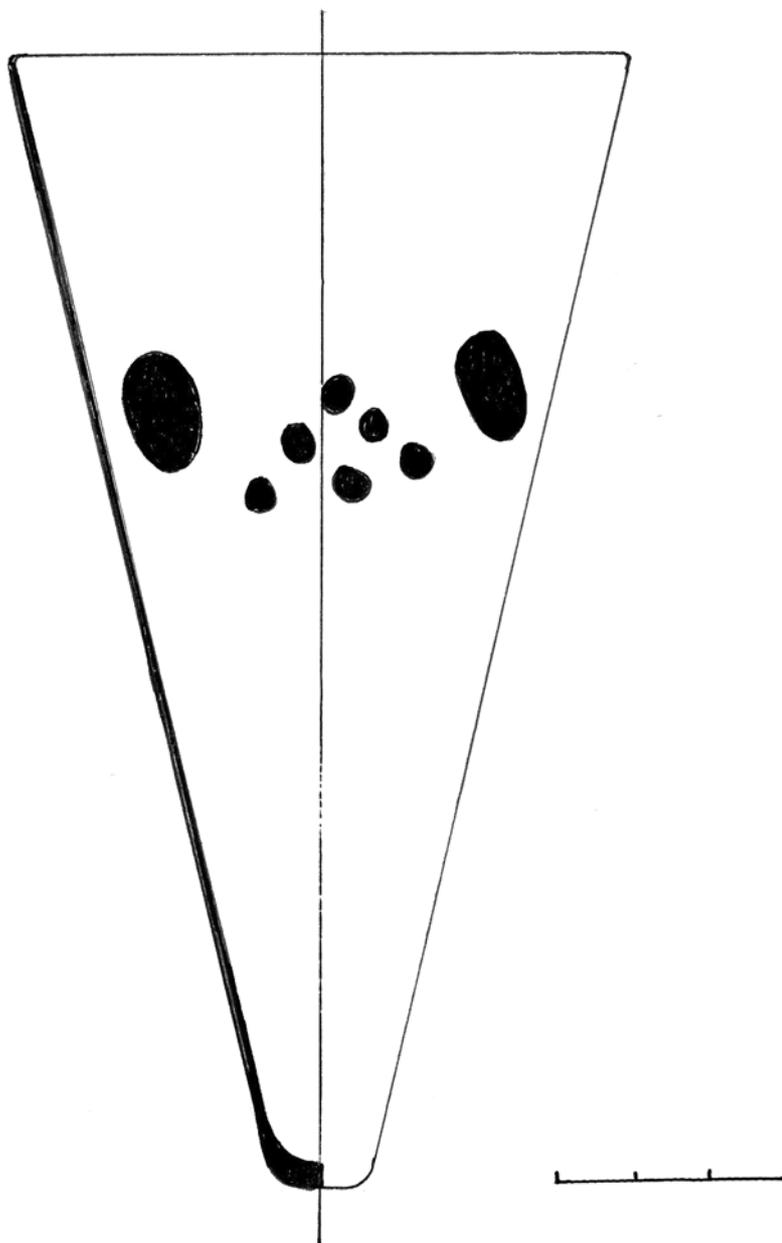

Рис. 1. Графическая реконструкция стеклянной лампы из V кургана Тураевского могильника.

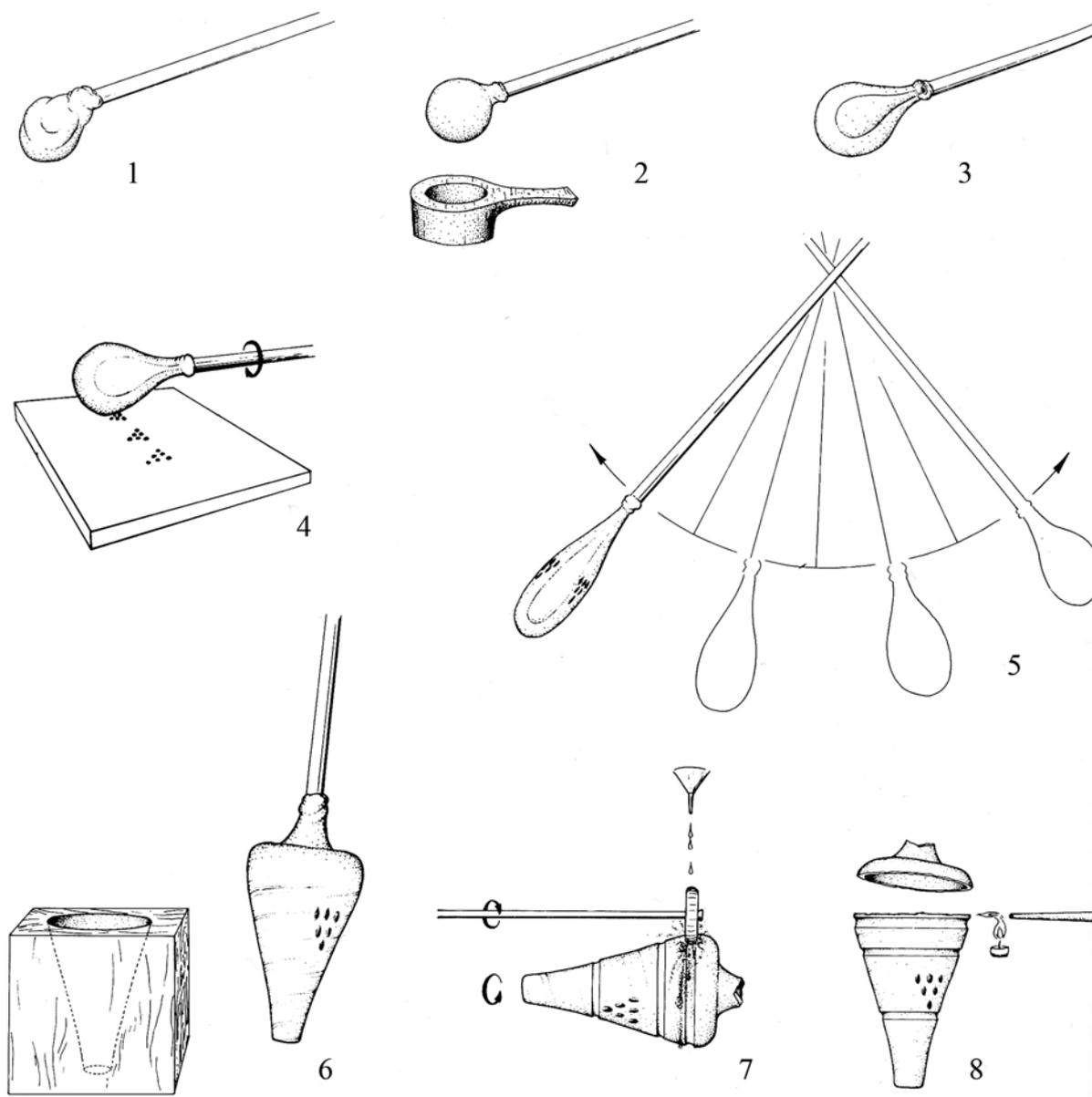

Рис. 2. Схема изготовления стеклянных лампад (по Weinberg G.D., Goldstein S.M.): 1 – наборка стекла на трубку, 2 – формовка наборки с помощью деревянной формы-шаблона, 3 – заготовка лампы, выдутая в форме груши, 4 – наборка холодных кусочков цветного стекла на горячую заготовку лампы, 5 – раскачивание лампы, как маятника для удлинения формы, 6 – выдутый в форму сосуд, не отделенный от стеклодувной трубки, 7 – выполнение ручного орнамента гравировальным колесиком, 8 – отшибание готового сосуда от трубки и оплавление края венчика.

*А.В.Расторопов**Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, г.Казань*

ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Именьковская культура накопила значительную историографию, но вопросы этнокультурной истории её населения по-прежнему являются дискуссионными.

Г.И.Матвеева последовательно отстаивает славянскую принадлежность её археологических памятников (Матвеева, 2003а. С.23-32; 2003б.) В последние годы ей оппонирует Е.П.Казаков (2004. С.280-290). Он отмечает сложность этнокультурной интерпретации археологических комплексов именьковской культуры, слабую этнографическую и хронологическую выразительность материала, обусловленную тем, что комплекс находок с поселений в основном представлен подъемным материалом. Также отмечается, что специфика лепной почти неорнаментированной глиняной посуды с трудом может быть выявлена по форме и тесту в массиве керамики большинства народов Восточной Европы раннего средневековья. Более выразительный материал из цветного металла и других материалов был уничтожен при кремации погребенных. К этому добавляется недостаток сравнительного материала.

После исследования Коминтерновского II могильника в Татарстане Е.П.Казаков пришел к выводу о культурно-хронологической тождественности именьковской и турбаслинской культур. Основанием для него послужила биритуальность некрополя: наличие захоронений как по обряду трупосожжения, так и по обряду трупоположения. По его мнению, в пользу этого свидетельствует тождественный погребальный инвентарь в обоих видах погребений. Вследствие этого он соотнес с турбаслинской культурой и другие именьковские могильники с трупосожжением (Казаков, 2004. С.281-283). Происхождение, по его выражению, турбаслинско-именьковской культуры связано с миграцией поздних сармат из Приаралья в середине VI в. н.э. вследствие экспансии I Тюркского каганата. В археологической интерпретации, по его мнению, это было население джетыясарской культуры (Казаков, 2004. С.283).

Вывод об этнокультурной связи населения, оставившего Коминтерновский II могильник, с населением Приаралья был подвергнут критике Д.Г.Бугровым (Бугров, 2002. С.230-231). Он

полагает, что попытка реконструкции женской одежды из Коминтерновского II могильника выявила значительное ее сходство, как в общем покрое, так и в отдельных элементах, с костюмом Центральной и юго-запада Восточной Европы V-VII вв. с двумя фибулами на плечах. Появление и распространение этой традиции связывается с восточногерманскими племенами, под влиянием которых обычаи носить парные фибулы на плечах распространяется у славянского и алано-сарматского населения. Он полагает, что привлекаемые Е.П.Казаковым аналогии костюмам Коминтерновского II могильника в южноуральских и приаральских древностях не бесспорны. В качестве аргумента Д.Г.Бугров говорит о малоинформативности южноуральских Кушнаренковского и Ново-Турбаслинского могильников, так как большинство их погребений нарушены, и размещение деталей костюма на погребенных, за редким исключением, не установлено. Также он пишет о сходстве способа ношения фибул Бирского могильника с джетыясарскими комплексами, где они также располагались на животе захороненных, застегивая полы халата или матерчатый пояс, что, на его взгляд, никак не соответствует традициям Коминтерновского II могильника. Д.Г.Бугров не признает в качестве аргумента турбаслинской принадлежности погребений Коминтерновского II могильника наличие в них застежек прикамско-приуральских типов, так как пришлое население именьковской культуры заимствовало их со временем у местного населения и интегрировало в остающийся неизменным комплекс одежды с двумя фибулами. По мнению исследователя, не проверен и вывод о второй половине VI в. н.э., как нижней дате именьковской культуры. Он считает, что в становлении именьковской культуры, население турбаслинской культуры сыграло менее значительную роль, чем казалось на первый взгляд после исследований Коминтерновского II могильника.

Практически противоположными концепции Е.П.Казакова выглядят представления Г.И.Матвеевой о происхождении населения именьковской культуры (Матвеева, 2003а. С.23-30; 2003б. С.65-74). Она последовательно отстаивает его славянскую принадлежность. Истоки населения имень-

ковской культуры она видит на западе, и миграция этнокультурных групп, положивших начало её формирования, начинается, по её мнению, с первых веков н.э. Начало миграции обусловлено распадом зарубинецкой культуры вследствие экологических причин не позднее второй половины I в. н.э. (Матвеева, 2003б. С.66-67). Результатом миграции её носителей стало появление позднезарубинецких археологических памятников далеко за пределами первоначального ареала культуры, прежде всего к востоку и северо-востоку от него. Как отмечает исследователь, эти памятники синтезируют традиции не только зарубинецкой, но и других культур. Расселение позднезарубинецких племен распространилось на восток до Волги, и в этот процесс было втянуто население пшеворской культуры. Исходным районом, откуда произошло переселение, по мнению Г.И.Матвеевой, являлось скорее всего Верхнее Поднестровье (Матвеева, 2003б. С.68). По исследованному на севере Самарской области Славкинскому селищу поселения, оставленные этой волной миграции, которые датируются II-III вв. н.э., получили название памятников славкинского типа.

Ещё один культурно-хронологический комплекс, связанный с ранней западной волной миграции населения, выделил в последние годы на Самарской Луке Д.А.Сташенков, опираясь в первую очередь на материалы исследований Царёва Кургана (Сташенков, 2003. С.91-94). Он обнаруживает аналогии керамическому комплексу и пряслицам как в памятниках зарубинецкой культуры, так и в памятниках скифоидного и сарматоидного круга Верхнего Подонья, но, в конечном счете, приходит к выводу о наиболее вероятном происхождении выявленного им культурно-хронологического комплекса с территории Нижнего Подонья и связывает его с памятниками позднескифского круга. Дату бытования этих памятников на Самарской Луке он определяет второй половиной I – III вв. н.э. и прослеживает участие населения, оставившего их, в генезисе именьковской культуры.

С новой волной миграции с запада соотносит Г.И.Матвеева памятники лбищенского типа. Они наименованы по наиболее полно исследованному городищу Лбище, датированному IV в. н.э. По мнению исследователя, памятники подобного типа кроме Самарской Луки есть и в других районах Среднего Поволжья. Она отмечает архаичность керамики городища Лбище, которая сохраняет облик классической зарубинецкой в большей степени, чем любая из позднезарубинецких культурных групп. На этом основании делается вывод о том, что предки лбищенского населения покинули Поднепровье до

распада зарубинецкой культуры, ещё не испытав на себе инокультурного влияния (Матвеева, 2003б. С.69). В материалах городища Лбище Г.И.Матвеева выявила связи с позднесарматскими племенами Среднего Дона. Также она обнаруживает сходство с керамическим комплексом черняховской культуры (Матвеева, 2003а. С.25-26). Материалы городища Лбище и аналогичных памятников ученый сопоставляет со второй волной мигрантов конца IV в. н.э. из западного ареала этой культуры, основную массу которых составляло население пшеворской культуры. Причину переселения она видит в гуннском нашествии (Матвеева, 2003а. С.24). Г.И.Матвеева прослеживает тесные этнокультурные связи именьковского населения с племенами среднего течения р.Оки. Она объясняет это тем, что предки именьковцев шли в Среднее Поволжье по р.Оке, и какая-то их часть осела по её берегам (Матвеева, 2003а. С.27).

С мнением Г.И.Матвеевой смыкается точка зрения на происхождение именьковской культуры В.В.Седова (1994. С.310-311). Он выделял три волны миграции раннеславянского населения с запада, из ареалов своего первоначального расселения, на территорию Самарского края в первой половине I тыс. н.э. Первое переселение, на его взгляд, происходит с территории Волыни и Поднестровья во II-III в. н.э. вследствие готской экспансии. Вторая миграционная волна выводится им из ареала черняховской культуры, где происходило смешение населения пшеворской культуры и постзарубинецкого. Она датируется III-IV вв. н.э., и с ней связано появление лбищенского типа памятников. Наиболее мощная волна миграции, по представлениям исследователя, произошла в конце IV в. н.э., вероятно с территории Верхнего Поднестровья, Волыни, Подолии, из ареала черняховской культуры, где проживало население пшеворской культуры и отчасти постзарубинецкое. Она положила начало собственно именьковской культуре и захватила весь регион Среднего Поволжья.

Материалы археологических исследований в Воронежской, Тамбовской, Саратовской областях свидетельствуют о миграции во второй четверти I тыс.н.э. на восток вплоть до р.Волги потомков зарубинецкой культуры и населения киевской культуры. Они определяются как ранние славяне (Медведев, 1993. С.24-27; Хреков, 1995. С.3-15; 1997. С.158-160; Изотова, 1996. С.57-62; Юдин, 2001. С.22-80). В этой связи возникает вопрос о миграции на юг Среднего Поволжья населения из Поднепровья и других, возможно, более западных регионов по зоне южной лесостепи. Исходная территория для нее могла быть и восточнее, как, например, лесо-

степь Днепро-Донского междуречья. В то же время, установленные тесные связи именковской культуры с населением, оставившим рязано-окские могильники, свидетельствуют о продвижении славянского населения черняховской культуры по Оке, а оттуда, видимо, и на Волгу и её притоки (Матвеева, 2003а. С.27). Г.И.Матвеева отмечает слабую заселенность Среднего Поволжья в первые века н.э. (Матвеева, 2003б. С.66). Это обстоятельство, несомненно, способствовало миграции населения на новые территории, сходные с прежними территориями по природно-географическим условиям, где была возможность вести традиционные способы хозяйствования. Роль местного населения городищской культуры в генезисе именковской культуры, видимо, была минимальна. Если она и была, то проследить её затруднительно, поскольку городищское население было немногочисленным и жило распыленно, а его археологические материалы (фрагменты керамики, пряслица) крайне невыразительны и не репрезентативны. Могильники населения городищской культуры не обнаружены, и можно только гадать о существовании у них каких-то наземных способов отправления «в мир иной» своих сородичей. Топографическое совпадение некоторых поселений городищской культуры и пришлых групп населения ещё ничего не говорит. Нужны свидетельства совместного проживания, обнаруженные в закрытых комплексах.

Г.И.Матвеева отмечает тесные этнокультурные связи между населением именковской и турбаслинской культур. В отличие от Е.П.Казакова, который их отождествляет и считает генетически едиными, она признает только факт смешения между носителями этнокультурных традиций этих культур. Подобную близость именковского и турбаслинского населения Г.И.Матвеева объясняет тем, что они контактировали ещё до прихода в лесостепь Волго-Уральского междуречья, в ареале полиэтничной черняховской культуры, подразумевая под населением именковской культуры ранних славян, а под населением турбаслинской культуры – поздних сарматов (Матвеева, 2003а. С.28).

Необходимо отметить определенную противоречивость выводов Г.И.Матвеевой по поводу этнокультурного взаимодействия именковской и турбаслинской культур в почти синхронных публикациях. В одной из них она, оппонировав Е.П.Казакову, не признает наличие в Коминтерновском II могильнике захоронений турбаслинской культуры. Присутствие в нем погребений по обряду трупоположения объясняется включением в среду населения именковской культуры иных этнокультурных групп (Матвеева,

2003б. С.32). В другой публикации, отмечая тесные этнокультурные связи населения этих культур в Приуралье, она отмечает передачу погребального обряда и инвентаря населения именковской культуры турбаслинской (Матвеева, 2003а. С.28). Может быть такое? Если может, то нельзя исключать и того, что Коминтерновский II могильник также является отражением смешения этих этнокультурных групп. Это более реально, чем искать сходство их традиций в каких-то прежних контактах их предков на какой-то не вполне определенной совместной территории. Не вполне ясна точка зрения автора об этнокультурном составе населения, оставившего Кушнаренковский могильник в башкирском Приуралье. В одном случае это синкретичный памятник трех этнокультурных групп: именковской, турбаслинской, кушнаренковской (Матвеева, 2003б. С.32-33). В другом случае этот некрополь отражает тесное взаимодействие именно населения именковской и турбаслинской культур (Матвеева, 2003а. С.28).

Необходимо отметить, что, даже при признании почти несомненного факта славянского, западного происхождения населения именковской культуры, вопросы конкретных культурно-хронологических, археологических комплексов, датировки, определения этнокультурных ареалов тех групп населения, которые мигрировали в Среднее Поволжье, остаются на уровне рабочих гипотез. Не вполне ясны маршруты и этапы миграций этих этнокультурных групп. Пока источниковедческая база археологических памятников Среднего Поволжья слаба для решения проблем формирования именковской культуры.

В Южном Приуралье, на территории Башкирии можно определенно говорить о её этнокультурном взаимодействии с населением турбаслинской культуры и в меньшей степени – кушнаренковской. В настоящее время установленным фактом является продвижение не позднее VII в. населения последней из Приуралья к берегам Волги. Но пока можно говорить лишь о чересполосном проживании на новой территории населения кушнаренковской и именковской культур.

Судьба населения именковской культуры не вполне ясна. По мнению В.В.Седова, на рубеже VII-VIII вв. оно уходит на левобережье Среднего Поднепровья и оставляет там археологические памятники вольтинцевской культуры, будущих летописных северян (Седов, 1994. С.315). Г.И.Матвеева в качестве доказательства того, что не всё население именковской культуры ушло с территории Среднего Поволжья, приводит материалы исследований Севрюкаевского селища на Самарской Луке и некоторых других памятников Самарской и Ульянов-

ской областей. Она находит в их керамике синкретичные черты посуды именьковской культуры и пришлого населения памятников новинковского типа, кочевников, оседающих на землю (Матвеева, 2003б. С.78). В то же время необходимо отметить, что на Самарской Луке нет памятников именьковской культуры, которые уверенно можно было соотнести с VII в. Поэтому, не отрицая факта возможного смешения этих групп населения, пока, все-таки, предпочтительней выглядит представление о прекращении функционирования большинства памятников именьковской культуры на Самарской Луке к середине VII в. или к его концу. Материалы башкирского Приуралья могут быть трактованы в пользу раннего ухода южных именьковских групп населения из Поволжья ещё в VI в., только в восточном направлении.

Список литературы

Бугров Д.Г. Женский костюм именьковской культуры как этнокультурный индикатор (опыт реконструкции по материалам Коминтерновского II могильника) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002.

Изотова М.А. Стоянка раннего железного века у с.Куриловка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.

Казаков Е.П. Новые материалы к проблеме интерпретации именьковских древностей // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2004.

Матвеева Г.И. Этнокультурные контакты племён именьковской культуры // Краеведческие записки. Вып. XI. Самара, 2003а.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура. Самара, 2003б.

Медведев А.П. О времени появления славян на Дону // Археология и история юго-востока Древней Руси: Материалы научной конференции. Воронеж, 1993.

Седов В.В. Славяне в древности. М, 1994.

Сташенков Д.А. Находки эпохи раннего железного века // Царёв курган: Каталог археологической коллекции. Самара, 2003.

Хреков А.А. Средневековое население Шапкино II в лесостепном Прихоперье // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Хреков А.А. К вопросу об этническом составе населения лесостепного Прихоперья в первые века н.э. // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997.

Юдин А.И. Алексеевское городище в г.Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998-2000 годах. Вып.4. Саратов, 2001.

А.А.Чижевский

Национальный центр археологических исследований Института истории
им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, г.Казань

СТЕПАНОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Степановское городище расположено в 1 км к северо-северо-западу от с.Степановка Буинского района Республики Татарстан на мысу коренного берега р.Свияга (рис.1); с юго-востока и запада городище ограничено оврагами, с юго-запада – обрывом к Свияге. Подпрямоугольная площадка городища (70×75 м) с напольной стороны ограждена «кокошниковидным» валом (размеры до начала строительных работ: ширина в основании от 10 до 20 м, высота – 2,5-3 м) и дуговидным рвом (размеры до начала строительных работ: ширина 15-28 м, глубина – 1,5-2 м). Наиболее полно сохранилась северо-западная часть вала (высота 1,5-2 м, ширина в основании 8-10 м), но и она нарушена современным проездом. Восточная оконечность мыса укреплена дополнительным «бастионом» (высота 1 м, ширина в основании 3 м, длина 12 м) – валом, расположенным ниже площадки городища (рис.2).

В начале 1980-х гг. на территории городища войсковой частью Буинского гарнизона производились строительные работы по обустройству стрельбища. Они затронули северную часть вала, которая была досыпана почти до шести-метровой высоты. Грунт брался из небольшого карьера на площадке городища, использовался также культурный слой селища. В настоящее время к валу примыкают длинные, около 100 метров параллельные валы (высота 1,5-2 м), ориентированные по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Данные валы использовались для оконтуривания сектора обстрела (рис.2). В настоящее время стрельбище заброшено, поверхность памятника покрыта дерном.

Памятник был открыт в 1949 г. Н.Ф.Калининым, который проследил остатки деревянной бревенчатой стены на валу и культурный слой мощностью 50-60 см, а также датировал городище серединой I тыс. н.э. (Калинин, Халиков, 1954. С.59, рис.20, 4). П.Н.Старостиним Степановское городище было отнесено к именьковской культуре (Старостин, 1967. №55). В 1988 г. городище обследовалось А.А.Чижевским (Чижевский, 1989. С.4-6), который установил факт разрушения городища в результате строительства стрельбища.

В 1990 г. на территории Степановского городища был заложен раскоп I площадью 60 м² (рис.3), ориентированный по сторонам света. Он

был заложен в юго-западной части Степановского городища (рис.2). Площадка городища в этой части идет наклонно, понижаясь с запада на восток, что обусловлено наличием в непосредственной близости вала; в соответствии с этим мощность культурного слоя в западной части раскопа больше, чем в восточной.

Культурные напластования, зафиксированные в раскопе представляют следующую картину: дерн – 5-6 см., темно-серый гумусированный суглинок – 20-60 см., под ним линзами и в заполнении сооружений – серый слабо гумусированный суглинок – 10-30 см., ниже плотный белый подзол – 10-70 см и материковая желтая глина.

Нижний слой (глубина 140-194 см, белый подзол) содержал в себе лепную керамику и кости животных. На границе перехода от белого подзола к серому и темно-серому суглинку зафиксирована основная масса объектов городища (2 сооружения, 3 хозяйственные и 32 столбовые ямы), а в северной части раскопа (уч.В1, Г1) отмечены следы обожженной глины, также уходящие за пределы раскопа. Это слой начала существования Степановского городища. Характерной особенностью слоя и связанных с ним объектов является наличие в них основной массы индивидуальных находок. Белый подзол является естественным предматериковым слоем, наличие в нем многочисленных находок керамики и костей связано с сильной переработанностью слоя в результате жизнедеятельности на территории городища.

Для датировки слоя первостепенное значение имеет лепная керамика именьковского типа (рис.8), датированная основными исследователями V-VII вв. н.э. (Генинг и др., 1962; Старостин, 1967. С.29; Матвеева, 1981; Старостин, 1986; Старостин, Чижевский, 1993. С.20-42; Казаков, 1995). Индивидуальные находки: бронзовая сьюльгама с округлым в сечении кольцом и язычком из круглой проволоки (рис.7, 2) (Халиков, 1962. С.122, табл.ХХV; Степанов, 1965. С.252, табл.IV, 13,14), а также железные ножи с клиновидным в сечении лезвием и уступчиками на переходе от лезвия и обушка к черешку (рис.7, 1,4) (Старостин, 1967. С.18-25) имеют широкие пределы бытования – I тысячелетие н.э.

Верхний слой (глубина 100-139 см, темно-серый, местами серый суглинок) содержал в

себе лепную керамику и кости животных. Здесь зафиксировано устье хозяйственной ямы №2, а также 20 столбовых ямок. В юго-восточном углу раскопа I вскрыта часть западины от сооружения, уходящего за пределы раскопа. С верхним слоем связаны завалы крупных известняковых камней, фиксируемых над объектами нижнего слоя. Описываемый слой характеризует второй этап существования Степановского городища, связанный с ремонтными работами на более ранних объектах, так как большая часть столбовых ямок и камней фиксируется над объектами нижнего слоя.

Время существования слоя, к сожалению, не имеет узких хронологических рамок и по керамике (рис.8) определяется в границах времени существования именьковской культуры V-VII вв.н.э.

Слой, связанный с насыпью вала (глубина 0-99 см, темно-серый суглинок, подзол; нижняя граница слоя определяется по скоплениям угля) выявлен только в западной части раскопа I (уч.А1, А2, А3, Б3). Встречены фрагменты керамики, кости животных. На линии «А» расчищены обугленные деревянные конструкции, оставшиеся, вероятно, от укреплений вала. Сам вал не затронут раскопом I, он располагается в 2 м к северу от раскопа. Слой образовался, вероятно, в результате оползневых процессов в период разрушения вала.

Керамический комплекс слоя также находит ближайшие аналогии в материалах именьковской культуры.

Описание сооружений и ям.

Сооружения и ямы **нижнего слоя** Степановского городища.

Сооружение 1. (рис.4, 1). Уч.Г1, Д1, В2, Г2, Д2, Г3. Глубина фиксации очертаний внешнего котлована 152 см. Глубина дна внутренней ямы 243 см. В отличие от простых хозяйственных ям, сооружение 1 состоит из двух компонентов: внешнего котлована подчетырёхугольной формы размером (255×192 см) и круглой ямы диаметром 114 см, расположенной на дне котлована в его северо-восточной части. Стенки внешнего котлована отвесные, дно плоское, глубина его от уровня фиксации до дна 40-42 см. Заполнение котлована состоит из серого суглинка насыщенного костями животных, керамикой, а непосредственно над котлованом зафиксированы бронзовая сьюльгама (рис.7, 5), развалы двух сосудов (рис.8, 1,6) и фрагмент пряслица (рис.7, 2). Стенки внутренней ямы скошены таким образом, что она расширяется к плоскому дну (диаметр дна 130 см). Заполнение внутренней ямы состоит в основном из серого суглинка, насыщенного фрагментами керамики и костями жи-

вотных. Яма отделяется от внешнего котлована прослоем углей мощностью 5-10 см, подзолом толщиной 5-7 см и забутовкой из отдельных кусков крупного известняка (20-40×7-10 см). На уровне фиксации котлована зафиксировано кострище №1 (см. описание ниже). Вне котлована у его северо-восточной стенки отмечены столбовые ямы №4 и №5, связанные, вероятно, с конструкцией сооружения 1.

Сооружение 2. (рис.5, 1). Уч.Б3, В3. Глубина фиксации очертаний внешнего котлована 140 см. Глубина дна 261 см. Сооружение 2 было забутовано еще в древности крупными камнями белого известняка. Юго-западный угол сооружения 2 уходит за пределы раскопа I. Так же, как сооружение 1, сооружение 2 включает две составляющие: внешний котлован подчетырёхугольной формы размером 180×150 см и круглую яму диаметром 120 см. Последняя расположена на дне котлована в его центральной части. Стенки внешнего котлована отвесные, дно плоское, глубина его от уровня фиксации до дна 46-48 см. Заполнение внешнего котлована состоит из серого суглинка, насыщенного костями животных, керамикой и мелкими углями. Стенки внутренней ямы идут отвесно до глубины 40 см от уровня фиксации на дне внешнего котлована, глубже яма расширяется, и у дна ее диаметр уже составляет 136 см. Поверхность дна плоская. Так же как и в сооружении 1 внутренняя яма отделяется от внешнего котлована прослоем углей мощностью 2-4 см, под которым отмечена линза темно-серого суглинка толщиной до 17 см. Заполнение внутренней ямы состоит из серого суглинка, насыщенного фрагментами керамики и костями животных. У северо-восточной стенки сооружения выявлены столбовые ямы №12 и №13, предположительно связанные с конструкцией сооружения 2.

Яма №1. (рис.4, 2) Уч.Г1. Яма круглой в плане формы (диаметр 93 см), была выявлена на глубине 146 см. Стенки ямы скошены, у дна она расширяется, здесь на глубине 247 см ее диаметр составляет 135 см. Поверхность дна неровная, более глубокая в восточной части. Заполнение хозяйственной ямы состоит в придонной части из серого суглинка, насыщенного фрагментами керамики и костями животных, с включениями линз подзола, желтого песка и глины. На глубине 50 см от уровня фиксации заполнение ямы разделяет угольная прослойка толщиной до 4 см, выше которой располагается слой темно-серого суглинка с включениями глины и подзола, а также отдельных фрагментов керамики и костей.

Яма №3. (рис.5, 2). Уч.В3. Очертания округлой в плане ямы диаметром 103-105 см были

выявлены на глубине 141 см. Стенки ямы скошены, у дна она расширяется. На глубине 189 см ее диаметр достигает 127 см. Поверхность дна неровная. Заполнение ямы №3 состоит из серого суглинка, насыщенного фрагментами керамики и костями животных. В верхней части ямы отмечена линза темно-серого суглинка мощностью до 18 см, перекрытая тонкой, до 2 см, угольной прослойкой.

Яма №4. (рис.5, 4). Уч.Д1. Контуры округлой в плане ямы, более чем наполовину уходящей в северную стенку раскопа I, были зафиксированы на глубине 150 см. Стенки ямы отвесные. Дно, выявленное на глубине 203 см, ровное. Заполнение ямы №4 состоит в придонной части из серого суглинка, насыщенного фрагментами керамики и костями животных, и подзола, отделенного от серого суглинка прослойкой угля толщиной до 2 см.

Другим типом объектов выявленных в нижнем слое раскопа I являются следы от кострищ.

Кострище №1. (рис.3). Уч.Г1. Округлой в плане формы пятно ярко красного цвета размером 75×54 см было выявлено на глубине 149 см. Оно было вытянуто длинной осью по линии запад-восток. Остатки кострища состояли из обожженной глины толщиной 2-3 см с включениями мелких угольков. Располагалось в пределах сооружения 1 у его северо-западной стенки.

Кострище №2. (рис.3). Уч.Б1. Овальной в плане формы пятно красного цвета размером 73×48 см было выявлено на глубине 149 см у северной стенки раскопа I. Длинной осью оно было вытянуто по линии север-юг. Остатки кострища, состояли из прослойки обожженной глины толщиной 3-5 см с включениями мелких угольков.

Пятно обожженной глины красного цвета (рис.3) более крупных размеров, чем пятна кострищ, было зафиксировано на глубине 156 см на участках В1, Г1. Пятно, имеющее форму неправильного овала (160-165×40 см), расчищено не полностью, часть его уходит за пределы раскопа I. В сечении данное пятно представляет собой линзу толщиной 2-3 см.

Характерную особенность Степановского городища составляют многочисленные столбовые ямы. За время раскопок исследовано 52 таких ямы. Стратиграфически лишь малая часть их относилась к верхнему горизонту, а большая часть к нижнему. По глубине залегания и месторасположению выделены шесть групп столбовых ям. Причем в ряде случаев глубина залегания вышележащих ям лишь незначительно отличаются от нижележащих.

Три группы столбовых ямы (рис.3) располагались на границе перехода от темно-серого суг-

линка к белому подзолу и были перекрыты вышележащими культурными отложениями городища, устья их начинались на глубине 140-155 см. Столбовые ямы первой группы (№№16, 17, 29-46, 48, 49) сосредоточены в северо-западной части раскопа, на участках Б1, А2, Б2 (рис.3), столбовые ямы второй группы (№№8, 18, 20, 24, 26-28) – в юго-западной части, на участках А3, Б3, В3, Г3, третья группа ям располагалась в северо-восточной части раскопа (участки В1, Г1, Д2) и была связана, вероятно, с сооружением 1.

Сооружения и ямы **верхнего слоя** Степановского городища.

Яма №2. (рис.4, 3). Уч.Г3, Д3. Очертания округлой в плане ямы диаметром 124 см были выявлены на глубине 110 см. Яма прослежена не полностью, на одну треть она уходит за пределы раскопа I. Стенки ямы, отвесные у дна, ближе к устью полого расширяются; это связано, вероятно, с тем, что в ходе эксплуатации ее края осыпались вниз. На глубине 140 см ее диаметр составляет 101 см. Дно плоское. У дна, на глубине 170 см диаметр ямы составляет 100-102 см. Заполнение ямы напоминает слоеный пирог. В придонной части она заполнена серым суглинком мощностью 20-25 см с редкими включениями керамики и костей животных, который перекрыт прослоем темно-серого суглинка, обильно насыщенного фрагментами керамики и костями животных; выше залегает слой подзола с включением угольной линзы толщиной 2-5 см. Наличие угольной прослойки позволило выявить первые, еще нечеткие очертания ямы №2 на глубине 110 см. Окончательно она была выявлена на фоне материка на глубине 142 см.

Яма округлых очертаний диаметром 108-110 см отмечена в юго-восточном углу раскопа I, на участке Д3 (рис.3). Она выявлена на глубине 110 см на фоне белого подзола и своими краями заходит в восточную и южную стенки раскопа. На материке на глубине 140 см ее очертания теряются. Глубина ямы от уровня фиксации до дна 30 см. Ее заполнение состоит из темно-серого суглинка с включениями отдельных фрагментов керамики. Южная стенка ямы отвесная, восточная скошена во внутрь, дно чашевидное. Вероятно, данная яма маркирует какое-то крупное сооружение, оставшееся за пределами раскопа I.

Трем группам столбовых ям, планиграфически располагающимся непосредственно над столбовыми ямами первого (нижнего) слоя, присвоен литер «А». Они относятся к верхнему слою поселения (глубина 100-139 см) и отражают, вероятно, второй этап существования сооружений (второй строительный горизонт), с которыми связаны столбовые ямы нижнего слоя.

Столбовые ямы первой «А» группы (№№14, 15, 17, 50-52) сосредоточены в северо-западной части раскопа, на участках Б1, А2, Б2; столбовые ямы второй «А» группы (№№6, 7, 9-13, 19, 21-23, 25) расположены в юго-западной части раскопа на участках А3, Б3, В3, Г3; столбовые ямы третьей «А» группы (№1, 3) сосредоточены в северо-восточной части раскопа на участках В1, Г1, Д2.

Вещевой комплекс раскопа.

Глиняная посуда (рис.8). Наиболее массовым материалом, полученным в результате работ на Степановском городище, является лепная именковская керамика с примесью шамота, с черной и пятнистой (черной с оранжевыми пятнами) поверхностью, насчитывающая 1782 фрагмента. Она представлена обломками горшководных сосудов (1758 фрагментов) и крышек (19 фрагментов). Керамика имеет многочисленные аналогии в материалах поселений и могильников именковской культуры (см. выше).

В **нижнем слое** встречено 567 фрагментов – 31,8% всей керамики раскопа. Венчики составляют 13,2% керамики слоя (75 фрагментов), стенки – 77,6% (440 фрагментов), днища – 6,4% (36 фрагментов), фрагменты крышек – 2,8% (16 фрагментов). В пределах сооружения 1 обнаружено два развала цилиндрических глиняных сосудов (рис.8, 1,6).

К **верхнему слою** принадлежит наибольшее количество находок керамики – 1066 фрагментов (59,8% всей керамики раскопа). Из них 12,4% (132 фрагмента) относится к венчикам, 76,7% (818 фрагментов) к стенкам, 10,1% (108 фрагментов) к днищам, фрагменты крышек составляют 0,8% (8 фрагментов).

Слой, связанный с насыпью вала дал 149 фрагментов лепной керамики – 8,4% от всей керамики раскопа. Венчики составляют 10,7% (16 фрагментов) керамики слоя, стенки – 86% (128 фрагментов), днища – 3,3% (5 фрагментов), фрагменты крышек не встречены.

Индивидуальные находки.

Из культурных отложений и сооружений **нижнего слоя** происходит довольно многочисленная коллекция находок.

Нож железный (рис.7, 4) (длина 8,9 см, ширина у перехода к рукояти 1,3 см) с клиновидными в сечении лезвием и уступчиками на переходе от лезвия и обушка к черешку. Обнаружен на глубине 140 см на участке Б2.

Заготовка ножа (рис.7, 1) (длина 5,6 см, ширина у перехода к рукояти 1 см) выполнена из железа, полностью откован черешок и уступчики в месте перехода к намеченному лезвию. Само лезвие не закончено и представляет собой подчетыреугольный в сечении брусок.

Выявлена на глубине 143 см на участке В3.

Накладка железная (рис.7, 7) ромбической формы (1,8×1,9 см; максимальная длина – 2,4 см; толщина – 0,1 см). Верхний конец загнут на лицевую сторону, и образует петлю, в центре тыльной стороны отмечены следы ямки от сломанного шпенька. По контуру лицевой стороны идет неглубокая прочерченная канавка. Обнаружена на глубине 144 см на участке Б1.

Пряслице керамическое (рис.7, 8), биконической формы, ошлакированное (диаметр 2,6 см, диаметр отверстия 1,3-1,4 см). Коричневого цвета, из хорошо отмученной глины. Обнаружено на глубине 140 см на участке Б2.

Фрагмент биконического пряслица (рис.7, 2) (диаметр 2,5 см, диаметр отверстия 1,3 см) из хорошо отмученной глины черного цвета. Обнаружен на глубине 151 см на участке В2. Оба пряслица имеют многочисленные аналогии в материалах поселений и могильников именковской культуры.

Изделие из глины в виде половины шара (рис.7, 3) (диаметр 3,4 см, высота 1,6 см), расколотого еще в древности. В центральной части отмечено углубление, выполненное механическим способом, вероятно, сверлением. Обнаружено на глубине 140 см, участок В3.

Сюльгама бронзовая (рис.7, 5) (диаметр 1,8-2 см) из круглого в сечении дрота с раскованными и загнутыми в кольцо окончаниями. Обнаружена на глубине 149 см на участке Г2, на уровне предполагаемого пола сооружения 1. Имеет многочисленные аналогии в материалах I тыс. н.э. (см. выше).

Культурные отложения **верхнего слоя** сохранили лишь одну индивидуальную находку – фрагмент тигля (рис.7, 6). Нижняя часть толстостенного ошлакированного сосуда (сохранившаяся высота – 3,5 см, диаметр тулова – 4,8 см, диаметр днища – 3,5 см) была найдена на глубине 120 см на участке В2. Аналогии данному сосуду отмечены в материалах именковских поселений. Во всех случаях сосуды данного типа связаны с плавкой цветных металлов (Старостин, 1967).

Слой, связанный с насыпью вала индивидуальных находок не дал.

Таким образом, полученные в ходе археологических работ 1990 г. материалы позволяют отнести Степановское городище к памятникам именковской культуры V-VII вв. н.э. В результате работ было вскрыто два сооружения, четыре хозяйственные ямы, два кострища, 52 столбовых ямы. Кроме того, в юго-восточном углу раскопа I вскрыта часть западины от сооружения, уходящего за пределы раскопа, а в северной части раскопа отмечены следы обожжен-

ной глины, также уходящие за пределы раскопа. Выделенные в ходе исследования нижний и верхний слои соотносятся с ранним и поздним строительными горизонтам и характеризуют два этапа существования городища. Третий слой, связанный с насыпью вала, образовался, вероятно, уже после прекращения функционирования городища в результате природных абразионных процессов.

Список литературы

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у с.Рождествено. Казань, 1962.

Казаков Е.П. Турбаслинско-именьковские памятники Закамья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1995.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. // Труды КФАН

СССР. Серия исторических наук. Казань, 1954.

Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.

Степанов П.Д. Андреевский курган // ТМордНИИЯЛИЭ. Вып.17. Саранск, 1965.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып.Д1-32. М., 1967.

Старостин П.Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.

Старостин П.Н., Чижевский А.А. Маклашеевский V могильник // Древние памятники Приустьевого Закамья. Казань, 1993.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // ТМАЭ. Т.2. Йошкар-Ола, 1962.

Чижевский А.А. Отчет о разведках в Тетюшском и Буинском районах ТАССР в 1988 году. Казань, 1989. / Архив МАРТ.

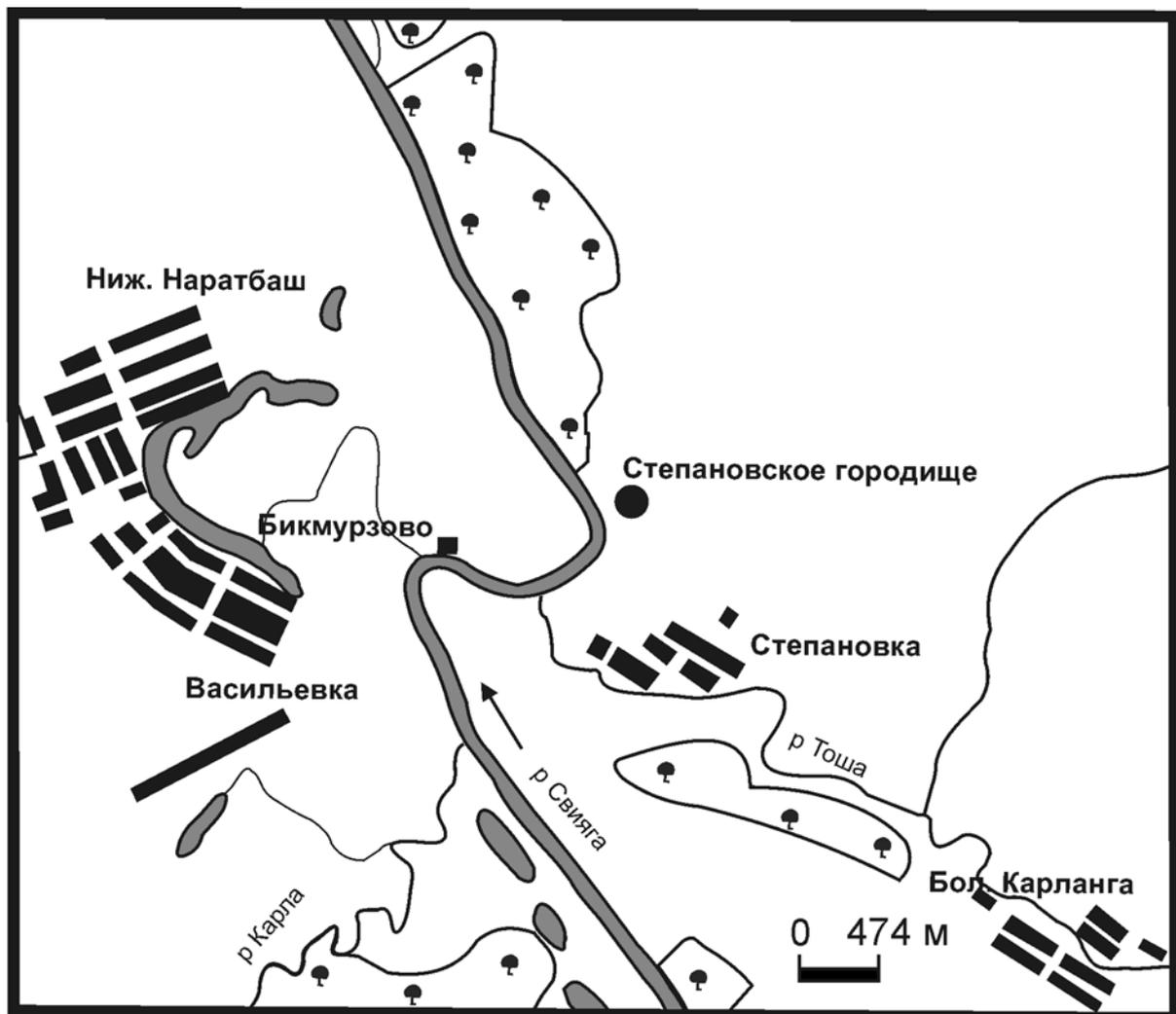

Рис. 1. Стапановское городище. Ситуационный план.

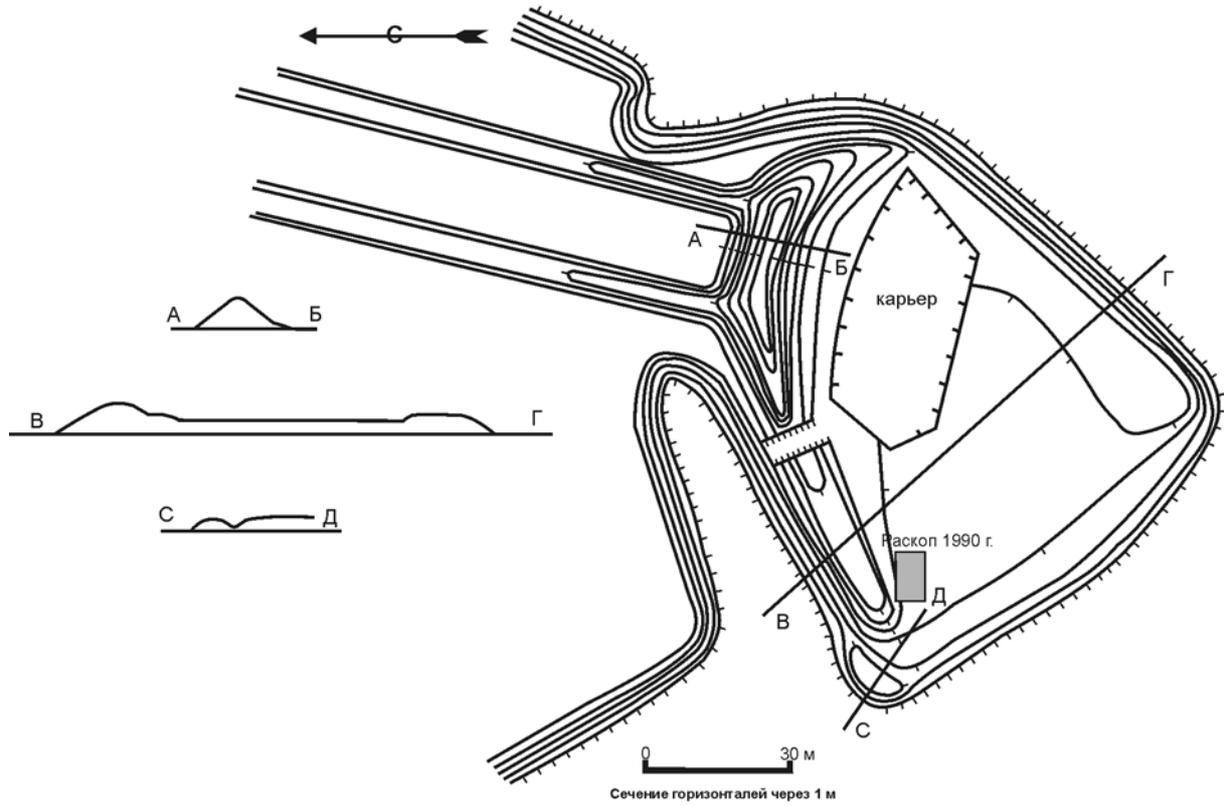

Рис. 2. Стапановское городище. Общий план.

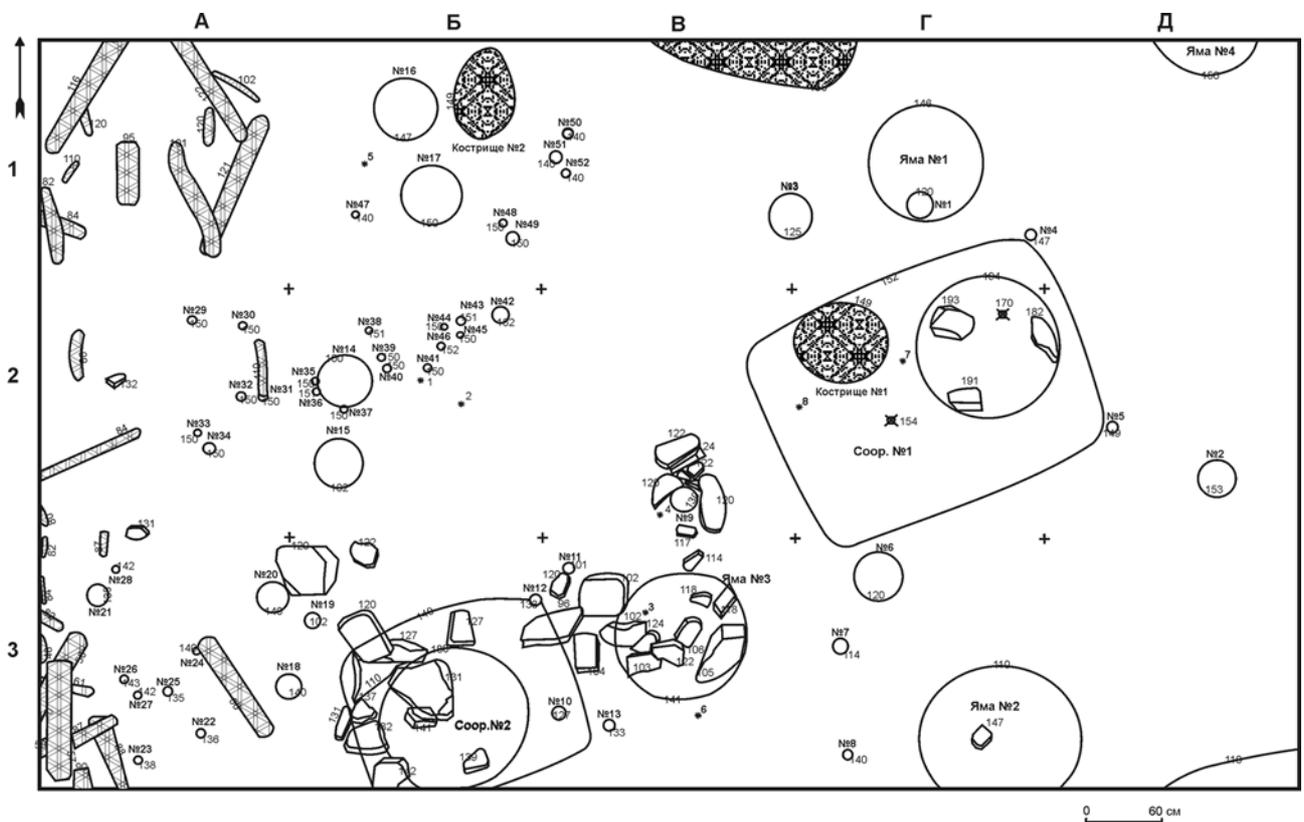

Рис. 3. Стапановское городище. План раскопа 1990 г.

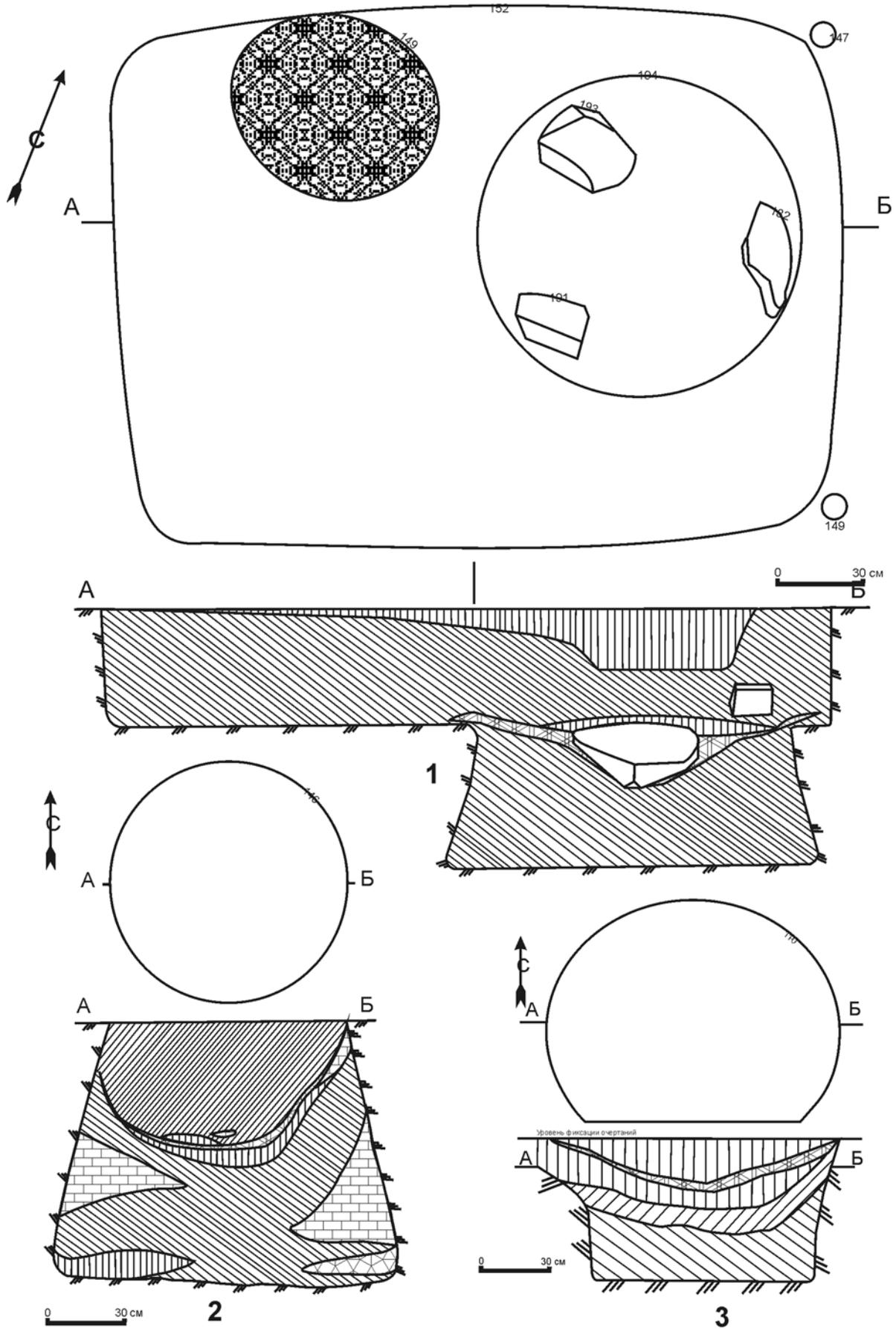

Рис. 4. Степановское городище. Раскоп I 1990 г. 1 – сооружение №1, 2 – яма №1, 3 – яма №2.

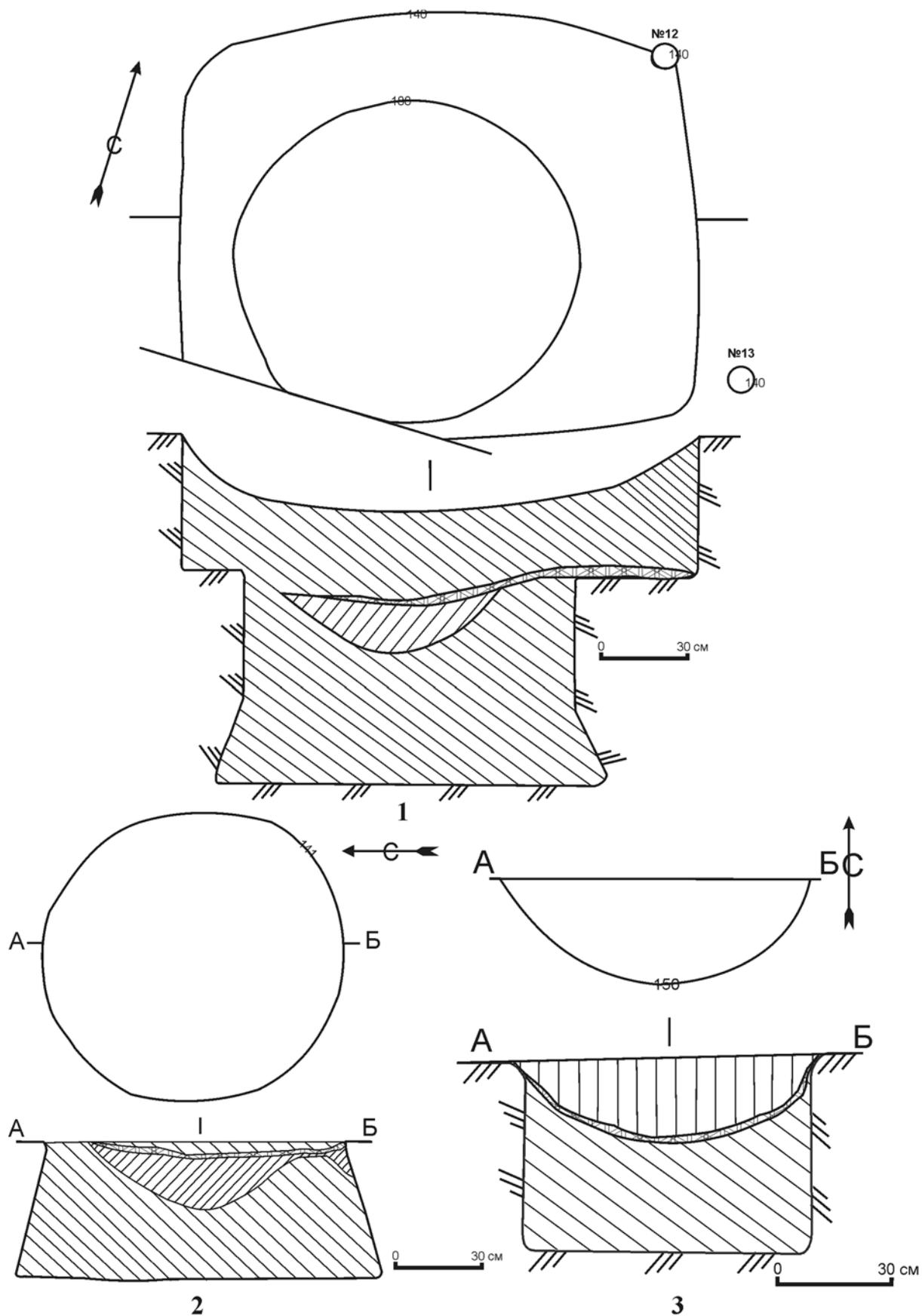

Рис. 5. Степановское городище. Раскоп I 1990 г. 1 – сооружение № 2, 2 – яма №3, 3 – яма №4.

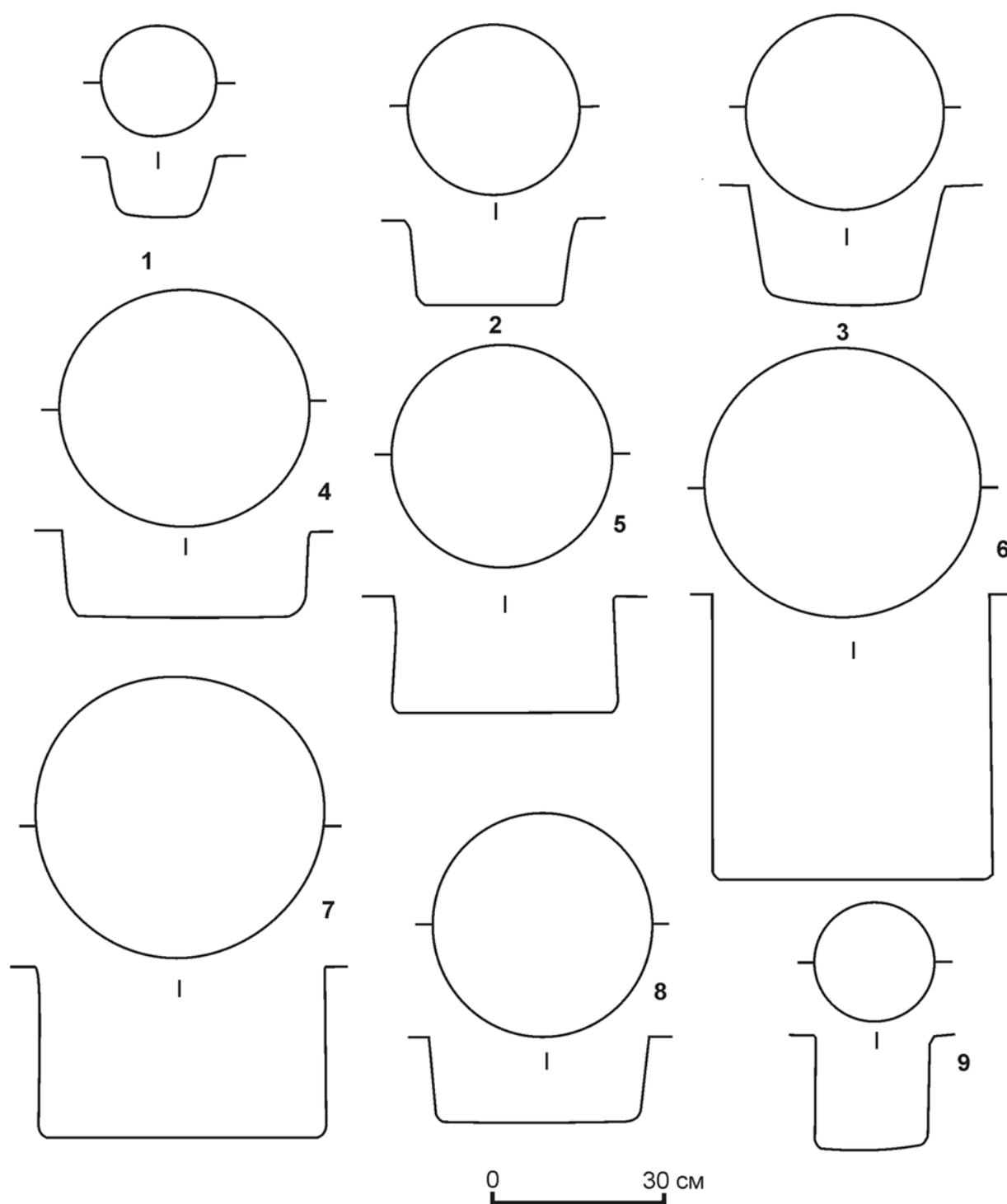

Рис. 6. Степановское городище. Раскоп I 1990 г. Планы столбовых ям. 1 – ст. яма №1, уч.Г1; 2 – ст. яма №2, уч.Д2; 3 – ст. яма №3, уч.В1,Г1; 4 – ст. яма №14, уч.Б2; 5 – ст. яма №6, уч.Г3; 6 – ст. яма №17, уч.Б1; 7 – ст. яма №16, уч.Б1; 8 – ст. яма №15, уч.Б2; 9 – ст. яма №9, уч.В2.

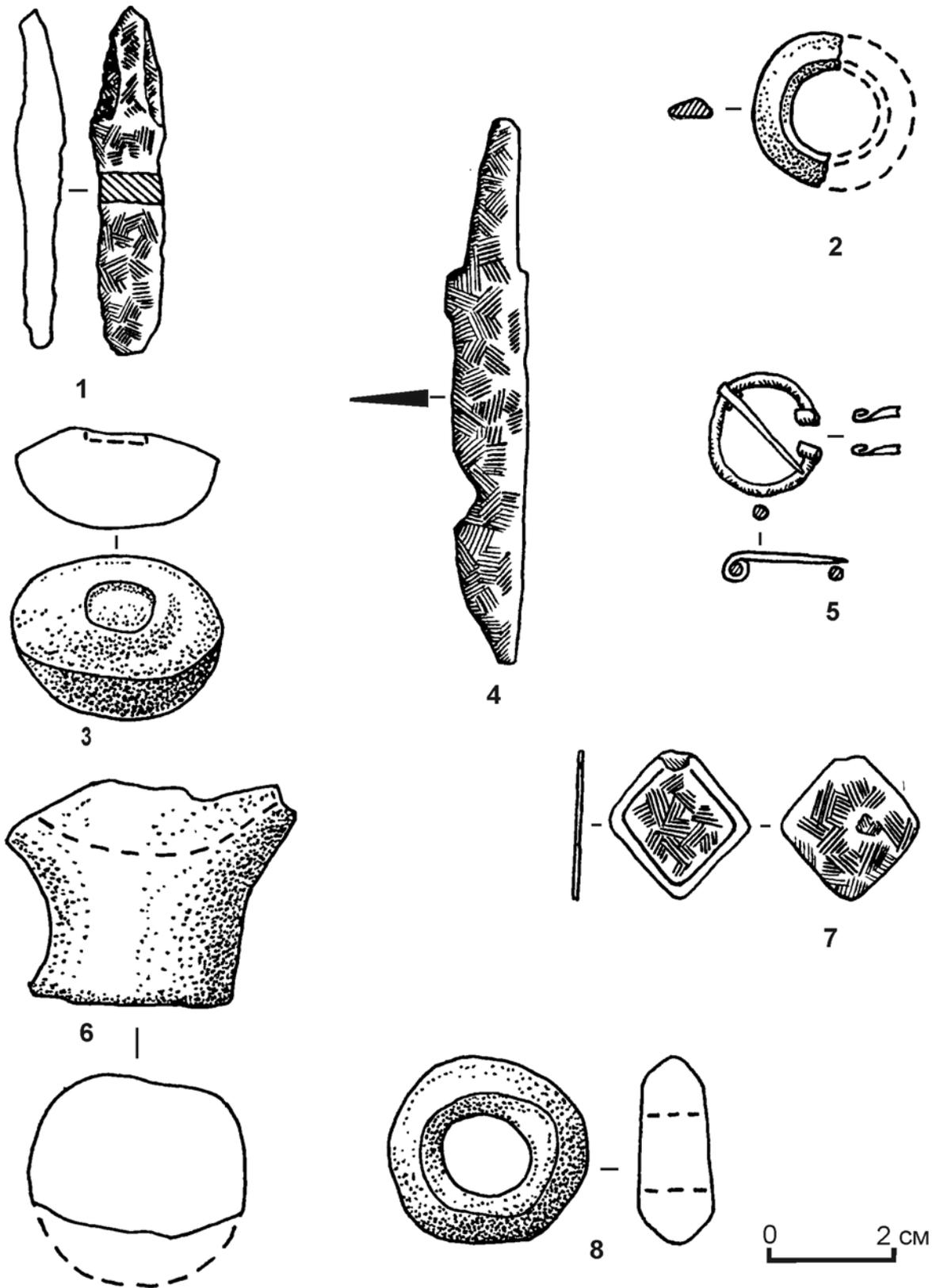

Рис. 7. Степановское городище. Раскоп I 1990 г. Индивидуальные находки. 1 – заготовка ножа, уч.В3; 2 – фрагмент пряслица, уч.В2; 3 – изделие из глины, уч.В3; 4 – нож железный, уч.Б2; 5 – сьюльгама, уч.Г2; 6 – фрагмент тигля, уч.В2; 7 – накладка, уч.Б1; 8 – пряслице ошлакированное, уч.Б2; 1,4,7 – железо, 5 – бронза, 3,6,8 – глина.

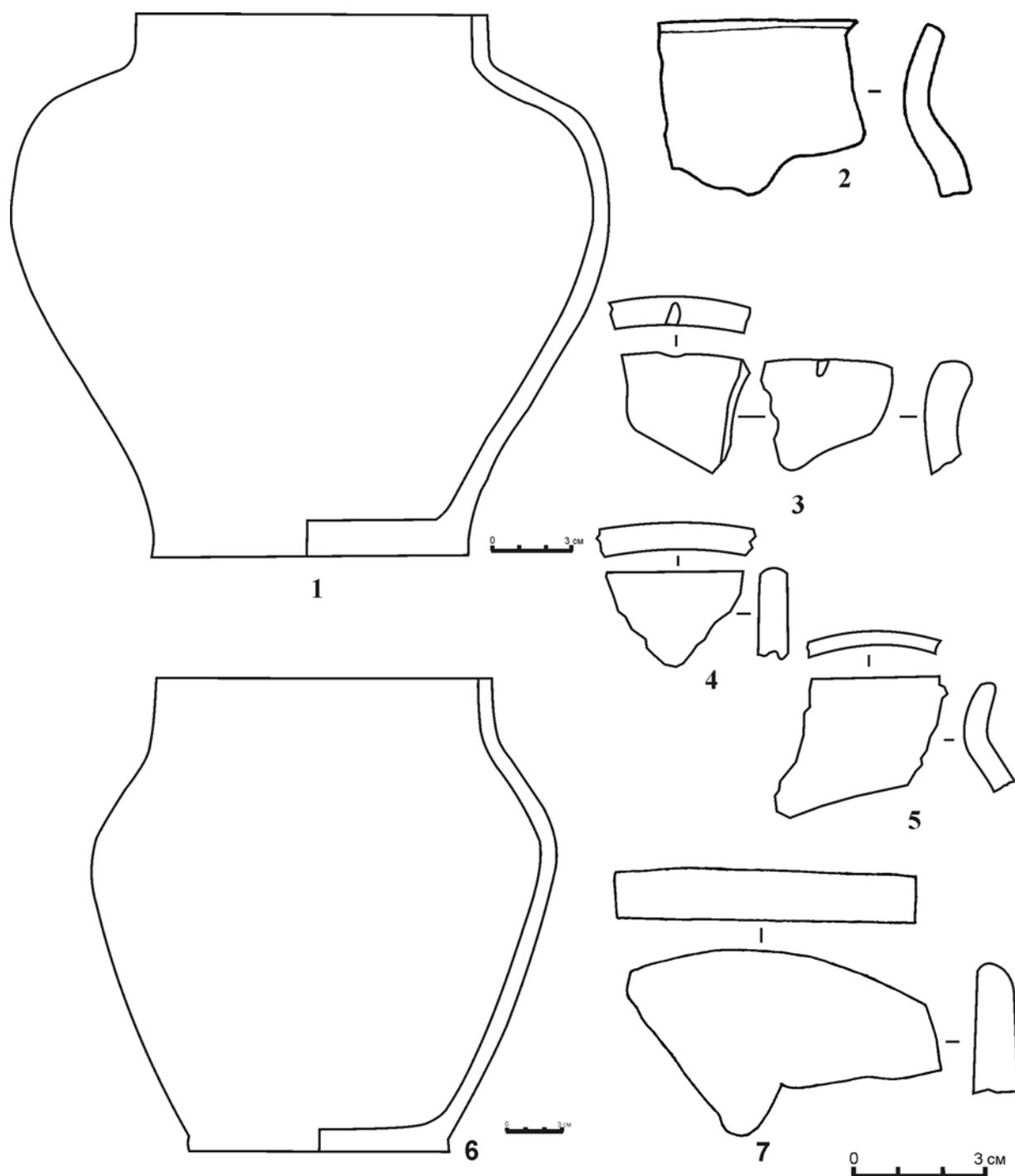

Рис. 8. Степановское городище. Раскоп I 1990 г. Лепная керамика. 1 – уч.Г2, глубина 170 см; 2 – фр. венчика, уч.Б3, гл. 140 см; 3 – фр. венчика, уч.А2, гл. 121 см; 4 – фр. венчика, уч.Б2, гл. 105 см; 5 – фр. венчика, уч.Г3, гл. 120 см; 6 – горшковидный сосуд, уч.Г2, гл. 154 см; 7 – фр. крышки, уч.Б3, гл. 145 см.

Л.И.Липина

Удмуртский государственный университет, г.Ижевск

О СЕМАНТИКЕ ПРИКАМСКИХ ШУМЯЩИХ ПОДВЕСОК С ИЗОБРАЖЕНИЕМ МЕДВЕДЯ

Рассматриваемые подвески представляют собой ажурные пластины подковообразной формы с хорошо проработанной рельефной медвежьей головой в центре. По её бокам изображены когтистые лапы, орнаментированные горизонтальными штрихами – браслетами, иногда едва читаемыми. Композицию часто окаймляет бордюр с насечками – ложновитой орнамент. Все подвески имеют петлю для подвешивания и отверстия для крепления шумящих деталей числом от трёх до шести. Форма шумящих привесок шаровидная, ромбовидная, в виде колокольчиков и лапок. Высота основы 5-6 см.

Судя по положению их в захоронениях, подвески могли использоваться для украшения нагрудной части костюма, завершения висящих деталей пояса, украшения нижнего края верхней одежды типа куртки, а также женщины вплетали их в косы (Голдина, Водолаго, 1990. С.74). Эти украшения характерны, главным образом, для Верхнего Прикамья V-IX вв. (Голдина, 1985). Изображение медведя на них является классическим вариантом иконографии сюжета «медведь в жертвенной позе» (голова между лапами) (рис.1).

Образ медведя в искусстве Прикамья полисемантичен. Он принадлежит как верхнему, так и нижнему таксономическим рядам. И, поскольку корни его находятся в каменном веке, он включает в себя все возможные смыслы, которые присущи объекту первобытного синкретического искусства (черты тотемистического и промыслового культов, космогонических мифов) (Худяков, 1934. С.76-77, 81; Соколова, 2002. С.48,49,52; Ширин, 2003. С.147).

Рассматриваемый изобразительный сюжет арочных подвесок, «медведь в жертвенной позе», возможно, перенесён в бронзовое литьё как иллюстрация «медвежьего праздника», когда освежёванная шкура медведя с головой и лапами укладывалась на возвышение, как почётный гость. При обращении к этнографическим материалам, можно найти соответствующие параллели. Но изобразительный сюжет – это не зеркальное отражение действительности, а обобщённое понятие. Культ медведя и медвежий праздник, без сомнения, имели изобразительную интерпретацию, они запечатлены в художественной культуре, и в бронзовом литье, как части ее.

Анализ шумящих подвесок арочной формы по всему Прикамью выявляет взаимозаменяемость образов медведя и его жилища (берлоги), мирового дерева, солнца и коня. Примером могут служить идентичные по форме и использованию, а, значит, и по содержанию подвески на рис.2, где легко узнаваемы пещерообразные берлоги (рис.2, 1,2,4,5), растительные мотивы, изображающие мировое дерево (рис.2, 3,6,7,10), солярные мотивы (рис.2, 5,6,8,9,11), кони (рис.2, 10).

Суть этих изображений – образ Вселенной. Одним из архаических воплощений которой был человек (жрец/жертва) на дереве или уподобившийся дереву. Человек в данном случае мог быть заменён медведем, поскольку медведь иногда брал на себя шаманские функции, путешествуя по делам людей в разные миры Вселенной по мировому дереву (Косарев, 2002. С.52-56). У нганасанских шаманов медведь играл роль проводника между видимым человеческим миром и невидимым миром духов (Грачёва, 1981. С.165). У кетов была категория шаманов, олицетворявших собой при камлании медведя. Шаманы-медведи считались наиболее сильными на земле (Алексеев, 1981. С.175). В мифологии лесных ненцев медведю, как и шаману, были открыты пути в нижний и верхний миры (Головнёв, 1995. С.462). Кроме того, в сказках сохранились отголоски древнего представления о том, что некогда медведь был человеком, и что люди могут превращаться в медведей (Мифы, легенды и сказки удмуртского народа. 1986).

Мотив человеческой жертвы на дереве хронологически продолжает мотив коня у мирового дерева, связанный с переходом к ритуалу жертвоприношения коня. В ведийской и индуистской мифологии Ашваттха (мировое дерево) – это «лошадиная стоянка» (Топоров, 1998. С.78-79). В скандинавской мифологии древо жизни Иггдрасиль («конь Одина») соединяет различные миры – небо, землю, подземелье, по нему странствует шаман из одного мира в другой (Мелетинский, 1998. С.229-230). О взаимосвязи значений «Вселенная», «дерево», «жертвоприношение», «жертва», «лошадь» свидетельствуют данные лингвистической культурологии (Маковский, 1996. С.134-144). При членении сакрального дерева по вертикали выделяют основные его части – нижнюю

(корни), среднюю (ствол) и верхнюю (крона). С нижней соотносят хтонических существ, со средней – копытных, с верхней – птиц и небесные светила (Марсадолов, 2003. С.139-143). В случае шумящих подвесок, изображающих небосвод арочной формы, иногда с кроной дерева, медведь выступает зооморфным олицетворением солнца, как, впрочем, и конь.

В погребальном обряде почти всех прикамских культур изделия с изображением медведя неизменно соседствуют с какими-либо «лошадными атрибутами», будь то бронзовые коньки или зубы лошади. Взаимосвязь образов медведя и коня, почти постоянно соседствующих в комплексе вещей погребения или воплощённых в изображениях костюмной гарнитуры, можно объяснить образом Мир-суснэ-хума, который являлся «угорским Митрой». Митра, один из главных богов индо-иранских народов, представляемый всадником или одиночным изображением лошади, соотносился в эллинское время с Дионисом (Кузьмина, 1976. С.55; Ширин, 2003. С.148-150). Комплекс дионисических в своей основе сюжетов проявлялся в культе медведя у многих народов. Это – чудесное превращение Диониса в медведицу, проведение сельских дионисических культовых обрядов в декабре-январе, олицетворение собой определённой цикличности природных процессов (умирание и возрождение), соотнесение его образа с плодоносящими силами земли и растительности (Лосев, 1998. С.190). То есть, соседство образов медведя и коня есть дублирование одного и того же образа верховного божества, но в разных воплощениях. Митра – бог, связанный с договором, людьми, солнцем. Его атрибуты: солнечные и небесные кони, мёд, сома. Митра – устроитель космоса, он – дающий жизнь и дающий сыновей. Он осуществлял посредническую функцию между верхом и низом, божественным и человеческим (Топоров, 1998. С.369-370). Легко заметить, что шаманская интерпретация образа медведя близка к образам Митры и Мир-суснэ-хума. Признаки последнего – «всадник», «властелин-старик», «сын золотого света». Он передавал людям наказания своего отца – Нуми-Торуа и выслушивал просьбы камлающих шаманов. Конь (и конские жертвоприношения), металлы и солнце – атрибуты Мир-суснэ-хума. Он являлся одним из основных объектов религиозных культов у обских угров и имел идолов в человеческом или гусином облике. Наличие шумящих привесок в виде гусиных/утиных лапок может быть также объяснено образом Мир-суснэ-хума, который в обско-угорской мифологии наиболее популярен в «гусином» воплощении (Хелимский, 1998. С.368). Среди обрядовых принадлежностей

поклонения этому герою применялись импортные серебряные или просто металлические блюда, что объяснялось простой ассоциативной связью: блестящие диски серебряных блюд олицетворяли небесное светило, то есть опять же самого Мир-суснэ-хума. Не случайно на некоторых из них были врезаны изображения медведя (Даркевич, 1976. С.186, 187; рис.35). У нганасанских шаманов в комплекте с медвежьими и оленьими изображениями основным сакральным элементом почитания было бронзовое зеркало. Металлический диск как символ не был отделен от самого предмета, солнца. Приобретение таких «солнечных» вещей связывалось с благополучием семейного очага (Грачёва, 1981. С.153-168).

Итак, в образе медведя на арочных подвесках присутствуют дионисийская плодоносящая, митраическая небесная, солнечная, опять же способствующая плодородию и благополучию силы, а также мир-суснэ-хумовская ипостась небесного, солнечного повелителя, что отмечено взаимозаменяемыми изображениями солярного, растительного, медвежьего и конского мотивов. Это подтверждается расшифровкой и соотношением основных значений термина «медведь» и его табуистических имён в индоевропейских языках. Греч. «медведь» соотносится с ирл. egs «небо». Нем. bar «медведь» соответствует ирл. spear «небо» и лат. sperma «мужское семя». Литов. lokys, латыш. lācis «медведь» соответствуют др.-инд. loka «Вселенная». Др.-англ. lac «жертвоприношение», др.-англ. ealgian – «спасать». Др.-англ. bega «медведь», но литов. burti «колдовать», Авест. bereg «религиозный обычай, ритуал», др.-инд. bhraspatiḥ «жрец, ведущий культовый акт» (Маковский, 1996. С.214-215).

Изображение медведя на арочных шумящих подвесках выражает идею небесного божества или посредника между людьми и богами, дающего плодородную силу и благополучие. Арочная форма во всех культурах трактовалась как небесный свод (Худяков, 1934. С.76-97; Рыбаков, 1988. С.206). Кроме того, она может быть стилизованным изображением берлоги, что концептуально для медвежьего ритуала, поскольку обряд совершался только над медведем, убитым в берлоге. Это объясняется пережитком древнейшей традиции, своими корнями уходящей к охоте на медведей в пещерах в палеолитическое время (Василевич, 1971. С.160).

Шумящие привески семантически приближены к колокольчикам – апотропеям. Громкий стук, крик, звон колокола или металлического предмета – распространённый оберег, отпугивающий злых духов. Длинные пронизи-цепочки,

завершением которых являлись арочные шумящие подвески, могли пониматься как цепь, с помощью которой медведь был спущен на землю из дома своего отца – небесного духа (Мифы..., 1990).

В.Я.Петрухин считает, что композиция арочных шумящих подвесок с привесками в виде утиных лапок – это иллюстрация финно-угорского мифа о мироздании: согласно ему медведь был спущен с неба на землю, сама же земля была поднята со дна первичного океана водоплавающей птицей (Петрухин, 2005. С.55).

Н.Б.Крыласова, рассматривая семантику подвесок такого типа, отмечает, что они в той или иной степени связаны с культом Калтащ-эква, жены Нуми-Торума и матери Мир-суснэ-хума. Калтащ – богиня-мать, подательница жизни, в её обязанности входила забота о рождении на земле детей (Хелимский, 1998. С.274, 368). Женские наконечники украшали главным образом идею плодородия и вместе с тем являлись оберегами как самой женщины, так и её будущих детей, что напрямую связано с представлениями об особой магии волос женщин детородного периода (Крыласова, 2001. С.78, 79).

Итак, мы располагаем данными, что шумящие подвески арочной формы – часть женского костюма, по всей вероятности, ритуального, поскольку изображения на них глубоко сакральны. Они заключают в себе символику верхнего таксономического ряда. Изделия, благодаря шумящим свойствам, являлись оберегами. Изображения медведя на них – это не медведь-жертва, не сложенная особым образом шкура на празднике, а солнечное божество в своём жилище (берлоге/небесном своде арочной формы), прототипом которого явилась палеолитическая пещера. Но использование образа медведя в данном случае не является развитием его космогонического контекста. Он обладает посреднической (между людьми и небесными богами) функцией и воздействует на воспроизводство людей и природы в целом.

Список литературы

- Алексеев Е.А.* Шаманская нарта (косул) у кетов // СМАЭ. 1981. Вып. XXXVII.
- Василевич Г.М.* О культе медведя у эвенков // СМАЭ. 1971. Вып. XXVII.
- Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник. Ижевск, 2003.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.

Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. 1979. Вып. Е1-59.

Грачева Г.Н. Культурный комплекс нганасан // СМАЭ. 1981. Вып. XXXVII.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М., 1976.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск, 1998.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М., 2003.

Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь, 2001.

Кужмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Лосев А.Ф. Дионис // Большая Российская энциклопедия. М., 1998.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.

Марсаолов Л.С. Реальные и сакральные лотос и дерево у древних кочевников Алтая // Экология древних и современных обществ. Тюмень, 2003. Вып. 2.

Мелетинский Е.М. Иггдрасиль // Большая Российская энциклопедия. М., 1998.

Мифы, легенды и сказки удмуртского народа. Устинов, 1986.

Мифы, предания и сказки хантов и манси. М., 1990.

Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М., 2005.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1988.

Соколова З.П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // ЭО. 2002. №1.

Топоров В.Н. Ашватха // Большая Российская энциклопедия. М., 1998.

Топоров В.Н. Митра // Большая Российская энциклопедия. М., 1998.

Хелимский Е.А. Мир-суснэ-хум. // Большая Российская энциклопедия. М., 1998.

Худяков М.Г. Культурно-космические представления в Прикамье в эпоху разложения родового общества. // ПИДО. 1934. №11-12.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003.

Рис. 1. Арочные шумящие подвески с изображением медведя в жертвенной позе. 1,5 – Варнинский; 2,6,9,11 – Аверинский; 3,12 – Деменковский; 4,7 – Редикарский; 8 – Каневский; 10 – Урынский могильники.

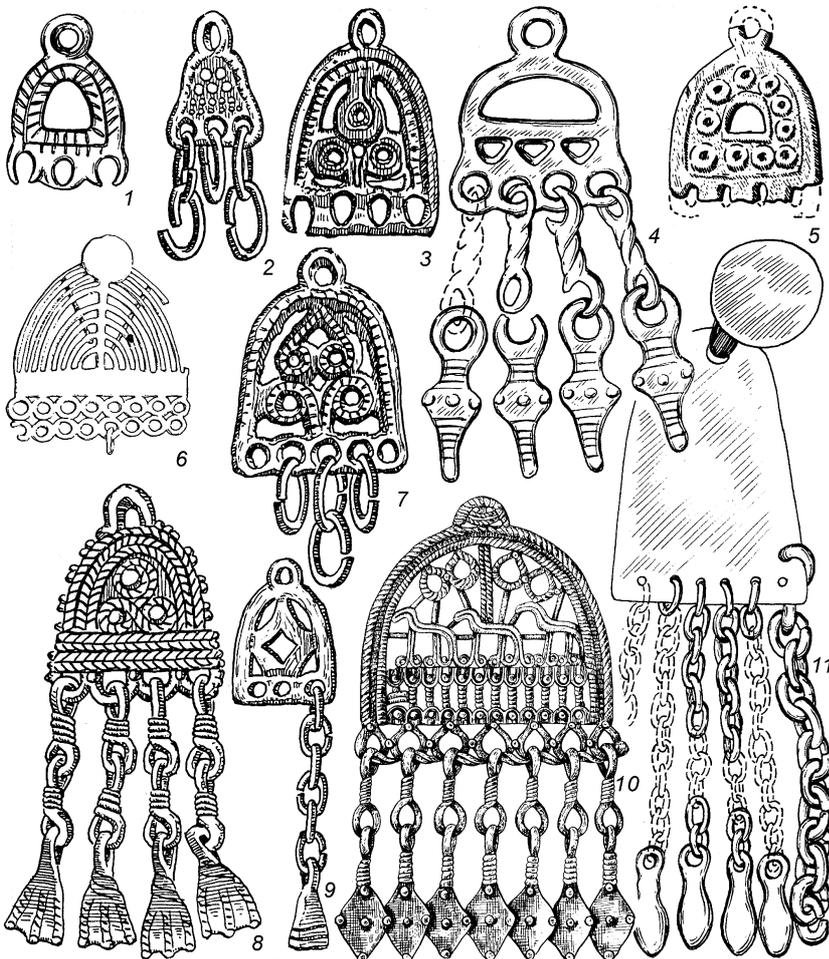
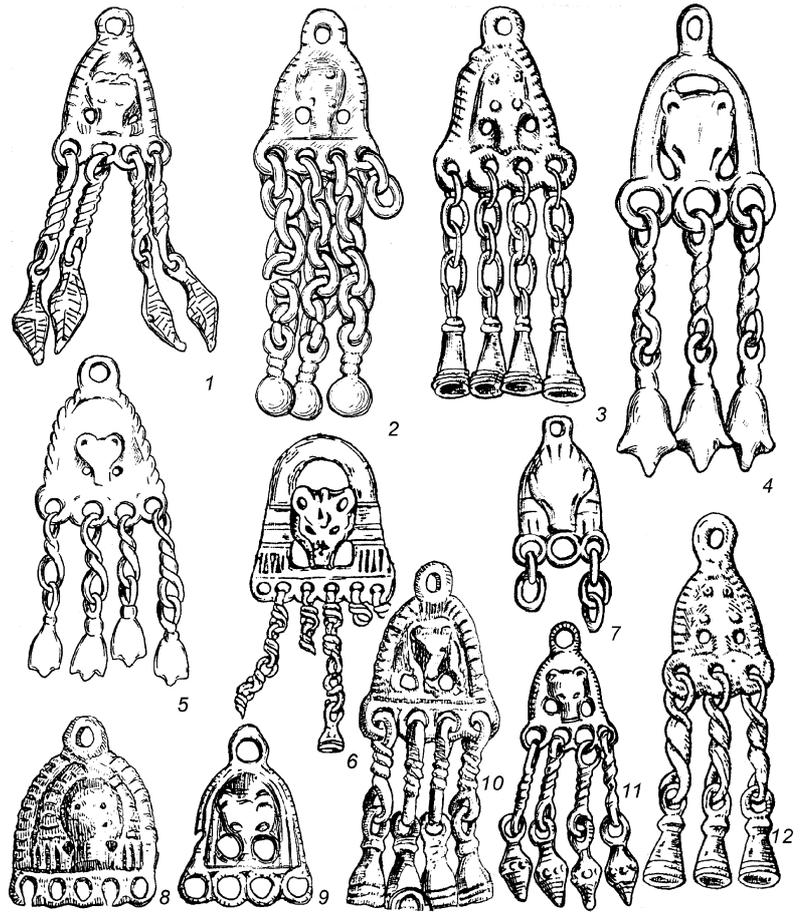

Рис. 2. Арочные шумящие подвески с мотивами берлоги, мирового дерева, коней, солнца. 1 – Урынский; 2 – Рождественский; 3 – Верх-Саинский; 4, 7, 9 – Аверинский; 5 – Деменковский; 6 – Тарасовский; 8 – Горт-Кушертский; 10 – Уржумкинский могильники.

А.Г.Петренко

*Национальный центр археологических исследований Института истории
им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, г.Казань*

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАННЕБУЛГАРСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Основным фактическим материалом, основополагающим для выяснения вопросов истории животноводческой и охотничье-промысловой деятельности древнего населения любого региона, являются, в первую очередь, археологические материалы из городищ, селищ и могильников. И, хотя остатки домашних животных из могильников представляют нам основу данных о ритуальных видах домашних животных, остеологические материалы из городищ и селищ, представляющие собой «кухонные остатки», характеризуют животных, мясо которых было основой питания людей, живших на территории исследуемых археологических памятников. Вместе эти материалы представляют собой научные данные, на основе которых можно проследить историю животноводства и охоты того или иного исторического периода.

По сведениям археологов, в IX-X вв. на территории Среднего Поволжья складывается одно из крупнейших государственных образований раннего средневековья – Волжская Булгария, которая сыграла огромную роль в жизни народов края, и в истории которой сегодня выделяют три периода: 1) раннебулгарский; 2) домонгольский; 3) золотоордынский (Валеев, 1995. С.3).

Наиболее сложным периодом в плане освещения хозяйственной, точнее животноводческой, деятельности и вопросов охотничье-промысловой деятельности нам представляется раннебулгарский период, т.к. основу остеологических материалов из археологических памятников по этому периоду до недавнего времени составляли лишь ритуальные остатки животных из раннебулгарских могильников Среднего Поволжья: I и II Больше-Тарханских, Танкеевского, Больше-Тиганского и др. Остеологических «кухонных» материалов с поселений до последнего времени не было. Их отсутствие объяснялось кочевыми традициями жизни раннебулгарского населения. И, тем не менее, имеющиеся остеологические материалы могильников представляются поистине достойным гимном значимости коня как в земной, так и в загробной жизни людей этого времени. Эти могильники, оставленные еще языческим населением раннего периода Волжской Булгарии, расположены на территории Татарстана и датируются археологами-исследователями VIII-

IX вв. (Больше-Тарханский и Больше-Тиганский) и IX-X вв. (Танкеевский). Зафиксированный при погребении человека ритуал захоронения коня в шкуре с головой и четырьмя ногами (скелет нижнего отдела конечностей: кости запястья, заплюсны, метаподии и фаланги) в раннебулгарских Больше-Тарханском и Танкеевском могильниках весьма близки. Здесь при погребении человека убивали его личного коня в возрасте 5-9 лет. Шкуру его, в которой оставалась нетронутой голова и нижние части ног, укладывали вместе с удилами, наконечниками стрел и другим богатым инвентарем в большинстве случаев на дно могильной ямы, в ногах человека либо вдоль могилы. Голова лошади своей резцовой частью (мордой) была направлена к голове умершего. За редким исключением, все захоронения имели западную ориентировку. В погребениях более ранних (IX в.) могил с комплексом коня значительно меньше.

В Больше-Тиганском могильнике, характеризующемся ориентацией погребенных также головой в западном направлении, выделяются четыре основные группы захоронения коней:

I группа – комплекс коня по типу: голова и четыре ноги в шкуре у ног умершего, плюс бедренная кость с правой стороны черепа погребенного;

II группа – только голова коня в ногах человека и бедренная кость у его головы;

III группа – только бедренная кость;

IV группа – только голова коня.

Представленный выше обряд с ритуальными частями туши коня (Петренко, 2000) при погребении людей, обитавших на территории Среднего Поволжья, явно свидетельствует об огромной роли лошадей, а следовательно, и коневодства в жизни раннебулгарского населения края. Это подтверждается и летописными данными. Так, Ибн-Фадлан свидетельствовал, что «их (болгар) пища – просо и мясо лошади, но пшеница и ячмень у них в большом количестве» (Ковалевский, 1956. С.37). Подтверждением этих данных явились остеологические материалы, полученные П.Н.Старостиным в 1991-1993 гг. при археологических раскопках на территории города Болгара в районе Малого Иерусалимского оврага (раскоп СХIV и СХХ), где им было исследовано раннебулгарское селище первой половины X в. (Ста-

ростин, 1993). Как свидетельствуют археозоологические данные, полученные из анализа представленных нам для диагностики остеологических материалов из Малоиерусалимского селища (табл. 1 и 2), основу животноводческого хозяйства раннебулгарского населения составляло поголовье лошадей, крупного рогатого скота и овец. Интересен факт полного отсутствия костных остатков домашних свиней у населения лесостепного Поволжья домусульманского периода. Не менее интересной особенностью исследованного остеологического раннебулгарского материала является заметное присутствие в «кухонных» остатках с территории селища костей таких охотничье-промысловых животных, как бобр, барсук, кабан, медведь, куница, косуля, сайга, лось. Эти данные являются свидетельством того, что население, пришедшее в район Среднего Поволжья и вошедшее в состав булгарского государственного объединения, имело сильные традиции активной охотничьей деятельности на отмеченных выше животных, т.к. костные остатки их были обнаружены среди «кухонных» отбросов, и, значит, их мясо (за исключением куницы) традиционно употреблялось в пищу раннебулгарским населением. В особенности это касается бобров, на которых охотились не столько ради мяса, но в большей степени из-за темно-коричневых с серебристой проседью ценных шкур, а также «бобровой струи», которая шла на продажу и применялась в народной медицине. Резцы бобров, медвежьих клыки и клыки куниц употреблялись в качестве оберегов и входили в состав ожерелий. Есть основания предполагать, что роль охоты была еще большей, так как в «кухонные» остатки не попадали туши зверей (например, белка, лиса, рысь), мясо которых не употреблялось в пищу, и поэтому кости их не могли быть нами учтены в «кухонных» остатках остеологических коллекций, но их мехами волжские болгары широко торговали. Очень мало костей птиц и рыб. И хотя охота на диких животных, по данным этого раннего селища, имела существенное значение, все же наиболее важное место в хозяйстве отводилось разведению домашних животных. Данные о соотношении костных остатков указывают на приблизительно равную роль в хозяйстве скотоводства и охоты (табл.1).

О значительной, ведущей роли коневодства в хозяйстве раннебулгарского населения свидетельствуют и данные жертвоприношений домашних животных в могильниках.

Основой мясного питания раннебулгарского населения были конина и говядина. Свиней раннебулгарское население не разводило, что подтверждает подвижный образ хозяйственной жизни. Отмеченные выше особенности животновод-

ческих навыков были прослежены и в результате научных исследований на костях в плане видовой морфологии. Данные по породной морфологии наиболее отчетливо фиксируются нами по костям ритуальных остатков лошадей. И если по краниологическим признакам раннебулгарские лошади Танкеевского могильника проявляют значительное сходство с аборигенными лошадьми Западного Казахстана, то от древнерусских лесных они явно отличаются по строению головы. Кости конечностей лошадей наиболее многочисленны в материалах исследованных раннебулгарских могильников, сохранность их значительно лучшая. Их исследование свидетельствует о том, что основная масса лошадей была представлена «средними» и «низкорослыми» группами (по классификации В.О.Витта) со средней высотой в холке $137,8 \pm 0,38$ см. «Рослые», с высотой в холке 144-151 см представлены в меньшем количестве. По признаку «тонконогости» (классификация А.А.Браунера) преобладающая масса лошадей принадлежала к группе «полутонконогих» и «средненогоих» животных. Животные категорий «тонконогих» и «полутолстоногоих» были редкостью (Петренко, 1984). Каких-либо достоверных данных по породной морфологии других домашних видов животных раннебулгарского периода пока нет, так как сильная раздробленность материала Малоиерусалимского селища затрудняет получение необходимой для этой цели информации.

По свидетельству археологов (Васильев, Матвеева, 1986. С.153), в середине VIII в. прослеживается очередная волна притока населения с юго-запада – из Подонья и Приазовья, которое, появившись на Средней Волге, оставило вышеуказанные I и II Больше-Тарханские могильники. Во второй половине VIII в. здесь же появляется население из районов Прикамья, значительные следы которого прослеживаются в раннебулгарских могильниках Татарстана, а именно в Танкеевском могильнике IX-X вв. Этот факт засвидетельствовал появление в центре Средневожья финно-угорского населения, принявшего участие в сложении волжско-булгарской народности и его хозяйства. В VIII-IX вв. сюда проникает еще одна группа населения – угорские племена кушнаренковской культуры с востока, с территории современной Башкирии, что проявилось, по нашим данным, в особенностях ритуала захоронения с конем (череп и бедренная кость лошади) Больше-Тиганского могильника, который Е.А.Халикова относил к тюрко-угорскому населению (Халикова, 1976). Таким образом, в VIII-X вв. этническая неоднородность и подвижный образ жизни основной части населения Среднего Поволжья, ставше-

го основой сложения государства Волжская Булгария, являлись первопричиной того, что этот период развития хозяйственной жизни, а точнее, животноводческих навыков мы реконструируем сегодня лишь по редким, рассмотренным выше материалам раннего селища из г.Болгара и по ритуальным остаткам коней из ряда раннебулгарских могильников. Для сравнения, остеологические материалы из поселений чепецкой культуры лесного Прикамья, костные остатки из которых были нами исследованы ранее, наиболее близки по видовым характеристикам животных к материалам раннебулгарского Малоиерусалимского селища, раскопанного П.Н.Старостиным на территории г.Болгара. Примером тому могут служить представленные в табл.3 археозоологические данные из таких городищ, как Шудьякар (средний слой VIII-XIV вв.), Иднакар (IX-XIII вв.), Поркар (IX-XIII вв.), раскопки которых проводились археологами Удмуртии.

В X в. у волжских булгар возникают крупные города: Биляр, Сувар, Джукетау, Болгар, Ошель, Кирменчук и город на Самарской Луке, известный в литературе как Муромский городок, выполнявший функции контроля за безопасностью на Волжском торговом пути. Из большинства этих городов мы имеем обширные и богатые диагностированные нами остеологические материалы, представляющие собой «кухонные» остатки, которые позволяют определить особенности животноводческой и охотни-

чье-промысловой деятельности населения, но уже домонгольского периода, и остеологические данные из которых заметно отличаются от вышеописанных раннебулгарских (История татар, 2006. С.241-243).

Список литературы

Валеев Р.М. Волжская Булгария: торговая и денежно-весовая системы IX – начала XIII веков. Казань, 1995.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986.

История татар. Т.2. Волжская Булгария и великая степь. Казань, 2006.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг.: Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.

Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань, 2000.

Старостин П.Н. Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993.

Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2.

Таблица 1. Данные видового анализа по числу костей животных из раскопок на территории Малого Иерусалимского оврага в г.Болгаре (материалы П.Н.Старостина)

Виды животных	Раскоп СХIV 1991 г.			Раскоп СХХ 1992 г.			Материал 1993 г.
	соор.	шт. 1	шт. 2	шт. 1	шт. 2	шт. 3	
Крупный рогатый скот	160	181	66	104	690	50	383
Мелкий рогатый скот	70	84	70	46	488	15	318
Лошадь	114	180	76	72	560	4	490
Верблюд	–	–	10	–	4	–	–
Кошка	–	–	–	–	2	–	–
Собака	–	–	–	–	10	–	–
Заяц	–	–	–	1	4	–	3
Бобр	10	4	1	4	5	–	7
Барсук	–	2	–	–	–	–	–
Кабан	2	–	–	–	–	–	–
Куница	–	–	–	–	–	–	1
Медведь	–	1	–	–	2	–	–
Сайга	–	–	–	–	1	–	–
Лось	2	1	–	–	–	–	–
Косуля	–	–	–	–	–	1	–
Всего костей:	358	453	223	227	1766	70	1202

Таблица 2. Данные видового анализа костей животных (в %) из раскопок на территории Малого Иерусалимского оврага в г.Болгаре (материалы П.Н.Старостина)

Виды животных	1991 г. Раскоп СХIV			1992 г. Раскоп СХХ			Работы 1993 г.
	соор.	шт. 1	шт. 2	шт. 1	шт. 2	шт. 3	
Крупный рогатый скот	44,6	39,9	29,6	75,8	39,1	71,4	31,9
Мелкий рогатый скот	19,6	18,6	31,4	20,3	27,6	21,7	26,5
Лошадь	31,8	39,8	34,1	31,4	31,7	5,7	40,8
Верблюд	–	–	4,5	–	0,2	–	–
Кошка	–	–	–	–	0,1	–	–
Собака	–	–	–	–	0,6	–	–
Заяц	–	–	–	0,4	0,2	–	0,2
Бобр	2,8	0,9	0,4	1,8	0,3	–	0,5
Барсук	–	0,4	–	–	–	–	–
Кабан	0,6	–	–	–	–	–	–
Куница	–	–	–	–	–	–	0,1
Медведь	–	0,2	–	–	0,1	–	–
Сайга	–	–	–	–	0,06	–	–
Лось	0,6	0,2	–	–	–	–	–
Косуля	–	–	–	–	–	1,4	–

Таблица 3. Данные видового анализа костей животных из археологических памятников чепецкой культуры на территории лесного Прикамья

Виды животных	Селище Горд– Кушетское		Городища					
			Поркар		Шудьякар		Иднакар	
	к. ¹	о.	к.	о.	к.	о.	к.	о.
Крупный рогатый скот	225	7	380	13	53	2	3026	126
Мелкий рогатый скот	8	2	79	5	6	1	233	38
Свинья	–	–	–	–	–	–	7	4
Лошадь	122	3	26	5	43	3	2011	77
Собака	–	–	–	–	–	–	14	11
Заяц	2	1	–	–	1	1	20	13
Бобр	8	2	15	4	–	–	981	191
Белка	–	–	–	–	–	–	2	1
Лиса	–	–	3	2	–	–	14	11
Куница	–	–	–	–	–	–	2	2
Медведь	–	–	–	–	–	–	15	11
Волк	–	–	–	–	–	–	1	1
Росомаха	–	–	–	–	–	–	2	1
Северный олень	2	1	20	2	1	1	107	23
Лось	1	1	90	4	42	2	441	38
Косуля	–	–	–	–	–	–	1	1
Всего:	368	17	614	35	146	10	6877	549

¹ к – кости
о – особи

*В.И.Завьялов**Л.С.Розанова**Н.Н.Терехова**Институт археологии РАН, г.Москва*

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ В ИСТОРИИ КУЗНЕЧНОГО РЕМЕСЛА ФИННО-УГРОВ (К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ)

Финский мир, занимавший огромные пространства лесной и лесостепной зон Восточной Европы, представляет один из древнейших этносов Евразийского континента. Проблемы, связанные с историей финно-угорских народов Восточной Европы, давно привлекают внимание историков, археологов и этнографов. Работы, посвященные финно-угорской проблематике, затрагивают многие вопросы жизни и хозяйственной деятельности финских народов. В то же время явно недостаточное внимание было уделено производственной деятельности финно-угров и, в частности, железообработке. Работа над темой «Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе» (Терехова и др., 1997) позволила нам наметить основные этапы становления железообрабатывающего производства у различных народов Восточной Европы.

В изучении истории кузнечного ремесла древних народов одним из основных методов является метод археометаллографии (археологической металлографии). Его суть заключается в микроскопическом изучении структуры образцов, отобранных с древних железных изделий. На основании полученных данных о структуре металла определяется его характер, реконструируется последовательность кузнечных операций при производстве исследуемого артефакта. Обобщение результатов массовых серий анализов изделий, происходящих из конкретного археологического объекта позволяет выделить технико-технологические особенности, присущие кузнечному производству определенной культурно-исторической общности.

Впервые металлографический анализ небольшой серии предметов из финно-угорских памятников провел в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. Б.А.Колчин. Им были исследованы кузнечные изделия из памятников чепецкой культуры и мерянского племенного центра – Сарского городища (Колчин, 1953). Однако исследователь не уделил им специального внимания, рассматривая их в общем контексте древнерусских материалов.

Целенаправленно с точки зрения кузнечного производства обратилась к финно-угорским древностям Г.А.Вознесенская, изучив материалы, происходящие из Троицкого городища (дьяковская культура). Эта работа показала перспективность исследований в этом направлении (Возне-

сенская, 1965; 1972). Позднее материалы из других дьяковских памятников Москворечья были изучены Л.С.Хомутовой (1978; 1981).

В настоящее время основные археометаллографические исследования черного металла в России проводятся группой металлографии Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. Работа нашей группы охватывает широкий круг проблем, как в хронологическом, так и в географическом плане (Терехова и др., 1997; Завьялов, Розанова, Терехова, 2004). Одним из основных направлений с конца 70-х гг. XX в. становится изучение кузнечного ремесла финно-угров. Банк аналитических данных по этой проблематике составляет более 2000 единиц. Такой большой объём информации по различным регионам и культурам финно-угорского мира вызывает необходимость перейти к анализу и обобщению данных с целью наметить и проследить этапы развития кузнечного ремесла в финно-угорском мире от его зарождения до эпохи средневековья включительно, когда отдельные финские народы начинают входить в состав восточноевропейских государств.

Другая важная задача настоящего исследования заключается в том, чтобы проследить культурно-исторические связи финно-угров в производственной сфере как внутри обширного финского мира, так и с другими народами. Известно, что в различные исторические периоды на территории проживания финно-угорских племён фиксируется присутствие и других этносов: индо-иранцев, угров, тюрков, скандинавов, славян. В связи с этим возникает проблема взаимодействия различных народов. На археологическом материале межэтнические контакты выявляются достаточно определённо. В связи с этим возникает вопрос о роли этнокультурного фактора в производственной сфере.

Говоря об этнокультурном факторе в контексте нашей работы, мы подразумеваем устойчивый набор кузнечных артефактов, имеющий этническую окраску. Это и форма изделий, и категориальный состав, и технико-технологический стереотип. При этом все перечисленные элементы рассматриваются как единый комплекс.

Конкретное проявление культурно-исторических связей может быть отслежено на фоне выявленных традиций, отражением чего является технико-технологический стереотип. Под техни-

ко-технологическим стереотипом мы понимаем определенный набор и соотношение признаков, характеризующих материал, приемы и способы изготовления изделий в конкретной археологической культуре. На фоне традиций можно выявлять инокультурные воздействия (инновации).

На наш взгляд, в производственной сфере выделяется три вида культурно-исторических контактов: 1) перемещение кузнечных артефактов; 2) перемещение мастеров и 3) распространение технологических идей.

1. В первом случае мы имеем в виду все возможные варианты передвижения артефактов: импорт (как в результате прямого, так и многоступенчатого обмена), захват (в результате взятия дани, грабежа и т.п.). Не трудно заметить, что этот уровень является низшей формой культурных контактов, поскольку это простое заимствование предметов, иногда даже без ясного понимания их свойств.

2. Более высокий уровень представляет перемещение мастеров. В этом случае возможна как корпоративная замкнутость пришлого населения, так и растворение его в массе аборигенных племен.

3. Наконец, высшим видом контактов между древними народами является распространение идей. В этом случае мастера воспринимали новые производственные идеи или в виде подражания форме изделий, или в воспроизводстве новой технологии.

О перемещении артефактов мы говорим, если в определенной культуре фиксируется чуждая форма предмета, изготовленного в технологии неизвестной в данном обществе. Перемещение мастеров фиксируется нами в том случае, когда местные формы изделий изготовлены в нетрадиционной для рассматриваемого общества технологии. О распространении технологических идей можно говорить, если имеет место подражание либо чуждой форме изделия (при этом технология остается традиционной для данной культуры), либо некоей технологической схеме (форма изделия может оставаться местной).

Конечно, в реальном историческом процессе все эти факторы не проявляются в чистом виде. Более того, зачастую мы наблюдаем взаимодействие двух, а иногда даже и всех трех видов контактов. Это взаимодействие обуславливает формы и степень близости культурно-исторических связей. Использование метода металлографии позволяет проследить реализацию перечисленных факторов на конкретном материале. Основное внимание при изучении культурно-исторических контактов в производственной сфере мы обращаем на материал, технику, технологию с учетом типологических характеристик.

Аналитические данные позволяют характеризовать кузнечное ремесло финно-угров двух географических регионов: Волго-Камского и Волго-Окского, соотносимых с территориями формирования пермской и поволжской групп финно-угров. Первый представлен в нашем исследовании материалами таких археологических культур как ананьинская, гляденовская, азелинская, мазунинская, полоумско-чепецкая, ломоватовская, ванвиздинская, родановская, вымская; второй регион – дьяковской, культурой рязано-окских могильников, летописных финнов (мери, мордвы, муромы), населения Тверского Поволжья.

Накопленный к настоящему времени археологический материал является основой для изучения истории железообрабатывающего производства в финно-угорском мире на протяжении двух тысячелетий: с появления первых железных изделий (VIII-VII вв. до н.э.) по эпоху средневековья (IX-XIII вв.).

К сожалению, в силу различных обстоятельств (степень изученности памятников, доступность материала для металлографического исследования) не все культуры обширного ареала финских племен удалось исследовать в равной степени. Тем не менее, банк аналитических данных, которым мы располагаем, позволяет делать объективные историко-технологические выводы.

В истории развития техники обработки чёрных металлов у финно-угров на основании полученных нами археометаллографических данных можно выделить три основных этапа. **Первый** – знакомство с чёрным металлом под влиянием инокультурного воздействия. **Второй** (вторая половина I тысячелетия до н.э. – VIII в. н.э.) – процесс формирования местных кузнечных традиций и становление технико-технологического стереотипа. **Третий** (IX-XIII вв.) связан с изменением технико-технологического стереотипа под воздействием инокультурных факторов в условиях вовлечения финно-угорских народов в орбиту влияния раннегосударственных образований.

Волго-Камский регион

Первый этап. Здесь первые железные изделия появляются в раннеананьинское время (VIII-VI вв. до н.э.) на памятниках Среднего Поволжья. Можно говорить о феномене внезапного распространения многочисленных и разнообразных кузнечных изделий развитых форм. По археологическим данным прослеживаются тесные связи местного населения с носителями культур Кавказского региона. Наши аналитические данные не только подтверждают существование контактов, но и конкретизируют их формы и характер. На основании металлографического

анализа установлено, что при изготовлении раннеананьинских изделий использовались развитые технологические приёмы (цементация заготовок и самих изделий, сварка железа и стали, разнообразные способы термообработки), аналогичные тем, которые применялись при изготовлении кавказских изделий (Терехова, 1983; Розанова, Терехова, 1990). Особенностью сырьевого материала является низкое содержание фосфора в железе. В кавказских же традициях оказались изготовленными и некоторые типы местных изделий (Розанова, Терехова, 2002). Подчеркнём, что скифские мастера не знали в этот период термическую обработку (Терехова и др., 1997. С.69-71).

Развитость технологических приёмов и самих форм раннеананьинских железных предметов свидетельствует о том, что они имели привнесённый характер. Есть все основания относить их к продукции кавказских мастеров, имеющих богатый и длительный опыт в обработке чёрного металла. Представляется, что первоначально железные изделия попадали в ананьинскую среду с Северного Кавказа как в результате обмена, так и вместе с их носителями. В скифский период вместе с миграционным потоком с Северного Кавказа на Среднюю Волгу, видимо, пришли и кавказские кузнецы, принёсшие свои традиции обработки чёрных металлов. Они не только воспроизводили привычные им кавказские образцы, но и изготавливали местные типы изделий (например, наконечники копий) (Розанова, Терехова, 2002. С.193).

Мы полагаем, что пришлые мастера попали в среду ахмыловского населения и обслуживали в первую очередь его. Остальные ананьинские племена получали железные изделия в порядке внутриплеменного обмена. Пребывание здесь пришлых мастеров, вероятно, не было постоянным и их внедрения в местную среду не происходило. По видимому, они сохраняли свою клановую структуру и хотя в силу производственной необходимости входили в контакты с местными мастерами-бронзолитейщиками, но при этом не раскрывали технологических секретов своего ремесла.

Местные финно-угорские мастера по цветному металлу перенимают способы получения и обработки черных металлов. Их продукцией были изделия, повторяющие в черном металле местные бронзовые образцы (топоры-кельты, тесла). При этом два основных технологических приема обработки именно черного металла, известные пришлым кавказским мастерам, остались нераскрытыми – речь идет об искусственном получении стали и применении термообработки.

Кавказские традиции не вошли в систему местной железообработки. Полученный же импульс заключался лишь в освоении способа по-

лучения черного металла и простейших приемов его обработки. Металлургическая идея была воспринята благодаря опыту местных бронзолитейщиков.

Второй этап. Реализацию металлургической идеи мы наблюдаем в позднеананьинское время на территории Среднего Прикамья. Здесь в V-IV вв. до н.э. налаживается местное металлургическое производство, следы которого фиксируются археологически. Так же, как и в раннеананьинское время на Средней Волге, в V-III вв. до н.э. на Средней Каме используется низкофосфористый металл. Это свидетельствует об эксплуатации сходных источников рудопроявлений. Сами же изделия, представленные простыми формами и ограниченным ассортиментом, демонстрируют простую технологию, не имеющую связей с кузнечной техникой, выявленной в ахмыловском материале.

Во II в. до н.э. – II в. н.э. в Волго-Камском регионе (гляденовская культура) развитие железопроизводства идет по линии металлургии – осваиваются болотные и луговые руды. Начинается процесс распространения железных изделий на периферию Волго-Камского ареала (в начале I тыс. н.э. новый металл появляется в гляденовских памятниках Вычегодского края). Контакты в производственной сфере прослеживаются между локальными группами местного населения, что привело к сложению технологического стереотипа, определившего развитие кузнечного дела. Этот стереотип характеризуется следующими признаками: ограниченный ассортимент железных артефактов, использование при изготовлении изделий либо железа, либо сырьевой стали, применение приёма пакетирования заготовки, крайне редкое использование приёмов цементации и термообработки.

В III–V вв. (азелинская, мазунинская культуры) на фоне возросшего объема и ассортимента местной продукции, изготовленной по сложившемуся стереотипу, отчетливо выявляются импортные предметы, которые иллюстрируют формы контактов в виде проникновения вещей. Обращает на себя внимание присутствие одинаковых по форме и технологии артефактов, таких как секирообразные предметы в памятниках и местного (азелинского и мазунинского), и пришлого (именьковского, тураевского) населения. Поскольку эти предметы не характерны для финно-угорского круга вещей, есть основания считать их привнесенными. По всей видимости, их носителями являются именковцы (именно в именковских памятниках они встречаются в виде скоплений). Исходя из наших аналитических данных, мы можем констатировать, что для технико-технологического стереотипа именковцев характерны специфический набор кузнечных изделий (включающий категории, не

известные местному населению), широкое распространение товарных полуфабрикатов в виде секировидных предметов, использование технологической сварки (наварка), дифференцированной термообработки. Следует обратить особое внимание на применение именьковскими кузнецами технологической схемы наварки, которая в V-VII вв. на памятниках Восточной Европы практически не имела распространения. В то же время, известно, что она занимала ведущее положение в кузнечестве славян на территории Моравии и Чехии. В настоящее время большинство исследователей связывают этническую принадлежность носителей именьковской культуры со славянским этносом. Возможно, наши данные косвенно подтверждают эту гипотезу.

Материалы V-VIII вв. (поломская, ломоватовская культуры) свидетельствуют о том, что технико-технологический стереотип в кузнечестве населения Волго-Камского ареала не меняется. Изменяются лишь соотношения между признаками (увеличивается количество стальных изделий).

Третий этап. Резкие изменения в железообработке Волго-Камья (чепецкая, родановская культуры) фиксируются в конце I тысячелетия н.э. Эти изменения выразились в распространении кузнечных изделий новых форм и появлении в местном кузнечестве новых технологий. Происходит смена технико-технологического стереотипа. Ведущим признаком становится технологическая сварка (трёхслойный пакет, вварка, различные варианты наварки). На протяжении IX-XIII вв. основой изготовления качественной продукции является технология трёхслойного пакета. Распространение этой технологии, истоки которой восходят к Скандинавии, было связано с активизацией трансевропейской торговли по Великому Волжскому пути. Идея трёхслойной технологии была воспринята местными мастерами. Однако суть этой технологии и ее особенности (сварка полос фосфористого железа по краям и высокоуглеродистой стали в центре) не были поняты. Кузнецы выполняли сварку из трёх полос, но при этом центральная полоса, выходящая на острие, часто была мягче, чем боковые полосы, иногда она была просто железной, а иногда – из фосфористого железа. Форма предмета нередко оставалась местной.

Новый стереотип в железообработке Волго-Камского региона сохраняется до середины II тысячелетия н.э.

Волго-Окский регион

Первый этап. В Волго-Окском регионе первые кузнечные поковки попадают на территорию дьяковской культуры из скифского мира. На основании данных, которыми мы в настоящее время располагаем, появление первых железных

предметов можно отнести к IV-III вв. до н.э. Это предметы скифского облика: наконечники стрел, серпы с крюком на черенке, застёжки из круглого дрота, ножи. Технологически они выполнены с использованием простых приемов. Приёмов искусственного получения стали не известно. На этом этапе мы можем говорить лишь о проникновении железных вещей в дьяковскую среду и первичном знакомстве местного населения с новым металлом.

Второй этап. Существенную роль в становлении железообрабатывающего производства у племён дьяковской культуры (конец I тыс. до н.э.) сыграли инновации, связанные с кузнечным ремеслом Троицкого городища. Здесь в конце I тыс. до н.э. появляются изделия, выполненные в сложных технологических схемах сварки железа со сталью, известно получение качественной высокоуглеродистой стали, широкое применение химико-термических и термических способов обработки черных металлов. Постепенно распространяясь по территории дьяковской культуры, этот стереотип остаётся неизменным вплоть до конца существования культуры, чему способствовали стабильные условия жизни дьяковского населения на протяжении многих столетий (Терехова и др., 1997. С.121-128).

Другой стереотип в Волго-Окском регионе мы наблюдаем на материалах культуры рязано-окских могильников и летописных финно-угров (мордва, меря, мурома). По основным признакам он сходен со стереотипом, прослеженным нами на примере Волго-Камского региона до IX в.: изделия отковывались в основном либо целиком из железа, либо из сырцово-стали, цементированная сталь и приемы термообработки использовались крайне редко, технологическая сварка не применялась.

На этом фоне выделяется ряд изделий, изготовленных в иных технологических традициях. Это короткие однолезвийные мечи (саксы), изготовленные из качественной высокоуглеродистой стали, нож, выполненный в технологии вварки стальной лезы с высоким содержанием углерода в основу из фосфористого (твёрдого) железа, наконечники копий с обоймицами из цветного металла (латуни). Все эти изделия происходят из воинских погребений и связаны с присутствием в местной среде некоей военизированной группы.

Несмотря на разнообразные контакты местного населения в других сферах, фиксируемых археологически, в железообработке мы не наблюдаем никаких технических новаций.

Третий этап. Так же, как и в Волго-Камье, в IX в. в рассматриваемом регионе происходят резкие изменения в кузнечном производстве. В железообработке мери и населения Тверского Поволжья основой производства качественной

продукции (в частности, ножей) становится технологическая сварка (при доминировании трёхслойного пакета). Наряду с изделиями, выполненными в классической схеме трёхслойного пакета (импорт), мы видим местные подражания этой технологии, отличающиеся низким качеством изготовления. Распространение изделий, изготовленных в технологии трёхслойного пакета, связано с вовлечением племен мери и населения Тверского Поволжья в трансъевропейскую торговлю по Великому Волжскому пути.

В рамках традиционных способов обработки чёрного металла остаются мордовские племена. Здесь не происходит изменения технико-технологического стереотипа, что во многом объясняется относительной территориальной замкнутостью населения. Инокультурное воздействие в производственной сфере на мордовские племена, которые находились в даннической зависимости от Хазарии, а позднее Волжской Болгарии, ограничивалось либо получением готовых кузнечных изделий, либо местные кузнецы подражали формам привозных изделий. Контакты в производственной сфере ограничиваются проникновением вещей и редкими подражаниями импортным образцам, поступающим с территории салтовской культуры.

Итак, первоначальное знакомство с чёрным металлом происходит в двух рассмотренных регионах финно-угорского мира в разное время и связано с внешними импульсами. В Волго-Камском и на большей части Волго-Окского региона формируется единый технико-технологический стереотип, не связанный с первоначальным импульсом. Исключение составляют племена дьяковской культуры Москворечья, в среду которых были интегрированы носители традиций, связанных с развитыми технологиями железообработки. Это способствовало передаче технологического опыта и формированию технико-технологического стереотипа, отличного от остального финно-угорского мира.

Огромный аналитический материал по железообработке финно-угорских народов позволяет констатировать, что технико-технологический стереотип в этом производстве представляет довольно устойчивый элемент культуры. Отчётливо видна неизменность производственных традиций на протяжении длительного времени. Несмотря на многочисленные миграции, вторжения индоевропейского населения на территорию финно-угров, трансформации местных культур, заметного изменения в их кузнечестве не происходит вплоть до IX в. н.э., когда на исторической арене появляются раннесредневековые государственные образования. От степени их воздействия на местные народы зависят изме-

нения в экономической сфере. На большей части финно-угорского мира происходит смена технико-технологического стереотипа: распространяются трёхслойная и сварная технологии, становится системой термообработка качественных изделий, целенаправленно используется новый вид сырья – фосфористое железо.

Возможность изменения технико-технологического стереотипа в этом производстве в догосударственных образованиях связана, на наш взгляд, прежде всего с интеграцией носителей инокультурных традиций в местную среду. Что же касается государственных образований, то здесь на первый план выдвигаются экономические факторы, предполагающие определённую систему организации самого производства (дифференциация, регламентация, институт ученичества и т.п.) и сбыта продукции.

Список литературы

Вознесенская Г.А. Металл Троицкого городища // Археология и естественные науки. М., 1965.

Вознесенская Г.А. Техника обработки железа и стали // МИА. 1972. №187.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Кузнечное ремесло финно-угров в период формирования раннесредневековых восточноевропейских государств (VIII-XI вв.) // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. Ижевск, 2004.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка Древней Руси (домонгольский период) // МИА. 1953. №32.

Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Связи археологических культур Волго-Камья и Северного Кавказа в раннем железном веке по данным металлографии // Congressus Septimus internationalis fenno-ugristarum. Debrecen, 1990.

Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Особенности технологии изготовления наконечников копий у волжских финнов в VIII-VI вв. до н.э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002.

Терехова Н.Н. Кузнечная техника у племён кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // СА. 1983. № 3.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачёва М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.

Хомутова Л.С. Металлообработка на поселениях дьяковской культуры // СА. 1978. №2.

Хомутова Л.С. История железообрабатывающего производства у дославянского населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н.э. / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.

А.А.Краснопёров

Удмуртский государственный университет, г.Ижевск

ФОРМИРОВАНИЕ УДМУРТСКОГО НАРОДНОГО КОСТЮМА: ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ КОСТЮМНЫХ СВЯЗЕЙ (ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ)

Костюм – один из наиболее важных элементов жизни человека. Вместе с жилищем, орудиями труда и производственными навыками, пищей и утварью одежда образует широкую область материальной культуры общества. Наряду с этим, она является сложной знаковой системой, позволяющей различать людей по полу и возрасту, территориальной, этнической, религиозной, социальной принадлежности, отражает общий уровень развития данного общества. У большинства народов различается одежда женская и мужская, взрослая, молодежная, подростковая и детская, праздничная и будничная, городская и деревенская, культовая. Все эти признаки перекликаются между собой, изменяются и образуют сложные комбинации.

Костюм не представляет собой чего-то статичного, застывшего, это динамичная, развивающаяся система, зависящая от многих факторов: изменений в быту, экономике, обществе. Большинство изменений оставило след в комплексе народного костюма в целом (появление новых элементов) и в различных деталях (материал, покрой, орнамент).

Народный костюм носит ярко выраженный этнический характер. Его основополагающие элементы, как правило, являются общими для всех членов данной этнической общности. Предметы одежды, однако, перемещались вместе с выданными замуж девушками в иноэтничную среду. Различия социального характера касались обычно лишь качественной стороны материалов, используемых для изготовления костюма. Одновременно при наличии общих этнических черт народный костюм в каждом конкретном случае был оригинален.

Как культурная форма, костюм представляет собой совокупность одежды, головного убора и обуви, которые отражают, главным образом, его утилитарные функции, а также убранства (апликация, вышивка, пояса, украшения, амулеты, оружие, косметика, прическа). К нему же относятся и аксессуары (сумочки, кошельки, туалетные принадлежности) (Доде, 2005. С.306).

Значение в костюме имеет все – сочетание элементов, особенности ношения определенных вещей вместе или категорические запреты этого, цвет отдельных частей костюма и комплекса в целом (особенно это касается оттенков

красного, который в большинстве культур имеет ведущее социальное или культовое значение), наличие или отсутствие дополнительных предметов (ножа, пояса и др.), технология изготовления деталей костюма и происхождение элементов декора расскажут о культурных и торговых связях.

Особенностью этнографического костюма является его большее единообразие, по сравнению с археологическим. Кроме того, в большинстве случаев, традиционный костюм современного населения несет семиотическую (текстовую) нагрузку с известным «словарем перевода». Это позволяет более детально оценивать соотношение значений отдельных элементов. По существу, прочтение костюма как текста есть установление его функций и смыслов (Доде, 2005. С.311).

Удмуртский этнографический костюм – один из самых неизученных в приуральском регионе.

В большинстве историографических обзоров упоминаются исследования В.Н.Белицер (1951) и Т.А.Крюковой (1973). Не умаляя значения обеих работ в изучении вопросов костюма, все же следует отметить, что за давностью лет их, скорее, можно отнести к историографическим фактам. В 1970-1980-е гг. проходила огромная, почти 15-летняя экспедиция по изучению быта удмуртов (Христолюбова, 1993. С.11-12), результаты которой не представлены монографически*. Есть еще статья С.Х.Лебедевой и М.Г.Атаманова (1987), без сомнения, лучшая на сегодняшний день комплексная работа по интересующему нас вопросу. Необходимо отметить появившуюся недавно монографию И.А.Косаревой (2000) по одежде периферийных групп удмуртов и серию работ Н.И.Шутовой (1992; 1994; 1995; 1999) по некоторым частным вопросам развития костюма**.

Несмотря на это, можно констатировать, что *тема не раскрыта, количество специализированных исследований мало, терминология костюмных элементов и технология их изготовления не изучены вообще.*

* После сдачи работы в печать (2006 г.) появилась «альбомная» монография С.Х.Лебедевой (2008).

** Подробнее см.: (Краснопёров, 2008а; 2008б).

Что же мы знаем о происхождении удмуртского костюма?

Сопоставляя этнографические материалы с археологическими (ананьинскими, пьяноборскими, азелинскими), С.Х.Лебедева и М.Г.Атаманов пришли к следующим заключениям:

«1) основы костюмного комплекса удмуртов, в первую очередь украшений, начали закладываться уже с ананьинско-пьяноборского времени;

2) наряд пьяноборско-мазунинского населения, лег в основу собственно южноудмуртского костюма;

3) азелинский костюмный комплекс явился основой для нижнечепецких, особенно унинско-зуевской группы (Ватка) и завятских (кукморско-балтасинских) удмуртов;

4) костюмный комплекс северных удмуртов, живущих в бассейне верхней и средней Чепцы, сформировался на базе наряда поломоско-чепецкого населения с включением азелинских элементов (например, *такъя*);

5) сравнивая костюм калмезской женщины по рисунку художника-этнографа С.Н.Виноградова с реконструкциями археологов, параллель костюму калмезов мы находим в женском наряде кара-абызской археологической культуры» (Лебедева, Атаманов, 1987. С.139, 149).

Эта точка зрения не оспаривается никем.

Сходство между пьяноборским, азелинским, кара-абызским и удмуртским костюмом действительно налицо. Но происходит оно не от прямой преемственности, а оттого, что украшения из погребений попросту «надеты» на этнографический костюм (Генинг, 1963. Рис.19). Меж тем ошибки в реконструкции очевидны.

Проиллюстрируем это на конкретном примере (рис. 1). План погребения (Суворово, п.5) позволяет уверенно реконструировать ширину и длину подола, а также то, что украшения располагались лишь сзади (Генинг, 1963. Рис.58). Размещение украшений сзади позволяет говорить, что они не скрывались другим предметом одежды. Наличие продольной орнаментальной полосы от локтя до локтя, в том числе и сзади по вороту, говорит об отсутствии отложного воротника. Также необоснованно показаны «рюши-оборки», часто «прицепляемые» археологами на древний костюм. Появление декоративных полос в костюме во всех случаях связано с развитием товарно-денежных отношений. В различных регионах данные элементы декора появляются в разные исторические периоды, на пересечении активных торговых путей (на Кавказе) – раньше, в лесной зоне – позже, с появлением на рынках мануфактурной и фабричной ткани, из которой только они и делались.

Глядя на удмуртский костюм можно отметить, что большинство элементов появились в нем достаточно поздно.

Крой. Одной из самых первых работ, посвященных классификации предметов одежды, которая стала основой для многих последующих, стала монография Б.А.Куфтина, впервые дающая законченную и четкую методику описания одежды. Автор строит классификацию по распластанному покрою, а не по тому, в каком виде и с каким общим одежным комплексом носится эта часть одежды. Классификация получилась не функциональная, а формальная (Куфтин, 1926).

Говоря о рубашках, бытующих в Восточной Европе, ученый выделил три типа: 1) покрой туникообразный, где рубаха имеет форму прямоугольного мешка с отверстиями для головы и рук, к последним пришиваются прямые рукава с ластовицами; 2) покрой из двух полос холста, покрывающих спину и грудь и соединенных на плечах пришитыми кусками материи (поликами), к которым пришиваются рукава; 3) рубаха без рукавов с лямками (Куфтин, 1926).

Туникообразный покрой известен в Риме, Византии, на бурятских халатах, в японских кимоно и др. Этот тип рубахи разделяется на два подтипа: 1) полотнища перекидываются через оба плеча, опускаясь на спину и грудь так, что швы расположены спереди, сзади и по бокам; 2) одно основное полотнище, в котором прорезано отверстие для головы, перекидывается через спину и грудь, к нему пришиваются рукава и два боковых полотнища. Дополнительно могут выделяться варианты в зависимости от формы клиньев, вставляемых в бока для расширения стана. Оба подтипа состоят из 4 точив, существенной эту разницу Б.А.Куфтин не считал (Куфтин, 1926; Гаген-Торн, 1933; Сычев, 1977).

Появившуюся в 1933 г. статью Н.И.Гаген-Торн можно рассматривать как рецензию на монографию Б.А.Куфтина. По мнению исследовательницы, оба подтипа покроя необходимо рассматривать в совокупности с другими деталями одежды. *Первый* по классификации Б.А.Куфтина *подтип* туникообразной рубахи носится всегда высоко под *стянутым поясом* так, что женские ноги остаются открытыми до колен и обычно толсто заматываются оными. На поясе при этом разрастаются *обильные поясные украшения* (металлические подвески, набедренники и натазники). На груди два основных полотнища непременно *скрепляются пряжкой-фибулой*, присутствие пряжки, застежки является чрезвычайно характерным для данного комплекса. Данный тип рубахи распространен в основном в лесной полосе, с различными видоизменениями он зафиксирован у вос-

точных финнов, и можно с полным правом считать его финским (Гаген-Торн, 1933. С.125).

Второй подтип по классификации Б.А.Куфтина в своем чистом виде носится всегда *без пояса*. Н.И.Гаген-Торн считала, что Б.А.Куфтиным не отмечена главная особенность этого подтипа – боковые полотнища образуют клинья, что вызывает необходимость создать широкий подол и возможность свободного шага при длинной, *покрывающей ноги* одежде. С рубахой этого типа связано устройство ворота, не скрепленного пряжкой, с *плотно прилегающим шейным вырезом*. Оставшийся открытый грудной разрез прикрывается особой частью одежды – *нагрудником*. Данный одежный комплекс наблюдается у всех тюркоязычных народностей, он относится к кочевому, степному, скотоводческому типу хозяйства, когда длинная и широкая одежда не мешает сидеть верхом, а отсутствие земледелия и пешего передвижения не требуют открытых ног и пояса (Гаген-Торн, 1933. С.125-126).

Эта точка зрения была на конкретном материале развита в работе, опубликованной в 1960 г. (Гаген-Торн, 1960), однако сама монография написана значительно раньше – в первой половине 30-х гг. (Гаген-Торн, 1933. С.126, сноска 1).

Имеющаяся классификация была дополнена Л.П.Сычевым и В.Л.Сычевым. На обширном материале было показано, что покрой с центральным швом характерен также для народов Восточной Азии, чем они отличаются от населения Сибири и советского Дальнего Востока. Тем самым считать данный покрой финским этноопределителем, видимо, преждевременно. Всего В.Л.Сычевым было выделено три типа кроя, первоначально связанных, по мнению исследователя, с особенностями хозяйственной деятельности. *I тип* – из *двух полотнищ*, генетически связан с культурно-хозяйственными типами, в которых преобладало *земледелие*. Его ранняя форма – распашная. Нераспашная одежда этого типа развилась из распашной под влиянием одежды второго типа, ориентировочно в районах Западной или Центральной Азии. *II тип* – из *одного полотнища*, генетически связан с культурно-хозяйственными типами, в которых преобладало *скотоводство*. Его ранняя форма – нераспашная. Распашная форма развилась под влиянием одежды первого типа. *III тип* – также из одного полотнища, но не с вертикальным, а с криволинейным разрезом. Крой связан с традицией изготовления такой одежды из бараньих шкур, и, таким образом, с охотничьим хозяйством. Контакты между различными этносами привели к тому, что скотоводы могли перенимать крой земледельческих племен, и наоборот (Сычев, 1977).

Как отмечают все авторы, у *удмуртов распространён крой исключительно из одного полотнища*.

В погребениях пьяноборско-мазунинского времени зафиксирована в качестве основной одежды рубаха длиной до середины голени или несколько ниже/выше. Ширина подола фиксируется по обшивкам, незначительно выходящим за пределы берцовых костей. Рукав мог иметь различную длину: до кисти, на 3/4, до локтя. Об этом говорят находки больших браслетов, а также зафиксированные обшивки самих рукавов. Обшивки рукавов относятся именно к отделке рубахи, а не верхней одежды, как считает большинство авторов, что наглядно подтверждается фиксацией ремешков с пронизками и бляшками на фрагментах ткани тонкой выработки. Горловой вырез воротником не оформлялся, либо мог быть небольшой стоячий воротничок. Рубаха шилась из тонкого шерстяного полотна, окрашенного в темный (красный?) цвет.

В погребениях обнаружены как застежки для скалывания ворота, так и остатки нагрудников, для «защиты» горлового выреза. Основываясь на разработках Н.И.Гаген-Торн и Ю.А.Краснова, можно полагать, что рубаха, скреплявшаяся у ворота застёжкой, *шилась из двух точек полотна*, перекинутых через плечи. Швы, таким образом, располагались по центру спины и груди. Это подтверждается и расположением «швов» на антропоморфной пластике. Второй вариант кроя рубахи также бытовал в среде чегандинского населения. Свидетельство тому – бытование нагрудников. Этот вариант шился из *одного широкого полотнища*, перегнутого по утку. Горловой вырез закрывался нагрудником

Цвет. В удмуртском костюме отмечены два основных цветовых предпочтения: в *северных комплексах* (как и у коми) *доминирует белый цвет*, в *южных* – *темная пестрядь*. По мнению исследователей, одежда из пестряди явилась следствием контактов с тюркским миром, а белая – исконно удмуртская. Однако, распространение белой одежды в северных регионах (у удмуртов, коми), на мой взгляд, связано с влиянием русского населения на эти области. Многочисленные археологические находки свидетельствуют о значительном влиянии русского населения на автохтонное именно на Вятке, Чепце и Верхней Каме.

Пестрядь же, восприняв, возможно, схему клетчатого орнамента, сохранила исконную, красную цветовую основу.

Основным свидетельством является археологический текстиль, во множестве обнаруживаемый в материалах могильников. Почти все сохранившиеся на сегодняшний день фрагмен-

ты имеют темный – черный или коричневый цвет. В погребении 33 Тат-Боярского могильника найден фрагмент тесьмы, окрашенной чередующимися светлыми и темными полосками (Рычкова, 2002. С.38-39). Из этого можно сделать вывод, что неокрашенные ткани сохранили бы светлый тон. Химический анализ красителей не проводился. А.К.Елкина, предполагала, что первоначально *ткань была окрашена в красный цвет* (Климов, 1984. С.93-96; Елкина, 1988. С.143-146; Останина, 1992. С.43). При публикации материалов Покровского могильника Т.И.Останина указала в качестве красителя марену красильную (Останина, 1992. С.43).

Обувь. Этнографически зафиксированная обувь удмуртов – *лапти*. Признать ее исконное происхождение никак нельзя. С одной стороны, на городищах и селищах древнего населения края многочисленны находки кочедыков, которые, однако, могли использоваться для плетения сетей (коробов, корзин). С другой, как показали исследования, 1) лапоть, как вид обуви, появляется в письменных источниках не ранее XVI в.; 2) археологически, лапоть фиксируется в слоях относящихся ко времени не ранее XVI в.; 3) первое изображение лаптя относится к рубежу XVI-XVII в.; 4) этнография фиксирует распространение лаптя среди русского населения в начале XVII в. (Журбатов, 2001). До этого времени среди русского населения была распространена обувь из кожи.

Многочисленные находки фрагментов обуви и, прежде всего, ее бронзовых украшений, напрямую свидетельствуют, что *кожаная обувь* была если не единственной, то преобладающей, в costume местного населения.

Перевязь. Одним их характерных удмуртских украшений является *перевязь*. Попытка В.А.Семенова вывести ее истоки из пьяноборского костюма (Семенов, 1983. С.130) безосновательна. Полевые материалы и план погребения (Генинг, 1971. Рис.14а) позволяют высказать предположение, что данное украшение является остатками накосника.

Перевязь присутствует в costume тюркоязычного населения края – татар (с тем же названием – «бутъмар») (Суслова, Мухамедова, 2000. С.232, 234), башкир – и является еще одним заимствованием.

В целом же удмуртский костюм выглядит синкретичным, в разное время подвергшимся значительным влияниям. И его *эволюция никак не прямолинейна и равномерна, как кажется*. На мой взгляд, происхождение и развитие костюма явление многоплановое и сильно растянутое во времени.

К самым ранним пластам относится появление в женском наряде *круглой полусферической шапочки*. Известна она у народов Поволжья, Средней Азии, Прибалтики, Кавказа. В costume соответствующих регионов она бытовала уже в бронзовом веке (Моора, 1960; Волкайте-Куликаускаене, 1986; Усманова, Логвин, 1998; Доде, 2001). В памятниках алакульской культуры многочисленны находки головных уборов типа круглой сферической шапочки различной глубины, с ушками и без (Усманова, Ткачев, 1993; Виноградов, 1998; Шилов, Богатенкова, 2003. С.262). Несмотря на то, что термин, которым сейчас обозначается круглая сферическая шапочка у финноязычных народов («такъя» – удм., «тухйя» – чувашск. и др.), является поздним, тюркским заимствованием, распространение такого вида головного убора среди народов на территории от Балтики до Алтая должно иметь очень глубокие корни. Возможно, она появилась в эпоху неолита-энеолита. Погребения одного из самых ярких памятников этой эпохи – Оленеостровского могильника – подтверждают это предположение (рис.2).

С распространением культур ираноязычных кочевников андроновского и андроновидного облика в бронзовом веке связано появление в costume прикамских народов *накосников* (подробнее см. Краснопёров, 2008в). Как показали исследования Э.Р.Усмановой на обширной археологической и этнографической базе, ареал их бытования, в целом, совпадает с территорией, занятой андроновцами (Усманова, Логвин, 1998. С.57).

Наиболее архаичным видом накосных украшений считается длинный накосник, сшитый в виде мешочка с открытым низом (или полосы ткани), обшивавшийся различными украшениями. Он крепился к шапочке. Волосы покрывались полосой или пропускались через мешочек. Головной убор с накосником был присущ девушкам и молодым женщинам до рождения первого ребенка. Также зафиксированы накосные украшения, вплетавшиеся в волосы (Усманова, Логвин, 1998. С.38, 48). Удмурты здесь не исключение, у некоторых групп зафиксировано, что сзади к девичьему головному убору прикреплялась матерчатая петля, к которой привешивалась сплетенная из нитей косица. К ее концу прикреплялись низки разноцветного бисера, раковины каури. Накосник носился девушками, волосы заплетались в одну косу. Другой вид накосных украшений зафиксирован у закамских удмуртов. Он представлял собой длинную широкую полосу ткани с двумя рядами монет, спускающуюся вдоль спины. К голове это украшение прикреплялось с помощью матерчатого венца (Косарева, 2000. С.52, 171, 174, рис.94а,б).

По мере изменения семейного статуса (замужество) прическа менялась на женскую – волосы заплетались в две косы, соответственно менялся и накосник (Клюева, Михайлова, 1988. С.126; Обряды, 2002. С.130-133); по мере старения количество накосных украшений уменьшалось (Усманова, Логвин, 1998. С.51).

На пьяноборских и мазунинских памятниках отмечено три вида накосных украшений: в одну, две ленты и одинарный накосник типа мешочка. Каждый из них подразделяется по способу оформления на несколько вариантов, при этом варианты декора накосников в одну и в две ленты совпадают. В синхронных памятниках карабызской культуры отмечены специфические украшения, которые исследователь этой культуры А.Х.Пшеничнюк называет «портупейями» (Пшеничнюк, 1964. С.219; 1968. С.73; 1973. С.183), считая нагрудными украшениями. По его мнению, эти украшения появляются с IV в. до н.э., наибольшее распространение получают в III-II вв. до н.э., но бытуют и позже. Планы погребений, где обнаружены такие украшения, указывают, что их верхний конец располагается на уровне ключиц, и несколько загнут к черепу. По моему мнению, это не что иное, как парные накосники в виде кожаных ремней, украшенных бронзовыми накладками и концевыми привесками. Эти привески, вероятно, оформляли конец накосника в виде кожаной трубки, в которой коса помещалась полностью. Дополнительным свидетельством в пользу такой интерпретации является наличие параллельных привесок по сторонам основного накосника.

У финноязычных народов Поволжья распространены *высокие головные уборы* на твердой основе. У удмуртов бытовал конусообразный головной убор без ушек с открытым затылком на твердой берестяной основе – «айшон». Надежно его прототипы фиксируются с XVI в. (Шутова, 1992. С.14-15). Н.А.Лещинская на памятниках бассейна р.Вятки зафиксировала следы украшений, по расположению которых можно предполагать, что они были нашиты на айшон. Погребения датируются автором раскопок VI-VII вв. Одна из самых ранних находок головных уборов на берестяной основе (высоких) зафиксирована на Нармонском могильнике (погр.1) (Старостин, 2002. С.5).

Наиболее древние их прототипы мне известны в пьяноборско-мазунинское время. Впервые внимание к таким уборам было привлечено вследствие раскопок С.Э.Зубова на Кипчаковском могильнике (Зубов, 2000). В погребении 15 был найден кожаный убор цилиндрической формы с закрытым затылком и ушами. Основным украшением убора являются ажурно-прорезные

накладки. Шапочка была разделена на четыре секции-ряда пятью ремешками, сплошь покрытыми обжимными обоями. Первый, верхний, ряд состоял из 15 прямоугольных ажурных накладок, второй – из 8 ромбических ажурных накладок и одной накладки из пяти спиралей, третий ряд состоял из симметрично нашитых справа и слева ажурных накладок четырехугольной формы. Нижний, четвертый, ряд был украшен круглыми бляшками (9 экз.). Головной убор дополняли 12 височных подвесок: 9 спирально-витых, 1 гофрированная и 2 листовидных. С.Э.Зубов считает, что соединенные в ряд ажурные накладки, найденные в изголовье относятся к накоснику. Головной убор полностью сохранил затылочную часть, и накосник остался бы прикрепленным. Вероятно, это был верхний ряд того же убора.

В погребении 6 Меллятамакского I могильника обнаружены остатки головного убора из бисера, пронизок, накладок и просверленных зубов мелких хищников. Череп умершего несколько повернут налево. К сожалению, план могилы не позволяет детально восстановить расположение украшений. Можно лишь предполагать, что это высокий (около 15 см) головной убор с плоским верхом (Старостин, 1978. С.128, рис.6)

В мазунинский период также зафиксированы высокие головные уборы. Один из них найден в погребении 232 Тарасовского могильника. Бронзовые бляшки расположены тремя вертикальными рядами по центру и бокам, нижний край украшений не имеет. Бляшки вытянуты выше черепа приблизительно на 20-25 см, выше их, перпендикулярно, расположен ряд бронзовых подвесок, железных и бронзовых цепочек. Расположение украшений позволяет предполагать высокий (до 25 см) башнеобразный головной убор, несколько сужающийся кверху, орнаментированный тремя вертикальными рядами бляшек и горизонтальным рядом подвесок по околышу. На висках его дополняли височные украшения из цепочек и подвесок. В погребении найдены фрагменты дерева, кожи. В области черепа никаких органических остатков не зафиксировано. Можно предположить, что основа убора была из войлока. Нечто подобное обнаружено и в погребении 28. Бусы также вытянуты вертикальными рядами вверх от черепа. Возможно, здесь также найден высокий башнеобразный головной убор.

Значительный интерес представляет одна глиняная фигурка с площадки Тарасовского могильника. Это высокий, сужающийся кверху «головной убор». Его орнамент состоит из двух рядов налипных «бляшек» крупного размера, расположенных рядом в нижней и средней час-

ти «убора». Ряды разделяются тремя налестами, имитирующими ленты с пронизками. Не смыкаясь сзади, концы «лент» загибаются вверх. Верх «убора» и его задняя (затылочная) часть не орнаментированы. Данный предмет, по моему мнению, соответствует выделенным вариантам высоким головным уборам. Форма его ближе всего к убору с Тарасовского могильника (погр.28, 232) – конусообразный сужающийся к уплощенному верху, без ушек, с открытым затылком. Но изображенный орнамент подобен зафиксированному на уборе с Кипчаковского I могильника (погр.15) – две секции-ряда, разделенные тремя рядами пронизок-обойм.

Образец глиняной пластики, который можно считать головным убором конусообразной формы, найден на городище Серенькино. Он представляет собой фигурку, разделенную горизонтальными вдавлениями на 7 (8?) рядов, в середине в углублениях – два ряда глиняных налепов, изображающих бляшки орнаментации головного убора (Обыденнов, Корепанов, 2001. Рис.35, 7; Иванов, 2003. Рис.6, 1). Там же обнаружена подобная фигурка, но без налепов (Обыденнов, Корепанов, 2001. Рис.35, 6; Иванов, 2003. Рис.6, 8). Еще одна фигурка, могущая изображать такой головной убор, найдена на Уяндыкском городище (Иванов, 1976. С.311-312, рис.2, 9; Обыденнов, Корепанов, 2001. Рис.35, 11).

Высокий головной убор, зафиксированный на Кипчаковском могильнике, по своей форме очень близок скифским тиарам (Мирошина, 1981). Т.В.Мирошина считает, что диаметр плоского верха тиары составлял 19 см, высота спереди – 8,8-10, общая высота – 25-28 см. Исследовательница указывает, что истоки этого вида головного убора надо искать на востоке. Диаметр кипчаковского убора, судя по реконструкции С.Э.Зубова, около 15 см, высота передней части 8, общая высота 14, то есть он несколько ниже и меньше. По моему мнению, он был выше сантиметров на пять. Сам памятник является биритуальным курганно-грунтовым могильником, что не характерно для пьяноборского населения. Такой вид погребальной обрядности мог быть привнесён только из степной зоны, где он является единственным у одновременного сарматского населения, имевшего тесные связи с восточными культурами.

Таким образом, происхождение высоких головных уборов, вероятно, связано с ираноязычным миром – либо напрямую (Кипчаково), либо опосредованно, через призму творческой традиции местного населения (Тарасово).

Место размещения декоративных элементов в костюме – явление очень устойчивое. Продольные полосы орнамента на рукаве, по-

перечные у локтя, на запястье, на середине предплечья известны по археологическим материалам скифов, саков, кара-абызцев, азелинцев, пьяноборцев, мазунинцев и многочисленных современных народов (подробнее см.: Краснопёров, 2009). Этнографы связывают это со значительными культурными контактами финно-угорских и тюркских народов с ираноязычными кочевниками (Толстов, 1930. С.75; Прыткова, 1953. С.232; Шитова, 1984. С.13, 26; Никонорова, 2002. С.161-162). Костюм иранцев декорировался по швам на плечах, предплечьях, груди, спине, по краям рукавов, по подолу бляшками. Пола верхней одежды оторачивались мехом. Штаны имели декоративные лампасы (Доде, 2001. С.102-103). Все это в той или иной степени отмечено и в среде прикамских племен пьяноборско-мазунинского времени, как в материалах погребений, так и на глиняных фигурках.

В эпоху железа в Прикамья впервые появляются пояса с «регулярным» расположением украшений по всей поверхности ремня, образующим определенную схему орнамента. Большинство полностью орнаментированных поясов происходит с памятников левобережья Камы. Судя по всему, появление «логики» в оформлении поясных наборов можно объяснить тесными контактами с более южными соседями. В.А.Иванов связывает с этим временем возобновление традиционных культурных связей с кочевым югом. Однако сам сарматский мир наборных поясов практически не знал (Симоненко, 1979. С.52-53; Иванов, 1980. С.79; 2000. С.95). Эти контакты происходили, вероятно, в двух плоскостях: либо личные контакты, возможно брачные, в результате которых в погребениях появляются «импортные» пояса, либо заимствование «идеи» – привнесение в среду местных племен общей концепции (схемы) создания таких форм поясов, но из местных материалов (подробнее см.: Краснопёров, 2007).

В середине VI в. в степях происходят значительные подвижки населения, связанные со сменой языкового состава кочевников. Место ираноязычных народов занимают тюркоязычные.

Даже беглый взгляд на комплекс остатков одежды из погребений раннего средневековья дает представление о значительном изменении облика одежды в эту эпоху, яркий пример – появление в костюме местного населения *одежды, закалываемой двумя симметрично расположенными застёжками*, фиксируемыми в районе плеч (поздние погребения Бирского могильника, имениковские захоронения, погребение 30 Суворовского и погребение 1 Азелинского могильников) (подробнее см.: Краснопёров, 2008г). Происхождение свое они ведут из про-

винциально-римской культуры, но распространились под влиянием населения I Тюркского каганата, о чем много писал Е.П.Казаков (Казаков, 1997. С.30; 2000. С.66; 2004. С.283).

В это время в степях появляются особого типа пояса, украшенные «геральдическими» накладками. Пояса с дополнительными привесками известны в большинстве средневековых памятников лесной и степной полосы Восточной Европы. В.В.Мурашева называет их поясами «венгерского типа», признавая условность такого наименования (Мурашева, 1997. С.72). Пояс этого типа состоит из основного, очень длинного ремня. Примерно посередине длины с изнаночной стороны пришивался дополнительный ремешок, который и скреплялся с пряжкой. Еще более усложненная конструкция поясов найдена на Бирском могильнике. Пояс сплошь покрывался ромбическими накладками. Для застегивания на пряжку к внутренней стороне ремня пришивался маленький ремешок без накладок. Длинный конец с накладками и наконечником свисал вдоль ноги до колена, с другой стороны, также вдоль ноги шла ременная привеска с ромбическими накладками и наконечником (Мажитов, 1968. С.37, 51-52, 103, табл.19, 11).

Оригинальный поясной набор найден в погребении 18 Бирского могильника. Основа состояла из узкого ремешка, скреплявшегося В-образной зооморфной пряжкой и маленьким наконечником. Вниз до колена опускались две широкие подвески. Одна была украшена свастикой, другая массивным наконечником и семью «бельками» (Мажитов, 1968. С.37, 87, табл.12). Практически идентичный пояс происходит из погребений 26 и 43 Коминтерновского могильника именьковской культуры (Казаков, 1998. Рис. 24; 25; 31-33).

Впоследствии трансформировавшиеся пояса подобных типов распространились в Верхнем Прикамье, став отличительной особенностью носителей неволинской культуры.

Огромные изменения происходят в IX-XI вв. и связаны со сложением и усилением Булгарского государства. Очевидно, что этим периодом надо датировать смену кроя и терминологии основных элементов и деталей костюма.

Окончательное сложение удмуртского костюма можно отнести к XVI-XVIII вв. Только с этого времени в погребениях фиксируются остатки одежды, которые можно уже напрямую соотносить с этнографическими аналогами.

В качестве вывода можно наметить основные этапы формирования и направления костюмных связей населения Прикамья.

Наиболее ранние этапы сложения костюма ориентировочно можно датировать эпохой камня. Универсальными явлениями представляются

виды головных уборов – ленты и полусферические шапочки, двухкомпонентность одежды.

Первая волна заимствований относится к бронзовому веку и связана с иранскими андроновско-петровскими племенами, оставившими след в костюме в виде накосных украшений.

Значительная волна костюмных заимствований относится к раннему железному веку и связана с ираноязычным скифо-сарматским миром. Включение территории Прикамья в орбиту влияния ираноязычных сарматских племен сказалось на облике материальной культуры, и, в том числе, на видах одежды. К этому времени относится появление в костюме местного населения высоких головных уборов с плоским верхом, системы размещения декора (рис.2).

В два этапа происходило влияние тюркоязычных народов. Начало контактов наблюдается в V – середине VI в. н.э., что отразилось в появлении новых форм поясных украшений.

В VI в. (?) появляются одежды, скальваемые на плечах парными застежками.

По мнению Н.И.Гаген-Торн, с которым следует полностью согласиться, с кочевниками связано появление у финноязычных народов штанов (Гаген-Торн, 1960. С.125).

Вторая волна тюркских контактов относится к рубежу I-II тыс. н.э. и связана с влиянием крупнейшего этнополитического образования – государства Волжских Булгар. Этнографические материалы современного удмуртского населения показывают большую степень сходства с костюмом соседних тюркоязычных народов, как в составе костюма, так и в терминологии. Вероятно, начало сложения удмуртского национального костюма является следствием взаимодействия древнего населения края и представителей Булгарского государства (приблизительно в IX-X в.). Тюркское влияние фиксируется как в крое, так и в терминологии предметов одежды.

Последний значительный пласт заимствований связан с русской колонизацией и, в дальнейшем, вхождением региона в состав Русского государства.

В табличной форме это можно представить так (см. Таблица 1).

По моему мнению, костюм такого сложного в этническом плане региона как Приуралье, необходимо рассматривать в контексте общевосточных костюмных традиций и в непосредственной связи с основными этапами формирования этнической карты региона. Это предоставляет возможность оценить вклад различных по происхождению групп не только в сложение костюма и материальной культуры, но и позволит по-новому взглянуть на происхождение этноса в целом.

Таблица 1.

	Период	Направление костюмных связей	Языковая принадлежность	Характер
	Эпоха камня (недифференцированная)	??	??	Двухкомпонентность, головные уборы
1	Бронзовый век	Культуры андроновского круга	Иранцы	Накосники, челуственно-лицевые (подбородочные) подвески
2	Эпоха железа	Скифы, сарматы	Иранцы	Высокие головные уборы на «твердой» основе, край из двух полотнищ (?) с плечевым швом (?), размещение декора, женские пояса с регулярным размещением декора
3	Раннее средневековье	Восточногерманские племена на периферии римских провинций; Ранние тюрки	Тюрки	Новые виды одежды с парными застежками; Пояса
4	Булгарский период	Булгары и тюрки (кипчаки, кимаки, карлуки, печенеги и др.)	Тюрки	Утрата видов одежд с парными застежками, распространение нового типа кроя из одного полотнища, появление перевязи, некоторых групп украшений
5	Русский период	Русские	Русские	Цветовая гамма (белый цвет) и обувь
6	Собственно удмуртский		Удмурты	Формирование костюма

Список литературы

Белицер В.Н. Народная одежда удмуртов: Материалы к этногенезу. М., 1951.

Виноградов Н.Б. Новые материалы для реконструкции одежды алакульских женщин (по результатам изучения могильника Кулевчи VI) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып.6. М.-Магнитогорск, 1998.

Волкайте-Куликаускаене Р.К. Одежда эстонцев с древнейших времен до XVII в. // Древняя одежда народов Восточной Европы (Материалы к историко-этнографическому атласу). М., 1986.

Гаген-Торн Н.И. К методике изучения одежды в этнографии СССР // СЭ. 1933. №3-4.

Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (Материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960.

Генинг В.Ф. Азелинская культура III-V вв.: Очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов // ВАУ. Вып.5. Ижевск-Свердловск, 1963.

Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху: Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. Ч.2 // ВАУ. Вып.11. Ижевск-Свердловск, 1971.

Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа: Очерки истории. М., 2001.

Доде З.В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: К вопросу о методе исследования // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.2. Донецк, 2005.

Елкина А.К. Исследование коллекции древнего текстиля из археологических памятников Удмуртии // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988.

Зубов С.Э. Реконструкция женского костюма по материалам Кипчаковского могильника // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма): Тезисы докладов. Самара, 2000.

Иванов В.А. Глиняные антропоморфные фигурки ананьинско-пьяноборского времени // СА. 1976. №3.

Иванов В.А. Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.

Иванов В.А. Наборные пояса оседлого населения Урало-Поволжья эпохи раннего желез-

ного века (к проблеме происхождения и семантики) // УАВ. 2000. Вып.2.

Иванов В.А. Городище Серенькино – памятник пьяноборской культуры в низовьях р.Белой // УАВ. 2003. Вып.4.

Казаков Е.П. Новые материалы по датировке древностей VI-VIII вв. н.э. Закамья // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии): Тезисы докладов. Самара, 1997.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.

Казаков Е.П. Об этнокультурной специфике костюма народов Урало-Поволжья в VI-X вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма): Тезисы докладов. Самара, 2000.

Казаков Е.П. Новые материалы к проблеме интерпретации именниковских древностей // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып.2. Самара, 2004.

Климов К.М. О тканях из раскопок в Удмуртском Прикамье // Поиски, исследования, открытия. Ижевск, 1984.

Клюева Н.И., Михайлова Е.А. Накосные украшения у сибирских народов // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л., 1988. (СМАЭ. Вып.42).

Косарева И.А. Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX – XX в. Ижевск, 2000.

Краснопёров А.А. Поясные наборы пьяноборско-мазунинского времени // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Сыктывкар, 2007.

Краснопёров А.А. Историография костюма древнего населения Приуралья (период раннего железного века) // Россия и Удмуртия: история и современность. Ижевск, 2008а.

Краснопёров А.А. Этнографическое изучение одежды народов Прикамья (сравнительно-историографический аспект) // Материальная культура башкир и народов Урало-Поволжья. Уфа, 2008б.

Краснопёров А.А. О возможном «угорском» происхождении накосников в costume народов Приуралья // Россия и мир: история и современность. Ч.1. Сургут, 2008в.

Краснопёров А.А. Мода на одежду с парными застёжками на восточных окраинах Европы // Жилище и одежда как феномен этнической культуры: Материалы Седьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2008г.

Краснопёров А.А. Контакты населения Прикамья и иранских народов древности (по дан-

ным костюма) // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Вып.1. Тюмень, 2009.

Крюкова Т.А. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск-Л., 1973.

Курбатов А.В. К истории лаптя на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.) // Тверской археологический сборник. Вып.4. Тверь, 2001.

Курфтин Б.А. Материальная культура русской мещеры. Вып.1. Женская одежда: рубаха, понева, сарафан / Труды Государственного музея Центрально-промышленной области. Вып.3. М., 1926.

Лебедева С.Х. Удмуртская народная одежда. Ижевск, 2008.

Лебедева С.Х., Атаманов М.Г. Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968.

Мирошина Т.В. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV-III вв. до н.э. // СА. 1981. №4.

Моора Х.А. Из истории развития эстонской народной одежды // Эстонская народная одежда. Таллин, 1960.

Мурашева В.В. Реконструкция облика древнерусского наборного пояса X-XI вв. (по материалам дружинных курганов) // Археологический сборник: Погребальный обряд. М., 1997. (Труды ГИМ. Вып.93).

Никонорова Е.Е. Орнамент счетной вышивки башкир. Уфа, 2002.

Обряды в традиционной культуре бурят. М., 2002.

Обыдённов М.Ф., Корепанов К.И. Человек в искусстве Урала, Прикамья и Среднего Поволжья. Уфа, 2001.

Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992.

Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // Одежда народов Сибири. М.-Л., 1953. (СМАЭ. Вып.15).

Пиеничнюк А.Х. Биктимировский могильник // АЭБ. 1964. Т.2.

Пиеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // АЭБ. 1968. Т.3.

Пиеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. 1973. Т.5.

Рычкова А.А. Становление ткачества у народов Прикамья / Дипломная работа. Ижевск, 2002. / Архив ИИКНП. Ф.1. Д.587

Семенов В.А. Истоки некоторых элементов удмуртского женского наряда по данным археологии // Творческие проблемы современных народных художественных промыслов УАССР. Ижевск, 1983.

Симоненко А.В. О сарматских поясах // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979.

Старостин П.Н. Первый Меллятамакский могильник // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978.

Старостин П.Н. Нармонский могильник. Казань, 2002.

Суслова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.): Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2000.

Сычев В.Л. Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии (к проблеме классификации) // СЭ. 1977. №3.

Толстов С.П. К проблеме аккультурации // Этнография. 1930. №1-2.

Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наконные украшения Казахстана: Эпоха бронзы. Лисаковск, 1998.

Усманова Э.Р., Ткачев А.А. Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских некрополей) // ВДИ. 1993. №2.

Христолюбова Л.С. Историкографический обзор // Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993.

Шилов С.Н., Богатенкова А.А. О реконструкции детского и женского костюма эпохи средней бронзы (по материалам Алакульского могильника) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003.

Шутова С.Н. Финно-угорский компонент в народной одежде башкир // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984.

Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в. (по данным могильников). Ижевск, 1992.

Шутова Н.И. Одежда древних удмуртов // Древние мастера Прикамья. Ижевск, 1994.

Шутова Н.И. Женская одежда удмуртов XVI-XVIII вв. (по данным археологии) // Традиционная материальная культура и искусство народов Урала и Поволжья. Ижевск, 1995.

Шутова Н.И. Женская одежда средневекового населения бассейна р.Чепцы (по данным раскопок Варнинского могильника 1990-1991 гг.) // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999.

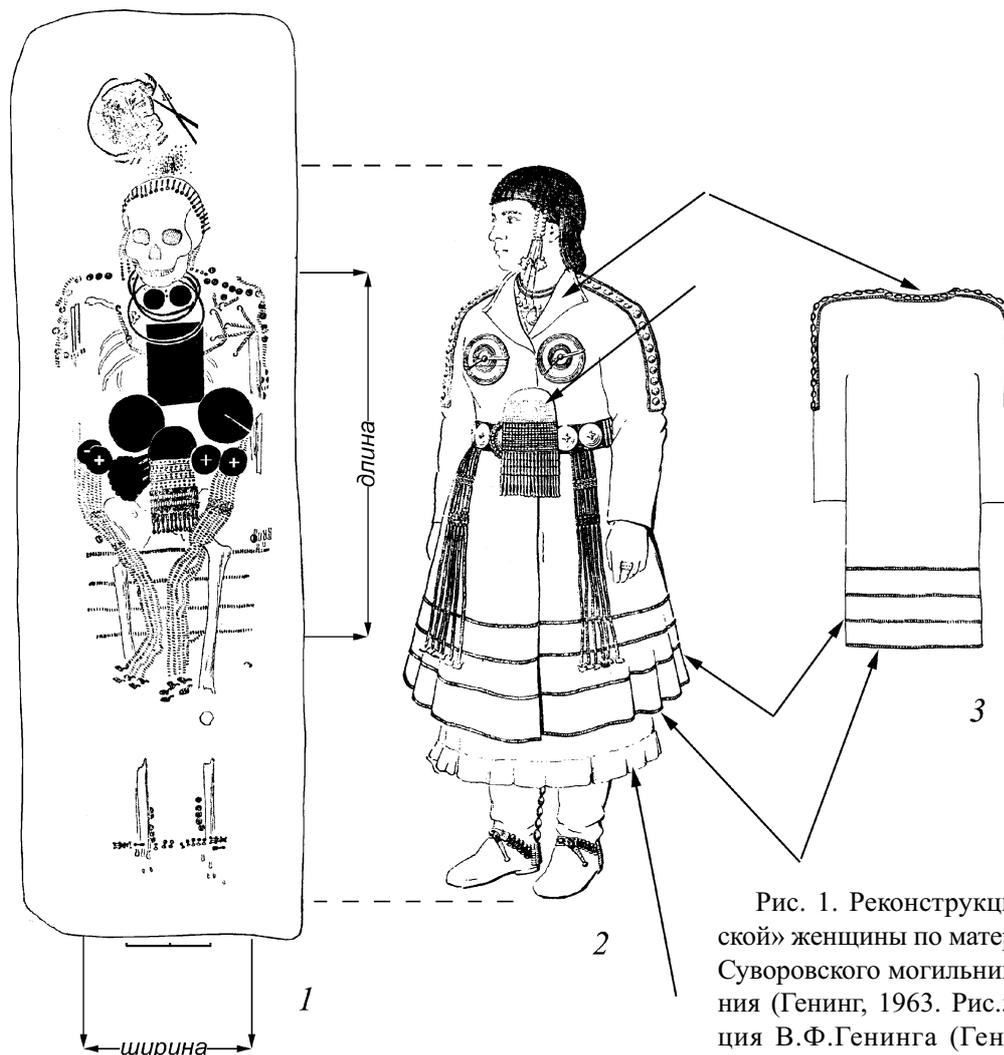

Рис. 1. Реконструкция одежды «азелинской» женщины по материалам погребения 5 Суворовского могильника. 1 – план погребения (Генинг, 1963. Рис.58); 2 – реконструкция В.Ф.Генинга (Генинг, 1963. Рис.19); 3 – вариант реконструкции автора.

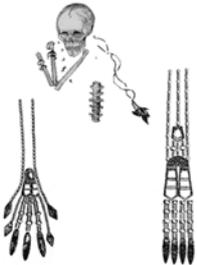
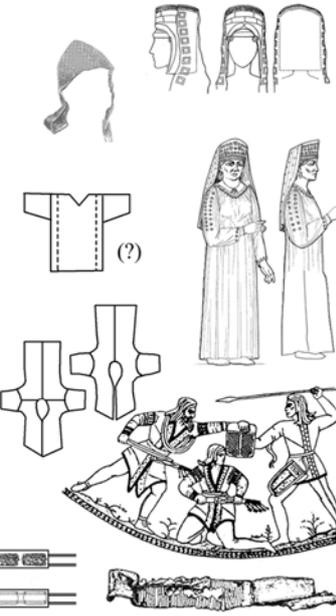
Эпоха камня	Иранцы			
	Ранние	Поздние		
		пазырыкцы	саки	скифы
		<p data-bbox="624 645 796 674">пазырыкцы</p> 	<p data-bbox="935 645 1002 674">саки</p> <p data-bbox="919 1379 1002 1408">штаны</p> 	<p data-bbox="1174 645 1273 674">скифы</p>

Рис. 2а. Сравнительная таблица эволюции удмуртского костюма в контексте культурных связей.
Часть 1.

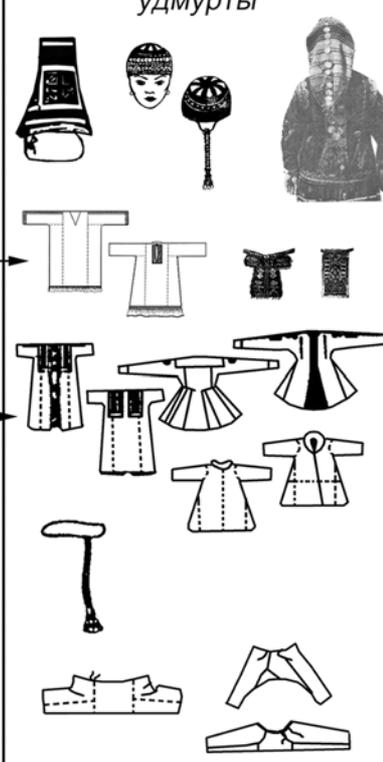
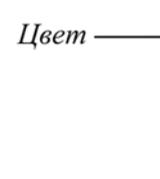
	Тюрки		Русские	
	Ранние	Поздние		
<p><i>сарматы</i></p> 			<p><i>удмурты</i></p> 	
			<p>Цвет →</p> 	
				
				

Рис. 26. Сравнительная таблица эволюции удмуртского костюма в контексте культурных связей.
Часть 2.

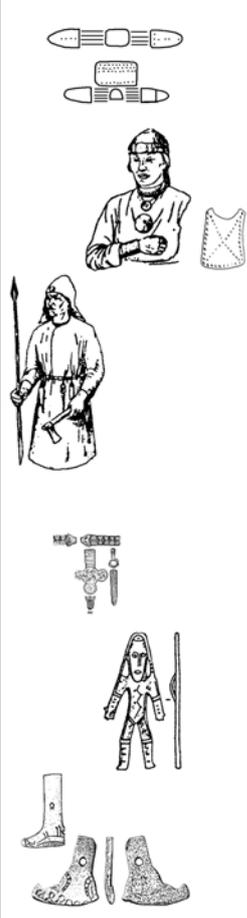
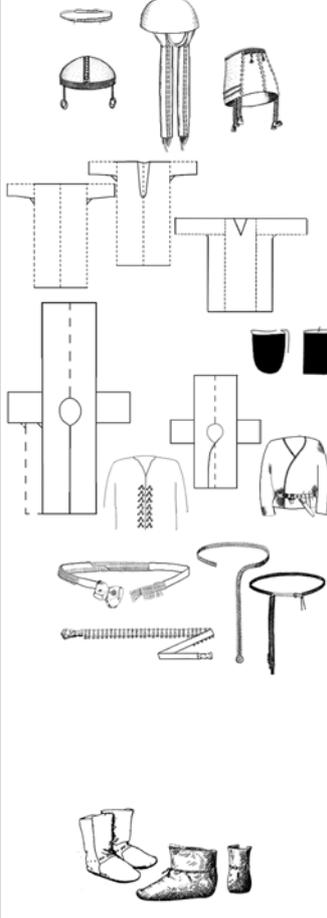
Археологический		Прикамья	
костюм		костюм	
ананьинцы	кара-абыз	глиняная пластика	пьяноборье мазунино
	 <p>[нет данных]</p>		

Рис. 2в. Сравнительная таблица эволюции удмуртского костюма в контексте культурных связей.
Часть 3 – «археологический» костюм Прикамья.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМ КГУ – Археологический музей Казанского государственного университета
АН СССР – Академия наук СССР
АНТ – Академия наук Татарстана
АО – Археологические открытия
АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа
АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
БАН – Болгарская Академия наук
БГИАЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
БГУ – Башкирский государственный университет
БФАН – Башкирский филиал АН СССР
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГОМРТ – Государственный объединенный музей Республики Татарстан
ЕГИАХМЗ – Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИИ АНТ – Институт истории Академии наук Татарстана
ИИКНП – Институт истории и культуры народов Приуралья
Удмуртского государственного университета
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии
при Казанском университете. Казань
ИЯ АН СССР – Институт языкознания АН СССР
ИЯЛИ АНТ – Институт языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова АНТ
ИЯЛИ КНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова
Казанского научного центра РАН
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова
Казанского филиала АН СССР
КОКМ – Кировский областной краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры
КСНД – Казанский Совет народных депутатов
МарГУ – Марийский государственный университет
МАР – Материалы по археологии России. СПб.
МАРТ – Музей археологии Республики Татарстан при Институте истории АН РТ
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР – Материалы и исследования по археологии России
МК – Материалы конференции
ММС – Материалы Международного симпозиума
ММНК – Материалы Международной научной конференции
МНК – Материалы научной конференции
НА НМРТ – Научный архив Национального музея Республики Татарстан

НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НМРТ – Национальный музей Республики Татарстан
НОА ИА РАН – Научно-отраслевой архив Института археологии РАН
НРФ МарНИИЯЛИ – Научный рукописный фонд Марийского научно-исследовательского
института языка, литературы и истории
НЦАИ – Национальный центр археологических исследований
ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ
РАН – Российская Академия наук
РИЦ – Редакционно-издательский центр
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников. М.
СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
СО АССР – Северо-Осетинская Автономная Советская Социалистическая Республика
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина
СЭ – Советская этнография
ТА – Татарская археология. Казань.
ТГГИ – Татарский государственный гуманитарный институт
ТД – Тезисы докладов
ТДМНК – Тезисы докладов Международной научной конференции
ТДНК – Тезисы докладов научной конференции
ТДС – Тезисы докладов и сообщений
ТМАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола
ТМарНИИЯЛИ – Труды Марийского научно-исследовательского
института языка, литературы и истории. Йошкар-Ола
ТМордНИИЯЛИЭ – Труды Мордовского научно-исследовательского
института языка, литературы, истории и экономики. Саранск
ТМК – Труды Международной конференции
ТНК – Труды научной конференции
ТМНПК – Тезисы и материалы научно-практической конференции
ТЭС – Татарский энциклопедический словарь. Казань
УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа
УАССР – Удмуртская Автономная Советская Социалистическая Республика
УЗПУ – Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь
УЗНИИЯЛИЭ – Ученые записки Чувашского научно-исследовательского
института языка, литературы, истории и экономики. Чебоксары
УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский Институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
ЭО – Этнографическое обозрение
ФУ – Финно-угроведение. Йошкар-Ола
FU – Finno-Ugrica. Казань

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
П.Н.Старостин.	
Моя биография	5
Список опубликованных работ П.Н.Старостина	10
Литература о жизни и деятельности П.Н.Старостина	17
Т.Б.Никитина.	
Роль П.Н.Старостина в развитии археологии в Марийском крае	18
Е.П.Казаков.	
Коллективное погребение эпохи камня на востоке Татарстана	21
Н.С.Березина, А.Ю.Березин.	
Результаты исследования стоянки Новая деревня на р.Цивиль в Чувашской Республике	27
А.В.Шипилов.	
Основные типы орудий охоты эпохи энеолита в Икско-Бельском междуречье	38
А.М.Губайдуллин.	
О ранних оборонительных сооружениях Урало-Поволжья	43
А.А.Чижевский.	
Исследования Тетюшского могильника в 2003 году	48
Д.Г.Бугров, А.А.Чижевский.	
Мензелинский могильник	61
А.В.Михеев.	
Климкинский могильник (по материалам исследований 2003-2004 гг.)	81
А.А.Краснопёров.	
К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа	92
Н.С.Мясников, Е.Л.Ефимов.	
Новые археологические материалы Таутовского могильника железного века в Чувашии	106
Н.А.Лещинская.	
Заметки об азелинских древностях (в связи с исследованиями П.Н.Старостина)	111
Р.В.Матвеев.	
Очерк истории изучения древностей Волго-Вятского междуречья III-V вв. н.э. (оружиеведческий аспект)	122
Д.А.Сташенков, Р.Ф.Шарифуллин.	
Раннесредневековый керамический комплекс из раскопок Болгарского городища (новый памятник киевского круга в Поволжье)	130

С.И.Валиулина.	
Стеклянная лампада из V кургана Тураевского могильника	134
А.В.Расторопов.	
Вопросы этнокультурной истории населения именьковской культуры	139
А.А.Чижевский.	
Степановское городище	143
Л.И.Липина.	
О семантике прикамских шумящих подвесок с изображением медведя	154
А.Г.Петренко.	
Остеологические материалы из раннебулгарских археологических памятников Среднего Поволжья	158
В.И.Завьялов, Л.С.Розанова, Н.Н.Терехова.	
Основные этапы в истории кузнечного ремесла финно-угров (к проблеме этнокультурных контактов)	162
А.А.Краснопёров.	
Формирование удмуртского народного костюма: этапы и направления костюмных связей (основные тенденции)	167
Список сокращений	180

Древняя и средневековая археология Волго-Камья

Сборник статей к 70-летию П.Н.Старостина

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М.Зигангареева*

Подписано в печать 23.12.2009 г.

Усл. печ.л. 23,0. Тираж 400 экз.

Отпечатано в ОАО «Фолиант»

г. Казань, ул. Дементьева, 1А